

С.Л.АГАЕВ

ИРАН:

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
И ПРОБЛЕМЫ
НЕЗАВИСИМОСТИ
1925~1941

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ БЛИЖНЕГО
И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

С. Л. АГАЕВ

ИРАН:
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
И ПРОБЛЕМЫ
НЕЗАВИСИМОСТИ
1925—1941 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

Книга посвящена исследованию внешней политики Ирана в период правления Реза-шаха. Основное внимание уделено тем аспектам внешней политики, которые были непосредственно связаны с решением проблем политико-экономической независимости страны. Всесторонне оценивается политика Ирана в отношении СССР, сопредельных стран.

ПРЕДИСЛОВИЕ

До Октябрьской революции народы Ирана принадлежали, по выражению В. И. Ленина, к тем «зависимым, неполноправным нациям, которые до сих пор были объектом международной политики империализма, которые для капиталистической культуры и цивилизации существовали только как материал для удобрения» [6, стр. 327]. Великая Октябрьская социалистическая революция, развернувшееся под ее влиянием антиимпериалистическое национально-освободительное движение иранского народа и дружественная поддержка молодого Советского государства создали важные условия для превращения Ирана в полноправный субъект международной политики, открыли перед ним возможность самостоятельного национального развития. Пришедшая в Иране на смену феодальной монархии Каджаров помещичье-буржуазная монархия Реза-шаха Пехлеви (1925—1941) в определенной мере смогла реализовать эту возможность путем проведения внутренних преобразований и активной внешней политики.

В рассматриваемый период внешняя политика Ирана как по своим задачам, определявшимся потребностями внутреннего социально-экономического и политического развития, так и по характеру их осуществления правящими кругами прошла несколько этапов. На большинстве из этих этапов важную, а подчас и решающую роль играли те или иные проблемы независимости, отражавшие стремление правящих классов к созданию таких внутренних условий, которые могли обеспечить им возможность «нормального» существования и развития как экономически и политически господствующей силы общества. Однако, хотя характер внешней поли-

тики Ирана определялся интересами правящих классов, достижения этой политики в области укрепления независимости объективно не могли не выражать и общенациональных устремлений.

Своеобразное соотношение внешней политики и проблем независимости в данном случае является отражением глубокой взаимосвязи между внешней и внутренней политикой. Как известно, характер внешней политики определяется внутренней политикой. В. И. Ленин писал: «Нет более ошибочной и более вредной идеи, чем отрывание внешней от внутренней политики» [5, стр. 335]. Но классики марксизма-ленинизма никогда не считали эту зависимость абсолютной. В условиях стран, которые, подобно Ирану, с давних пор являлись объектом колониальной эксплуатации, внешнеполитическая ориентация правительств всегда играла важную роль. В силу целого ряда причин на отдельных этапах рассматриваемого периода истории Ирана внешняя политика выдвигалась на передний план, приобретая, как отмечал Ф. Энгельс в отношении аналогичных ситуаций, «решающее значение также и для внутренней политики» [3, стр. 440].

Проблемы политической и экономической независимости, стоявшие перед Ираном в 1925—1941 гг., во многих своих чертах сходны с теми проблемами, с которыми сталкиваются ныне многие освободившиеся от колониального ига страны Азии и Африки. И хотя эти страны решают свои проблемы в иной международной обстановке, изучение внешней политики Ирана во второй половине 20—30-х годов может способствовать более глубокому пониманию некоторых особенностей современного развития так называемого третьего мира.

Изучение внешней политики Ирана в рассматриваемые годы представляет значительный интерес и для понимания эволюции внешнеполитической концепции, приемов и методов иранской дипломатии, сохранявшей, несмотря на изменения в общеэкономической и классовой структуре Ирана и системе международных отношений внутреннюю преемственность. Рассматриваемый отрезок времени по праву может считаться периодом становления современной иранской дипломатии.

Вопросы внешней политики Ирана в 1925—1941 гг. до последнего времени не подвергались специальной

научной разработке в советской исторической литературе. Хотя намеченные в работах Ирандуста (В. П. Осетрова) в середине 20-х годов прогнозы относительно будущей антиколониальной в своей основе внешнеполитической ориентации новой монархии в Иране в дальнейшем во многом оправдались, в 30—50-х годах в советской иранистике утвердился односторонне негативный подход к вопросам внешней политики Ирана; в литературе преобладали априорно-оценочные установки. В 60-х годах началось монографическое исследование отдельных вопросов внешнеполитической истории Ирана рассматриваемого периода, в частности ирано-советских и ирано-американских отношений в 20-х годах (работы А. Н. Хейфеца, З. З. Абдуллаева и др.). Что касается внешнеэкономической политики Ирана, то она получила относительно полное освещение в трудах советских экономистов Д. С. Завриева, М. Сенджаби (В. А. Мая), В. С. Глуходеда, И. И. Палюкайтиса и др.

В зарубежной литературе первую попытку обобщить внешнеполитическую историю Ирана в период правления Реза-шаха сделал в 1966 г. профессор университета штата Вирджиния (США) Р. К. Рамазани в книге «Внешняя политика Ирана, 1500—1941». Однако подчинение автором верных в своей основе выводов по отдельным конкретным вопросам интересам антинаучной схемы, заимствованной в трансформированном виде из различных западных концепций внешней политики, ограничило возможность их использования для более глубоких обобщений. Важной причиной неспособности автора глубоко и объективно выявить основные тенденции внешней политики Ирана в период правления Реза-шаха явилась и фальсификация им истории советско-иранских отношений. Это полностью относится и к работе атташе иранского генерального консульства в Мюнхене (ФРГ), диссертанта Мюнхенского университета П. Пирайеша «Персидско-русские отношения между двумя мировыми войнами». В работах других иранских и западных авторов вопросы внешней политики Ирана поставлены в основном лишь в общем плане. Тем не менее в них содержится обширный фактический материал, широко использованный в настоящей монографии.

Основную источниковедческую базу монографии составляют опубликованные документы внешней политики СССР, США, Англии, Германии, Ирана, сборники законов и постановлений иранского меджлиса, ежегодные официальные таможенные отчеты Ирана, мемуарные работы иранских, западных и советских политических и общественных деятелей. К работе над темой были привлечены также материалы советской и зарубежной печати. Особый интерес представляет иранская пресса, поскольку она в тот период, как правило, выражала официальную точку зрения. Это тем более важно ввиду отсутствия широких публикаций внешнеполитических документов Ирана.

Автор настоящей работы ставил целью выявить основные направления и тенденции внешней политики Ирана в 1925—1941 гг., их внутреннюю связь со стоявшими перед иранским обществом проблемами политической и экономической независимости, раскрыть те приемы и методы дипломатии, с помощью которых правящие круги Ирана добивались осуществления своих целей, а также исследовать объективные и субъективные факторы, обусловившие отход правящих кругов Ирана от принципов национальной политики.

Автор не претендует на исчерпывающее освещение таких вопросов, как внешнеполитический аппарат Ирана и деятельность иранской дипломатии в Лиге наций и на международных конференциях. В работе в первую очередь освещаются те стороны деятельности иранской дипломатии в международных организациях, которые были направлены на решение стоящих перед Ираном проблем политико-экономической независимости.

ВВЕДЕНИЕ

В первой четверти XX в. Иран представлял собой отсталую аграрную страну, опутанную сетями полуколониальной зависимости. Хотя господствующие феодальные и дофеодальные отношения находились в стадии разложения, развитие новых, капиталистических отношений происходило чрезвычайно замедленно и в крайне уродливых формах. В стране фактически отсутствовал сложившийся капиталистический сектор в виде национальной фабрично-заводской промышленности.

Основным источником национального дохода было сельское хозяйство, дававшее более $\frac{4}{5}$ валового продукта страны. Основу аграрного строя составляла монополия помещиков на землю. Им принадлежало свыше 70% всех обрабатываемых земель [120, стр. 79—81]. Отсталость аграрного строя, выражавшаяся и в сохранении полуфеодальных методов эксплуатации крестьян, предопределяла исключительно низкий уровень развития производительных сил в иранской деревне.

Социальная структура страны характеризовалась незавершенностью процесса классовой дифференциации.

Подавляющее большинство населения составляло крестьянство, процесс имущественного расслоения внутри которого еще только начался. Ремесленники постепенно превращались из докапиталистического сословия в промежуточный социальный слой мелких товаропроизводителей. Городская мелкая торгово-ремесленная буржуазия составляла важный резерв освободительного движения. Основным процессом, определявшим социальную структуру полуколониального Ирана, было постепенное укрепление позиций новых классов — пролетариата, который, правда, был еще очень слаб, распылен и неорганизован, и буржуазии.

Зарождающаяся иранская буржуазия подразделялась на несколько слоев. В отличие от компрадорского купечества, обслуживавшего империалистические фирмы, национальная буржуазия, состоявшая в основном из представителей купеческого капитала и обслуживавшая в первую очередь внутренний товарооборот, была заинтересована в независимом капиталистическом развитии страны. Однако прогрессивные потенции иранской буржуазии были весьма ограничены. В условиях господства империализма, препятствовавшего развитию промышленности, она была тесно связана с помещичьим землевладением и в силу этого была заинтересована в сохранении полуфеодальной эксплуатации крестьянства.

Большинство землевладельцев, особенно ханы и вожди кочевых племен, были носителями старого, феодального способа производства, хотя в условиях тесных связей с мировым капиталистическим рынком многие представители феодальной аристократии вели товарное производство, ориентированное на внешний рынок. К концу первой мировой войны значительно увеличилось число новых помещиков, которые, будучи выходцами из торговцев, ростовщиков, чиновников, не обладали феодальными привилегиями старой аристократии. Началось формирование нового социального слоя крупных землевладельцев, связанных с купеческим капиталом и даже проявлявших попытки к вложениям своих накоплений в промышленные предприятия. Землевладельцы этого типа были уже в определенной мере заинтересованы в создании в стране буржуазного правопорядка и вместе с зарождающейся буржуазией выступали за самостоятельное политическое и экономическое развитие Ирана.

Оформлению капиталистического уклада в рамках существующего строя препятствовали неограниченное господство реакционной феодальной верхушки во главе с Каджарской династией и засилье иностранного, главным образом англо-русского, капитала. По соглашению 1907 г. Англия и царская Россия разделили страну на сферы влияния.

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла коренные изменения в международное положение Ирана. Из числа империалистических держав, претендовавших на господство в стране, навсегда выбыла царская Россия. Советская республика отказалась от всех

неравноправных договоров, навязанных Ирану царизмом, расторгла соглашение 1907 г. с Англией, вывела русские войска из страны.

Англия, воспользовавшись эвакуацией русских войск, к середине 1918 г. оккупировала фактически весь Иран и установила в стране открыто оккупационный режим. В 1919 г. английское правительство навязало иранскому народу кабальное соглашение, поставившее страну на положение британского протектората. В результате хозяйничанья английских империалистов начавшийся ранее острый кризис иранской экономики перешел в глубокую и длительную депрессию.

Углубление экономического кризиса повлекло за собой обострение кризиса политического. Под влиянием Октябрьской революции в России и успешной борьбы советского народа против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции в Северном Иране весной 1920 г. начался подъем массового антиимпериалистического национально-освободительного движения. Во главе движения стояли средние и мелкие помещики, национальная торговая буржуазия, интеллигенция, выступавшие за ликвидацию английского колониального господства, установление отношений с Советской Россией, ограничение прав шаха и феодальной аристократии, реформирование политического строя и т. д. Однако с конца 1920 г. в связи с углублением движения помещики и буржуазия начали отходить от национально-освободительной борьбы.

В условиях роста национально-освободительного движения на Севере, усиления феодального сепаратизма на Юге и окончательного разложения правительственного аппарата в центре единственным организованным и устойчивым институтом государственного механизма в стране оставалась армия. Руководители ее наиболее боеспособной части — казачьей дивизии — поставили перед собой цель предотвратить назревший революционный взрыв, ликвидировать хаос и анархию в государстве, сорвать взятый Англией курс на поощрение гражданской войны в стране. 21 февраля 1921 г. руководимые патристически настроенными офицерами (Реза-ханом и др.) части иранской казачьей дивизии вступили в Тегеран и совершили государственный переворот.

Созданное после переворота новое иранское прави-

тельство жестоко расправилось с народным движением. В то же время оно официально подтвердило, что Иран независим в своих внешних и внутренних делах, и заявило о денонсации англо-иранского соглашения 1919 г. В тот же день, 26 февраля 1921 г., был подписан советско-иранский договор, официально закрепивший отказ Советского государства от неравноправных договоров и соглашений царского правительства с Ираном, платежей по царским займам, царских концессий и собственности на территории Ирана. Заключение советско-иранского договора 1921 г., первого равноправного договора Ирана с великой державой, содействовало освобождению Ирана от иностранной зависимости. Из министерств и ведомств Ирана были удалены английские военные, финансовые и другие советники и эксперты. Англия была вынуждена отказаться от дальнейшей интервенции и вывести свои войска с иранской территории.

Претворение в жизнь программы обеспечения «порядка» и «безопасности» в стране поставило военные власти перед необходимостью ликвидации политических привилегий феодальной аристократии. Предпринятые в этом направлении шаги, так же как и антианглийские меры, обеспечили военным властям широкую поддержку не только помещичье-буржуазных кругов, но и значительной части радикально-демократических элементов иранского общества. Назначенный после переворота военным министром и постепенно сосредоточивший в своих руках всю власть в стране Реза-хан в течение последующих лет вел борьбу с феодальным сепаратизмом, за централизацию управления и введение буржуазного правопорядка. Старый феодальный административный аппарат постепенно заменялся военно-бюрократическим аппаратом, защищавшим интересы помещиков и буржуазии.

Назначение Реза-хана в 1923 г. премьер-министром было важным шагом на пути ликвидации феодальных привилегий. Однако в конце 1923 — начале 1924 г. в связи с активизацией сил внутренней и внешней реакции и появлением признаков нового подъема демократического движения в Иране произошла перегруппировка политических сил имущих классов. Выступая против наиболее открытых форм колониальной политики империализма и политического господства реакционной фео-

дальной верхушки, помещичье-буржуазные круги в то же время относились резко враждебно к любой форме массовой демократической, антиимпериалистической и антифеодальной борьбы и прямой опоре на массы предпочли верхушечный компромисс с феодально-монархическими группировками. В конце 1925 г., после низложения Каджарской династии, Реза-хан вступил на престол, основав новую династию — Пехлеви.

Таким образом, слабость революционно-демократических сил позволила реформистски настроенным помещичье-буржуазным националистам перевести антиимпериалистическую освободительную борьбу из русла революционных действий в русло реформ, что не могло не сказаться на степени и глубине решения задач этой борьбы. Подъем национально-освободительного движения обострил кризис власти феодальной аристократии, но реформистским кругам господствующих классов удалось найти выход из политического кризиса на путях замены феодальной монархии Каджаров помещичье-буржуазной монархией Пехлеви. Династический переворот 1925 г., окончательно закрепивший переход власти от феодальной аристократии к помещичье-буржуазным кругам, явился лишь шагом на пути превращения иранской феодальной монархии в монархию буржуазную.

Хотя национально-освободительное движение не привело к победе демократических сил, оно способствовало созданию иранского суверенного государства: Благодаря героической борьбе иранского народа и дружественной поддержке молодого Советского государства в первой половине 20-х годов был восстановлен государственный суверенитет Ирана, ликвидированы позиции, завоеванные Англией в годы войны и первые послевоенные годы, значительно ослаблено политическое влияние Великобритании и ее вмешательство во внутренние дела Ирана, фактически признанного западными державами независимым государством.

Однако Иран не достиг полной политической независимости, а в экономическом отношении страна все еще продолжала оставаться в колониальной зависимости от империализма. Восстановление государственного суверенитета, хотя и создало впервые более чем за вековой период «возможность разрешения ряда насущных проблем национального развития», само по себе не изме-

нило «экономического положения страны в мировой системе капитализма, определяемого международным разделением труда в рамках капиталистического мира» [120, стр. 72, 78].

В условиях однобокого аграрного развития и почти полного отсутствия фабрично-заводского производства чрезвычайно большую роль в экономике страны играла внешняя торговля. Развитие многих отраслей сельского хозяйства зависело от спроса внешнего рынка. В целом структура иранской внешней торговли отражала колониальное положение страны в системе мирового капиталистического хозяйства и сохранение Ирана в качестве его аграрно-сырьевого придатка. Иранский экспорт в основном состоял из сельскохозяйственной продукции, в обмен за которую Иран получал главным образом товары широкого потребления и — в гораздо меньших размерах — машинное оборудование, от импорта которого всецело зависела зарождающаяся иранская промышленность.

Неравноправный характер внешнеторговых связей Ирана весьма ярко проявился в 1925/26 г., первом году, когда страна окончательно вышла из кризиса послевоенных лет, а объем торговли превзошел довоенный уровень. Общий товарооборот Ирана (без стоимости нефтепродуктов, вывозимых Англо-персидской нефтяной компанией), составлял в этом году 1,4 млрд. кран, из которых на импорт приходилось 881 млн., а на экспорт — всего 514 млн. Таким образом, дефицит внешнеторгового баланса составлял огромную сумму — 367 млн. кран, а удельный вес экспорта в общем товарообороте — всего 36,8% [45, 1304]. Отрицательное сальдо равнялось 26,3% общего внешнеторгового оборота страны, что являлось следствием торговли Ирана с капиталистическими странами, и главным образом с Англией (вместе с Индией); дефицит в торговле с ней достиг 350 млн. кран, т. е. более 95% пассивного сальдо внешней торговли Ирана¹.

Восстановление народного хозяйства страны после разрухи военных и первых послевоенных лет сопровождалось углублением колониального характера иранской экономики. «Особенно усилилась зависимость экономи-

¹ Что касается советско-иранской торговли, то она в 1925/26 г. показала активный баланс в пользу Ирана в сумме 70 млн. кран [136, стр. 58, 63].

ческой жизни Ирана от его внешнеторговых связей, состояние которых в огромной степени обуславливало нормальное функционирование народнохозяйственного организма страны. Внешняя торговля в еще большей степени стала фактором, определяющим экономические устремления иранских господствующих классов. К началу 30-х годов почти все имущие классы страны, особенно купцы и помещики, оказались связанными с внешней торговлей» [120, стр. 110]. Процесс слияния торгового капитала с землевладением охватил и многие южные, наиболее отсталые провинции страны. Даже вожди кочевых племен проявляли стремление самостоятельно выступать со своей продукцией на рынке. Расширение внешнеторговых связей и развитие товарного производства способствовали дальнейшему росту посреднической торговли.

«Таким образом, и после достижения политической независимости Иран продолжал сохранять уродливую колониальную структуру народного хозяйства. Ее основными чертами являлись: исключительно низкий уровень развития производительных сил, аграрный характер экономики с преобладанием отсталых форм производственных отношений, огромная зависимость от внешней торговли, выражающаяся в непропорционально большом значении экспортных отраслей производства и чрезмерной роли импорта в обеспечении страны промышленными товарами, гипертрофированное развитие сферы обращения. Фактически это была экономика колониальной страны» [120, стр. 116].

Результатом низкого развития производительных сил и зависимого положения страны в системе международного разделения труда, сильнейшей зависимости иранской экономики от состояния мирового рынка, малейшие изменения в конъюнктуре которого очень резко отражались на состоянии народного хозяйства Ирана, являлся общий структурный кризис экономики Ирана, имевший не временный, конъюнктурный, а органический характер. Этот кризис отражал противоречие между зависимым положением иранской экономики, неспособной обеспечить нормальный ход процесса общественного воспроизводства, и потребностями самостоятельного развития народного хозяйства [подробнее см.: 120, стр. 116—130]. Будучи характерным для всех сторон иранской экономики, общий структурный кризис наиболее ярко прояв-

лялся в области внешнеэкономических связей и в финансовых затруднениях Ирана.

Неэквивалентный внешнеторговый обмен Ирана с западными государствами подчинял иностранному капиталу экономику страны и усиливал ее финансовую зависимость. Благодаря концессионным отчислениям Англо-персидской нефтяной компании (АПНК) иранское правительство могло компенсировать в своем платежном балансе внешнеторговый дефицит. Но это же обстоятельство означало «возникновение новой формы подчинения Ирана монополистическим капиталом, при которой нормальное функционирование экономического организма страны оказалось в зависимости от деятельности иностранной компании, грабившей национальные богатства и эксплуатировавшей иранский народ. Приток иностранной валюты превратился в своего рода золотую цепь, еще крепче приковывавшую экономику страны к мировому капиталистическому рынку» [120, стр. 100]. К тому же характер концессионной деятельности Англо-персидской нефтяной компании, эксплуатировавшей нефтяные источники на Юге и бывшей по существу «государством в государстве», не только не стимулировал, но и тормозил экономическое развитие страны.

Некоторое улучшение в рассматриваемый период финансового положения Ирана было связано главным образом с отказом Советского правительства от погашения Ираном долгов по займам, предоставленным ему царским правительством, и безвозмездной передачей Ирану русских финансовых учреждений, их имущества, а также материальных ценностей других русских концессионных предприятий в стране, общая стоимость которых, по некоторым подсчетам, составляла 582 млн. золотых рублей [см. 185, стр. 8]. Аннулирование русских займов уменьшило внешний долг и улучшило платежный баланс Ирана, а также восстановило его права на те пошлинные поступления от северных таможен, которые служили гарантией погашения этих займов. Вместе с ростом советско-иранской торговли это давало иранскому правительству возможность противостоять финансово-экономическому давлению империалистических держав, особенно Англии.

В качестве орудия давления использовался принадлежавший британскому капиталу Шахиншахский банк,

имевший право эмиссии банкнот и выполнявший казначейские функции. Важным средством в руках Англии являлся сохраняющийся внешний долг Ирана, гарантией погашения которого служили поступления от южных таможен. В сентябре 1924 г. иранские долги правительствам Англии и Индии и Шахиншахскому банку составляли 2,6 млн. ф. ст. (золотом) и 2 млн. кран (серебром) [298, стр. 43]². Кроме того, имелся еще неконсолидированный долг Англии в сумме около 4,5 млн. ф. ст. [48, № 8, 1929, стр. 14]. Эта сумма под видом так называемых займов военного времени была затрачена Великобританией на проведение империалистической политики в Иране в годы первой мировой войны и первые послевоенные годы. С конца 1921 г. иранское правительство упорно отклоняло английские требования выплаты этих долгов.

Определенным препятствием на пути достижения экономической независимости являлось почти полное отсутствие в стране сети железных и шоссейных дорог. До первой мировой войны вся железнодорожная сеть Ирана состояла из пригородной тегеранской узкоколейки длиной 13 км; протяженность других дорог едва превышала 3 тыс. км [185, стр. 6—7; ср. 336, стр. 104, 111]. Иран стяжал себе тогда название «страны классического бездорожья». Только в годы войны Россия выстроила в Иране в военно-стратегических целях первую ширококолейную железную дорогу Джульфа — Тебриз с веткой к оз. Урмия. В первые послевоенные годы положение почти не изменилось.

Важным фактором ограничения государственного суверенитета Ирана и сохранения его экономической зависимости являлось существование капитуляционного режима и системы неравноправных договоров, фактически лишавших Иран свободы в проведении торговой и экономической политики в национальных интересах. Связанные с капитуляционным режимом консульская юрисдикция и покровительство иностранной торговле создавали для западного капитала привилегированное положение в Иране и наносили исключительный ущерб развитию экономики страны.

² По данным М. Фатеха, иранский долг Англии на это время составил 1,8 млн. ф. ст. и Шахиншахскому банку — 1 млн. ф. ст. [241, стр. 70—71].

Капитуляционными привилегиями в Иране располагали не только крупные державы — Англия, США, Франция, Германия, Италия, но и такие государства, как Бельгия, Испания, Голландия, Австрия, Норвегия, Швеция, Дания, Швейцария, Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили, Уругвай, Турция [379, 9.V.1928; 382, 10.V.1928; 46, т. 215, стр. 1949—1950].

Однако подписание советско-иранского договора 1921 г., закрепившего отказ Советского государства от капитуляционных привилегий, и в частности консульской юрисдикции, нанесло системе капитуляционного режима сильнейший удар и в то же время заложило фундамент для новой договорно-правовой системы Ирана. Правительство Реза-шаха получило возможность опереться на дружественное содействие и поддержку Советского правительства в деле полного упразднения режима капитуляций и аннулирования всей системы неравноправных договоров с капиталистическими странами.

Большой ущерб развитию внешней торговли и всей экономики страны наносило отсутствие таможенной автономии. По советско-иранскому договору 1921 г., Иран получил полное право на автономное изменение своего таможенного тарифа. Однако этому мешало существование англо-иранской таможенной конвенции от 21 марта 1920 г., предусматривавшей возможность изменения тарифа лишь в порядке совместного и согласованного пересмотра экспертами обеих договаривающихся сторон, не ранее 1930 г., и вся система капитуляционных договоров, предоставлявших капиталистическим странам право наибольшего благоприятствования [138, стр. 222—223, 226]³. Отсутствие таможенной автономии лишало иранское правительство возможности увеличивать доходы государственной казны, регулировать импорт тех или иных иностранных товаров и вообще использовать таможенный тариф для покровительства национальной промышленности.

Сильные позиции в стране сохранили английские империалисты. Наряду с такими важными командными хозяйственными высотами, как Англо-персидская нефтя-

³ Таможенный тариф 1920 г. облагал ввозимые в Иран товары в среднем на 11,9% к их стоимости, что сильно уступало таможенным ставкам даже малых европейских государств (Венгрия — 31,1%, Чехословакия — 36,4, Польша — 43,3, Румыния — 98,4%) [150, стр. 32].

ная компания, Шахиншахский банк, Индо-Европейская телеграфная компания, являвшимися мощным орудием экономического и политического давления, Англия располагала в Иране разветвленным дипломатическо-шпионским аппаратом. По состоянию на начало 1930 г. английское и индийское правительства содержали в Иране кроме дипломатической миссии трех генеральных консулов, восемь консулов, 14 вице-консулов и трех исполняющих обязанности вице-консулов [46, т. 236, стр. 22]. Один из депутатов английского парламента 10 марта 1930 г. признал: «Многие из этих вице-консулов являются вице-консулами чисто номинально» [46, т. 236, стр. 911].

Важное место в арсенале тех средств, которые Великобритания использовала в целях укрепления своих позиций в Иране, занимала консульская охрана. В 1927 г. индийские военные отряды были расположены в Тегеране, Ширазе, Бушире, Кермане, Ахвазе, Бендер-Аббасе, Сеистане и Дуздабе [46, т. 210, стр. 1066]. Бывший польский пресс-атташе в Иране Г. Ленчовский пишет: «В Иране Англия имела двойную дипломатическую систему: с одной стороны, через свою миссию в Тегеране она вела дела с иранским правительством, а с другой, через местных консулов и агентов — с провинциальными правителями и сильными кочевыми племенами; консульства укомплектовывались офицерами Индийской политической службы, чиновниками Имперского банка Ирана, официальными и неофициальными агентами. Даже Реза-шах не смог повлиять в сколько-нибудь большой степени на этот традиционный порядок» [265, стр. 166].

Сохранение британского влияния было обусловлено наличием у Англии важнейших экономических и политических рычагов в Иране и сильных военно-стратегических позиций на иранских границах. Орудием английского военно-политического давления на Иран являлись британские вооруженные силы в колониальной Индии, подмандатном Ираке и на превращенном в «английское озеро» Персидском заливе. Оккупированные Англией и превращенные фактически в британский протекторат иранские острова в заливе служили базами для английского военно-морского флота. Даже содержание маяков и выполнение карантинных функций в Персидском заливе и на его иранском побережье были сосредоточены

в руках Великобритании [228, стр. 125—126; 378, 13.VIII.1928].

Таким образом, решение стоящей перед Ираном проблемы политико-экономической эмансипации от империализма требовало преодоления вековой экономической, технической и культурной отсталости, перестройки колониальной структуры экономики, достижения полной свободы в финансово-экономической политике, ускоренного развития производительных сил, повышения темпов роста сельскохозяйственного производства, создания национальной промышленной базы, ликвидации иностранных концессионных предприятий, создания национальных командных хозяйственных высот, ликвидации капиталистического режима и системы неравноправных договоров.

ДОСТИЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ (1925—1928)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ИРАНЕ

Развитие иранского общества после установления монархии Пехлеви протекало в сложной и противоречивой международной обстановке, которой характеризовался первый этап общего кризиса капитализма. Существование у северных границ Ирана первого в мире социалистического государства облегчало стране достижение политической и экономической независимости. Иной характер имела политика империалистических держав, добивавшихся сохранения и упрочения своих позиций в Иране. Правда, особенности экономического и политического развития капиталистического мира, на первом этапе общего кризиса капитализма вызвавшие резкое сокращение экспорта капитала, изменили положение Ирана как сферы приложения иностранного капитала (за исключением АПНК), что открыло перед ним новые возможности в достижении независимости и экономического прогресса.

Не менее сложной и противоречивой была и политическая обстановка в самом Иране. Выход из политического кризиса на путях создания помещичье-буржуазной монархии, естественно, не мог привести к достаточно полной стабилизации внутривнутриполитической ситуации. Хотя коммунистическая партия в 1925 г. была загнана в глубокое подполье, демократическое движение не прекратилось. В 1926 г. по стране прокатилась волна крестьянских выступлений, вылившихся в стихийную партизанскую борьбу с помещиками и властями, и волнений солдат, вызванных задержкой в течение нескольких месяцев жалованья и тяжелым положением их семей. В окраинных районах продолжались сепаратистские выступления феодальных вождей кочевых племен. В госу-

дарственно-административном аппарате по-прежнему царил хаос и коррупция.

Положение усугублялось разбродом среди господствующих классов и даже помещичье-буржуазных кругов, составлявших опору нового режима. Представители торговой буржуазии были недовольны введением новых налогов и воинской повинности. Либеральные круги феодального лагеря, которые поддерживали вступление Реза-шаха на престол, еще не доверяли ему полностью. Монархический переворот окончательно оттолкнул от Реза-шаха большинство представителей радикальных буржуазно-демократических кругов, в течение нескольких лет поддерживавших его в борьбе против старого режима.

Разброд среди господствующих классов находил отражение в борьбе различных партийных группировок в меджлисе и вне его. Значительно ослабленное реакционное крыло феодально-клерикального лагеря имело несколько неоформленных политических группировок, лидерами которых в Тегеране были депутаты меджлиса Модаррес, Аштиани и др. Яркие приверженцы старого режима, они демагогически использовали в политической борьбе лозунги защиты конституции и демократии.

Радикально настроенные буржуазно-помещичьи круги имели целый ряд партийных группировок, главными из которых были «социал-демократы» («иджтемайюн-е амиюн») во главе с Сулейман-Мирзой и «младоперсы» («Иран-е джаван»). Сулейман-Мирза, каджарский принц, сложивший с себя это звание еще в период революции 1905—1911 гг., пользовался большой популярностью среди левых кругов, однако, будучи вовлечен в 1924 г. в сотрудничество с Реза-ханом, лишился былого авторитета. Возглавляемая им «социал-демократическая партия» занималась в этот период главным образом организацией кооперативного движения, которое она считала прямым путем к социализму¹. Младоперсы,

¹ Представитель Коммунистической партии Ирана Шарги на VI конгрессе Коминтерна в выступлении на заседании от 25 июля 1928 г., в частности, сказал: «С социалистической партией мы долгое время работали в блоке, но за последнее время она стала типичной оппортунистической партией и неоднократно открыто выступала против компартии и выдавала ее. Социалистическая партия в Персии никогда не была и не будет массовой, а компартия в недалеком будущем безусловно покончит с авантюрой беспринципных деятелей этой партии» [18, стр. 258].

объединявшие радикальную молодежь, в своей социальной программе не выходили за рамки требований раздачи государственных земель крестьянам. В меджлисе эти группировки были представлены весьма слабо [150, стр. 82—85; 82, стр. 63—64]. Главным выразителем политической платформы радикальных буржуазно-помещичьих кругов в меджлисе был «независимый» депутат Мохаммед Мосаддык (Мосаддык ос-Салтане).

Таким образом, организованной оппозиции новому режиму в меджлисе шестого созыва (июль 1926 — август 1928 г.) практически не было. Антиправительственный блок радикальных буржуазно-помещичьих элементов и представителей феодальной реакции, объединившихся в меджлисе пятого созыва на почве недовольства устанавливаемым в стране диктаторским режимом, в меджлисе шестого созыва был представлен лишь несколькими депутатами. В условиях абсолютного преобладания в меджлисе правительственного большинства единственным методом борьбы оппозиционных депутатов были парламентские обструкции, придававшие их выступлениям зачастую демагогический характер.

Гораздо более серьезным для нового режима было отсутствие единства среди помещичье-буржуазных кругов, разделенных на целый ряд партийных группировок и парламентских фракций: «Терегги» («прогрессисты») во главе с депутатом Таги-заде, «Теджаддод» («обновленцы») во главе с Тедайоном и др. Отражавшие узкогрупповые интересы, они тем не менее представляли серьезную угрозу власти Реза-шаха. 30 сентября 1926 г. поверенный в делах Англии в Иране Г. Никольсон доносил в Форин Оффис: «Депутаты, правда, были выбраны по приказам шаха, но, вступив в меджлис, они повернулись против него, и мы имеем сейчас не сотрудничество, а ожесточенную вражду между парламентом и двором. Правительственная машина этим полностью выведена из строя, и, если шаха не смогут убедить заключить мир с Национальной Ассамблеей, следует ожидать нового переворота, если не революции» [33б, стр. 816].

Возможность падения Реза-шаха в связи с оппозицией меджлиса и ростом «беспорядков» в стране предсказывалась также главой восточного департамента английского Форин Оффиса Л. Олифантом в меморан-

думе от 21 октября 1926 г. [336, стр. 830] и другими руководящими деятелями британского правительства. Министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен 20 октября 1926 г. заявил на имперской конференции: «Со времени вступления на престол новый шах потерял в некоторой степени свою популярность... и он, кажется, озабочен главным образом подозрением каждого своего министра, который может приобрести влияние в стране. Будущее покажет, способен ли он держать скипетр, который получил» [336, стр. 949—950].

Разброд среди помещичье-буржуазных кругов, составлявших социальную опору режима Пехлеви, был обусловлен различиями в политических интересах отдельных прослоек этих кругов. Эти различия, так же как и отражавшие их многочисленные (легко возникающие и столь же легко распадающиеся) партийные группировки, коренились в значительной мере в незавершенности процесса кристаллизации классовых отношений в стране. В целом же оппозиция помещичье-буржуазных кругов новой монархии объяснялась стремлением превратить меджлис в орудие своего господства, гарантирующее их интересы от абсолютистских устремлений шаха.

Новая монархия, будучи весьма далекой по своим политическим тенденциям от демократических форм правления, стремилась, однако, упрочить свою диктатуру не путем ликвидации меджлиса, а путем полного его подчинения, чтобы, как писал Г. Никольсон в цитированном выше донесении, «скомбинировать выгоды конституционного правления с выгодами автократического контроля» [336, стр. 816].

С этой целью в августе 1927 г. ближайшее окружение Реза-шаха создало по образцу народно-республиканской партии в Турции правительственную партию под названием «Иран-е ноу» («Новый Иран»), которая была призвана консолидировать умеренные элементы господствующих классов в борьбе с феодально-клерикальной реакцией и левыми политическими течениями. Основным пунктом программы партии был лозунг независимости во внутренней и внешней политике. Партия стремилась поглотить все другие политические группировки и превратиться в широко разветвленную организацию в меджлисе и вне его для проведения в жизнь правительственной программы реформ [150, стр. 87—88].

Хотя в условиях отсутствия в Иране устойчивых традиций партийной деятельности новая партия вскоре распалась, тем не менее правительство в значительной мере смогло унифицировать общественно-политическую жизнь в стране. Активное вмешательство военных властей в ход выборов в меджлис седьмого созыва (1928—1930 гг.) способствовало превращению его в придаток нового режима. Мосаддык, в частности, не был избран в меджлис и с этого времени отошел от политической деятельности². Что касается Модарреса, то он подвергся физической расправе [подробнее см.: 328, 330]. В стране установился режим помещичье-буржуазной диктатуры.

Военно-бюрократический аппарат своим острием был направлен против рабочего, крестьянского и вообще демократического движения. В то же время Реза-шах продолжал проводить политику централизации, имевшую объективно буржуазную направленность и предусматривавшую ликвидацию феодальной отсталости. В течение второй половины 20-х годов был проведен ряд новых мер по ограничению феодальных привилегий, ликвидации сепаратизма и укреплению централизации страны.

Одновременно с ломкой феодальной государственной организации Реза-шах проводил и другие мероприятия, способствовавшие созданию в стране буржуазного правопорядка. Была проведена реформа суда и введено буржуазное светское законодательство, существенно ограничившее приоритет духовенства в области государственного и частного права. Через меджлис были проведены законы о новом уголовном и гражданском кодексах, о земельном кадастре. Все это ограничило возможности влияния английского империализма на внутренние дела Ирана.

Были проведены также некоторые реформы в области народного образования, культуры и быта. С целью подготовки квалифицированных кадров для чиновничьего аппарата была несколько расширена сеть учебных заведений, школы изъяты из ведения духовенства и переданы под контроль государства. Это сильно подорвало

² Вплоть до отречения Реза-шаха от престола в 1941 г. Мосаддык вел уединенный образ жизни в своем имении. В начале 50-х годов возглавил развернувшееся в Иране движение за национализацию английской нефтяной компании.

влияние клерикальной оппозиции, связанной со старыми феодальными кругами. Был проведен ряд верхушечных мер по раскрепощению женщин-мусульманок. Позже, в середине 30-х годов, был основан Тегеранский университет и несколько других высших учебных заведений, доступных только выходцам из зажиточных кругов; основная же масса населения по-прежнему оставалась неграмотной.

Государственный контроль был установлен и над иностранными школами, которых в 1929 г. насчитывалось в Иране около 50; половина из них были американскими миссионерскими школами [141, стр. 86], которые были не столько учебными заведениями, сколько центрами религиозной пропаганды. В 1927—1928 гг. министерство просвещения Ирана составило обязательные для всех иностранных школ специальные учебные программы, предусматривавшие преподавание в начальных школах на персидском языке, введение в средних школах таких предметов, как география, арабский язык, история Ирана и другие, запрещение преподавания Евангелия и Библии и т. д. Попытка иностранных школ бойкотировать государственные программы заставила правительство закрыть некоторые из них. В результате иностранные школы были вынуждены ввести программы министерства просвещения [380, 11.X.1927; 24.IX.1928; 371, 11.X.1927; 1.II.1928].

Правительство Реза-шаха добилось ослабления иностранного влияния и в других областях культурной жизни Ирана. В октябре 1927 г. в Тегеране было подписано ирано-французское соглашение, по которому Франция отказалась от договора 1900 г., предоставлявшего ей монопольное право на производство в Иране археологических раскопок [текст см.: 42, стр. 515—518]. Статьей II закона 1930 г. об охране национальных памятников это право было передано иранскому правительству [339, стр. 873; 221, стр. 287].

Однако возможности пришедших к власти в Иране помещичье-буржуазных кругов в области внутреннего социального развития были крайне ограничены. Глубокая внутренняя связь господствующих классов с отсталыми формами производственных отношений внутри страны и с мировым капиталистическим хозяйством вне ее затрудняла создание социально-экономических усло-

вий, необходимых как для быстрого развития капитализма, так и для закрепления государственного суверенитета.

Требования создания централизованного буржуазного государства иранские помещики и буржуазия, тесно связанная с землевладением и полуфеодальной эксплуатацией крестьянства, сочетали с требованиями укрепления помещичьего землевладения. Аграрная политика правительства была поставлена на службу интересам новых помещиков, число которых в первые годы правления Реза-шаха сильно увеличилось за счет распределения между офицерами, чиновниками, купцами и помещиками, составлявшими опору нового режима, конфискованных земельных владений представителей феодальной аристократии и ханов кочевых племен — противников династии Пехлеви. Аграрное законодательство Реза-шаха, юридически оформив буржуазное право частной собственности на землю взамен прежних ленных отношений, вместе с тем закрепило феодальную форму эксплуатации крестьянства. Только немногие помещики применяли в своих хозяйствах наемный труд и использовали сельскохозяйственные машины. Участники многочисленных крестьянских выступлений карались на основе законов об аграрном «бандитизме» [подробнее см.: 109; 110; 195].

Сохранение полуфеодальных отношений в иранской деревне тормозило и без того слабый (в силу специфических особенностей разложения феодализма и уродливого развития буржуазных отношений в условиях проникновения в Иран капиталистических держав) процесс развития капитализма «снизу» — из крестьянской и ремесленной верхушки. На развитии буржуазных отношений не мог не сказаться тот факт, что буржуазные реформы проводились в основном руками новых землевладельцев, игравших доминирующую роль в правящем помещичье-буржуазном блоке. Это был помещичий путь капиталистического развития, наиболее мучительный для широких народных масс [175, стр. 211, 354—355].

По вопросу о методах и средствах создания национальной промышленной базы в стране, равно как и о путях решения проблем политико-экономической независимости вообще, среди господствующих классов Ирана в момент вступления Реза-шаха на престол имелись различные точки зрения.

Круги, связанные в прошлом с британским империализмом, выступали за привлечение в страну иностранного, главным образом английского, капитала. Интересы этих кругов нашли отражение в опубликованной в 1926 г. в Лондоне книге служащего АПНК Мустафы Фатеха «Экономическое положение Персии». Он писал: «В Персии имеется меньшинство, которое полагает, что современная промышленность может быть создана в Персии без внешней помощи. Этот образ мышления представлен главным образом старыми фанатиками». Утверждая, что этот путь создания промышленности тяжело отразится на положении широких масс, автор предсказывал «исчезновение абсурдных сентиментов» и предлагал иранскому правительству не теряя времени «предоставить иностранному капиталу концессии на эксплуатацию природных ресурсов страны», расширить права иностранцев на приобретение собственности и поощрять иммиграцию иностранных квалифицированных рабочих. Индустриализацию М. Фатех рекомендовал начать с развития легкой промышленности, а поступления от сахаро-чайной монополии, установленной в Иране в 1925 г. для финансирования железнодорожного строительства, использовать в качестве гарантии для получения иностранных займов. «Будущее спасение Персии, — заключал автор, — в принятии либеральной политики в отношении иностранного капитала и сотрудничестве с ним для экономического развития страны» [241, стр. 91—98].

Характерно, что даже многие представители националистических кругов господствующих классов не верили в возможность крупного железнодорожного строительства в Иране без иностранной финансовой помощи. Так, Мосаддык считал целесообразным использовать доходы от сахаро-чайной монополии для строительства шоссейных дорог. В вопросе железнодорожного строительства Мосаддык допускал возможность использования помощи тех западных государств, которые не имели политического влияния в Иране [330, стр. 119—156]. Эти взгляды отражали слабость иранской буржуазии, ее страх перед трудностями глубокой перестройки народного хозяйства.

Точка зрения большинства господствующих классов, группировавшегося вокруг правительства, нашла отражение в опубликованной в 1925 г. книге иранского юри-

ста, чиновника министерства иностранных дел Ахмеда Матин-Дафтари «Ключ к экономической независимости Ирана». Заявляя, что «экономическая независимость страны является гарантией политической независимости» [312, стр. 4, 191], Матин-Дафтари одной из главных задач на пути достижения экономической независимости считал ликвидацию пассивного сальдо внешнеторгового баланса. Возможность увеличения экспорта сырья он видел в повышении производительности труда в сельском хозяйстве путем применения сельскохозяйственных машин и новейших достижений агротехники, в создании на местах первичных предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья, широкой сети железных и шоссейных дорог, развитии транспортных средств и т. д. Предлагая приступить к созданию не только легкой, но и тяжелой промышленности, в частности металлургической, энергетической, химической, Матин-Дафтари учитывал и возможность сокращения таким путем импорта. Автор призывал правительство проводить протекционистскую политику в целях защиты отечественной промышленности и поощрения экспорта. В таможенной независимости он видел важнейшее орудие обеспечения экономической независимости [312, стр. 59]. Считая доходы от сахарочайной монополии недостаточными для железнодорожного строительства и считаясь с необходимостью закупок за границей большого количества рельсов и вообще металла, Матин-Дафтари предлагал использовать эти доходы на строительство в Иране железнодорожного, сталелитейного и других заводов, а строительство дороги осуществлять не только за счет государственных вложений, но и путем привлечения частного иранского и иностранного капитала при сохранении, однако, господствующих позиций за иранским капиталом [312, стр. 161—176]. Привлечение иностранного капитала автор считал необходимым ввиду отсутствия достаточных капиталов внутри страны и мыслил это лишь путем создания смешанных компаний с преобладанием иранского капитала. Привлекать иностранных советников и капиталы он предлагал лишь из стран, которые «не имеют в Иране политических интересов» [312, стр. 60—61]. Это была умеренно-националистическая программа, не затрагивающая ни основ существующего строя, ни позиций английского империализма в стране.

Однако даже такого рода программу правящие круги Ирана предпочитали осуществлять постепенно, избегая быстрых и радикальных методов. В рассматриваемые годы основной своей задачей иранское правительство считало ликвидацию капитуляционного режима, а также ослабление финансовой зависимости и развитие экономической инфраструктуры (как предпосылки для последующего хозяйственного подъема и обеспечения благоприятных условий для предпринимательской деятельности). Потерпев в первой половине 20-х годов неудачу в попытках получить в США займы и привлечь американские фирмы к промышленному и дорожному строительству в стране, правительство было вынуждено обходиться без привлечения иностранного капитала и получения иностранных займов³.

С целью поощрения вложений национального капитала в строительство промышленных предприятий был принят закон об освобождении ввоза машинного оборудования на 10 лет, начиная с 1925 г., от таможенных пошлин и дорожных сборов, а также закон, предписывающий государственным чиновникам и военнослужащим ношение одежды только из тканей отечественного производства, в чем шах проявлял личный пример. Разумеется, вплоть до начала мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. к заметным сдвигам в состоянии иранской промышленности в рассматриваемые годы это не привело.

Продолжая во второй половине 20-х годов политику централизации страны и подчинения окраинных феодальных ханов, правительство Реза-шаха основное внимание уделяло дорожному строительству. Самым важным мероприятием в этой области был закон о строительстве Трансиранской железной дороги от Каспийского моря до Персидского залива, принятый меджлисом 9 февраля 1926 г. [347а, стр. 199—200]. Попытка иранского правительства привлечь германский капитал (в размере 50% вложений) к созданию для нужд железнодорожного строительства металлургического, цементного и ряда других заводов [379, 18.X.1928] оказалась безуспешной. Строительство же самой дороги, начатое в 1928 г., про-

³ Позже Реза-шах говорил, что обращение за займами привело бы страну под влияние государств-заемодателей [293, стр. 73—74].

водилось за счет поступлений от сахаро-чайной монополии, сумма которых с 1925 по 1933 г. составила почти 513 млн. кран [298, стр. 44]. Таким образом, возможность осуществления дорожного и промышленного строительства без иностранной финансовой помощи была достигнута за счет усиления эксплуатации трудящихся и роста налогового обложения.

Однако без иностранной технической помощи Иран, разумеется, не мог обойтись. Л. Элвелл-Саттон пишет: «Строительство этой дороги было ярким примером нового метода использования иностранной технической помощи. В XIX в. такого рода предприятие было бы целиком поручено какому-нибудь иностранному концессионеру, который потом в течение долгих лет держал бы эту дорогу под своим контролем и наживал бы на ее эксплуатации огромные прибыли. Реза-шах собрал все средства, каких требовало строительство, путем установления налога на сахар и чай. К строительству были привлечены иностранные инженеры, работавшие по контрактам, а различные участки строительства доверены фирмам разных стран, в том числе и иранским. Таким образом, ни одна страна не могла приобрести решающего веса в этом предприятии и все руководство оставалось в руках иранского правительства» [213, стр. 82].

В выборе направления, в котором будет прокладываться Трансиранская железная дорога, как в фокусе, отразился подход правительства Ирана к решению проблем политико-экономической независимости страны, равно как и его внешнеполитическая ориентация, продолжавшая основные тенденции и направления предшествующего периода.

Добиваясь ослабления политического влияния Великобритании и стремясь не допустить расширения ее экономических позиций в стране, правящие круги Ирана в 1923—1925 гг. проявили вполне определенное стремление опереться на политическую и экономическую поддержку Советского государства. В то же время крупные помещики, сравнительно многочисленная прослойка компрадорской буржуазии и даже связанная с помещичьим землевладением национальная торговая буржуазия видели в английском империализме главного союзника в борьбе с непрекращающимся в стране демократическим движением. Испытывая страх перед влиянием социали-

стических преобразований в СССР на широкие народные массы Ирана, иранские правящие круги проводили политику балансирования между Советским Союзом и Великобританией. Эта политика и сказалась на выборе направления трассы Трансиранской железной дороги.

Английская пресса, отражая заинтересованность правящих кругов Великобритании в соединении иракской и индийской систем английских имперских наземных коммуникаций, а также стремление еще сильнее связать внешнюю торговлю Ирана с Западом через иракские транзитные пути, всячески расписывала преимущества западно-восточного направления Трансиранской железной дороги [см. 73, 21.IV.1927; 24.XI.1927].

Однако иранское правительство с целью ослабить зависимость внешней торговли Ирана от иракских транзитных путей, обеспечить ей непосредственный выход на мировые рынки через Персидский залив и вообще не допустить угрожающего национальному суверенитету Ирана соединения иракской и индийской систем наземных коммуникаций Великобритании, решило строить дорогу в меридиональном, северо-южном направлении. При этом южный участок магистрали должен был выходить не в зону тогда еще бесконтрольного хозяйничанья Англо-персидской нефтяной компании — в порт Мохаммера на р. Шатт-эль-Араб, судоходство по которой находилось в руках Ирака, а несколько восточнее, где было предпринято строительство нового порта — Бендер-Шахпур, призванного стать основной базой будущего иранского флота на Персидском заливе.

В то же время в качестве конечного пункта северного участка дороги был избран небольшой порт Бендер-Шах, находившийся в юго-восточном углу Каспийского моря, слабо связанном с Советским Союзом. Таким путем иранское правительство стремилось затруднить использование дороги для развития советско-иранской торговли, уменьшить исторически сложившееся тяготение северных провинций Ирана к русскому рынку и дать выход сельскохозяйственной продукции Северного Ирана на мировой рынок через Персидский залив. Правительство пошло даже на то, чтобы дорога обходила наиболее развитые провинции Ирана — Иранский Азербайджан и Гилян, которые были особенно тесно связаны с Советским Союзом. Все это сужало экономическое

значение Трансиранской железной дороги [см. 270, стр. 63; 248, стр. 147; 279, стр. 229—231; 274, стр. 12]. Характерно и то, что колея дороги должна была быть уже, чем в Ираке и СССР [221, стр. 301]⁴.

Непоследовательность и двойственность иранского правительства в вопросах дорожного планирования проявились и при строительстве ряда шоссейных дорог. Согласившись с предложением Англии об одновременном строительстве со стороны Ирака и Ирана Ревандузской дороги, призванной соединить прилегающие к западному берегу оз. Урмия иранские районы с иракскими городами Киркуком и Мосулом, иранское правительство руководствовалось интересами борьбы с непрекращающимися выступлениями курдских племен, как правило, получавших поддержку со стороны иракских курдов, а также возможностью получить новый транзитный путь для торговли с Западом, минуя СССР. По словам бывшего главного инженера строительства иракского участка Ревандузской дороги англичанина А. М. Хамильтона, согласие шаха на строительство дороги было получено только после того, как он получил заверение, что «дорога не преследует никаких иных целей, кроме торговли и успокоения курдских племен» [90, стр. 55]. Однако, поняв, по-видимому, что дорога может представить ряд стратегических и экономических преимуществ Англии, иранское правительство впоследствии строило свой участок весьма медленно, хотя, по свидетельству А. М. Хамильтона, с инженерной точки зрения строительство этого участка было значительно легче иракского. Дорога открылась лишь в конце 1932 г. [383, 7.IX.1932].

Значительно раньше, в октябре 1928 г., была открыта шоссейная дорога Мохаммера—Хорремабад—Тегеран, соединившая южные и западные области страны с центром. Сооружение этой дороги усилило позиции центрального правительства в районах, населенных непокорными кочевыми племенами, и увеличило возможности контроля над деятельностью Англо-персидской нефтяной компании, использовавшей постоянную угрозу племенных

⁴ Интересно отметить, что Мосаддык, справедливо отмечая малое экономическое значение избранного правительством направления Трансиранской железной дороги, предлагал прокладывать ее в западно-восточном направлении, чтобы она служила транзитным путем из Европы в Азию [см. 330, стр. 142—156].

выступлений в качестве орудия давления на правительство Ирана. В экономическом отношении эта дорога несколько ослабила зависимость иранской внешней торговли от иракских транзитных путей, поскольку товары, поступавшие в Иран по южному направлению, ввиду отсутствия оборудованных портов на иранском побережье Персидского залива, железных и шоссейных дорог в Южном Иране перевозились кружным путем через Басру, Багдад, Ханекин. Правда, строительство этой дороги сократило и расходы АПНК, которой уже не приходилось отправлять свою продукцию в Центральный Иран кружным путем [369, 3.X.1928].

Ввиду отсутствия квалифицированных кадров в Иране дорожное и промышленное строительство, равно как и проведение административно-хозяйственных реформ, не могло осуществляться без привлечения иностранной технической помощи и специалистов. Иранское правительство в этом отношении пользовалось услугами представителей так называемых нейтральных, третьих стран, не имевших крупных экономических и политических интересов в Иране, в первую очередь Соединенных Штатов Америки.

Еще в 1922 г. иранское правительство пригласило для реорганизации финансового ведомства сроком на пять лет миссию американца А. Мильspo, который получил пост главного управляющего иранскими финансами⁵. Проектирование и строительство Трансиранской железной дороги также было передано американским железнодорожным экспертам. Один из них, Поленд, был поставлен во главе организованного при министерстве общественных работ Ирана железнодорожного управления.

«Доктрина третьей силы», занимавшая большое место во внешнеполитической концепции Ирана этого периода, соответствовала той исторически сложившейся линии внешнеполитической ориентации буржуазно-националистических кругов, которая в условиях безраздельного господства Англии и царской России в Иране до первой мировой войны толкала их на сближение с так называемым нейтральным капиталом. Социальные

⁵ Ежегодные расходы иранского правительства на содержание миссии в 1924—1926 гг. составляли 100 тыс. туманов [347а, стр. 320, 343].

корни этой доктрины заключались в слабости национальных сил Ирана, в их боязни опереться на широкую народную поддержку. После Октябрьской революции и возникновения на месте царской России первого в мире социалистического государства в характере и социальном содержании политики «третьей силы» произошли некоторые изменения. В опоре на «нейтральный» капитал правящие круги Ирана теперь видели средство не только против дальнейшего расширения позиций Англии в стране, но и против усиления авторитета СССР среди широких народных масс Ирана.

Однако госдепартамент США, прикрываясь изоляционистскими фразами о «невмешательстве», не проявлял желания играть предназначенную ему иранским правительством роль нейтрализующего баланса в политике лавирования между Англией и СССР. Вместе с тем характер деятельности американских советников и специалистов в Иране, хотя они и были наняты в неофициальном порядке, путем заключения с ними частных контрактов, способствовал расширению сферы действия империализма и ущемлял суверенные права Ирана. Так, руководитель железнодорожного управления Полленд, ссылаясь на то, что поступления от сахаро-чайной монополии недостаточны для осуществления строительства Трансиранской железной дороги, предлагал иранскому правительству обратиться к Соединенным Штатам с просьбой о предоставлении займа. Аналогичное заявление сделал А. Мильспо [378, 31.XII.1927]⁶.

Руководимая им американская финансовая миссия, злоупотребляя доверием иранского правительства, стремилась полностью подчинить себе финансовый аппарат страны, постоянно превышала свои и без того обширные полномочия, открыто вмешивалась во внутренние дела Ирана. Все это не могло не вызывать недовольства

⁶ Однако возможность получения займа в США была с самого начала парализована заявлением Форин Оффиса госдепартаменту о необходимости учитывать иранскую задолженность Англии. Более того, британский посол в Вашингтоне Э. Говард прямо заявил государственному секретарю США Келлогу, что правительство Великобритании будет против всякого займа, предоставление которого имело бы своим результатом усиление железнодорожных и любых иных связей Ирана с Советским Союзом. «Нам нужна Персия свободная и независимая, а не находящаяся под влиянием Советской России», — сказал он [336, стр. 853—856].

иранской общественности. 25 ноября 1926 г. газета «Туфан» опубликовала статью с характерным заголовком — «Советник или диктатор». С аналогичными статьями выступали и другие иранские газеты [см., например: 378, 26.XI.1926; 27.I.1927; 1.VII.1927].

Бесцеремонное хозяйничанье американской миссии вызвало недовольство и правящих кругов Ирана. Министр двора отмечал, что А. Мильспо пытается захватить те отрасли управления, которые находятся вне сферы его контроля [97, стр. 138; 101, стр. 87]. В конце 1926 г. Реза-шах в присутствии членов кабинета и депутатов меджлиса выразил недовольство действиями А. Мильспо. Некоторые представители иранских правящих кругов и американский посланник в Иране Гоффман Филип были склонны полагать, что отношение шаха к американской миссии вызвано «происками иностранцев» и отклонением А. Мильспо контракта с германским специалистом-геологом [40, 1927, т. III, стр. 542], приглашение которого было предусмотрено законом меджлиса от 9 февраля 1926 г. о строительстве Трансиранской железной дороги.

Действительная причина недовольства Реза-шаха деятельностью А. Мильспо лежала гораздо глубже. 14 апреля 1927 г. он заявил Г. Филипу, что, если А. Мильспо не изменит свои методы работы, «правительство будет вынуждено аннулировать его контракт, даже если это будет сопряжено с трудностями. Правительство предпочитает испытывать трудности, но быть независимым, нежели пребывать в спокойствии и лишиться этой независимости» [40, 1927, т. III, стр. 550]. Хотя Реза-шах и говорил лишь о необходимости замены А. Мильспо и отдельных членов миссии, можно предполагать, что уже в это время он решил полностью отказаться от услуг американских советников.

В середине 1927 г. иранское правительство вручило А. Мильспо проект нового контракта, который существенно урезывал его права и полномочия по сравнению с контрактом 1922 г. [подробнее см.: 379, 17.VI.1927; 24.VII.1927; 101, стр. 87—89], срок которого истек 30 сентября. А. Мильспо отказался принять новый контракт и заявил, что в начале августа покинет Иран. Но еще до его отъезда, 28 июля, меджлис принял решение о возложении обязанностей, исполнявшихся ранее

А. Мильспо, на премьер-министра [40, 1927, т. III, стр. 554; 3476, стр. 27—28]. 2 августа государственный секретарь США Келлог инструктировал Г. Филипа заявить иранскому правительству, что США оставляют за собой полную свободу действий в отношении будущих просьб Ирана о найме американских советников и специалистов. А 4 августа А. Мильспо покинул Иран [40, 1927, т. III, стр. 555]. Вслед за ним уехали из Ирана остальные 14 американских советников, работавших в министерстве финансов. Спустя некоторое время, весной 1928 г., иранское правительство уволило всех 13 американских железнодорожных экспертов во главе с Полендом, служивших в министерстве общественных работ Ирана. Как сообщала иранская пресса, ряд американских финансовых советников и дорожных экспертов были изобличены в растратах и хищениях, а один из них был отдан под суд [371, 2.XII.1927].

Определенную роль в расторжении контрактов с американскими советниками и специалистами в Иране сыграли закулисные действия дипломатии Англии, опасавшейся чрезмерного усиления позиций американцев в Иране⁷; и Германии, стремившейся расчистить путь для собственного проникновения в эту страну.

В связи с недовольством иранской общественности деятельностью американцев и начавшимся отходом правительства от ориентации на США в качестве «третьей силы» проанглийские элементы господствующих классов стали выступать с требованиями отказа от опоры на «нейтральный» капитал. Упоминавшийся выше Мустафа Фатех в своей книге назвал «доктрину третьей силы» «бесполезной», «совершенно абсурдной», «сплошной глупостью». Он утверждал, что политика привлечения в Иран «незаинтересованной» державы неизбежно создаст для этой державы определенные интересы, что, будучи международной силой, иностранный капитал может всегда проникнуть в страну под другой вывеской, а затем использовал эту справедливую критику «доктрины третьей силы», призывая иранское правительство «отбросить в сторону сентименты» и привлекать в стра-

⁷ При этом англичане всячески демонстрировали «позицию абсолютной лояльности» в отношении американской миссии [336, стр. 819—820, 829—831, 853—856].

ну иностранный капитал «без всякой дискриминации» [241, стр. 90—91, 97].

Однако с отъездом американских советников и специалистов иранское правительство не отказалось от политики «третьей силы». Освобожденное Соединенными Штатами поле деятельности в Иране постепенно начинает занимать Германия, которая в тот период ввиду своего положения побежденной страны еще не могла представлять реальной угрозы иранскому суверенитету⁸. Новую ориентацию иранского правительства Реза-шах в этот период не раз подтверждал в беседах с иранскими политическими деятелями и представителями германского капитала [см. 240, стр. 581—582; 85, стр. 172, 226, 332]. Эта ориентация нашла проявление в усилении ирано-германских контактов (в мае 1927 г. Тегеран посетил глава Восточного отдела МИД Германии Рихтгофен, принятый шахом и министром двора) [371, 13.V.1927], предоставлении германской авиационной компании «Юнкерс» сроком на 5 лет монопольной концессии на оборудование внутренних иранских воздушных линий⁹, привлечении германских советников и специалистов в различные административно-хозяйственные учреждения страны, и в частности те, которые ранее занимались американцами.

Строительство двух пробных участков (северного и южного) Трансиранской железной дороги и все изыскательские работы иранское правительство в 1928 г. передало германским фирмам «Юлиус Бергер Тифбау», «Сименс Бау Унион» и «Филипп Гольцман», которые, в свою очередь, вошли в соглашение с американской фирмой «Улен». Представитель вновь созданного германо-американского консорциума немец Браун был назначен советником при иранском правительстве [197, стр. 86].

⁸ Другая особенность ирано-германских отношений в 20-х годах вытекала из советско-германского сотрудничества на базе Рапалльского договора. В одобренном В. И. Лениным письме Г. В. Чичерина в ЦК РКП(б) от 19 ноября 1921 г. говорилось: «Уже предпринимаются шаги для привлечения в Персию германского промышленного капитала, который в нынешней политической обстановке не представляет тех же опасностей, как антантовский» [207а, стр. 53].

⁹ Впоследствии директор филиала компании в Иране Эд. Яорентной отмечал, что «Юнкерс» вышел победителем из острой конкурентной борьбы с французской авиакомпанией лишь благодаря поддержке Реза-шаха [92, стр. 109—110].

С целью не допустить чрезмерного усиления влияния Германии иранское правительство, имевшее уже опыт «сотрудничества» с американцами, размещало поставки железнодорожных материалов в самых различных странах (СССР, Австрии, Швеции, Бельгии, Германии, США, Японии, Югославии), причем предпочтение отдавалось малым странам [324, стр. 374—395].

В ноябре 1927 г. иранское правительство пригласило для консультаций по финансовым вопросам германского эксперта Вильгельма Ботцке [63, 20.XI.1927], которому затем предложило остаться работать в Иране в качестве финансового советника. В. Ботцке отказался занять этот пост, но рекомендовал других германских финансовых специалистов [303, стр. 319—320]¹⁰. В апреле 1928 г. немец Линденблатт получил приглашение занять пост А. Мильспо [371, 24.IV.1928], но потом был назначен директором вновь организованного Национального банка Ирана. Предварительно в закон об организации банка, предусматривавший приглашение американского специалиста, было внесено соответствующее изменение [347б, стр. 351—352]. Общее число германских финансовых специалистов в Национальном банке и его отделениях составило вскоре 70 человек [85, стр. 192]¹¹. Однако их деятельность была подчинена Наблюдательному совету банка и министерству финансов Ирана.

Создание Национального банка было крупным событием в экономической жизни Ирана. Основной капитал банка стал быстро пополняться за счет переводов иранскими купцами своих вкладов из Шахиншахского банка и прибылей от учетно-ссудных операций. Накопления в иностранной валюте, которые иранское правительство держало в Шахиншахском банке, и все запасы в кранах были также переведены в Национальный банк. Вскоре

¹⁰ Отказ В. Ботцке был вызван ограниченностью предусмотренных законопроектom иранского правительства полномочий финансового советника, подчиненного к тому же министру финансов. Намеки германского министерства иностранных дел на желательность внесения поправок в проект не дали результатов [279, стр. 286].

¹¹ Позже, в 1929 г., во главе руководства Управлением финансового счетоводства был поставлен немец Герман Фрей. В том же году германский финансовый советник при министерстве общественных работ Ирана д-р Шнивенд получил назначение на пост главного управляющего иранскими финансами с предоставлением ему чрезвычайных полномочий [77, 24.VII.1929; 48, № 2, 1929, стр. 59—60].

новый банк занял ведущее место в кредитно-денежной системе Ирана. В первые же месяцы своей деятельности он вступил в банковские операции со всеми государствами, поддерживавшими с Ираном торговые отношения [378, 14.X.1928]. Политикой удешевления кредита банк способствовал уменьшению сверхприбылей Шахиншахского банка [185, стр. 280—281].

Таким образом, была ликвидирована монополия Шахиншахского банка на кредитно-денежном рынке Ирана. Не случайно он сразу же начал чинить всяческие препятствия Национальному банку, в частности изменяя чуть ли не ежедневно курс фунта стерлингов. Газета «Эттелаат» от 30 сентября 1928 г. указывала, что повышения курса происходили именно тогда, когда Национальному банку требовались фунты, а понижения — когда происходили расчеты и сдача денег. В связи с этим иранские газеты уже в этот период стали выдвигать вопрос о передаче Национальному банку права эмиссии банкнотов [см. 379; 380, 12.X.1928].

Одновременно с мероприятиями, направленными на достижение известной свободы в финансово-экономической политике, правительство Реза-шаха проводило реорганизацию дипломатического аппарата, который не только не соответствовал современным требованиям и интересам утвердившихся у власти помещичье-буржуазных кругов, но и в прошлом не обеспечивал эффективного проведения даже внешней политики Каджаров, предававших национальные интересы страны.

Министерство иностранных дел и дипломатические представительства Ирана за рубежом, как правило, были укомплектованы представителями феодальной аристократии, рассматривавшими свою службу во внешнеполитических учреждениях как возможность получения дополнительных доходов и приятного времяпрепровождения за границей за счет государственной казны. Будучи монополией сравнительно небольшого круга аристократических семей, такая дипломатическая служба, естественно, не создавала стимула для повышения образовательного уровня. Большинство высокопоставленных чиновников министерства иностранных дел не имело даже среднего светского образования. Лица, получившие европейское образование, исчислялись единицами. Относительно грамотную прослойку сотрудников внешнепо-

литических учреждений составляли рядовые чиновники — выходцы из служилой интеллигенции [313, стр. 23—24].

Единственным учебным заведением, готовившим кадры для дипломатического аппарата, была политическая школа, имевшая три отделения: политическое, правовое и экономическое. Основной контингент учащихся составляли опять-таки сыновья аристократов, уже с детства предназначенные к занятию дипломатических постов и потому проявлявшие полное безразличие к приобретению сколько-нибудь глубоких знаний. Преподавали в школе либо работники МИД, знавшие хотя бы один иностранный язык, что, впрочем, было большой редкостью, либо преподаватели Дарольфонуна (чуть ли не единственного в стране высшего учебного заведения), имевшие сведения о мировых событиях в лучшем случае десятилетней давности [313, стр. 24—25, 29]. За 12 лет своего существования школа подготовила всего несколько десятков «специалистов».

Зарубежная информация сотрудников министерства иностранных дел, включая дипломатов, аккредитованных за границей, ограничивалась сведениями о состоянии отелей и увеселительных заведений, ценах на товары, программах зрелищных предприятий и т. п. Ахмед Намдар, автор заметок о дипломатической службе Ирана, сообщает о курьезном случае с членом иранской делегации в Лиге наций, которому было предложено выступить в меджлисе с докладом о международном положении. После нескольких невразумительных фраз он вдруг сказал: «Э, господа, нам ли понять большую международную политику» [313, стр. 31—32].

Отрицательное влияние на деятельность иранских дипломатических представительств за рубежом оказывали разделявшие различные прослойки правительственных кругов местнические и групповые интересы. В условиях характерной для Ирана начала 20-х годов частой смены кабинетов, являвшейся следствием политической неустойчивости, они приводили подчас к анекдотическим и беспрецедентным в дипломатической практике конфликтам. Характерный в этом отношении случай произошел в 1921 г. с сотрудником иранской дипломатической миссии в Берлине Хан-Малеком Саеани. Правительство, назначившее его поверенным в Турции, пало до того,

как он прибыл в Стамбул; новый министр иностранных дел назначил на эту должность другого дипломата, даже не уведомив об этом Хан-Малека Сасани. Поскольку последний отказался передать свой пост, вновь назначенный поверенный, сколотив вооруженную группу, совершил нападение на здание дипломатического представительства [313, стр. 27—28].

Использование служебного положения в целях личной наживы многими иранскими дипломатами каджарской эпохи не только не считалось зазорным, но и рассматривалось как нечто вполне естественное. Так, иранский консул в Баку при мусаватистском правительстве Азербайджана Дибба составил себе целое состояние на продаже отступающим белогвардейцам въездных виз в Иран. Позже, благодаря дружеским отношениям с министром двора, он получил пост управляющего финансовой частью шахского двора [85, стр. 202]¹². Даже в первое время после вступления Реза-шаха на престол, как свидетельствует тогдашний управляющий финансовой частью МИД Ирана Сеид Мехди Фаррох (Мохтасем ос-Салтане), иранские дипломаты в Турции и советских республиках Закавказья занимались контрабандной торговлей [360, стр. 208—219].

Одним из первых мероприятий Реза-шаха (еще в бытность его премьером) в области реорганизации дипломатического аппарата была замена в иранских миссиях и консульствах неугодных ему представителей старой феодальной аристократии выходцами из помещичье-буржуазных кругов (главным образом офицерами и интеллигенцией). Как сообщает Хосейн Макки, за редкими исключениями Реза-хан не питал доверия ни к одному из иранских представителей за границей [329, стр. 327]. Добиваясь возвращения сотрудников этих представительств в Иран, правительство прибегало к таким мерам, как наложение ареста на их жалованье [347а, стр. 362]. В 1926 г., после проведенной Фаррохом проверки, Реза-шах приказал отдать под суд иранского посла в Турции Мофахема од-Доуле, несмотря на его родственные связи с такими «отцами нации», как Мотамен оль-Мольк и Мошир од-Доуле, и генерального кон-

¹² В 1933 г. был осужден за взяточничество [360, стр. 301; 52, 1934, № 1—2 (16—17), стр. 134].

сула в Тифлисе Мофтах оль-Молька. Первый был отстранен от государственной службы, второй понижен в ранге [360, стр. 208—219].

Однако полная ликвидация характерной для каджарской эпохи коррупции была весьма трудной. Наиболее ярко она проявлялась при решении различных внешнеполитических дел, и особенно предоставлении концессий иностранным компаниям, когда премьер или другие государственные деятели получали от заинтересованных компаний «комиссионные за посредничество», а отдельные депутаты меджлиса — прямые взятки. Американский наблюдатель В. Шиан приводит в своей книге случай, имевший место в 1926 г. при обсуждении в меджлисе вопроса о концессии на оборудование воздушных линий в Иране. Претендовавшие на концессию французская и германская фирмы не скупилась на соответствующие расходы, и французы, оказавшиеся более «щедрыми», были уже близки к цели. Тем не менее французский посланник, стремясь предотвратить всякого рода случайности, явился на заседание меджлиса и пытался оказать влияние на ход обсуждения. Правительство Реза-шаха добилось отзыва французского посланника из Ирана [97, стр. 104—105]. С помощью репрессивных действий ему удалось ликвидировать наиболее открытые формы проявления коррупции при решении внешнеполитических вопросов.

Проведение более серьезных мероприятий по реорганизации дипломатического аппарата в первые годы правления Реза-шаха сдерживалось финансовыми трудностями [360, стр. 208—210] и отсутствием в стране квалифицированных кадров. Стабилизация финансово-экономического положения позволила правительству Реза-шаха не только резко расширить подготовку кадров для дипломатического аппарата¹³, но и отпускать крупные средства для распространения за рубежом информации об Иране в целях противодействия не всегда объективным заграничным сообщениям [48, № 2, 1928, стр. 100]. В министерстве иностранных дел по образцу европейских государств были созданы различные отделы и департаменты (протокольный, экономический, рус-

¹³ За 16 лет правления Реза-шаха только за границей получили образование 10 тыс. иранцев, тогда как за последние 90 лет правления Каджаров — всего 60 [336, стр. 95].

ский, европейский, азиатский и т. д.). Во главе отделов были поставлены получившие европейское образование чиновники.

20 июня 1931 г. правительство утвердило новое положение о службе в министерстве иностранных дел, согласно которому служащие МИД подразделялись на две категории: дипломатические и консульские; канцелярские (ст. 1). Для поступления на дипломатическую службу необходимо было иметь диплом со званием «лисанс» (т. е. об окончании высшего учебного заведения) по правоведению, общественным или экономическим наукам, владеть французским или английским языком. В случае, если число желающих поступить на дипломатическую службу чиновников превысит существующую в них потребность, предусматривалось проведение конкурса. При этом преимущество получали те, кто в дополнение к двум указанным языкам владел русским, немецким, турецким или арабским (ст. 3). Канцелярские чиновники должны были уметь делать перевод на персидский язык с французского или английского, печатать на машинке с персидским и латинским шрифтом. Преимущество для поступления на службу давал аттестат об окончании шести классов средней школы или больше, умение переводить с французского и английского языков или с одного из других четырех указанных языков (ст. 4). Назначение начальников отделов МИД и их помощников, а также дипломатических и консульских представителей за рубежом предусматривалось лишь из первой категории лиц. Исключения в пользу второй категории были сделаны для должностей консулов и вице-консулов в Турции, Афганистане, СССР и Ираке (ст. 7) [371, 26.VI.1931].

Тогда же правительство приняло постановление о запрещении чиновникам министерства иностранных дел, кроме как с письменного разрешения МИД, вступать в брак с иностранками. Нарушение постановления влекло за собой увольнение с дипломатической службы [371, 30.VI.1931]. Дипломатическая почта от иностранных правительств и их представительств в Иране принималась министерством иностранных дел только на персидском языке [293, стр. 73].

Значительный ущерб внешнеполитическим отношениям Ирана с иностранными государствами наносила

существовавшая с давних пор практика использования аккредитованными при иранском правительстве дипломатическими миссиями в качестве своих консульских агентов и других представителей иранских граждан. В качестве примера можно указать на автора капитальной работы на персидском языке по истории Ирана периода первой мировой войны Ахмед Али Сепехра (Моварех од-Доуле) [309], служившего в тот период секретарем германской дипломатической миссии и оказавшего на этом посту крупные услуги Германии.

В целях искоренения этой практики иранское правительство приняло ряд мер. Еще будучи премьер-министром, Реза-хан издал декларацию от 12 ноября 1923 г., запрещавшую иранским гражданам вести проiski и интриги при содействии иностранцев и вообще посещать иностранные миссии. «В тысячу раз лучше испустить дух в своей стране от труда, бедности и немощи», говорилось в декларации, чем превращать иностранную помощь в средство существования [340, стр. 388—390]. Смысл и дух декларации дали А. Мильс-по основание назвать Реза-хана «настоящим олицетворением национализма» [93, стр. 200—201].

В последующие годы правительство Реза-шаха приняло в этом направлении более конкретные меры. В 1927 г. было издано постановление, согласно которому иранские граждане впредь не могли являться консульскими агентами или представителями иностранных государств в Иране. В начале сентября министерство иностранных дел циркулярной нотой уведомило все иностранные миссии в Иране о том, что иранское правительство отныне не будет признавать иранских граждан в качестве представителей иностранных государств, и предложило иностранным миссиям освободить их от таких должностей [371, 4.IX.1927].

Тогда же были отменены ранги иностранных консулов (старшинство в консульском корпусе устанавливалось лишь датой прибытия соответствующего консула в Иран) [371, 11.VIII.1927] и приняты меры к ликвидации консульской охраны. Иностранные дипломатические представительства были уведомлены о том, что могут поднимать флаги своих стран только в национальные праздники на фасаде здания и не в вертикальном положении [293, стр. 72—73].

С целью положить конец существовавшей в Каджарской монархии практике использования иностранными державами в своих интересах иранских граждан путем принятия их в свое подданство министерство иностранных дел Ирана с начала 1928 г. приступило к расследованию дел всех иранцев, имеющих иностранные паспорта. Таким лицам въезд в Иран разрешался лишь после доказательства ими своих прав на владение иностранным паспортом или после получения в иранских консульствах иранских паспортов. Летом 1928 г. в меджлис был внесен законопроект, запрещающий лицам иранского происхождения переход в иностранное подданство без специального разрешения шаха [285а, стр. 357].

В период правления Каджаров в министерстве иностранных дел Ирана царил полнейший хаос. Весьма характерен в этом отношении следующий пример. 27 марта 1920 г. Иран присоединился к подписанной 10 сентября 1919 г. державами-победительницами Сен-Жерменской конвенции о контроле над международной торговлей оружием, существенно ограничивавшей суверенные права Ирана. При этом не только содержание конвенции, но и факт присоединения к ней Ирана остались совершенно неизвестными в стране. Только в 1923 г., когда возникли международные осложнения в связи с решением Реза-хана закупить партию оружия во Франции и Германии, правительство Ирана узнало о существовании конвенции. В иранском же министерстве иностранных дел не могли отыскать ни одного экземпляра этого документа [329, стр. 348—352; 379, 21.VI.1925; 371, 18.VI.1925].

С установлением нового режима известный порядок был наведен и в архивном деле. Однако тайна дипломатических сношений составляла характерную черту внешней политики Ирана и в период правления Реза-шаха. С помощью жестких цензурных ограничений правительство полностью подчинило себе прессу. К Ирану в значительной мере применимо высказывание В. И. Ленина о внешней политике капиталистических государств: «...самые важные вопросы: война, мир, дипломатические вопросы решаются ничтожной горсткой капиталистов, которые обманывают не только массы, но даже часто обманывают и парламент» [11, стр. 285]. При

этом иранской дипломатии рассматриваемого периода были присущи пороки, характерные для дипломатии не только классовых обществ вообще, но и эпохи феодального абсолютизма в частности.

Верховной внешнеполитической инстанцией при наличии представительного учреждения — меджлиса с его комиссией по иностранным делам был Реза-шах. Фактически же всеми связанными с внешними отношениями делами ведал Теймурташ¹⁴, вплоть до 1932 г. бесменно занимавший пост министра двора, учрежденный для него шахом по образцу великого везира для прямого контроля над правительством (сам министр двора не был членом кабинета). Иностранные миссии в Тегеране все важные дела, относящиеся к компетенции министра иностранных дел, решали непосредственно с министром двора. Пост же министра иностранных дел в иранских кабинетах в течение ряда лет рассматриваемого периода оставался вакантным, а текущую деловую переписку с иностранными представителями вел управляющий МИД. Мохаммед Али-хан Фарзин, занимавший одно время этот пост, признал в меджлисе, что является не больше чем писцом министра двора [337, стр. 35].

Теймурташ стал вторым после шаха лицом в государстве, сосредоточив в своих руках руководство не только внешними, но и многими внутренними делами. Он был зачинателем и непосредственным исполнителем проектов большинства реформ, осуществленных в Иране до 1932 г. Советский полпред в Тегеране А. М. Петровский, германский посланник В. фон Блюхер и другие иностранные наблюдатели отмечали исключительные деловые качества Теймурташа, его недюжинный ум, знание иностранных языков, умение хорошо ориентироваться в обстановке [82, стр. 51; 85, стр. 279]. В самых сложных международных переговорах, требующих большого дипломатического искусства и умения маневрировать, Реза-шах неизменно использовал Теймурташа.

¹⁴ Абдул Хусейн-хан Теймурташ происходил из аристократической семьи крупного хорасанского землевладельца; образование получил в офицерских классах Пажеского корпуса в Петрограде. Последовательно избирался в депутаты меджлиса четырех созывов, занимал губернаторские и генерал-губернаторские посты. Примкнув вскоре после переворота 1921 г. к Реза-хану, Теймурташ много сделал для утверждения нового режима [подробнее см.: 337, стр. 27—35; 82, стр. 36, 50; 85, стр. 187, 198, 202, 255; 360, стр. 226—229].

Газета «Таймс» от 9 января 1933 г. назвала его «мозгом персидских министров».

По своим политическим взглядам Теймурташ относился к числу наиболее дальновидных представителей правящих помещичье-буржуазных кругов. В беседе с советским журналистом Н. Г. Пальгуновым он говорил: «Глава нашего государства и наше правительство ставят перед собой задачу возродить Иран, поставить его в экономическом, политическом и культурном отношении на один уровень с европейскими странами. Мы мобилизуем все силы и средства, чтобы вывести Иран и иранский народ из отсталости. Природа нас щедро наделила всевозможными естественными богатствами, но эти богатства или лежат под спудом, или же используются с низким коэффициентом пользы для страны. Правительство желает добиться процветания иранского государства, оно полно стремления проводить подлинно национальную политику, свободную от внешнего влияния... Наше правительство — независимое правительство, и мы признательны правительству Советской России за поддержку нашей независимости» [82, стр. 50].

Характеризуя внешнеполитическую ориентацию Теймурташа, Н. Г. Пальгунов пишет: «Теймурташ был бесспорно государственным деятелем большого масштаба. Кое-кто пытался представить Теймурташа другом нашей страны, связанным с ней общностью культуры, воспитанием, полученным в России образованием. Эти попытки лишены оснований... Теймурташ стремился держать северные границы на замке, стремился помешать притоку в Иран информации о жизни Советского Союза и не желал роста советского могущества, боялся этого» [82, стр. 51—52]. Прибегая при надобности к советской фразеологии, Теймурташ в действительности был в плену антисоветских и антикоммунистических предрассудков. В одной из бесед с германским посланником В. фон Блюхером он высказал уверенность, что «Россия рано или поздно станет однажды жертвой внутренних беспорядков» [85, стр. 199]. В другой раз в разговоре с тем же собеседником о влиянии «коммунистической пропаганды» на иранских студентов в Европе Теймурташ заявил: «Персия не может допустить, чтобы ростки ее интеллигенции политически отравлялись» [85, стр. 227].

Тем не менее Теймурташ был одним из наиболее активных, хотя и не всегда последовательных, сторонников дружественных отношений с СССР, развитие которых считал залогом достижения и укрепления независимости страны. Понимая исходящую от Англии угрозу национальному суверенитету Ирана, он «в отличие от других не спешил покорно распластаться перед английским империализмом» [82, стр. 52]. Н. С. Фатеми пишет: «Он ненавидел англичан, а они ненавидели его» [242, стр. 163]. Отмечая явную преувеличенность этого заявления, нельзя в то же время не признать справедливость следующей оценки В. фон Блюхера внешнеполитической позиции Теймурташа в целом: «В области внешней политики он избегал ориентации в ту или иную сторону, но все же ориентировался больше на Россию, чем на Англию» [85, стр. 278—279]. Не случайно английский «Журнал Королевского Центрально-Азиатского общества» называл его «англофобом, симпатизирующим России» [68, 1934, т. XXI, ч. 1, стр. 93].

Проведенная в первые годы правления Реза-шаха реорганизация создала определенные условия для нормального функционирования внешнеполитического ведомства и активизации деятельности иранской дипломатии.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КАПИТУЛЯЦИОННОГО РЕЖИМА

Иранская дипломатия в Лиге наций. Членом Лиги наций Иран являлся с 1920 г. Хотя эта организация и была орудием империалистических держав, включение Ирана в число ее членов означало по существу признание западными державами его права на участие в международных делах. В этом сказалось определенное влияние новых принципов международных отношений, провозглашенных Великой Октябрьской социалистической революцией.

Первым вопросом, с которым Иран столкнулся в этой организации, было требование уплаты взноса в сумме 350 тыс. фр. Иранский представитель, ссылаясь на огромный ущерб, нанесенный Ирану действиями воюющих держав в годы первой мировой войны, в ходе многолетних переговоров с учредителями Лиги наций

добился снижения этой суммы до 50 тыс. фр. [320, стр. 546—547].

Значительность расходов, связанных с членством в Лиге наций, при полном игнорировании ею интересов малых стран вызывала среди общественности Ирана скептическое отношение к участию в этой организации. Газета «Кушеш» от 13 октября 1925 г. в передовой статье «Иран и Лига наций» в резких выражениях отмечала, что Лига наций — это вовсе «не международная Лига, а просто Лига великих держав Европы».

Ссылаясь на то, что Иран является единственным мусульманским государством в Лиге наций, иранское правительство добивалось получения места в Совете Лиги наций. В 1928 г., накануне выборов в Совет, иранский представитель в Лиге наций Мохаммед Алихан Форуги (Зока оль-Мольк) выступил с энергичным требованием предоставить Ирану непостоянное место в Совете Лиги [371, 10.IX.1928]. В противном случае, заявил Форуги корреспонденту иранской газеты, «наше дальнейшее пребывание в Лиге, связанное с такими громадными расходами, станет совершенно бесполезным и даже опасным» [378, 6.IX.1928]. В начале сентября 1928 г. 40 голосами против 10 Иран был избран в число непостоянных членов Совета Лиги наций [371, 12.IX.1928; 285а, стр. 110, 114—115]. Еженедельник английского министерства колоний «Нир Ист энд Индия» от 13 сентября 1928 г. расценил это как «признание достигнутого Ираном политического прогресса».

Иранская дипломатия стремилась эффективно использовать Лигу наций в целях укрепления государственного суверенитета Ирана. На четвертой ассамблее Лиги иранский представитель голосовал против предложенного Англией и другими державами пересмотра ст. 10 Устава Лиги, согласно которой члены этой организации обязывались охранять от внешней агрессии территориальную целостность и политическую независимость государств — членов Лиги. Хотя все остальные делегаты выступили за это предложение, оно не получило законной силы, так как для пересмотра указанной статьи требовалось единогласие всех членов Лиги [285а, стр. 83; 229, стр. 185].

В 1925 г. Иран большинством в три голоса добился освобождения от предусмотренного Сен-Жерменской

конвенцией контроля держав в вопросе закупок оружия [подробнее см.: 103, стр. 169—173]. В следующем году большинством в пять голосов Иран был освобожден от постановлений Брюссельского договора, предоставлявшего Англии право досмотра иранских судов в Персидском заливе. Спустя некоторое время Иран отстоял свое право на производство важнейшей экспортной культуры — опиума, запрещения которого добивались западные державы в целях усиления конкурентоспособности своих торговых фирм [320, стр. 547—550].

Иранский представитель в Лиге в 1920—1926 гг. принц Арфа (Арфа од-Доуле) в своих мемуарах пишет: «В течение семи лет работы в Лиге все мои усилия на пленарных заседаниях и в комиссиях были направлены на защиту справедливости. Если я видел, что сильное государство хочет нарушить права одного из малых и слабых государств, то первым поднимал голос протеста. Поэтому постепенно представители средних и малых государств сгруппировались вокруг меня» [320, стр. 548]. Л. Элвелл-Саттон подтверждает, что «в Лиге наций Иран неизменно поддерживал малые нации против больших» [213, стр. 85]. В период организованной державами Антанты греческой интервенции в Турции Арфа од-Доуле поднял в Лиге наций вопрос о незаконных действиях греческой армии, в частности о массовых насильственных переселениях в Грецию мирных жителей Анатолии. По его предложению в Грецию была послана комиссия, взявшая перемещенных лиц под опеку Лиги наций [320, стр. 553—554].

Однако Иран не всегда был последователен в своих действиях в Лиге наций. Так, летом 1925 г. иранская дипломатия сделала попытку использовать эту международную организацию в целях обоснования своих незаконных притязаний на спорные участки советско-иранской границы; одновременно представители Ирана опубликовали в женевских газетах антисоветские материалы [320, стр. 550—553].

О двойственности внешнеполитической позиции правящих кругов Ирана свидетельствует и их отношение к подписанным в конце 1925 г. Англией, Францией, Германией и другими государствами Локарнским договорам, направленным на изоляцию Советского Союза и использование Лиги наций для подготовки новой антисовет-

ской интервенции. Под влиянием широко развернутой западной пропагандой пацифистской шумихи правящие круги Ирана сразу же одобрили эти переговоры. На состоявшейся в Тегеране 3 ноября 1925 г. церемонии вручения английским посланником ноты своего правительства о признании свержения династии Каджаров и установлении нового режима в Иране Реза-хан сказал, что в Локарно Англия «предотвратила новую мировую войну и сделала возможным мир во всем мире» [33а, стр. 777].

В конце 1926 г., после принятия в Лигу наций Германией, Локарнские договоры вступили в силу. Иранский представитель, занятый в то время в морской комиссии, действуя по собственной инициативе, заявил от имени иранского правительства председателю ассамблеи Лиги наций протест против локарнского толкования ст. 16 Устава [320, стр. 554—555], предусматривавшей обязательство членов Лиги активно участвовать в тех «карательных мерах», которые Лига наций могла принять против «нарушителя мира». Германия, учитывая стремление стран Антанты привлечь ее к активным действиям против Советского Союза и не желая связывать себя такого рода далеко идущими обязательствами, с целью обеспечить себе свободу маневрирования между западными державами и СССР добилась принятия ограничительного толкования этой статьи, согласно которому участие каждого государства в совместных санкциях держав ставилось в зависимость от его военного и географического положения [158, стр. 420—423]. Иранский же представитель в своих действиях исходил из того, что такое толкование ст. 16 обесценивает смысл ст. 10 Устава Лиги наций.

В связи с протестом иранского представителя в Лиге наций английская, французская и германская миссии в Тегеране обратились к правительству Ирана с запросом о полномочиях Арфа од-Доуле на официальный протест. Премьер-министр Хасан Мостоуфи (Мостоуфи оль-Мамалек) после консультации со специально созданной из депутатов меджлиса (Мохаммеда Мосаддыка, Хасана Таги-заде и Хосейна Ала) комиссией ответил, что иранский представитель действовал по инструкциям правительства. Однако под давлением держав Арфа од-Доуле все же был отозван из Лиги [320, стр. 555—557].

Между тем существование в архивах Лиги протеста иранского представителя против ограничительного толкования ст. 16 (впрочем, не оказавшего никакого влияния на утверждение Локарнских договоров в этой организации) подрывало достижение германской дипломатии, ограничивавшее возможности использования этих договоров в антисоветских целях. Учитывая это обстоятельство, а также то, что заправила Лиги наций использовали ст. 16. Устава против предлагаемых Советским Союзом договоров о нейтралитете и ненападении [23, т. IX, стр. 643—644], правительство СССР в ходе переговоров с иранским правительством о заключении гарантийного пакта между двумя странами настаивало на аннулировании последним протеста своего представителя в Лиге наций против локарнского толкования ст. 16. Иранское правительство выразило согласие с этим пожеланием и 17 октября 1927 г. послало секретарю Лиги наций соответствующее письмо [23, т. X, стр. 591].

Иранская дипломатия в Лиге наций в в других случаях прислушивалась к советам Советского правительства, не являвшегося членом Лиги. Так было, например, во время польско-литовского конфликта в 1928 г. Советское правительство, выступая против вмешательства Лиги наций, которое на деле обычно превращалось в поощрение одного государства против другого, и считая целесообразным уладить конфликт путем непосредственных переговоров между двумя сторонами, в конце 1928 г. ознакомило со своей точкой зрения Теймурташа и просило его соответственно инструктировать иранского представителя в Совете Лиги наций. Эта просьба сразу же была выполнена [23, т. XI, стр. 583, 747].

В ряде случаев иранская и советская дипломатия согласованно выступали на международной арене. 30 августа 1928 г. Советское правительство предложило Ирану сделать совместное заявление о присоединении к пакту Бриана — Келлога¹⁵, провозглашавшему отказ от вой-

¹⁵ Назван по имени его инициаторов — министра иностранных дел Франции Бриана и государственного секретаря США Келлога; пакт, преследовавший пацифистские цели, был подписан 27 августа 1928 г. в Париже с участием представителей Англии, Бельгии, Германии, Италии, Польши, Франции, Чехословакии и Японии. Англия, присоединившись к пакту, выговорила для себя право на свободу действий в тех районах мира, где у нее имеются «особые интересы» [25, стр. 16—18, 24—25].

ны как орудия национальной политики. Советское правительство, отмечая отсутствие в пакте каких-либо обязательств в области разоружения, неопределенность и неясность формулировки «воспреещения войны», допускающей различные толкования, а также обесценение пакта оговорками, которые были сделаны рядом держав, считало все же возможным присоединиться к нему, поскольку он объективно налагал известные обязательства на державы перед общественным мнением. 6 сентября 1928 г. СССР заявил о присоединении к пакту, отказавшись при этом признать оговорки держав.

В Иране пакт с самого начала получил отрицательную оценку, тем более что британские газеты, в частности «Дейли Телеграф» от 25 июня 1928 г., расшифровывая содержавшиеся в ноте Англии оговорки, писали, что речь идет, в частности, о районе Персидского залива. Иранская пресса, критикуя недостатки пакта, призывала правительство отвергнуть все оговорки к пакту. «Шефаг-е сорх» от 10 сентября 1928 г. писала, что нота СССР «достойна восхваления и является лучшим образцом для народов Востока». 3 октября 1928 г. иранское правительство объявило о своем присоединении к пакту. Отвергая оговорки держав, оно в своей ноте о присоединении отметило, что эти оговорки «ни в коем случае не могут создать для Персии какого-либо обязательства для признания возможных претензий, способных причинить ущерб правам Персии и ее владениям—морским и территориальным» [подробнее см.: 23, т. XI, стр. 491, 499, 507; 371, 5.X.1928; 406, стр. 214—215].

Проведение Ираном в середине 20-х годов активной внешней политики проявилось и в участии его представителей в разработке и подписании целого ряда международных многосторонних конвенций, соглашений и договоров [подробнее см.: 367, стр. 379—381], а также в развитии двусторонних отношений с целым рядом государств Европы, Азии и Америки.

Круг государств, с которыми Иран поддерживал непосредственные дипломатические отношения, в 20-х годах постоянно изменялся в связи с финансовыми трудностями, которые испытывало иранское правительство при учреждении дипломатических представительств. По состоянию на 1927 г. Иран имел консульские представительства в Аргентине, Голландии, Греции, Египте,

Индии, Испании, Мексике, Парагвае, Польше, Швеции. При этом до 1925 г. в Испании, Голландии, Швеции были еще и дипломатические миссии [387, 7.IX.1925]. Дипломатические миссии и консульства Иран имел в Англии, Афганистане, Бельгии, Болгарии, Германии; Дании, Италии, Румынии, США, Франции, Швейцарии. В СССР Иран был представлен посольством и консульствами, в Турции — посольством. Некоторые из дипломатических представителей Ирана за границей совмещали несколько должностей. Так, иранский посланник в Риме был одновременно посланником в Австрии и Венгрии [371, 17.VIII.1925]. Некоторое развитие в иранской дипломатической практике получило в этот период направление в ту или иную страну или группу стран специальных делегаций во главе с видными представителями правительства.

В Иране дипломатические миссии и консульства имели Англия, Афганистан, Германия, Италия, США, Франция; Бельгия — только миссию, а Голландия, Норвегия, Швеция и Швейцария — только консульства. Турция в Иране была представлена посольством, СССР — посольством и консульствами. Интересы Испании в Иране представляла Франция, Голландии — США, Австрии — генеральный консул Норвегии.

Основное внимание иранская дипломатия уделяла в этот период отношениям со своими непосредственными соседями — СССР, Афганистаном, Турцией, Ираком, а также с Англией. От развития отношений с этими государствами во многом зависело решение стоящих перед Ираном проблем политико-экономической независимости.

Развитие ирано-советских отношений. Советско-иранский договор 1921 г. создал надежную базу для успешного развития отношений между Ираном и Советской страной. Эти отношения способствовали укреплению национального суверенитета Ирана и облегчали его борьбу против империалистической политики. На III сессии ЦИК СССР в марте 1925 г. наркоминдел СССР Г. В. Чичерин говорил: «Дружественные отношения с Советской республикой являются для Персии обеспечением ее тыла при ее борьбе за создание модернизированного национального централизованного государства и в ее борьбе за полную политическую

и экономическую независимость» [цит. по: 178, стр. 158].

Советская дипломатия после подписания договора 1921 г. вела большую работу по претворению в жизнь его положений. Правительство Реза-хана, со своей стороны, проявило понимание того огромного значения, которое имело для Ирана развитие дружественных отношений с СССР. В этот период между двумя странами были подписаны телеграфная и почтовая конвенции, торговый договор, соглашение о совместной эксплуатации рыбных промыслов иранского побережья Каспийского моря, а 20 февраля 1926 г. — соглашение о взаимном пользовании пограничными водами. Деятельность созданных в конце 1923—начале 1924 г. смешанных советско-иранских обществ способствовала росту товарооборота между двумя странами и развитию иранской экономики. Однако давление внешней и внутренней реакции на правительство Реза-хана и лавирование последнего между СССР и империалистическими державами привели к тому, что советско-иранское соглашение о рыбных промыслах и торговый договор не были ратифицированы иранским меджлисом.

Трудности в торговых взаимоотношениях были обусловлены и некоторыми объективными причинами, связанными со сложностью задачи создания новых равноправных и взаимовыгодных экономических отношений между первым в мире рабоче-крестьянским государством, создававшим самую передовую, социалистическую структуру экономики, и отсталой восточной страной. Наркоминдел СССР Г. В. Чичерин отмечал, что это задача «необыкновенной сложности, гораздо сложнее, чем в наших взаимоотношениях с Западом». Когда речь идет о странах, «где хозяйственная структура гораздо более отсталая, где господствуют, так сказать, коммерсанты-индивидуалисты, то несравненно труднее найти нормальные, безболезненные формы взаимоотношений. Это тем более понятно, если иметь в виду политическое положение, как нашего Союза, так и стран Востока. Наши взаимоотношения должны быть гораздо теснее, интимнее и должны основываться на гораздо более тесных и длительных формах взаимоотношений, чем между нами и странами Запада. Отсюда все то громадное количество чрезвычайно сложных проблем, которые раньше ни-

когда не стояли ни перед какой страной, но которые пришлось разрешать нам и странам Востока при создании между нами экономических отношений» [см. 208, стр. 254—255].

Одной из наиболее сложных проблем, с которой столкнулось молодое Советское государство в середине 20-х годов, являлось несоответствие между его стремлением оказывать народному хозяйству Ирана необходимую помощь и способностью сразу после преодоления последствий четырехлетней империалистической войны и трехлетней иностранной интервенции оказывать такую помощь в достаточном объеме. В этих условиях правящие круги Ирана должны были более решительно бороться с империалистическим засильем в экономике, за достижение экономической независимости.

Система ценообразования при наличии с советской стороны монополии внешней торговли, плановый характер советской внешней торговли и стремление СССР к устранению в торговых отношениях с Ираном посредников¹⁶ при сохранении старого колониального характера иранского хозяйства приходили в противоречие со своекорыстными интересами влиятельных слоев иранской буржуазии и помещиков. Многих иранских купцов не устраивал даже товарообменный принцип, лежавший в основе советских внешнеторговых операций, хотя именно такие равноправные и взаимовыгодные отношения способствовали решению главных задач, стоявших перед экономикой Ирана [120, стр. 120—121].

Торговые связи между СССР и Ираном, окрепшие в 1925 г. благодаря установленному Советским правительством на иранской границе льготному режиму для ввозимых в СССР иранских сельскохозяйственных продуктов, с начала 1926 г. несколько сократились в связи с проведенными Советским правительством мероприятиями по общему сокращению импорта в целях улучшения торгового баланса, имевшего большое пассивное сальдо. В 1925/26 г. стоимость поступивших в СССР товаров превысила стоимость реализованных в этом году ли-

¹⁶ В 1926/27 г. в операциях по экспорту в СССР иранских товаров приняло участие 726 купцов, помещиков, маклеров и т. д., но только 36 из них вели самостоятельную непосредственную торговлю с СССР [120, стр. 114].

цензий на 109 млн. руб., из которых 49 млн., т. е. 45%, пришлось на один Иран. В связи с этим Советское правительство было вынуждено временно закрыть с 1 февраля 1926 г. иранскую границу для безлицензионного ввоза товаров из Ирана [23, т. IX, стр. 678, 688].

В то же время Советское правительство предоставило максимум льгот иранским купцам для ввоза товаров на Бакинскую и Нижегородскую ярмарки. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 26 апреля 1926 г. был освобожден от пошлин ввоз из Ирана и других восточных стран ряда сырьевых товаров, понижен тариф на их перевозку по железнодорожным и водным путям и т. п. Были приняты также меры по обеспечению завоза на ярмарки необходимых товаров для покрытия стоимости проданного иранскими купцами сырья. Был установлен также возврат пошлин на пограничных таможенных за не проданные на ярмарке товары [23, т. IX, стр. 255—256, 273—274, 337].

В результате принятых мер ирано-советский товарооборот на ярмарках 1926 г. более чем в два раза превысил ярмарочный оборот предыдущего года. Если в 1925 г. советско-иранский товарооборот на Нижегородской ярмарке составлял 11 млн. руб., то в 1926 г. он увеличился до 24 млн. руб. (общий оборот ярмарки составлял в 1926 г. 33 млн. руб.). Из 410 фирм, участвовавших в Нижегородской ярмарке 1926 г., 275 фирм были иранскими (против 257 в 1925 г.). Доля иранских купцов на Бакинской ярмарке 1926 г. составила 53% общего оборота. Здесь участвовало 89 иранских фирм, оборот которых составил 11 млн. руб. [23, т. IX, стр. 678, 724—725].

Ярмарочная торговля между Ираном и СССР в значительной мере ослабила те неблагоприятные последствия, которые могли оказать на иранскую экономику принятые Советским правительством меры по общему сокращению импорта СССР. «Затруднения в экономических сношениях с Персией, — говорил в декабре 1926 г. Г. В. Чичерин, — которые мы имеем наряду с дружественными политическими отношениями между нами, находятся на пути к вполне удовлетворительному урегулированию... Наше отношение к персидскому правительству вполне дружественно и безусловно лояльно» [31, стр. 489].

Государственные деятели Ирана в своем большинст-

ве проявили реалистический подход к причинам трудностей во внешнеторговых отношениях между Ираном и СССР, благодаря чему ирано-советские политические отношения оставались дружественными. Так, премьер-министр Ирана Мохаммед Али-хан Форуги в интервью газете «Иран» в феврале 1926 г. заявил, что сокращение импорта иранских товаров в СССР вызвано пассивным балансом советской внешней торговли и что принятые Советским правительством временные меры не являются следствием ухудшения советско-иранских отношений и применены также к Турции и Афганистану. В таком же духе высказался о состоянии советско-иранской торговли в июле 1926 г. министр иностранных дел Ирана Али Голи-хан Ансари (Мошавер оль-Мамалек) [см. 371, 28.VII.1926].

Улучшению создавшегося положения могло способствовать урегулирование советско-иранских торговых отношений. Однако заключению советско-иранского торгового договора противодействовали враждебные Советскому Союзу элементы как вне, так и внутри страны. Против дальнейшего сближения Ирана с СССР выступали и некоторые националистические деятели. На одном из заседаний меджлиса в сентябре 1926 г. Мосаддык обвинил полпредство СССР в стремлении добиться капитуляционных привилегий для советских граждан в Иране [330, стр. 80].

Однако подавляющее большинство иранской общественности требовало скорейшего заключения советско-иранского договора. Подобные требования в разное время высказывались многими иранскими газетами. Об этом, в частности, писала газета «Кушеш» от 18 июля 1926 г. Однако иранское правительство проявляло двойственность и непоследовательность в деле заключения торгового договора с СССР, равно как и в разрешении других неурегулированных вопросов ирано-советских отношений (о рыбных промыслах и др.).

Особое значение советская дипломатия придавала заключению с Ираном договора о нейтралитете, поскольку советско-иранский договор 1921 г. не содержал четкого обязательства сторон относительно неучастия во враждебных друг другу группировках и соглашениях и уже не соответствовал сложившейся к этому времени международной обстановке. Предложение о заключении

такого договора было сделано иранскому правительству еще в середине 1925 г.

В январе 1926 г. Реза-шах выразил согласие приступить к переговорам с СССР по всем неурегулированным вопросам. В беседе с советским послом 14 января он отметил, что «у советско-персидской дружбы много врагов, которые пытаются сорвать ее путем создания бесчисленных препятствий во всех делах и вопросах, которые разрешаются между обоими дружественными государствами... Можно сказать, что почти все европейские державы пытаются сорвать советско-персидскую дружбу... Интересы же Персии, — отмечал он, — лежат как раз в том, чтобы эту дружбу укреплять» [158, стр. 475—476].

Однако в результате постоянных проволочек иранской стороны переговоры начались лишь в августе 1926 г. При этом прибывший для переговоров в Москву с «личной и секретной миссией от шаха» [336, стр. 833] министр двора Теймурташ не имел полномочий на подписание соглашений. На соответствующий вопрос Г. В. Чичерина, уполномоченного Советским правительством на ведение переговоров, Теймурташ заявил, что полномочия будут получены им вместе с утвержденными иранским правительством текстами соглашений. К началу октября стороны согласовали тексты договора о гарантии и нейтралитете, торгового соглашения (в форме обмена нотами) и других экономических соглашений. Теймурташ отправил согласованные тексты для одобрения в Тегеран, а сам выехал по «личным делам» в Европу [23, т. IX, стр. 28, 233, 297, 475—477, 712; т. X, стр. 10].

Иранское правительство и после этого под давлением враждебных СССР элементов внутри и вне страны затягивало рассмотрение согласованных проектов. При этом оно всячески стремилось скрыть от Англии подлинные цели поездки Теймурташа в Москву. В октябре 1926 г. иранский посол в СССР заявил английскому представителю, что миссия Теймурташа имеет «чисто коммерческий» характер. Сам Реза-шах в беседе с британским посланником выразил надежду, что визит министра двора в Россию «не будет понят неправильно» [336, стр. 833].

Значительное влияние на позицию иранского правительства оказывали происки британской миссии в Тегеране. Местные английские агенты инспирировали анти-

правительственные выступления отдельных губернаторов и ханов. В заявлении представителям печати в Берлине от 6 декабря 1926 г. Г. В. Чичерин подчеркивал, что «английская печать и английские агенты стремятся обрушить на нас целый поток клеветы и внушить персидскому правительству, будто в этих восстаниях виновен Советский Союз» [23, т. IX, стр. 338, 568].

С целью сорвать заключение советско-иранских соглашений правящие круги Великобритании использовали различные формы давления на Иран. Вскоре после начала переговоров в Москве английский поверенный в делах в Иране г. Никольсон выразил иранскому министру иностранных дел Али Голи-хану Ансари недовольство английского правительства советско-иранскими переговорами. В декабре 1926 г. в беседе с советским полпредом К. К. Юреневым Ансари признал, что в ответ на выраженное Англией недовольство «он, зная решение своего правительства и „авторитетных сфер“ не подписывать там (в Москве. — С. А.) соглашений, сделал официальное заявление здешнему английскому шарже д'афер Никольсону о том, что Теймурташ в Москве не подпишет выработанных с Чичериным соглашений» [23, т. IX, стр. 712].

В начале декабря 1926 г. иранское правительство отозвало вернувшегося в Москву из поездки по Европе и Турции Теймурташа и одновременно предложило перенести переговоры в Тегеран. В этих условиях правительство СССР было вынуждено прибегнуть к дипломатическому демаршу. 4 января 1927 г. К. К. Юренев сделал Реза-шаху заявление, в котором после перечисления неоднократных попыток Советского правительства урегулировать отношения с Ираном и фактов затягивания иранским правительством переговоров выражалось сожаление в связи с заявлением Ансари. В заключение К. К. Юренев заявил: «Правительство Союза, считая переговоры законченными, не считает возможным вести новые переговоры в Тегеране. Но в то же время Советское Правительство выражает готовность подписать в Тегеране выработанные в Москве тексты без какого-либо дополнительного обсуждения. Если же Правительство Персии желает дополнительно обсудить их, то Правительство Союза готово сделать это и подписать соглашения в Москве» [23, т. X, стр. 9—10].

В ответ на эту новую дипломатическую инициативу СССР Реза-шах в приветливом тоне заявил К. К. Юреневу о дружественных чувствах к СССР и желании урегулировать отношения. Сказав, что вопрос о месте переговоров не важен, он обещал в ближайшие дни ознакомить К. К. Юренева через Теймурташа частным образом с окончательно выработанными проектами. «Реза-шах,— писал К. К. Юренев в НКВД СССР,— был удивлен известным заявлением Али Голи-хана Ансари и сказал, что последний был уполномочен лишь заявить англичанам, что в Москве не будут заключены враждебные Англии соглашения» [23, т. X, стр. 10].

Иначе объяснил советскому послу заявление Ансари премьер-министр Мостоуфи: «Али Голи-хан Ансари должен был сказать, что Теймурташ ничего не подпишет в Москве без предварительных сношений с Тегераном. Волнуясь, Али Голи-хан сказал нечто совсем иное». В той же телеграмме К. К. Юренев сообщал: «Видел Али-Голи-хана Ансари. Он взбешен, но сдерживается. Сказал, что, очевидно, ему самому придется ехать договариваться с Москвой» [23, т. X, стр. 11]. «Передайте Али Голи-хану Ансари,— отмечалось в ответной телеграмме НКВД СССР от 5 января 1927 г.,— что мы будем рады его приезду в Москву и что, как и всегда раньше, мы легко устраним недоразумения и быстро закончим дело» [23, т. X, стр. 623].

После новой неудачной попытки иранского правительства перенести переговоры в Тегеран [23, т. X, стр. 45, 626] в Москве в марте 1927 г. возобновилось обсуждение соглашений. Глава иранской делегации министр иностранных дел Ансари, уделяя главное внимание заключению торгового соглашения, настаивал на том, чтобы 80% иранского экспорта покрывалось товарами, а 20% оплачивалось наличными. Советское правительство, твердо придерживавшееся принципа нетто-баланса, предоставлявшего Ирану исключительные выгоды, сочло возможным пойти навстречу иранскому правительству. Было решено, что 90% иранского ввоза будет покрываться товарами, а 10% оплачиваться наличными. Вместе с тем Советское правительство согласилось увеличить контингент иранского ввоза в СССР в течение первого года действия соглашения с установлен-ных вначале 35 млн. рублей до 50 млн. рублей, что со-

ставляло 250 млн. кран [23, т. X, стр. 171—172; 369, 7.VI.1927].

Некоторое влияние на замедление темпов советско-иранских переговоров оказал разрыв Англией дипломатических отношений с Советской страной. В Иране он нашел отражение в отставке кабинета Мостоуфи, который вел переговоры с СССР. Однако глава нового правительства Мехди Голи-хан Хедайат (Мохбер ос-Салтане) в своей декларации в меджлисе заявил, что основной задачей его кабинета будет урегулирование ирано-советских отношений. Портфель министра иностранных дел в новом правительстве остался в руках Али Голи-хана Ансари [151, стр. 76]. Хотя иранская пресса в целом высказывалась за нейтралитет в англо-советском конфликте, правящие круги Ирана решили воспользоваться им для того, чтобы добиться от СССР возможно больших уступок в переговорах. С таким призывом, в частности, выступил в меджлисе в июне 1927 г. депутат Ширвани.

Иранское правительство еще раньше начало прибегать к различным формам давления на СССР с целью выторговать такие уступки, на которые Советское государство в тот период не могло пойти в силу уровня развития советской экономики. Не довольствуясь тем, что правительство СССР в начавшихся с марта 1927 г. переговорах и так пошло на значительные уступки, иранская сторона продолжала добиваться новых уступок методами, несовместимыми с дружественными отношениями, существующими между двумя странами. Об этом свидетельствует организованная в Иране кампания бойкота советских товаров.

В начале 1927 г. тегеранское купечество создало так называемое Общество экономического выступления, ставившее своей целью борьбу против советских торговых организаций путем бойкота советских товаров. Вскоре подобные общества образовались в большинстве провинций Ирана [371, 15.II.1927; 380, 3.III.1927]. В некоторых провинциях, как, например, в Гиляне, «бойкотисты» пытались даже применить репрессивные меры против купцов, продолжавших торговлю с СССР и в частности принявших участие в Бакинской ярмарке.

Характерно, что в кампании бойкота участвовала

лишь верхушка купечества. Средние и мелкие купцы, напротив, выступали за скорейшее заключение торгового договора с СССР. В результате сопротивления этой части купечества некоторые из обществ «бойкотистов» быстро распались.

Не вызывает сомнений, что в организации бойкота советских товаров верхушкой иранского купечества в какой-то мере участвовала и британская агентура. Как не без оснований полагало Советское правительство, Англия таким путем стремилась помешать урегулированию советско-иранских отношений и сорвать ведущиеся в Москве переговоры [23, т. X, стр. 589—590]. Обращает на себя внимание и занятая британской прессой позиция в этом вопросе. Еженедельник «Нир Ист энд Индиа» в номерах от 17 и 24 марта 1927 г. призывал иранское правительство найти для своих товаров другие рынки сбыта, а газета «Морнинг Пост» от 14 марта 1927 г. — пойти навстречу требованиям «бойкотистов».

Эту кампанию иранское правительство и использовало для давления на СССР. В ноте от 7 марта 1927 г. советский полпред К. К. Юренев, требуя принять «самые энергичные и срочные шаги к ограждению интересов торгующих советских граждан и учреждений», указывал, что верхушка купечества действует «если не при прямом открытом содействии местных властей, то при явном попустительстве с их стороны» [23, т. X, стр. 74—75].

Попустительствуя деятельности этих обществ, призванных создать впечатление «общественного мнения», иранские власти делали вид, будто пытаются не допустить их выступлений. Согласованный между Теймурташем и Г. В. Чичериным проект торгового соглашения правительство обсуждало на совещании с верхушкой тегеранского купечества, которое, по словам газеты «Шефаг-е сорх» от 13 марта 1927 г., не одобрило его. 17 марта 1927 г. во всех тегеранских газетах была опубликована декларация премьер-министра Мостоуфи, в которой после сообщения о расстройстве экономики Северного Ирана в результате возникших в торговле с СССР трудностей и о посылке Ансари в Москву с определенными инструкциями содержался призыв к купечеству проявить терпение и выдержку и не предпринимать никаких необдуманных действий. В случае безуспешности переговоров премьер обещал, что правительство само

примет соответствующие меры. Декларация премьера была расклеена по всему городу.

Опубликованное в газете «Кушеш» от 18 марта 1927 г. интервью направляющегося на переговоры в Москву иранского министра иностранных дел было воспринято верхушкой купечества как сигнал к усилению бойкота. В этом интервью трудности в ирано-советских торговых отношениях объяснялись тем, что торговые принципы СССР совершенно не согласуются с теми принципами «свободной торговли», которые существуют во всех других странах. Во время пребывания Ансари в Москве Общество экономического выступления проводило антисоветские митинги.

О стремлении правящих кругов Ирана использовать кампанию бойкота в целях давления на СССР свидетельствуют и другие факты. В апреле 1927 г., т. е. после возобновления ирано-советских переговоров, шах принял делегацию купцов-«бойкотистов», которая выдвинула требование закрыть иранскую границу для ввоза советских товаров. Реза-шах, как сообщали иранские газеты, предложил подождать результатов переговоров.

Приведенные факты, так же как и бесконечный поток телеграмм «бойкотистов» в министерство иностранных дел Ирана и другие правительственные органы, публиковались сразу во всех иранских газетах, которые, как известно, подвергались предварительной правительственной цензуре. В упоминавшейся выше ноте советского полпреда в Тегеране от 7 марта 1927 г. это обстоятельство приводилось в качестве примера попустительства властей деятельности «бойкотистов». Вместе с тем это свидетельствует и о том, что правительство использовало движение бойкота в своих целях.

В середине 1927 г. в связи с благоприятным ходом советско-иранских переговоров правительство решило отказаться от поддержки движения бойкота. Выступая 7 июня в меджлисе с программой нового кабинета, премьер-министр Мехди Голи-хан Хедаят высказался против деятельности обществ экономического выступления, которые с этих пор фактически стали свертывать свою деятельность.

Немалые трудности имелись и на пути заключения советско-иранского пакта о гарантии и нейтралитете. Важнейшей из этих трудностей являлась антисоветская

деятельность на территории Ирана различных белогвардейских групп, поддерживаемых империалистическими державами. Активизация деятельности этих групп была тесно связана с провоцируемой правящими кругами Великобритании войной с Советским Союзом. После разрыва англо-советских отношений белогвардейский комитет в Тегеране стал распространять прокламации с призывом к избиению советских представителей. Действуя под видом «комитета помощи русским беженцам в Персии», белогвардейский комитет выдавал удостоверения консульского характера и сносился с официальными властями, которые не только не предпринимали каких-либо мер против белогвардейцев и террористов, но и принимали их на государственную службу. В ноте от 4 июля 1927 г. К. К. Юренев, выразив протест против такого образа действий иранских властей, поставил вопрос о принятии срочных и энергичных мер по ликвидации белогвардейских групп [23, т. X, стр. 329—330].

В своих антисоветских провокациях белогвардейские группы использовали и неурегулированность спорных пограничных вопросов между двумя странами, следствием которой были частые пограничные инциденты. 14 августа 1927 г. временный поверенный в делах СССР в Иране М. Славущий и заместитель министра иностранных дел Ирана Пакреван обменялись нотами об учреждении института пограничных комиссаров, назначаемых как советской, так и иранской сторонами для предупреждения всякого рода пограничных инцидентов, а также для совместного разрешения и урегулирования спорных пограничных вопросов [подробнее см.: 23, т. IX, стр. 319—320, 678; т. X, стр. 249—251, 357—364, 591; 29, стр. 112—121].

После некоторых проволочек иранские власти все-таки предприняли ряд мер по пресечению враждебной антисоветской деятельности белогвардейских групп на территории Ирана. Иранское правительство закрыло «комитет помощи русским беженцам» и другие белогвардейские организации [23, т. X, стр. 591; 369, 29.VIII. 1927]. У эмигрантов-белогвардейцев была взята подписка, что они не будут заниматься политической деятельностью и не позволят себе никаких враждебных действий против СССР и его представителей в Иране [371, 5.IX.1927].

Иранские газеты расценили эти меры как новый шаг на пути укрепления ирано-советских отношений. В конце сентября 1927 г. иранский кабинет на экстренном заседании постановил подписать торговое соглашение, договор о гарантии и нейтралитете и другие соглашения с СССР [371, 30.IX.1927].

По условиям соглашения о торговых взаимоотношениях от 1 октября 1927 г. Советское правительство предоставило иранскому купечеству помимо упомянутых выше целый ряд других весьма важных льгот, в частности право безлицензионного ввоза товаров и непосредственной торговли на территории СССР. Торгпредство Советского Союза в Иране было признано частью посольства СССР. Однако все юридические акты торгпредство обязывалось совершать на основе иранских законов. Деятельность всех советских предприятий в Иране также подчинялась иранским законам. Советское правительство выразило готовность предоставить иранскому торгпредству в СССР право экстерриториальности, если бы правительство Ирана пожелало его открыть. Соглашение было заключено сроком на два года [23, т. X, стр. 402—428].

Таким образом, Советскому правительству удалось найти такие формы торговли, которые, сохраняя неизбежной монополию внешней торговли СССР, в то же время учитывали особенности иранского рынка и способствовали развитию производительных сил обеих стран. Соглашение по торговым вопросам устранило многие трудности в экономических отношениях между Ираном и СССР. «Шефаг-е сорх» от 4 июня 1928 г. по этому поводу писала: «Поистине те заявления, которые делались Россией относительно ее политики и ее линии поведения в отношении Востока, были не пустыми словами, пускаемыми ради дипломатических соображений: свои дружественные заявления она проводит в жизнь». Соглашение облегчало борьбу Ирана за экономическую самостоятельность и содействовало укреплению его независимости. Иранские газеты призывали правительство добиться на Юге такого же уравниения вывоза и ввоза, как на Севере.

Крупным достижением советско-иранских отношений явилась также таможенная конвенция, переговоры о заключении которой начались в Тегеране в июле 1923 г. на

конференции по выработке новых тарифов и продолжались несколько лет. В начале 1926 г. проект конвенции был согласован. Однако она не была подписана в связи с принятием иранским меджлисом 6 февраля 1926 г. так называемого закона о дорожных сборах, который предусматривал увеличение таможенных ставок в первую очередь на ряд советских товаров и таким образом подвергал дискриминации советский экспорт в Иран. Спустя некоторое время иранское правительство согласилось пересмотреть закон, и таможенная конвенция была подписана вместе с другими соглашениями 1 октября 1927 г. Конвенция установила новые твердые тарифы для ввозимых в Иран советских товаров вместо временно существовавших тарифов 1901—1903 гг. Новые тарифы обеспечили иранскому бюджету повышенные по сравнению с тарифом 1901—1903 гг. доходы [23, т. IX, стр. 297, 677, 740; т. X, стр. 590; 3476, стр. 272—279].

Готовясь к отмене капитуляционного режима, иранское правительство в ходе переговоров выразило желание получить согласие правительства СССР на аннулирование этой конвенции при введении Ираном автономного таможенного тарифа. СССР, исходя из принципов уважения политической и экономической независимости Ирана, незамедлительно согласился с этой просьбой, что и было отмечено при обмене нотами по вопросу о таможенной конвенции. Согласие Советского правительства признать иранский автономный тариф оказало Ирану сильную поддержку в ликвидации капитуляционного режима.

Подписанный одновременно с торговым соглашением и таможенной конвенцией советско-иранский договор о гарантии и нейтралитете предусматривал сохранение в качестве основы взаимоотношений между Ираном и СССР договора 1921 г. В развитие этого договора стороны обязались воздерживаться от всяких агрессивных действий друг против друга и не вводить своих военных сил на территорию другой стороны (за исключением случая, предусмотренного ст. 6 договора 1921 г.). В случае войны одной из сторон с третьей державой другая сторона, равно как и подвергшаяся нападению, обязывалась соблюдать строгий нейтралитет. Договаривающиеся стороны обязались не участвовать в политических союзах или соглашениях, а также в экономических бой-

котах и блокадах, направленных против одной из них. Правительства СССР и Ирана подтверждали принцип невмешательства во внутренние дела друг друга и в соответствии с этим обязались не допускать на своей территории деятельности организаций или групп, ставящих себе целью борьбу против правительства другой стороны. Договор был заключен на трехлетний срок с правом автоматического продления его каждый раз еще на год, до тех пор пока одна из сторон не заявит о своем желании отказаться от договора.

При подписании договора каждая из сторон сделала заявление об отсутствии у нее каких-либо международных обязательств, противоречащих договору, и обязалась не принимать на себя подобных обязательств в течение всего срока действия договора. Иранская сторона заявила также, что, поскольку принятые по договору обязательства не противоречат ее обязательствам перед Лигой наций, иранское правительство будет уважать и исполнять все свои обязательства как члена Лиги наций [23, т. X, стр. 396—401; 29, стр. 98—103; 347б, стр. 265—272].

В тот же день, 1 октября 1927 г., были подписаны предусмотренное ст. XIV советско-иранского договора 1921 г. соглашение об эксплуатации рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря смешанной советско-иранской компанией [см. 29, стр. 104—111; 347б, стр. 280—299], соглашение о порте Пехлеви, явившееся осуществлением ст. X советско-иранского договора 1921 г., согласно которой этот порт и его сооружения передавались Ирану, и договор о сдаче в аренду иранским правительством советскому акционерному обществу «Каспийское пароходство» пристаней, складских помещений и других сооружений в порту Пехлеви сроком на 25 лет [см. 23, т. X, стр. 428—434].

Таким образом, деятельность советской дипломатии опрокинула расчеты британского империализма на использование Ирана в качестве орудия антисоветской политики. Определенное значение имело и правильное в целом понимание иранским правительством национальных интересов страны. Советско-иранские соглашения, закрепившие дружественные отношения между двумя странами, явились фактором укрепления мира и безопасности. В речи на церемонии подписания соглаше-

ний Г. В. Чичерин сказал: «В настоящий период, когда силы мирового империализма приводят в движение во всех странах все, что только возможно, для создания против нас единого фронта, подписание сегодняшних договоров является политическим событием особо крупного значения» [23, т. X, стр. 435]. В телеграмме на имя председателя ЦИК СССР М. И. Калинина Реза-шах писал, что подписанные договоры «основаны на настоящих интересах двух наций» и осуществляют его «искренние желания видеть укрепившимися политические и экономические отношения» между ними [23, т. X, стр. 436].

Подписание советско-иранских соглашений было восторженно встречено иранским народом. Новый советский полпред в Тегеране, Я. Х. Давтян, вручение верительных грамот которого происходило как раз в тот день, когда в Иране было получено сообщение о подписании соглашений, писал в Народный комиссариат иностранных дел СССР: «Последние дни весь Тегеран и вся пресса заняты исключительно нами и подписанными соглашениями. Всюду впечатление прекрасное. Десятка два лиц, самых разнообразных, с которыми я успел повидаться за это короткое время, в один голос повторяли мне, что соглашения являются новой исторической датой в наших отношениях и будут сильно способствовать укреплению связи между СССР и Персией» [23, т. X, стр. 440]. Газета «Туфан» от 7 октября 1927 г. писала: «Устранение бедности и нищеты, оживление промышленности и сельского хозяйства, преодоление разрухи в центре и на севере Ирана находятся в полной зависимости от ирано-русских договоров».

На ратификацию в меджлис соглашения были переданы сразу же после подписания, причем правительство настаивало на рассмотрении их в порядке спешности. Против этого выступили, однако, депутаты Таги-заде и Мосаддык, пытавшиеся к тому же доказать, будто заключенные соглашения наносят ущерб интересам Ирана¹⁷. Их поддержали Модаррес, Восуг од-Доуле и др. С резкой отповедью этим депутатам выступили Тедайон,

¹⁷ Речь Мосаддыка см.: [330, стр. 216—218]. При этом, однако, Мосаддык заявил, что Реза-шах «в вопросах внешней политики и международных отношений всегда проявлял большую осмотрительность. Все знают, что он всегда следил за тем, чтобы ни одна крупица прав Ирана не перешла к иностранцам» [330, стр. 216].

Дадгар, Сенд Якуб. 20 октября меджлис единогласно ратифицировал пакт о гарантии и нейтралитете.

Спустя несколько дней было утверждено соглашение о рыбных промыслах (79 голосов при 10 воздержавшихся). Попытки Модарреса, Таги-заде и Мосаддыка 23 октября заблокировать это соглашение также потерпели неудачу. При обсуждении таможенной конвенции Мосаддык снова выступил против спешности рассмотрения вопроса, обвинив правительство в том, что оно запрещает обсуждать соглашение. Он пытался доказать, будто новый тариф невыгоден Ирану и что Англия будет настаивать на получении льгот [подробнее см.: 330, стр. 219—224]¹⁸. В ответных речах депутаты Ширвани и Давер отметили, что в действительности новый тариф не только увеличит доходы Ирана на 1,5 млн. туманов, но даст стране возможность осуществлять такую политику, которая обеспечит ей таможенную независимость по отношению ко всем государствам [47, 25 и 26.X.1927].

Советско-иранские соглашения, в частности договор о гарантии и нейтралитете, предоставляли Ирану полную свободу действий в международных отношениях. В беседе с министром иностранных дел Ирана, состоявшейся после заключения договора, советский полпред в Иране подчеркивал, что советская дипломатия отнюдь не против того, чтобы Иран поддерживал хорошие отношения с другими странами, и в частности с Англией. «Мы хотим лишь одного, — говорил он, — чтобы эти отношения не были направлены против нас» [158, стр. 476].

И тем не менее советско-иранские соглашения вызвали острое недовольство правящих кругов Великобритании. Английские газеты, еще недавно писавшие, что закрытие советско-иранской границы направлено против нового шаха, теперь стали усиленно твердить об антибританской направленности договора о гарантии и нейтралитете между Ираном и СССР. Не довольствуясь этим, английская пресса пыталась посеять рознь между Ираном и его соседями — Турцией и Афганистаном. «Но-

¹⁸ В меджлисе пятого созыва Мосаддык также выступал против рыбного соглашения [330, стр. 114—118]. Впоследствии, в 1952 г., в связи с истечением срока соглашения Мосаддык, бывший тогда премьер-министром, решил не возобновлять его на новый срок [103, стр. 317].

вый договор, — писала „Дейли Телеграф“ от 3 октября 1927 г., — лишает Персию возможности стать на стороне Турции или Афганистана в случае конфликта между Россией и каким-либо из этих государств». Некоторые английские газеты пытались даже найти связь между подписанием советско-иранского договора и происшедшими в этот период пограничными инцидентами на турецко-иранской границе. Турецкая печать выступила с отповедью этим измышлениям и приветствовала заключение советско-иранского договора. Правительство Ирана выступило с опровержением империалистических инсинуаций на страницах не только местной, но и зарубежной печати.

Провокационный характер измышлений английской прессы отмечался даже западной печатью. Так, германская пресса, комментируя подписание советско-иранских соглашений, рассматривала их как выдающуюся победу советской дипломатии мира над английской политикой в Азии [см. 69 и 79, 4.X.1927].

Советско-иранские договоры в действительности способствовали сближению Ирана с борющимися за политическую и экономическую независимость Турцией и Афганистаном. Заместитель наркоминдела СССР Л. М. Карахан в беседе с сотрудником ТАСС, состоявшейся тотчас же после подписания советско-иранских соглашений, говорил, что советско-иранский договор о гарантии и нейтралитете «продолжает ту пактовую политику, которая так счастливо началась в декабре 1925 г. подписанием советско-турецкого пакта и которая явилась образцом и для восточных государств» [23, т. X, стр. 437]. Более того, Советское правительство само прилагало все усилия для сближения Ирана с соседними восточными странами.

Отношения Ирана с сопредельными странами Востока. Развитие дружественных отношений Ирана с соседними странами — Турцией и Афганистаном, проводившими в тот период активную антиимпериалистическую внешнюю политику, усиливало позиции иранского правительства в его борьбе за достижение политической независимости.

Особенно большое значение имело развитие ирано-турецких отношений, которые в прошлом находились по существу под контролем империалистических держав.

широко использовавших в своих захватнических целях постоянные пограничные конфликты между двумя странами [подробнее см.: 354].

Стремясь ликвидировать существующие между правящими кругами Ирана и Турции взаимное недоверие и подозрительность, являвшиеся следствием многовековой вражды и империалистических интриг, Советское правительство по просьбе турецкой стороны содействовало заключению 22 апреля 1926 г. в Тегеране ирано-турецкого договора о дружбе и безопасности, явившегося фактором укрепления мира на Ближнем и Среднем Востоке.

Договор предусматривал взаимные обязательства сторон воздерживаться от всяких актов агрессии друг против друга; не заключать никаких политических, экономических или финансовых соглашений, направленных против другой стороны, а в случае военного нападения на одну из сторон сохранять нейтралитет, включая вооруженный нейтралитет, если будет иметь место попытка использовать территорию одной стороны для враждебных действий против другой; не допускать на своей территории деятельности организаций или групп, преследующих цели, враждебные другой стороне, и принимать меры против такой же деятельности пограничных племен. Согласно ст. 7 договора, стороны обязались заключить в ближайшее время торговое, консульское, таможенное и почтово-телеграфное соглашения, а также конвенцию о поселении.

При обсуждении ст. 7 премьер-министр Ирана Форуги выступил с заявлением о том, что в связи с намерением иранского правительства ликвидировать капитуляционный режим предусмотренные этой статьей соглашения должны быть заключены на основе равенства и взаимности. В ответ на это турецкий посол в Тегеране Мемдух Шовкет-бея вручил премьер-министру Ирана ноту о согласии его правительства с этим пожеланием [текст договора см.: 338, стр. 717—725; 367, стр. 48—55; 42, стр. 209—215]. Соглашение между Турцией и Ираном по этому вопросу облегчило впоследствии иранскому правительству ликвидацию капитуляционного режима.

Заключение при посредничестве СССР ирано-турецкого договора вызвало резкое недовольство в империали-

листическом лагере. Английская пресса, еще недавно утверждавшая, что СССР стремится заключить с Турцией военный союз против Ирана [см., например: 71, 10.III.1926], теперь стала распространять слухи о возможности заключения советско-турецко-иранского военного союза. По сообщению газеты «Иран» от 4 октября 1926 г., заправила Лиги наций собирались на очередной сессии рассмотреть вопрос о несоответствии ирано-турецкого договора Уставу Лиги и только в результате мер, предпринятых министром иностранных дел Ирана, отказались от этого намерения.

Ирано-турецкий договор положил начало укреплению дружественных отношений между двумя странами. Осенью 1926 г. Турцию с дипломатической миссией посетил иранский министр двора Теймурташ [285а, стр. 372]. 2 января 1927 г. между Ираном и Турцией было заключено временное торговое соглашение [367, стр. 362]¹⁹. Спустя год, в феврале 1928 г., между Тегераном и Анкарой была установлена радиотелеграфная связь [371, 1.III.1928]. Хотя пограничные конфликты между двумя странами продолжались и в дальнейшем, договор 1926 г. создал надежные основы для их разрешения мирным и дружественным путем, как это было, например, в 1927 г.

Летом этого года на ирано-турецкой границе произошел инцидент, вызванный переходом на иранскую территорию вооруженных отрядов курдских племен Турецкого Курдистана, преследуемых турецкими карательными войсками. В связи с этим министерство иностранных дел Ирана вручило турецкому послу в Тегеране ноту протеста. В опубликованном в газете «Иран» от 21 июля 1927 г. интервью Пакревана утверждалось, что протест «был сделан с той чрезвычайной дружественностью, к которой обязывают дружественные отношения, существующие между нашими государствами... Никакой инцидент подобного рода не сможет омрачить существующие между нами дружественные отношения». В то же время иранская пресса начала антитурецкую кампанию, обвиняя турецкие пограничные власти в поощрении курдских набегов на иранскую территорию. Турецкая пресса

¹⁹ А. Тойнби датирует это соглашение 31 мая 1926 г. [285, стр. 544].

выступила с контробвинениями такого же рода. Одновременно в Турцию из Тегерана был вызван для доклада Мемдух Шовкет-бей [285а, стр. 373; 73, 26.I.1928].

В последующие дни иранское правительство проявило стремление к дружественному урегулированию отношений с турецким правительством. Иранский поверенный в делах в Турции заявил, что кампания в прессе обеих стран лишь играет на руку «некоторым заинтересованным кругам» и что такие второстепенные вопросы, как пограничные инциденты, не должны влиять на дружественные отношения между двумя странами. Иранское правительство благожелательно отнеслось к просьбе турецкого поверенного принять меры в целях предупреждения перехода турецких курдов, против которых турецкие войска продолжали военные операции, на иранскую территорию и оказания им помощи со стороны иранских курдов. На границу был командирован старший офицер иранской армии с поручением вступить в контакт с турецким командованием. Иранское правительство приняло и другие меры [371, 12.X.1927; 285а, стр. 373].

Однако спустя несколько дней конфликт обострился. 1 октября 1927 г. турецкий поверенный в делах в Иране вручил иранскому правительству ультимативную ноту, в которой сообщалось, что иранские курды, совершив нападение на турецкий отряд, захватили в плен большое число турецких солдат и офицеров и увели их на иранскую территорию. Под угрозой разрыва дипломатических отношений Ирану предлагалось вернуть в десятидневный срок турецких военнослужащих, возместить понесенные турецким правительством убытки и принести соответствующие извинения [285а, стр. 373].

Между тем, по полученным иранским правительством сведениям, нападение на турецкий отряд было произведено турецкими курдами на турецкой территории. Перси Сайкс также отмечает, что конфликт был вызван неверной информированностью турецкого правительства о действительном положении дела [288, стр. 552].

Иранское правительство в ответной ноте отвергло выдвинутые обвинения. Заявив об отказе принять ультиматум, оно в то же время предложило создать комиссию из представителей обеих стран для расследования инци-

дента [371, 12.X.1927; 53, 1927, № 11, стр. 118; 285а, стр. 373]. В официальном сообщении иранского правительства по поводу конфликта с Турцией, опубликованном в газете «Иран» от 12 октября 1927 г., выражалась надежда, что турецкое правительство, подобно правительству Ирана, будет стараться решить конфликт в дружественной форме. Спустя некоторое время в Турцию был направлен находившийся тогда в Париже чрезвычайный представитель Ирана за границей Форуги, который был принят Мустафой Кемаль-пашой. В начавшихся переговорах принял участие и посол Турции в Тегеране Мемдух Шовкет-бей [371, 14.X.1927; 19.X.1927; 22.XII.1927].

Английские империалисты сразу же сделали попытку использовать конфликт в целях ухудшения ирано-советских отношений. Агентство Рейтер распространило в Тегеране версию о том, что будто осложнения на ирано-турецкой границе неразрывно связаны с подписанием советско-иранских соглашений от 1 октября 1927 г., будто Советское правительство старается обострить отношения между Ираном и Турцией и т. п. [379, 6.X.1927]. Между тем к концу октября были выявлены подлинные обстоятельства пограничного инцидента: два офицера турецкой армии, попавшие в руки турецких курдов, бежали на территорию Ирана и отдались в руки иранских военных властей [65, 30.X.1927].

Однако происходившие в Турции ирано-турецкие переговоры не привели к урегулированию всех пограничных вопросов, поскольку, как писал еженедельник «Нир Ист энд Индиа» от 26 января 1928 г., Турция все еще подозревала Иран в подстрекательстве курдских племен к нападению на турецкую территорию, а Иран Турцию — в стремлении продвинуть свою границу на восток. Правда, было достигнуто согласие создать смешанную ирано-турецкую пограничную комиссию и переселить из пограничной зоны те племена, которые создавали поводы для пограничных конфликтов [369, 8.XII.1927].

Переговоры между Ираном и Турцией по вопросу о заключении общей пограничной конвенции продолжались и в 1928 г. Со стороны Ирана их вновь вел Форуги, назначенный теперь иранским послом в Турции. Но в начале июля переговоры опять были прерваны из-за разногласий относительно принадлежности одного стра-

тегически важного пункта на границе [48, № 4—5, 1928, стр. 79]. Тем не менее отношения между двумя странами продолжали оставаться дружественными.

В рассматриваемый период Иран поддерживал весьма тесные политические отношения и со своим восточным соседом — Афганистаном, несмотря на наличие между двумя странами таких же серьезных разногласий по пограничным вопросам. Важное место среди них занимал вопрос об использовании вод р. Гильменд. Подписанный еще в 1921 г. ирано-афганский договор о дружбе, на основе которого стороны обменялись затем дипломатическими и консульскими представителями, положил начало непосредственным отношениям между двумя странами, которые ранее находились под контролем Англии.

28 ноября 1927 г. при посредничестве Советского правительства [243, стр. 732] в Кабуле был подписан ирано-афганский договор о дружбе и безопасности. Договор предусматривал взаимный отказ сторон от агрессии и от посылки вооруженных сил на территорию другой стороны, соблюдение нейтралитета в случае нападения третьих государств на одну из сторон, отказ от всякого участия в политических и военных союзах, направленных против другой стороны. Как и в ирано-турецком договоре, одна из статей предусматривала обязательство каждой из сторон вооруженным путем не допускать нарушения своего нейтралитета третьими государствами, находящимися в состоянии войны с одной из договаривающихся сторон [текст см.: 42, стр. 29—32; 347б; стр. 300—306].

Заключение ирано-афганского договора способствовало более тесному сближению Ирана не только с Афганистаном, но и с Турцией, поскольку обе эти страны были связаны между собой союзным договором от 1 марта 1921 г. [285а, стр. 361]. Установив радиотелеграфную связь между Тегераном и Анкарой, иранское правительство расширило ее до Кабула [371, 1.III.1928]. Создана была также воздушно-почтовая связь с Турцией и Афганистаном. Еще весной 1927 г. между иранским и турецким правительствами начались переговоры о строительстве железной дороги Трапезунд—Тегеран, которую предполагалось в дальнейшем продолжить до Афганистана. Лондонский корреспондент газеты «Бер-

линер Тагеблатт» в номере от 18 мая 1927 г. отмечал, что ирано-турецкие планы железнодорожного сотрудничества вызвали в Англии резкое недовольство.

Враждебное отношение Англии к ирано-турецко-афганскому сближению отмечают многие иранские авторы. Так, иранец Эхтешам Оулийа пишет, что политика западных государств «была направлена на то, чтобы посредством провокаций посеять между этими странами раскол и вражду» [306, стр. 100]. В то же время буржуазные авторы вынуждены признать благородную роль Советского государства в установлении дружественных отношений между Ираном, Турцией и Афганистаном. Англичанин Л. Фишер пишет: «Москва хотела видеть эти страны дружными и достаточно сильными, чтобы сопротивляться попыткам проникновения и господства над ними других держав» [243, стр. 828]. По словам тогдашнего иранского посланника в Кабуле Сеида Мехди Фарроха, Советское правительство стремилось к тому, чтобы Иран, Турция и Афганистан, «подобно железному кольцу, были связаны друг с другом узами дружбы» [360, стр. 221].

Политика СССР усиливала позиции этих стран в борьбе с империализмом. Иранская газета «Гольшен» от 30 октября 1927 г., отмечая, что прежняя власть европейцев над Востоком коренилась в том разладе, который существовал между восточными странами, призывала их объединиться, ибо только таким путем можно разорвать цепи рабства. Заключение советско-иранского пакта от 1 октября 1927 г., писала далее газета, подготовило хорошую базу для такого объединения.

К концу 1927 г. в результате миролюбивой политики советской дипломатии была создана система двусторонних гарантийных пактов между СССР, Турцией, Ираном и Афганистаном, явившаяся фактором укрепления мира и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке и усилившая фронт борьбы против империализма. Результатом дальнейшего развития межгосударственных отношений в этом районе мира явилось установление тесного политического и экономического сотрудничества между Турцией, Ираном и Афганистаном.

В начале мая 1928 г. во время пребывания афганского короля Амануллы в СССР афганские руководители подняли вопрос о создании союза, охватывающего СССР,

Афганистан, Турцию и Иран. В ответ советские руководители указали на сближение между четырьмя странами и необходимость его продолжения в различных сферах на базе уже существующих пактов, «но без оформления этой линии сближения в виде той или иной формулы четверной комбинации или коллективной гарантии», так как это «было бы понято как агрессивная комбинация против третьих стран». В связи с этим советские руководители считали, «что в этой системе взаимных параллельных пактов недостающие афгано-турецкое и афгано-персидское звенья должны быть заполнены при посещении падишахом Ангоры и Тегерана». Афганские руководители согласились с советским предложением [23, т. XI, стр. 309, 388], и уже 25 мая 1928 г. в Анкаре был заключен договор о дружбе и политическом и экономическом сотрудничестве между Афганистаном и Турцией [текст см.: 25, стр. 170—171]. Заключение турецко-афганского договора вызвало в Тегеране поначалу резко отрицательное отношение. В беседе с советским полпредом Я. Х. Давтяном 29 мая министр двора Теймурташ заявил, что иранское правительство намерено отказаться принять Аманулла, поскольку считает этот договор «лишним доказательством агрессивных намерений» Турции в отношении Иранского Азербайджана и подтверждением стремления Афганистана получить выход к морю через Иранский Белуджистан. По его мнению, договор инспирирован Англией и его заключение за спиной Ирана является предательством, только подтверждающим «подозрение персидского правительства о направлениях политики Турции и Афганистана» [23, т. XI, стр. 347]²⁰.

В телеграмме от 1 июня Я. Х. Давтяну Г. В. Чичерин просил передать правительству Ирана, что «догадки Теймурташа уже потому неверны, что падишах хочет предложить и Персии такой же договор, как и Турции... Опасения Теймурташа напрасны. Сближение восточных

²⁰ Вместе с тем Теймурташ стремился использовать беседу с целью оправдать сделанные Ираном в тот период некоторые уступки Англии. Он говорил, что Иран должен думать о своей защите и что эта защита может быть либо со стороны СССР, либо со стороны Англии, что Иран считает СССР самым близким и единственным другом, но, если он оставит Иран «на произвол судьбы» и принесет его в «жертву турецким планам», Ирану ничего не останется, как искать опору у Англии.

государств укрепляет их против нажима Англии» [23, т. XI, стр. 362—363]²¹. Разъяснение, сделанное Я. Х. Давтяном по поручению Советского правительства, в значительной мере развеяло опасения Тегерана. К тому же в это время и из Анкары было получено сообщение, что Аманулла хочет предложить Ирану аналогичный договор и что Тевфик-бей также прибудет в Тегеран с проектом и полномочиями подписать аналогичный договор между Турцией и Ираном [23, т. XI, стр. 369]²².

15 июня 1928 г. в Тегеране были подписаны ирано-афганский и ирано-турецкий протоколы о политическом и экономическом сотрудничестве, воспроизводившие основные положения афгано-турецкого договора [тексты см.: 25, стр. 180, 205; 347в, стр. 263—265; 312—316]²³. Эти соглашения замкнули пактовую цепь трех стран. Установление контакта во внешней политике Турции, Ирана и Афганистана усилило их позиции в борьбе за укрепление своей независимости.

Оказав содействие заключению указанных соглашений, Советское правительство и в дальнейшем проявляло усилия с целью обезвредить происки империализма. 15 сентября 1928 г. поверенный в делах СССР в Иране М. А. Логановский передал в НКВД сообщение исполняющего обязанности министра иностранных дел Ирана Пакревана о том, что Аманулла в своей речи на джирге «нападал на персидское правительство». Эти сведения, как сообщалось далее в телеграмме М. А. Логановского, «обострили подозрительность и недружелюбие Персии в отношении Афганистана. По моим впечатлениям, мы имеем дело с систематически проводимым планом натравливания персов на афганцев» [23, т. XI, стр. 742].

²¹ Не оставило Советское правительство без внимания и маневр Теймурташа. В телеграмме от 2 июня Л. М. Карахан писал Я. Х. Давтяну: «Трудно понять, чего больше в „декларации“ Теймурташа — истерики или шантажа. Похоже на то, что персы сознательно сеют панику, чтобы создать у нас впечатление безвыходности и оправдать свои соглашения с Англией. Это надо дать понять Теймурташу» [23, т. XI, стр. 367].

²² Тевфик-бей — турецкий посол в Москве, сопровождавший падишаха в его поездке из СССР в Анкару и затем в Тегеран.

²³ 25 июня 1928 г. между Ираном и Афганистаном был подписан протокол, согласно которому обязательства Афганистана по афгано-турецкому союзному договору не имели силы в случае конфликта между Турцией и Ираном [308, стр. 124].

Правительство СССР немедленно сделало запрос советскому полпреду в Кабуле Л. Н. Старку и уже 20 сентября сообщило М. А. Логановскому его ответ: «Никаких враждебных персидскому правительству заявлений в речи Аманулла-хана не было. Все это выдумки англичан, провоцирующих все время столкновения между афганцами и персами. В частности, Фаррох здесь тоже все время много старался. На днях он уехал в отпуск в Тегеран. Несомненно, что он будет там делать в высшей степени тенденциозные доклады. Усвоенную заинтересованными силами линию натравливания афганцев на персов и обратно я уже отмечал в своих докладах и телеграммах. Эта линия проводится весьма энергично и последовательно» [23, т. XI, стр. 518].

Ответ Л. Н. Старка был доведен до сведения иранского правительства. Оно тем не менее не вернуло Фарроха в Кабул, и в иранской миссии в Афганистане остался только второй секретарь. Дипломатические отношения между двумя странами были нормализованы лишь в 1929 г., после прихода к власти в Афганистане Надир-шаха [360, стр. 231—232].

Фаррох в своих мемуарах, опубликованных в 1968 г., продолжает утверждать, что Аманулла выступил на джирге с нападками на Иран, хотя и признает, что не был на этом заседании. Свое отсутствие он объясняет тем, что заранее получил сведения о содержании речи афганского короля, и для самооправдания ссылагается на положение, в котором оказался английский посланник, вынужденный покинуть заседание джирги в связи с антибританскими выпадами, содержащимися в той же речи Амануллы. Фаррох пишет также, что Реза-шах впоследствии произвел специальное расследование, подтвердившее правильность его сообщения, благодаря чему он получил пост заместителя министра просвещения. Действия же советской дипломатии он объясняет стремлением любым путем сохранить дружественные отношения Амануллы с соседями [360, стр. 231—236].

Причину предвзятого отношения иранского посланника (а возможно, и иранского правительства) к Аманулле может, пожалуй, объяснить сообщение Фарроха о том, будто после отъезда из Ирана Аманулла вел в Кандагаре переговоры с представителем восставшего против центрального правительства Дост Мохаммеда,

губернатора пограничного с Афганистаном Иранского Белуджистана. Вообще же, как будет показано ниже, иранское правительство, несмотря на заключение 25 июня 1928 г. ирано-афганского соглашения об учреждении должностей пограничных комиссаров [текст см.: 42, стр. 39—42], не пресекало происки Англии, провоцирующей его на решение спорных пограничных вопросов с Афганистаном вооруженным путем.

Дружественная позиция Советского правительства в отношении своих южных соседей способствовала их дальнейшему сближению с СССР. В конце октября — начале ноября 1928 г. правительства Турции, Ирана и Афганистана сообщили Советскому правительству, что при подписании в Тегеране ирано-афгано-турецких протоколов имел место обмен секретными письмами, в которых содержалось «взаимное обязательство о политическом сотрудничестве трех государств на Среднем Востоке, о взаимной информации и о взаимном согласовании соглашений и политических выступлений», и что в настоящее время между тремя странами достигнута договоренность о привлечении к этому соглашению также и СССР.

При этом выяснилось интересное обстоятельство, свидетельствующее о том, что Иран являлся, по выражению министра иностранных дел Афганистана Гулям Садыка, «наиболее слабым звеном» в «общей линии сближения четырех государств». Вопрос о привлечении СССР к этому соглашению, поставленный афганскими и турецкими представителями еще при его подписании в Тегеране, оставался долгое время открытым ввиду отрицательной позиции, занятой иранским правительством. В силу этого Советское правительство не было сразу же ознакомлено с содержанием секретного соглашения. Более того, на вопрос советского полпреда в Тегеране о существовании такого соглашения ему был дан отрицательный ответ. И только длительные усилия турецкого и афганского правительств смогли убедить иранское правительство согласиться на привлечение Советского правительства к этому соглашению. При этом Теймурташ, не дожидаясь назначенного совместного выступления послов трех государств в Москве, сообщил Советскому правительству «строго конфиденциально» о соглашении, объяснив столь позднее сообщение тем, что

обмен письмами только теперь входит в силу [23, т. XI, стр. 550, 552—553, 564—565, 570].

Хотя в силу ряда причин соглашение о координации действий и взаимной информации четырех государств подписано не было [23, г. XI, стр. 592—593, 747—748], они во многих случаях согласованно выступали на международной арене. В качестве примера можно указать на присоединение по предложению СССР всех четырех государств к пакту Бриана — Келлога.

Таким образом, несмотря на некоторую непоследовательность, проявленную правящими кругами Ирана в отношениях с соседними Турцией и Афганистаном, иранское правительство в общем и целом правильно понимало единство и общность интересов всех народов Востока в борьбе против империализма. Укрепившиеся в 1926—1928 гг. дружественные отношения Ирана с Турцией и Афганистаном, так же как и с Советским Союзом, давали ему возможность более эффективно отстаивать свои национальные интересы в отношениях с западными державами. Не случайно правящие круги Великобритании рассматривали сближение Ирана при посредничестве Советского Союза с Турцией и Афганистаном как угрозу английским колониальным позициям на Ближнем и Среднем Востоке.

В целях укрепления своих позиций в Иране и недопущения дальнейшего роста влияния СССР английская дипломатия всеми силами добивалась сближения Ирана со своими колониями и подмандатными территориями, особенно с Ираком. «Сближение Индии, Персии и Ирака, — писал 29 июля 1926 г. еженедельник английского министерства колоний „Нир Ист энд Индия“, — будет иметь такие политические последствия, которые глубоко повлияют на развитие ближневосточной политики».

Однако Иран, как и в предшествующие годы, отказывался от официального признания Ирака. Ирано-иракские противоречия включали целый ряд сложных неурегулированных вопросов: пограничные конфликты, режим вод Шатт-эль-Араба и статус постоянно проживающих в Ираке лиц иранского происхождения.

Правда, пограничные отношения между двумя странами имели тенденцию к улучшению благодаря тому, что оба правительства к 1925 г. добились значительных

успехов в утверждении центральной власти среди курдских и лурских племен в районе Загросского хребта, через который проходила граница между двумя странами, и содействием английской дипломатии, добивавшейся улучшения ирано-иракских отношений.

Большинство пограничных конфликтов в этот период регулировалось мирным путем на встречах официальных лиц обеих сторон (в Ханекине в марте 1926 г. и в Каср-е Ширине в июле 1927 г.). 9 июля 1927 г. по требованию британского верховного комиссара в Ираке иракское племя пишдар, ежегодно мигрировавшее на некоторое время на иранскую территорию, вынуждено было принять условия перекочевков в Иран, выдвинутые иранскими властями. В августе 1927 г. ирано-иракская смешанная комиссия урегулировала длительный спор из-за раздела вод р. Кингир в районе Мандала.

Несколько ранее был окончательно усмирен мятежный каджарский принц Салар од-Доуле, с давних пор претендовавший на иранский престол и в июле 1926 г. прибывший из Бейрута на ирако-иранскую границу с целью поднять курдские племена на восстание против новой династии в Иране. Потерпев поражение, Салар од-Доуле бежал на территорию Ирака, где был арестован иракскими властями²⁴. По соглашению с правительством Ирака Иран взял на себя расходы по его содержанию в Хайфе под надзором иракской полиции [285а, стр. 342—343; 266, стр. 159, 215; 288, стр. 554].

Тесное сотрудничество между иранскими и иракскими властями установилось и во время вызванного увеличением налогов восстания в иранской провинции Хузистане. В начале 1928 г. с целью не допустить перехода повстанцев в Ирак губернатор Хузистана направил из Персидского залива в Шатт-эль-Араб для патрулирования левого берега реки судно «Пехлеви» со 150 солдатами. Иракские власти также патрулировали берег. В связи с этим еженедельник «Нир Ист энд Индия» от 2 февраля 1928 г. писал: «Следует надеяться, что урок, извлеченный из этого дела, — желательность ирако-персидского сотрудничества во всех делах в обоюдных интересах — не будет забыт властями Тегерана, который

²⁴ Следует отметить, что до этого Реза-шах подозревал англичан в поддержке Салара од-Доуле [33б, стр. 819, 833].

должен благодарить Багдад, и не впервые, за помощь в борьбе со своенравными персидскими подданными».

Однако полного прекращения пограничных конфликтов правительствам Ирана и Ирака добиться не удалось. Так, в марте 1928 г. в иранском пограничном районе Пошт-е Кухе произошло крупное межплеменное столкновение [61, 12.III.1928]. Руководитель национально-освободительного движения иракских курдов шейх Махмуд в 1926—1930 гг. имел свою ставку на иранской территории. В то же время иракское правительство отказалось выдать иранским властям руководителя иранских курдов Симко, который, потерпев поражение от правительственных войск, укрылся в Ревандузском районе Ирака. С пребыванием Симко в Ревандузе и было, вероятно, связано согласие иранского правительства на строительство Ревандузской дороги [подробнее см.: 43, стр. 138; 285а, стр. 343; 269, стр. 136—137].

Серьезные трения между двумя странами вызывал также вопрос о режиме вод Шатт-эль-Араба. В 1925—1928 гг. между местными иранскими и иракскими властями произошла целая серия инцидентов по вопросам таможенного и полицейского контроля. Правительство Реза-шаха не желало мириться с пунктами Эрзерумского договора 1847 г. и Константинопольского протокола 1913 г., на основании которых воды этой реки считались иракскими. Такое положение ставило выход Ирана в Персидский залив из принадлежащих ему портов Мохаммеры и Ахваза на р. Карун в зависимость от Ирака, лишало Иран каких бы то ни было доходов от сборов за перевозку грузов и в особенности нефти судами Англо-персидской нефтяной компании по Шатт-эль-Арабу, а также создавало весьма тесные экономические связи между Ираком и АПНК²⁵. Одним из результатов сотрудничества между Англо-персидской нефтяной компанией и правительством Ирака было то, что принадле-

²⁵ В период с 1923 по 1929 г. компания предоставила правительству Ирака займы на 462 тыс. ф. ст. для улучшения условий судоходства по Шатт-эль-Арабу. Для оплаты же этого займа был введен специальный сбор при заходе в Шатт-эль-Араб [43, стр. 177]. АПНК предоставляла иракскому правительству займы и на многие другие цели, в частности на строительство железнодорожных веток от иракской железнодорожной системы до иранской границы, где в это время компания начала эксплуатацию нефтяных месторождений Нафт-е Хане [43, стр. 158—161].

жащий Ирану остров Абадан, на котором были расположены правление АПНК, нефтепромыслы и нефтеперерабатывающий завод компании, по существу был взят под опеку иракскими властями.

В апреле 1928 г. министр финансов Ирана Фируз Мирза (Носрет од-Доуле) потребовал, чтобы иракские власти перевели своих таможенных чиновников и служащих с острова на судно, стоящее у иракского берега Шатт-эль-Араба, как это было раньше. Вместе с тем министр финансов заявил, что отныне всем иностранным судам, за исключением принадлежащих Англо-персидской нефтяной компании, запрещается бросать якорь в Абадане без разрешения иранских властей. Имелись в виду английские военные корабли, которые под предлогом борьбы с контрабандой и пиратством курсировали в Персидском заливе и неоднократно бросали якорь в Абадане [285а, стр. 344; 288, стр. 554—555].

Англия, стремясь не создавать препятствий для признания Ирака Ираном, сразу же пошла на урегулирование конфликта. Газета «Дейли Телеграф» от 20 апреля 1928 г. выразила сожаление, что инцидент произошел именно тогда, когда «британская дипломатия терпеливо и серьезно стремится устранить ту атмосферу взаимного недоверия, которая существует между Персией и Ираком, а также сделать невозможным возникновение в будущем новых трений». «Нир Ист энд Индия» от 26 апреля 1928 г. писал: «Персидское правительство действует вполне в пределах своих прав, и поэтому нет никаких причин, чтобы этот вопрос не был разрешен дружественным путем».

«За этим персидским демаршем,—пишет А. Тойнби,—последовали переговоры, в результате которых иракские служащие были удалены с персидской территории в соответствии с персидским требованием, тогда как, с другой стороны, персы практически отказались от своего условия в отношении британских военных судов» [285а, стр. 345].

Робость и непоследовательность иранских правящих кругов в защите национальных интересов страны в данном случае, как и во многих других, проявилась и в стремлении изолировать широкое общественное мнение от участия в решении внешнеполитических вопросов. Характерно, что впервые абаданский инцидент был

освещен в английской прессе [см. 77, 19.IV.1928], откуда о нем почерпнули информацию иранские газеты [см. 369, 382, 9.V.1928].

Вопросом, по-прежнему вызывавшим напряженность в отношениях между двумя странами, был статус иранских подданных в Ираке, численность которых, по некоторым данным, составляла 300 тыс. человек [48, № 2, 1928, стр. 21]. 6 августа 1926 г. истек срок, предоставленный ст. 14 англо-иракского судебного соглашения 1924 г. на необходимые формальности для изменения иранского подданства. Иранское правительство через британскую миссию в Тегеране и английского верховного комиссара в Багдаде добилось продления этого срока до 31 декабря 1927 г., а также уменьшения размера денежного взноса, необходимого для изменения подданства. В начале 1928 г. иранское правительство вновь потребовало дальнейшего продления срока [77, 11.II.1928; 285а, стр. 345—346].

Вместе с тем оно продолжало настаивать на предоставлении иранским подданным тех же привилегий, которые правительство Ирака предоставило подданным европейских государств и США по англо-иракскому судебному соглашению 1924 г. Однако иракское правительство отказывалось сделать это, ссылаясь на то, что предоставление привилегий такой большой группе иракского населения дезорганизует судопроизводство в стране. В то же время иранское правительство не только не было готово предоставить соответствующие привилегии иракским подданным в Иране; но в мае 1928 г. само ликвидировало все капитуляционные права иностранцев в Иране. В интервью, опубликованном 17 августа 1928 г. в зарубежной печати, министр двора Теймурташ заявил, что Иран не признает Ирак до тех пор, пока иранские подданные в этой стране не получают капитуляционных привилегий [285а, стр. 345—346; 288, стр. 555].

Ирано-иракский спор по этому вопросу так и остался неразрешенным в рассматриваемые годы, хотя обсуждался и на XII сессии Постоянной мандатной комиссии Лиги наций в октябре — ноябре 1927 г., и в комитете IX Ассамблеи Лиги наций в сентябре 1928 г., и вновь на XIV сессии Постоянной мандатной комиссии в октябре — ноябре 1928 г. [285а, стр. 346—347; 53, 1928, № 11, стр. 76].

Напряженность ирано-иракских отношений находила отражение в резких кампаниях, которые велись в прессе обеих стран. На протяжении октября—ноября 1926 г. иранская пресса неоднократно сообщала о притеснениях иранских подданных и паломников в Ираке и призвала правительство принять соответствующие меры [371, 12.X.1926; 28.XI.1926; 379, 14.X.1926]. В конце этого года министерство иностранных дел Ирана добилось отмены иракским правительством своего решения о лишении иранских подданных права наследования [371, 26.XII.1926]. Резкая антииракская кампания имела место в иранской прессе и летом 1927 г.

Антииракская кампания иранской прессы имела, как правило, антианглийское содержание. «Шефаг-е сорх» от 4 июля 1927 г. писала: «Месопотамия представляет собой карикатурное, картонное царство, созданное другими исключительно для использования его в политических и экономических целях». Газета «Туфан» от 21 июня того же года прямо писала: «Иранский народ — сторонник свободы и независимости малых и слабых наций, и он согласен охранять их престиж и признавать их независимость, но постольку, поскольку это не пойдет на пользу и выгоду крупных капиталистических государств». В номере от 19 ноября 1927 г. эта же газета писала, что Иран не может признать Ирак, поскольку он не является самостоятельным государством и иракские министры не могут предпринимать никаких шагов без согласия английского представителя.

Новый толчок антииракским настроениям в Иране дало имевшее место в июле 1927 г. в Ираке столкновение шиитского населения с войсками, в результате которого было убито и ранено около 100 человек. Столкновение было вызвано недовольством шиитского населения дискриминационной политикой иракского правительства, в частности увольнением шиитов с государственной службы и заменой их суннитами [379, 23.VII.1927].

11 сентября 1927 г. иранский меджлис принял закон, запрещающий выдачу паспортов на выезд в Ирак до тех пор, пока не будут отменены все ограничения в отношении проживающих там лиц иранского происхождения [53, 1927, № 10, стр. 104; 361, стр. 486]. Иранским паломникам в центры шиитских святынь в Неджефе, Кербеле и Казимейне было объявлено, что в Иране есть

свои собственные места поклонения²⁶. В то же время меджлис ассигновал значительные суммы на возвращение из Ирака и трудоустройство в Иране лиц иранского происхождения [3476, стр. 431—432, 485; 48, № 2, 1928, стр. 64; № 4—5, 1928, стр. 88].

Наряду с этими мерами, вызвавшими резкое сокращение доходов Ирака от паломничества в шиитские центры, иранское правительство продолжало прилагать усилия для ликвидации зависимости иранской внешней торговли от иракских транзитных путей. Открытие шоссейной дороги Тегеран—Хорремабад—Мохаммера и строительство в качестве конечного пункта Трансиранской железной дороги нового порта в Персидском заливе сильно отразились на таможенных доходах Ирака, которые являлись самой крупной приходной статьей иракского бюджета и складывались главным образом из поступлений от иранской транзитной торговли. По мнению британских мандатных властей, эти меры со временем могли отвлечь всю внешнюю торговлю Ирана от иракских путей [43, стр. 211—212, 216].

Не оправдались и надежды Англии на то, что трудности в ирано-советских торговых отношениях, имевшие место в 1926—1927 гг., затянутся и приведут к увеличению иракской транзитной торговли. Еженедельник «Нир Ист энд Индия» от 25 августа 1927 г. тревожно предвещал, что нормализация советско-иранских торговых отношений отрицательно скажется на экономическом положении Ирака (вернее было бы сказать — на финансовых расходах державы-мандатария, которая в этот период старалась переложить на бюджет Ирана даже содержание английских войск).

После заключения советско-иранского торгового соглашения англичане приняли ряд мер с целью поощрения ирано-иракских торговых связей. В частности, Шахиншахский банк, прекратив кредитование иранских купцов, торгующих с СССР, открыл отделения в Ханекине и Каср-е Ширине, расположенных на границе с Ираком [371, 27.I.1928]. Однако введение иранским правительством в мае 1928 г. автономного таможенного тарифа, согласно которому товары, поступающие из стран,

²⁶ В связи с этим поток иранских паломников в Ирак со временем резко сократился [269, стр. 101; 90, стр. 128].

не имеющих с Ираном договорных отношений, облагались максимальными импортными пошлинами, по словам С. Лонгригга, «создало угрозу гибели транзитной торговли» Ирака [266, стр. 216].

Добиваясь нормализации ирано-иракских отношений, Англия стремилась оздоровить финансово-экономическое положение своей подмандатной территории, связать внешнюю торговлю Ирана с Западом, не допустить укрепления советско-иранских отношений и усилить свое влияние на правящие круги Ирана.

Иранское правительство, однако, решительно отстаивало в этот период свои интересы в отношениях с Ираком, которые вплоть до получения этой британской подмандатной территорией формальной независимости в 1932 г. по существу являлись составной частью ирано-английских отношений. Политика иранского правительства в отношении Ирака, несмотря на необоснованность с юридической точки зрения ряда его претензий, объективно осложняла проведение британской колониальной политики в Ираке и тем самым ослабляла возможности влияния Англии на внутреннюю и внешнюю политику Ирана. «Продолжающийся отказ тегеранского правительства признать Ирак, — констатировал еженедельник „Нир Ист энд Индия“ от 26 января 1928 г., — является камнем преткновения и для Арабского королевства, и для державы, являющейся попечителем этого государства».

Этот же еженедельник в номере от 16 февраля 1928 г., констатируя провалы британской дипломатии, писал: «Предложение за предложением делались Багдадом для улучшения отношений между двумя странами, но... Тегеран категорически отказывался... Однако по совету британского мандатария отношение багдадского правительства к Персии было постоянно корректным, и кажется вполне возможным, что это терпеливое отношение будет наконец вознаграждено». Британской дипломатии в эти годы пришлось испытать и ряд других ударов от иранского правительства.

Проблемы англо-иранских отношений. Будучи вынуждена к концу 1921 г. примириться с потерей завоеванных в годы войны и первые послевоенные годы позиций в Иране, британская дипломатия в последующий период основной своей задачей считала сохранение за-

воеванных до войны позиций в стране (нефтяная концессия, Шахиншахский банк, капитуляционный режим и т. д.). С этой целью Англия использовала различные средства давления на Иран, среди которых особое место занимала поддержка сепаратистских устремлений феодалов южных районов. Самым крупным выступлением такого рода было восстание шейха Мохаммеры Хазала, которому Англия еще до первой мировой войны гарантировала поддержку в случае покушения иранского правительства на его юрисдикцию и имущество. В конце 1924 г. войска Реза-хана подавили восстание, а в апреле 1925 г. шейх Хазаль был арестован и доставлен в Тегеран.

Решимость национальных сил Ирана отстоять политическую независимость страны, широкая всенародная поддержка, оказанная правительству Реза-хана в период подавления восстания шейха Хазала, заставили английское правительство пересмотреть методы своей политики. Считаясь с невозможностью применения прежних колониальных методов и с тем глубоким откликом, который имела в Иране дружественная политика Советского Союза, правящие круги Великобритании с весны 1925 г. начали делать вид, что осуществляют «новый курс» в Иране.

На III съезде Советов СССР 14 мая 1925 г. Г. В. Чичерин говорил: «Еще поразительнее эти перемены методов в Персии, где еще недавно английская дипломатия действовала нажимами, угрозами, резким повелительным тоном и где в настоящее время, как раз наоборот, английская дипломатия приспосабливается к стремлениям персидского правительства модернизировать, централизовать Персию, создать новую Персию. Английское правительство пытается перетянуть на свою сторону эту новую, модернизированную Персию, которая ставит себе целью полное и политическое и экономическое освобождение от всякого нажима, от всякого вмешательства во внутренние дела.

Очень интересно посмотреть, что из этого выйдет, потому что, конечно, в этом имеется доля очень большого внутреннего противоречия. Но в настоящий момент нельзя не видеть, что английская дипломатия с чрезвычайной гибкостью пытается приспособиться к этим изменяющимся отношениям, и в основе своей это показы-

вадет, до какой степени уже успели измениться отношения между пробуждающимися народами Востока и мировыми империалистическими силами» [31, стр. 390—391].

Одним из первых проявлений «нового курса» явилась «уступка» Англии в вопросе финансовой задолженности Ирана. В апреле 1925 г. британское правительство выразило согласие уменьшить свои требования по «долгам военного времени» с 4,5 млн. ф. ст. до 2 млн. ф. ст. на условиях оплаты «долга» в течение 25 лет годовыми взносами по 180 тыс. ф. ст. [150, стр. 48; 46, т. 208, стр. 562; 288, стр. 560], что опять-таки должно было составить первоначальную сумму в 4,5 млн. Таким образом, «уступка» Англии сводилась лишь к отсрочке платежей.

Одновременно Англия начала демонстрировать «невмешательство» во внутренние дела Ирана и поддержку центрального правительства. На сделанный 4 мая 1925 г. в палате общин запрос относительно ареста иранским правительством шейха Хазаля и английских гарантий шейху О. Чемберлен отделался ответом, что «никаких гарантий (личной неприкосновенности. — С. А.)... британское правительство не давало» [46, т. 183, стр. 581]. Однако по дипломатическим каналам правящие круги Великобритании продолжали добиваться восстановления прав на земли и движимое имущество не только шейха Хазаля, но и бывшего наследника каджарского престола, брата свергнутого шаха [336, стр. 830].

Демонстрируя «доверие» к центральному правительству, Великобритания в марте 1926 г. вывела из иранских портов Персидского залива английские военные отряды, находившиеся там под предлогом обеспечения безопасности британских подданных в отдельные периоды с 1820 г. и постоянно — с 1911 г. [336, стр. 839]. Цена же этому доверию ярко проявилась уже в августе 1926 г. во время восстания против центрального правительства Дост Мохаммеда, губернатора Иранского Белуджистана, на территории которого находился построенный англичанами и управляемый британским персоналом 40-мильный участок железной дороги Нушки — Доздаб. Англо-индийские войска были стянуты к ирано-индийской границе, а британская миссия в Тегеране сделала предупреждение министерству иностранных дел Ирана

о возможности английской интервенции в случае возникновения «угрозы британским интересам»²⁷.

Такой же характер имели и другие аспекты «нового курса». Американский наблюдатель В. Шиан в 1927 г. писал: «В настоящее время в Персии нет британских секретных агентов, оплачиваемых в качестве таковых и работающих регулярно. Британская миссия в Тегеране очень большая (больше, чем некоторые посольства в Европе), и британские бизнесмены и торговцы повсюду в стране могут рассматриваться как „агенты“. Но со старой системой шпионажа и взяточничества покончено; существующее в наши дни взяточничество облачено в намного более цивилизованные формы» [97, стр. 174—175].

Однако в дальнейшем внутренняя противоречивость «нового курса» постоянно вызывала среди правящих кругов Великобритании острую критику. С такой критикой, в частности, выступил поверенный в делах Англии в Иране Г. Никольсон. В письме О. Чемберлену от 30 сентября 1926 г. он писал: «Практически мы вынуждены вертеться между концепциями, унаследованными от XIX в. и возникшими после войны... этот средний курс в действительности является компромиссом между двумя противоречивыми альтернативами. Мы называем его „политикой добрых отношений и невмешательства“». Понимая, однако, вынужденный в условиях послевоенных изменений в мире вообще и роста иранского национализма в частности характер «нового курса», Г. Никольсон выступал лишь за пересмотр некоторых исходных пунктов и «эмпирических методов» британской политики. Ссылаясь на антианглийские настроения и рост советского влияния, он считал расчеты на превращение Ирана в самостоятельное, стабильное и дружественное Англии государство «химерическими» и, исходя из этого,

²⁷ Английский поверенный в делах в Иране Г. Никольсон, ссылаясь на «глубокое возмущение», которое могло вызвать у шаха это предупреждение, убеждал Форин Оффис не предпринимать указанную акцию, однако ввиду задержки ответной телеграммы О. Чемберлена был вынужден выполнить ранее полученную инструкцию. В годовом отчете британской миссии в Тегеране подчеркивалось, что «плохой эффект» этой акции был уменьшен тем, что предупреждение было сделано в устной форме министру иностранных дел, а «возможное возмущение шаха», находившегося тогда в Мешхеде, — действительно критическим характером ситуации на границе [336, стр. 805—808].

призывал наряду с поддержкой шахского правительства «делать все возможное для помощи элементам порядка». Особое внимание Г. Никольсон предлагал уделить укреплению английских позиций в южных провинциях Ирана [33б, стр. 812—820].

Критика Г. Никольсоном «нового курса» была встречена с недовольством высокопоставленными чиновниками Форин Оффиса. В защиту «нового курса» выступил один из его инициаторов, бывший посланник в Иране П. Лорен [33б, стр. 824]. Руководитель восточного департамента Форин Оффиса Л. Олифант, который также не одобрил критику Г. Никольсона [33б, стр. 820], в меморандуме от 21 октября 1926 г. с типичной для консерваторов твердолобостью пытался объяснить «неблагоприятную» ситуацию в Иране «не какой-либо акцией нашей (Англии. — С. А.) миссии, а силой обстоятельств и неспособностью Персии противостоять Советам» [33б, стр. 830]. Другой инициатор «нового курса» — министр иностранных дел Англии О. Чемберлен выразил сомнение даже в необходимости обсуждения поднятых Г. Никольсоном вопросов. Признавая, что «степень его (английского правительства. — С. А.) дружественных чувств и лояльного отношения еще не полностью оценивается персидским правительством и народом», О. Чемберлен утверждал: «Развитие добрых отношений является в действительности первым условием достижения целей, которые Правительство Его Величества имеет в виду, будь то позитивных или негативных. Правильно понятая и осуществляемая, это не пассивная, а активная и конструктивная политика» [33б, стр. 837—841].

Сущность расхождений между Форин Оффисом и Г. Никольсоном как раз и заключалась в понимании последним «политики добрых отношений и невмешательства» как действительного курса политики, а не методов, к тому же зачастую выливавшихся лишь в словесный камуфляж. В инструкции новому посланнику в Тегеране, Р. Клайву, от 29 ноября 1926 г. О. Чемберлен, указывая на это обстоятельство, прямо писал, что признание независимости Ирана и проведение политики «невмешательства» английским правительством «не лишают его права стимулировать и поощрять такие элементы в Персии, которые могут искренне стремиться к благоденствию страны и созданию лучшего правитель-

ства». «Политика добрых отношений», писал далее О. Чемберлен, вовсе не означает отказа Англии от своих интересов в Иране и на Персидском заливе, для защиты которых она в любую минуту может «принять более активную политику» [33б, стр. 837—841]²⁸. П. Лорен в меморандуме от 10 октября 1926 г. прямо указывал, что проведение «политики добрых отношений» сохраняет за Англией свободу рук в случае необходимости установления над Ираном непосредственного контроля или прямого вмешательства в его внутренние дела [33б, стр. 822].

Империалистические цели собственной политики в отношении Ирана правящие круги Англии пытались приписать политике Советского Союза, которую британская пресса всячески представляла тождественной политике царской России. «Угроза с севера,—запугивала „Таймс“ от 4 июня 1926 г.,—является постоянным фактором политической и социальной жизни страны. Неослабевающее давление, отравляющая пропаганда... не прекращаются ни на одно мгновение и не позволяют правительству шаха забывать, что СССР унаследовал вековую политику, побуждающую его стремиться к расширению сферы влияния на Востоке... Эта политика всегда преследовала в качестве своей главной цели подрыв британских интересов».

В своем стремлении использовать Иран в качестве барьера против распространения идей Октябрьской революции в странах Востока британские империалисты рассчитывали на антидемократические настроения иранских правящих кругов Ирана. Видный представитель министерства колоний Англии Кеннет Уильямс в марте 1926 г. писал: «В настоящий момент наиболее примечательным местом (не считая Китая), где можно наблюдать расхождение британской и русской политики, является Персия. Если сила тегеранского диктатора, ибо Реза-шах Пехлеви таковым является в действительно-

²⁸ Интересно отметить, что в этой же инструкции О. Чемберлен предоставил Р. Клайву полную свободу в выборе методов проведения британской политики, поскольку «опыт прошлого убедительно показал невозможность предсказать и предусмотреть все обстоятельства в стране, подобной Персии» [33б, стр. 838]. Не исключена вероятность, что в числе прочих «обстоятельств» О. Чемберлен имел в виду и государственный переворот 1921 г.

сти, сохранится в неприкосновенности, то не только Иран, но и Афганистан и Белуджистан могут вздохнуть с облегчением» [цит. по: 178, стр. 155].

Идя на отдельные незначительные уступки правительству Реза-шаха, Англия стремилась не допустить его наступления на британские позиции, помешать развитию дружественных советско-иранских отношений, вовлечь Иран в свои антисоветские провокации на Востоке и обеспечить в стране условия для экономической экспансии британского капитала. В инструкции посланнику в Тегеране от 29 ноября 1926 г. О. Чемберлен следующим образом сформулировал цели британской политики в Иране: «Защита законных британских интересов и охрана жизни и имущества британских подданных; безопасность и целостность доминионов Его Величества, особенно Индийской империи; сохранение в силе договоров» [33б, стр. 838].

Британская дипломатия делала все возможное, чтобы добиться признания Ираном своей «задолженности» Англии, урегулирования дела шейха Хазая, официального признания Ирака, отказа иранского правительства от предоставления таможенных льгот советской торговле и применения на всех границах выгодного Англии тарифа 1920 г.²⁹ Полагая, что временные трудности в советско-иранских торговых отношениях сделают правительство Ирана более уступчивым, английский посланник в Тегеране П. Лорен в телеграмме О. Чемберлену от 15 февраля 1926 г. предложил добиваться удовлетворения требований «показом симпатии к Персии», т. е. продолжением «нового курса». Это предложение было одобрено в ответной телеграмме Форин Оффиса от 18 марта 1926 г. [33а, стр. 809, 813, 823, 824]. Курс на проведение «политики добрых отношений и невмешательства» был подтвержден и в цитированной выше инструкции О. Чемберлена Р. Клайву от 29 ноября 1926 г.

Провозглашение британской дипломатией «нового курса» дало проанглийски настроенной части правящих кругов Ирана весьма удобный предлог для «примире-

²⁹ Из менее важных вопросов следует отметить финансовые претензии британских подданных, составлявшие несколько сотен тысяч фунтов стерлингов, которые иранское правительство отказывалось оплатить [33б, стр. 950].

ния» с Англией. Заинтересованность господствующих классов Ирана в тесных связях с капиталистической экономикой Запада, традиции хозяйственной деятельности в условиях колониальной зависимости, практика посреднической торговли и страх перед ростом влияния Советского государства среди широких народных масс в условиях начавшейся «смены вех» британской дипломатии положили начало их сближению с правящими кругами Англии. В. Шиан, посетивший Иран в 1926 г., отмечал, что английская политика привела «к несомненному преобладанию британского влияния в Тегеране и во всей стране» [97, стр. 176].

Усиление влияния Англии, опиравшейся в своей политике не только на захваченные в Иране позиции, но и на свою финансовую мощь, было, однако, лишь одной стороной начавшегося в стране процесса размежевания внешнеполитических ориентаций. А. Пейдж в 1927 г. писал: «Финансовое влияние Великобритании начало сказываться очень сильно, и в настоящее время, когда Персия дружелюбна к своему северному и к своему южному соседу, британское влияние в целом преобладает. Тем не менее среди большей части персов, особенно на севере страны, ощущается чрезвычайно дружелюбное чувство по отношению к Советской России, чей отказ от политики царизма дал возможность Персии восстановить ту степень независимости, которой она сейчас обладает» [275, стр. 125]. В телеграмме в Форин Оффис от 30 сентября 1926 г. Г. Никольсон отмечал: «Позитивная враждебность к Великобритании теперь ограничивается полуобразованными средними классами: более важные персы сейчас руководствуются чувством пассивной и робкой дружбы» [336, стр. 815].

Такой характер «дружбы» далеко не в последнюю очередь объясняется сохранявшимися в стране антианглийскими настроениями. В цитированной выше речи на имперской конференции 1926 г. О. Чемберлен признал: «Как в других восточных странах, национализм с оттенком ксенофобии влияет на умы руководящих политических деятелей (Ирана. — С. А.)» [336, стр. 950]. Антианглийские настроения в определенной мере имели место и в меджлисе. Г. Никольсон писал: «Хотя ни один персидский министр не желает открыто действовать против нас, все они равным образом боятся открыто

действовать в нашу пользу. Они щедры в обещаниях и заверениях: но они не осмеливаются столкнуться с меджлисом» [336, стр. 815]. Следует, однако, отметить, что для многих депутатов антианглийская настроенность была лишь средством выражения отмеченной выше оппозиции новому шаху.

Сложность внутренней ситуации при чрезмерной слабости финансово-экономического и политического положения иранского правительства обуславливала известную двойственность его политики в отношении Англии. Присущие этой политике методы дипломатического маневрирования имели определенные точки соприкосновения с демагогической фразеологией «нового курса» и находили отражение и в не лишенных заигрывания и лицемерия конфиденциальных декларациях иранских государственных деятелей британским дипломатам. Характерным в этом отношении является заявление Реза-шаха английскому посланнику П. Лорену на прощальной аудиенции, состоявшейся 27 июня 1926 г. Весьма близкое по тону и прямо противоположное по смыслу заявлению, сделанному советскому полпреду Я. Х. Давтяну 23 мая 1928 г. [см. стр. 127—128], оно приводится ниже в изложении П. Лорена.

«Основной целью внешней политики сегодняшней Персии,—заявил Его Величество,—является освобождение от опасности, угрожающей ей с Севера, и дальнейшее усиление, чтобы сопротивляться всякому давлению, которое может быть оказано с этой стороны. Во-вторых, Персия стремится жить в самых по возможности дружественных отношениях с Великобританией, надеется привлечь к себе британские симпатии и иметь возможность, если бы с Севера угрожала опасность, рассчитывать на британскую поддержку, если не на реальную британскую помощь, для собственного спасения. Шах сказал, что переворот 1921 г. он совершил с целью спасти свою страну от России... (пропуск источника.—С. А.). Большевицкая ли Россия или нет, не так уже много значит; он считает совершенно невероятным, практически невозможным, чтобы Персия стала большевицкой, но Персии всегда будет угрожать Россия... идея восстановления дружественных отношений с Англией становится все более и более определенной. Несмотря на это, персидское правительство должно быть чрезвычайно осторожным,

поскольку оно постоянно подвергается упрекам в раболепии перед Англией и неспособности избежать сетей британской дипломатии... Он поэтому хотел бы, чтобы растущая симпатия к Англии продолжала увеличиваться своим собственным импульсом настолько, чтобы из молчаливого мнения большинства она автоматически превратилась в аксиому персидской политики; но он чувствует, что всякая попытка высоких кругов в Персии сознательно направить политику в это русло потерпела бы поражение из-за русской оппозиции в какой-нибудь опасной форме» [33б, стр. 832—833].

Аналогичное заявление (вместе с определенным обещанием) было сделано шахом и 16 ноября 1926 г. в частной аудиенции вновь прибывшему в Тегеран британскому посланнику. Р. Клайв сообщал в Форин Оффис: «В ходе вчерашней частной аудиенции шах торжественно заверил меня, что он еще больше, чем прежде, полон решимости поддерживать самые дружественные отношения с Великобританией. Он непременно сдержит обещание, которое дал в последней беседе с сэром П. Лореном, и просил меня всегда говорить с той же откровенностью, что и мой предшественник. Я вручил Его Величеству личное послание короля о том, что наша политика направляется исключительно стремлением видеть Персию сильной и независимой. Его Величество был очень доволен... и сказал, что теперь определенно решил признаться Ирак. Он инструктирует премьер-министра обсудить со мной детали признания» [33б, стр. 832—833]. Характерно, однако, что руководители английской внешней политики не очень-то верили подобным обещаниям. В ответ на сообщение Р. Клайва О. Чемберлен писал: «Время покажет, намерен ли шах претворять свои слова в дела» (33б, стр. 833)³⁰.

Действительно, хотя иранское правительство и не предпринимало сколько-нибудь решительных действий против позиций Англии в стране, в то же время не про-

³⁰ Для внешнего же потребления пускался в ход, как обычно, жупел «советской угрозы». На имперской конференции О. Чемберлен говорил: «Он (шах.— С. А.) заявляет о большом дружелюбии в отношении нашей страны; но он, естественно, очень чуток к риску оскорбить Советское правительство проведением открыто пробританской политики, поскольку, как и любой другой перс, не может забыть, что Россия составляет северную границу Персии» [33б, стр. 950].

являло склонности урегулировать ни один из спорных вопросов англо-иранских отношений. Обещав в марте 1926 г. представить предложение британского правительства относительно способов решения вопроса о финансовой задолженности Ирана на рассмотрение меджлиса, оно затем отказалось сделать это [46, т. 208, стр. 563; т. 215, стр. 1136; т. 217, стр. 2058]. Точно так же Реза-шах отказался урегулировать в угодном Англии духе дело шейха Хазала и официально признать Ирак, несмотря на данное британскому посланнику обещание. Подписание же в октябре 1927 г. новой советско-иранской таможенной конвенции и начатая Ираном подготовка к введению автономного таможенного тарифа предприняли полный отказ иранского правительства от таможенного тарифа 1920 г. На имперской конференции 1926 г. О. Чемберлен говорил: «Несмотря на заверения в дружбе, сменяющие друг друга персидские правительства не проявляют никаких конкретных доказательств желания урегулировать различные спорные вопросы между Великобританией и Персией» [33б, стр. 950].

В неудовлетворительном для Англии духе развивались отношения иранского правительства и с Англо-персидской нефтяной компанией, хотя в первое время после вступления Реза-шаха на престол они давали Англии основание надеяться на лучшее. Так, в начале 1926 г. иранское правительство в связи с временными трудностями в советско-иранских торговых отношениях обратилось к компании с просьбой о помощи в поставках нефтепродуктов для внутренних потребностей страны. Англичане с целью помочь Ирану «освободиться от экономического порабощения России» решили пойти на «риск убытков» (с тем, однако, чтобы «выиграть морально») [33а, стр. 825—826] и провели временное снижение на 50% цен на керосин и бензин [378, 11.X.1927]. В апреле 1926 г. в Тегеран на коронацию Реза-шаха приехал заместитель председателя правления Англо-персидской нефтяной компании Дж. Кэдмен. Во время пребывания в Иране он демонстрировал «фундаментально благородное, дружественное, полезное и щедрое» отношение компании к Ирану, что, по словам английского посланника в Тегеране, «произвело отличное впечатление и сильно способствовало укреплению растущего понимания британской позиции» [33а, стр. 826; 213, стр. 90].

Иранское правительство не осталось в долгу перед английской компанией. В связи с решением последней приступить к эксплуатации входившего в зону ее концессии месторождения в районе Карс-е Ширина, находящегося на границе с Ираком, правительство в начале 1927 г. согласилось на некоторые вычеты из своей доли прибылей от добываемой здесь нефти, поскольку переработка ее должна была производиться в Ираке. Вопрос послужил предметом запроса в меджлисе и даже привел к временной отставке кабинета Мостоуфи [154, стр. 202—203]. Англичане рассчитывали использовать новое месторождение для вытеснения с иранского рынка советских нефтепродуктов.

Однако последующие действия правительства Реза-шаха нарушили эти расчеты. Созданная еще в 1925 г. с целью разработки нефтяных месторождений Семнана иранская компания «Кевир-Хурйан», 65% акций которой принадлежало Советскому правительству, в 1927 г. закончила предварительные работы и приступила к бурению скважин. Англо-персидская нефтяная компания несколько раз обращалась к иранскому правительству с протестами против разработки этого месторождения на том основании, что якобы Семнан входит в сферу ее концессии. Однако иранское правительство каждый раз решительно отклоняло претензии АПНК [283, стр. 94—95; 379, 30.V.1927; 325, стр. 676—677].

В начале октября 1927 г. иранское правительство внесло в меджлис законопроект о снижении пошлин на нефтепродукты. Англо-персидская нефтяная компания сразу же опротестовала проект, сославшись на то, что его утверждение приведет к усилению конкуренции на рынке нефтепродуктов в северных провинциях [378, 11.X.1927]. Тем не менее законопроект был утвержден. Только после этого иранское правительство ответило на протест АПНК, подчеркнув, что снижение пошлин проведено не в целях усиления торговой конкуренции СССР, а в связи с увеличившимся в стране потреблением нефтепродуктов [378, 19.X.1927].

В дальнейшем отношения между правительством Ирана и Англо-персидской нефтяной компанией оставались весьма натянутыми. В тегеранской прессе время от времени инспирировались кампании против методов работы АПНК. На годовичном общем собрании акционеров

в октябре 1927 г. Дж. Кэдмен говорил: «Наши методы и усилия нередко встречают враждебную критику в Иране» [213, стр. 93]³¹.

АПНК с целью оказать давление на иранскую прессу прекратила в 1928 г. печатание объявлений в тегеранских газетах. «Компания Южной нефти,— писала по этому поводу „Эттелаат“ 4 октября 1928 г.,— считает, что, уплачивая всем тегеранским газетам в общей сложности 200 туманов в месяц за свои объявления, она имеет право творить что угодно... Мы очень счастливы, что... теперь избавились от этой взятки компании и от ее постыдных притязаний».

Не остался в стороне от кампании против АПНК и сам Реза-шах. После открытия Хорремабадской дороги он посетил ряд южных провинций Ирана, но приглашение Англо-персидской нефтяной компании, подготовившейся к приему шаха в Месджеде-Сулеймане, Абадане и Ахвазе, не принял. В целях восстановления своего престижа в стране АПНК обратилась к шаху с просьбой об аудиенции для представителей компании. Но шах из всей группы представителей принял лишь одного иранца — служащего АПНК, которому сказал: «Мое благоволение к компании будет полным тогда, когда она оставит свою прежнюю устаревшую манеру действий и примет новую, соответствующую общим интересам и годам Ирана» [379, 3.XII.1928].

Одним из наиболее важных вопросов англо-иранских отношений в этот период был вопрос о предоставлении английской полуправительственной авиакомпании «Империял Эйруэйз» права регулярных полетов над иранским побережьем Персидского залива, которого Великобритания добивалась с середины 1925 г. в целях создания «имперского воздушного пути» Лондон — Каир — Карачи. Создание этой линии дало бы английскому правительству возможность ускорить связь метрополии с колониями и вновь приобретенными подмандатными территориями и создать сплошную цепь британских воздуш-

³¹ Во время пребывания в Иране в 1926 г. Дж. Кэдмен на аудиенции у шаха выдвинул предложение о строительстве компанией шоссейной дороги между Тегераном и южными районами страны. По словам Л. Элвелл-Саттона, «шах вежливо выслушал это предложение, но никакого ответа Кэдмен от него так и не добился» [213, стр. 90—91, см. также: 97, стр. 183].

ных коммуникаций от Египта до Индии, включая Южный Иран, в частности район концессии АПНК. Кроме того, устройство аэродромов, посадочных площадок и складов горючего в Иране позволило бы, по мнению правящих кругов Великобритании, удержать его в орбите английского господства. На языке британских колонизаторов это называлось «контролем без оккупации».

Империалистические цели создания авиалинии Лондон — Карачи, которую в случае надобности можно было приспособить для военных нужд, не были секретом ни для правительства Ирана, ни для широкой иранской общественности. Однако, готовясь к свержению Каджарской династии и не желая обострять отношения с Англией, от позиции которой во многом зависело признание нового режима другими империалистическими державами, а также подвергать опасности свое положение в стране, Реза-хан в октябре 1925 г. без ведома меджлиса дал указание министерству иностранных дел Ирана в секретном порядке подписать с «Империл Эйруэйз» противоречащее национальным интересам Ирана соглашение [252, стр. 121—123].

По заключенному соглашению «Империл Эйруэйз» получила разрешение на полеты вдоль иранского побережья Персидского залива, для чего англичане должны были построить ряд аэродромов и авиабаз в иранских портах, которые со временем должны были перейти в собственность Ирана [46, т. 214, стр. 1541; 252, стр. 121—123; 288, стр. 559; 285а, стр. 352]. В октябре 1925 г. компания приступила к изыскательским работам на этой трассе [271, стр. 249]. Открытие линии предполагалось в конце 1926 г.

Однако, как выяснилось впоследствии, заключение этого соглашения было лишь дипломатическим маневром Реза-хана. Спустя год, вступив на престол и укрепив положение нового режима, Реза-шах отказался разрешить перелет через Иран английскому самолету, который должен был открыть авиалинию Лондон — Карачи. Тем не менее 26 декабря 1926 г. министр авиации Англии С. Хор торжественно открыл линию. «Если бы мы не игнорировали персидский запрет и не приземлялись и не взлетали без всякого официального разрешения, — признает в своих воспоминаниях С. Хор, — мы никогда не смогли бы совершить этот полет» [100, стр. 117]. Но регу-

лярные рейсы на трассе иранское правительство не допустило [252, стр. 121—123].

Позиция иранского правительства вызвала резкое недовольство в Лондоне, тем более что германская авиационная компания «Юнкерс» получила в это же время монопольную концессию на оборудование внутренних иранских воздушных линий. Биограф Гуго Юнкерса Р. Блунк пишет: «Персия занимала ключевое положение на английском пути в Индию. И англичанам было не безразлично, что этот ключ был не в их руках, что, более того, на их воздушной связи здесь вклинилось одно германское звено» [86, стр. 191]. Определенные круги Англии, обеспокоенные ростом германской активности в Иране, были склонны предполагать, что отказ иранского правительства от соглашения с «Империял Эйруэйз» был вызван давлением германской компании. Однако английское правительство само неоднократно отрицало причастность Германии к действиям иранского правительства [см. 252, стр. 124; 46, т. 214, стр. 1654, 1661; т. 216, стр. 1340; 371, 4.V.1928].

Некоторые зарубежные историки полагают, что отказ иранского правительства разрешить проведение «имперского воздушного пути» через Иран был вызван стремлением использовать этот вопрос в качестве средства давления на Англию с целью добиться ее согласия на ликвидацию капитуляционного режима. Основанием для этого предположения является тот факт, что после отмены капитуляций в 1928 г. Иран заключил соглашение с «Империял Эйруэйз» [см. 288, стр. 559; 285а, стр. 352; 279, стр. 245]. Однако с этой точкой зрения можно согласиться лишь частично, поскольку она не учитывает характера нового соглашения, бывшего к тому же временным, и ряда других обстоятельств. В частности, предоставив Англии право перелетов через Иран, правительство Реза-шаха одновременно объявило о разрешении воздушного транзита всем иностранным государствам, чем не замедлили воспользоваться Франция и Голландия. Ни одна из этих держав не имела «особых интересов» в Иране, зато обе могли быть использованы в качестве противовеса Англии.

Значительное влияние на иранское правительство оказывали антиимпериалистические настроения в стране. В середине марта 1927 г. министр внутренних дел Ирана

Сеид Мехти Фатеми, оправдывая в меджлисе заключение соглашения 1925 г., преданного огласке в результате начавшегося обострения англо-иранских отношений, в то же время заверил депутатов, что без согласия меджлиса соглашение не вступит в силу [285а, стр. 352]. Сообщая об этом в номере от 15 марта 1927 г., «Таймс» констатировала: «Некоторые из националистов противодействуют этому соглашению». Газета «Туфан», издаваемая видным демократически настроенным поэтом Фаррохи Йезди, в передовой статье от 15 мая 1927 г. доказывала, что проведение «Империял Эйруэйз» воздушной линии над иранским побережьем Персидского залива даст Англии возможность контролировать всю западную и южную часть Ирана.

Последующие действия иранского правительства свидетельствуют о том, что оно вполне отдавало себе отчет в существовании такой опасности. В апреле 1927 г. правительство объявило о решении не предоставлять иностранным авиакомпаниям воздушного транзита вдоль южного берега страны, а в мае того же года заявило, что в случае если меджлис утвердит международную воздушную конвенцию 1919 г., к которой Иран присоединился в 1920 г., то оно предоставит международному воздушному движению коридор через Центральный Иран [285а, стр. 352—353; 77, 19.IV.1927]³². При этом иранское правительство ссылалось на желание использовать международные воздушные линии для внутренних потребностей страны, поскольку побережье Персидского залива было уже значительно укреплено сетью местной почтовой связи [295, стр. 242—243; 252, стр. 124].

Действия иранского правительства были равносильны полному отказу предоставить «Империял Эйруэйз» право воздушного транзита через Иран. Советский географ-экономист Л. Гордонов пишет: «Географические условия на этой трассе (через Центральный Иран.— С. А.), пролегающей над горными хребтами и соляными пустынями, при авиационной технике тех лет были столь труднопреодолимыми, что это фактически означало запрещение летать над Ираном» [122, стр. 43]. К такому же заключе-

³² В данном случае на правительство Ирана оказала влияние авиационная политика Турции, не разрешавшей самолетам других стран пересекать свою территорию, за исключением воздушного коридора в зоне Дарданелл [см. 122, стр. 36].

нию пришли в свое время технические эксперты авиакомпании «Империял Эйруэйз», исследовавшие маршрут через Центральный Иран [295, стр. 243; 252, стр. 131].

В своем стремлении провести «имперский воздушный путь» именно над побережьем английский империализм руководствовался не только сравнительно благоприятными географическими условиями на этой трассе и наличием здесь телеграфных линий Индо-Европейской телеграфной компании, но и антисоветскими планами. Разорвав в мае 1927 г. дипломатические отношения с СССР и став на путь провоцирования войны с Советским Союзом, консервативное правительство Ст. Болдуина — О. Чемберлена рассчитывало превратить Ближний и Средний Восток в плацдарм против СССР. Проведение линии «Империял Эйруэйз» над побережьем давало возможность Англии обеспечить взаимодействие британских морских и воздушных сил на Персидском заливе и создать здесь опорные базы для авианалетов на советскую территорию. Наркоминдел СССР Г. В. Чичерин по этому поводу указывал: «Близость к Персидскому заливу объясняется желанием эвентуально защищать аэродромы британским флотом. В случае войны невинная почтовая линия моментально превращается в военную оккупацию Южной Персии воздушными силами с английских аэродромов» [23, т. XI, стр. 318].

Таким образом, действия иранского правительства наносили серьезный удар по планам укрепления английского господства в Южном Иране, создания системы имперских воздушных коммуникаций на Востоке и, следовательно, по планам превращения Ирана в антисоветский плацдарм. Так расценила их и британская пресса, в частности газета «Морнинг Пост» от 1 апреля 1927 г. Недовольство Англии усилило начавшееся с конца 1927 г. советско-иранское сотрудничество в области международных воздушных сообщений ³³.

³³ 23 ноября был подписан протокол о соединении воздушных линий СССР и Ирана «в целях развития торгового, пассажирского и почтового воздушного сообщения обеих стран и международного почтового обмена», предусматривавший организацию воздушных рейсов на линии Баку — Пехлеви советской компанией «Укрвоздухпуть» [50, 25.XI.1927; 3476, стр. 300; 371, 28.XI.1927]. Благодаря этому Иран получал возможность установить прямую воздушно-почтовую связь с 25 странами Европы и Азии [371, 4.V.1928].

Вынужденная приступить к изыскательским работам на южном, арабском берегу Персидского залива [369, 24.V.1927; 63, 29.IV.1927], Англия продолжала одновременно оказывать давление на Иран, используя с этой целью вопросы об иранских «долгах» и шейхе Хазале. 10 мая 1927 г. Англия потребовала от иранского правительства немедленного представления меджлису британского предложения относительно «долгов» [46, т. 208, стр. 563]. Это явилось непосредственной причиной отставки кабинета Мостоуфи [151, стр. 79]. Попытки Англии во второй половине 1927 г. добиться освобождения шейха Хазала также остались безрезультатными. Выступая 20 июля 1927 г. по этому вопросу в палате общин, О. Чемберлен, два года назад заявивший, что никаких гарантий личной неприкосновенности британское правительство шейху не давало, сказал: «Это — история, которую ни один англичанин, знающий факты, не может вспомнить без стыда. Англия нарушила слово, данное шейху Хазалу» [46, т. 209, стр. 383—384; 112, стр. 70].

Речь О. Чемберлена была немедленно подхвачена английской прессой. Рупор министерства колоний Великобритании еженедельник «Нир Ист энд Индия» от 25 августа 1927 г. писал: «Нужно откровенно признать, что столь долгое задержание в персидской столице лица, которое неоднократно доказывало свою дружбу к Англии, вызывает сильное огорчение среди английских доброжелателей Персии».

В иранской прессе речь О. Чемберлена встретила резкую отповедь. Газета «Туфан» от 29 сентября 1927 г. писала: «Иран вправе поступать по своим внутренним законам и не разрешит другим вмешиваться в это дело». «Шафаг-е сорх» в номере от того же числа отмечала, что Хазаль является иранским подданным, и отрицала право Англии вмешиваться во внутренние дела Ирана.

Особенное беспокойство Англии вызвали возобновившиеся в марте 1927 г. переговоры об урегулировании советско-иранских отношений. Еженедельник «Нир Ист энд Индия» от 3 марта угрожающе писал: «Если Персия предпочитает русскую ориентацию, ей нечего ждать британской помощи, если ж она оказывает предпочтение британским методам, она должна перестать кокетничать с советскими доктринами». В июне 1927 г. английский посланник в Тегеране Роберт Клайв потребовал от Реза-

шаха отставки министра иностранных дел Ансари, ведущего в Москве переговоры. В ответ на это грубое вмешательство шах прервал аудиенцию [50, 10.VI.1927].

По мере успешного развития ирано-советских переговоров о заключении гарантийного пакта и других соглашений Англия прибегла к еще более грубым формам дипломатического и военного давления на Иран. Английская агентура начала инспирировать беспорядки в южной части страны; усилился контрабандный ввоз оружия и курсирование английских военных судов в водах Персидского залива, где власть иранского правительства была номинальной.

Спровоцировав в апреле 1927 г. нападение арабов на персов — служащих таможенного и почтового управлений острова Хенджам, где с давних пор была расположена по арендному договору с Ираном угольная база британского флота, англичане направили туда три военных судна и приступили к сооружению посадочных площадок для английской авиации [380, 13.V.1927; 214, стр. 41—42; 48, № 1, 1928, стр. 15, 38].

Во второй половине 1927 г. англичане, используя в своих интересах недовольство населения Хузистана введением новых налогов, готовили здесь выступление под лозунгом возвращения шейха Хазая. Однако спровоцированное ими в Госпэ, в устье Шатт-эль-Араба, выступление было подавлено иранскими войсками в самом зародыше. При этом был захвачен английский транспорт оружия. В Хузистане иранским правительством был организован центр полицейского управления Персидского залива [214, стр. 49].

В связи с подписанием советско-иранских соглашений от 1 октября 1927 г. в английской прессе усилились выдвигавшиеся и раньше требования отказа от так называемого нового курса в отношении Ирана. Еще в сентябре 1926 г. еженедельник «Нир Ист энд Индия», отмечая, что наметившаяся тенденция сближения Реза-шаха с СССР «не может быть по вкусу Англии», писал: «В этих обстоятельствах позволительно спросить, не следует ли внести в прекрасные отношения, установленные г. Лореном между персами и англичанами, более твердый и более положительный момент вежливости?» Далее еженедельник открыто призывал английское правительство инспирировать антиправительственные выступ-

ления связанных с Англией племенных вождей Южного Ирана, объяснив им, каково то положение, в которое «ввергает страну неутешительное бездействие шаха перед старыми русскими методами и старой персидской коррупцией» [цит. по: 189, стр. 96]. В декабре 1927 г. этот же еженедельник, отмечая «постоянное невнимание Персии к британским советам», писал: «Несомненно, настало время для того, чтобы начать вести твердую политику, которая гарантировала бы, что советы британских представителей в Персии будут рассматриваться» [цит. по: 48, № 1, 1928, стр. 16].

Английское правительство отдавало себе отчет в том, что правительство Реза-шаха стремится использовать всю совокупность неурегулированных вопросов англо-иранских отношений в качестве средства давления на Англию с целью получить ее согласие на ликвидацию капитуляционного режима. Поэтому в начале ноября 1927 г. в ответ на запрос иранского правительства об отношении Англии к намеченным им изменениям в таможенном тарифе ее правительство ответило нотой [46, т. 211, стр. 740—741], в которой предварительно потребовало разрешить проведение «имперского воздушного пути» через иранские порты Персидского залива, признать Ирак, урегулировать вопрос о «долгах» и восстановить в правах шейха Хазаля [50, 29.XI.1927; 285а, стр. 353].

Отношение националистических кругов Ирана к выдвинутым в английской ноте требованиям ярко иллюстрирует интервью, данное в Вене Сулейманом Мирзой. Восстановление в правах шейха Хазаля он назвал «равносильным превращению его провинции в колонию Англии», организацию «имперского воздушного пути» — «военной мерой для содействия Великобритании сохранить свое господство в странах Ближнего Востока», а урегулирование «долгов» — требованием «денег, использованных для подкупов деятелей старого режима, от которых персидский народ не получил никакой пользы» [73, 26.I.1928].

В ответной ноте английскому правительству иранское правительство отказалось удовлетворить английские требования, подчеркнув при этом, что считает вопрос о Хазале внутренним делом Ирана [50, 10.XII.1927]³⁴.

³⁴ Впоследствии шейх Хазаль был умерщвлен по приказу Реза-шаха.

В то же время иранское правительство искусно прибавило ко всей сумме спорных вопросов англо-иранских отношений вопрос о своем суверенитете над Бахрейнскими островами, которые в XVII—XVIII вв. находились под властью Ирана, а в XIX—XX вв. фактически были захвачены англичанами, установившими над ними свой протекторат [подробнее см.: 111]. 22 ноября 1927 г. иранское правительство направило по этому поводу Англии со ссылкой на ст. 10 Устава Лиги наций ноту протеста, копии которой были посланы всем государствам — членам Лиги. «Таймс» от 1 января 1928 г. писала: «Повидимому, заявляя протест по поводу Бахрейнских островов, персидское правительство намеревается создать между Англией и Персией спорный вопрос с таким расчетом, чтобы извинить свое нежелание разрешить перелет через Персию английских аэропланов».

Однако выдвижение иранским правительством в этот период вопроса о правах Ирана на Бахрейнский архипелаг, так же как его отказ предоставить «Империял Эйруэйз» право перелетов через Иран, нельзя ограничивать одним лишь стремлением оказать давление на Англию с целью добиться ее согласия на ликвидацию капитуляционного режима. Иран всегда рассматривал Бахрейн как неотъемлемую составную часть своей территории и использовал малейшие предлоги для соответствующих дипломатических представлений английскому правительству [подробнее см.: 216, стр. 124—183; 38, стр. 172—173]. Еженедельник «Нир Ист энд Индия» от 5 января 1928 г. писал: «Персия сделала ранее по крайней мере восемь или девять аналогичных протестов, из них три или четыре в течение последних двадцати лет». Спустя всего лишь две недели после вступления Реза-шаха на престол английский посланник в Тегеране П. Лорен писал О. Чемберлену о «настойчивом и до некоторой степени молчаливом персидском ирредентизме в отношении Бахрейна» и об опасности того, что по мере усиления Ирана «под руководством нового шаха этот туманный ирредентизм может стать более реальным и менее молчаливым» [33а, стр. 824]. В направленной в 1926 г. иранским правительством инструкции местным властям в Хузистане подчеркивалось, что «Бахрейн является персидской территорией» [214, стр. 43]. Характерно, что уже в это время английская дипло-

матия начинает разрабатывать меры противодействия возможным иранским претензиям. В письме от 30 декабря 1925 г. П. Лорен предложил О. Чемберлену путем обмена нотами с иранским правительством оформить «взаимное согласие на представление соответствующих дел Совету Лиги наций и обязательство обеих сторон придерживаться его решения». Таким путем, т. е. не утверждая суверенитет Англии над Бахрейнскими островами, который она осуществляла фактически, но в то же время отразив иранские претензии на суверенитет, по мнению П. Лорена, можно было бы склонить новое иранское правительство к отказу от его претензий, но лишь в том случае, как оговаривался далее английский посланник, если его действительной целью будет самозащита от обвинений со стороны общественности в отказе от прав Ирана на Бахрейн [33а, стр. 824]. В ответном письме от 17 февраля 1926 г. О. Чемберлен писал о нецелесообразности поднимать вопрос о Бахрейне до положительного решения всех существующих между Ираном и Англией спорных вопросов. В то же время он опасался, что Совет Лиги наций, вынесший недавно решение в пользу Англии при рассмотрении конфликта с Турцией относительно иракской границы, может выступить на этот раз против Англии «с целью показать, что он не является инструментом британской политики и креатурой Великобритании» [33а, стр. 824—825]. Ввиду всего этого выдвижение Ираном претензий на Бахрейн было для Англии до некоторой степени неожиданным, а обращение в Лигу наций — нежелательным.

По мнению ряда зарубежных авторов, возобновление Ираном в 1927 г. претензий на Бахрейн было вызвано предположением, «что на архипелаге может быть обнаружена нефть» [271, стр. 119, 262]. Действительно, начиная с 1925 г. английские и американские нефтяные компании вели активные изыскательские работы на Бахрейнских островах, выявившие залежи нефти [271, стр. 93—94; 250, стр. 112—131]. Однако это не противоречит тому, что главной целью правительства Реза-шаха было восстановление суверенитета Ирана над Бахрейнскими островами.

Поводом для иранской ноты послужил договор, заключенный 20 мая 1927 г. Англией с правителем Хиджаза — Неджда Ибн Саудом, в одной из статей которого

был зафиксирован отказ Сауда от посягательств на британские протектораты в Персидском заливе, среди которых был упомянут и Бахрейн. В ноте от 22 ноября 1927 г. иранское правительство, опротестовав эту статью, заявило, что Бахрейн находится под суверенитетом Ирана. В ответной ноте от 18 января 1928 г. Англия отвергла иранские притязания на архипелаг. 28 августа 1928 г. иранское правительство направило Англии и одновременно Лиге наций новый протест по вопросу о суверенитете над Бахрейном [подробнее см.: 216, стр. 194—195]. Как и следовало ожидать, иранские протесты были похоронены в архивах Лиги наций.

В дальнейшем иранское правительство время от времени возобновляло протесты. Так, 5 января 1929 г. оно протестовало против введенного Англией на архипелаге нового порядка, согласно которому иранские подданные, для поездки на Бахрейн должны были предъявлять заграничные паспорта. Протест от 23 июля 1930 г. был вызван сообщениями прессы о предоставлении Англии шейхом Бахрейна нефтяной концессии. 22 мая 1934 г. аналогичный протест был направлен иранским правительством Соединенным Штатам Америки [285д, стр. 223—224; 46, т. 244, стр. 1684].

В свое время радикально-демократические круги Ирана упрекали Реза-шаха в том, что в действиях в отношении Бахрейна он ограничился только формальными протестами и обращениями в Лигу наций [см. 48, № 4—5, 1928, стр. 81—82]. Такие же оценки встречаются в работах отдельных советских [см. 141, стр. 74] и зарубежных [см. 265, стр. 163] историков. Подобная односторонняя оценка не учитывает конкретно-исторической обстановки того времени, в частности силы международного финансового капитала и чрезвычайной слабости Ирана. В условиях, когда Иран по существу был бессилен оказать реальное сопротивление империалистической агрессии, периодические протесты правительства, хотя и формальные, постоянно напоминали мировому общественному мнению о правах Ирана на Бахрейн и дали ему таким образом возможность вновь поднять этот вопрос после второй мировой войны, в более благоприятной международной обстановке [см. 258]. Нельзя не учитывать и того, что с юридической стороны претензия Ирана на суверенитет над территорией, населен-

ной преимущественно арабами, на основании «исторических прав» была довольно шаткой, хотя и имела под собой более реальную почву, чем претензия Англии [см. 211, стр. 65—73; 212, стр. 89].

Вполне понятно, что в этих условиях Иран не мог добиться удовлетворения своих претензий. Как справедливо отмечает бывший английский посланник в Иране Р. Буллард, «единственным результатом этого злосчастного спора... было создание трудностей для лиц, совершающих поездки между Бахрейном и Персией» [228, стр. 125]. Но тем не менее выдвижение Ираном претензий на Бахрейн оказало определенное влияние на позицию Англии в отношении других спорных вопросов англо-иранских отношений.

Уже в начале 1928 г. в политике английского правительства усиливается тенденция к «дружественному» урегулированию отношений между двумя странами. Газета «Таймс оф Индия» писала: «Новый этап жесткой политики, проводимой Персией по отношению к Англии, несомненно, вызывается влиянием Советского правительства. Несомненно, что дружественные отношения между Персией и Россией и заключение договора о дружбе и нейтралитете свидетельствуют о росте влияния России в Тегеране и угрожают английской политике... Имперское правительство Англии в своих отношениях с Персией должно принять во внимание указанные доводы. Настал момент для того, чтобы английское правительство взяло курс на прямую дружественную политику с Персией. Препятствия, имеющиеся на этом пути, не являются непреодолимыми, и чем позже будут приняты меры в этом направлении, тем тяжелее будут результаты» [цит. по: 48, № 2, 1928, стр. 17—18].

Начиная с 5 января 1928 г. еженедельник «Нир Ист энд Индия» усиленно выдвигает идею «англо-персидской конференции круглого стола», которая, по его мнению, гораздо лучше может способствовать урегулированию всех спорных вопросов, «нежели представление „нот“». С целью добиться согласия иранского правительства на конференцию 26 января еженедельник писал о возможности территориальной компенсации Ирана на границе с Индией и в Персидском заливе в обмен на признание Ирака.

Расчеты правящих кругов Великобритании в опреде-

ленной мере оправдались уже в феврале 1928 г., когда между английским и иранским правительствами было достигнуто согласие, что предоставление британским самолетам права полетов над территорией Ирана будет обусловлено согласием Англии на полеты «Юнкерса» из Тегерана в Багдад [42, стр. 133]. Что касается соглашения с «Империял Эйруэйз», то его заключение иранское правительство связывало с ликвидацией в Иране режима капитуляций.

ИРАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В БОРЬБЕ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ КАПИТУЛЯЦИОННОГО РЕЖИМА

Подготовка к отмене капитуляционного режима была начата иранским правительством еще до свержения династии Каджаров и проводилась по двум направлениям: заключение с соседними государствами договоров, основанных на принципах равноправия и не содержащих постановлений капитуляционного характера, и реформирование судебной системы.

Исключительное значение для ликвидации капитуляционного режима имел советско-иранский договор 1921 г., по которому Советское правительство наряду с другими неравноправными договорами, навязанными царизмом народам Ирана, аннулировало также Туркманчайский договор 1828 г., на котором формально основывались капитуляционные привилегии других держав. Как отмечалось выше, по договору 1926 г. от капитуляционных привилегий в Иране отказалась и Турция³⁵. На принципах равноправия были заключены и договоры Ирана с Афганистаном.

На такой же основе иранское правительство старалось построить свои отношения с новыми государственными образованиями в Европе, которые не могли претендовать на капитуляционные права. Еще в первой половине 1925 г. начались ирано-польские переговоры, которые происходили сначала в Варшаве, а затем в Тегеране. Тогда же стороны обменялись дипломатическими

³⁵ В дальнейшем это дало основание представителям западных держав в Тегеране распространять слухи, что отмена капитуляционного режима была начата иранским правительством под давлением и по подстрекательству СССР и Турции [40, 1927, т. III, стр. 570, 578, 586].

представителями [371, 1.VII.1925]. 19 марта 1927 г. между Ираном и Польшей были подписаны договор о дружбе и торговая конвенция, основанные на полном равенстве [текст см.: 367, стр. 248—253; 3476, стр. 306—322; 42, стр. 549—552]. Хотя эти соглашения вступили в силу после отмены в Иране капитуляционного режима (в конце 1930 г.), иранское правительство в дальнейшем использовало их в качестве прецедента, ссылаясь на них как на первые равноправные соглашения с западным государством.

Параллельно с этим иранское правительство воздерживалось от перезаключения истекших неравноправных договоров или заключения новых договоров на капитуляционной основе. Так, несколько попыток германского посланника в Тегеране добиться перезаключения истекшего в 1924 г. германо-иранского договора 1873 г., предоставлявшего немецким подданным капитуляционные привилегии, окончились неудачей [279, стр. 281—282]. Тогда же Иран денонсировал аналогичный договор с Грецией от 1861 г. [272, стр. 156—157]. Попытки прибывшей в Тегеран в конце 1926 г. японской специальной миссии [371, 28.XI.1926]³⁶ заключить с Ираном торговый договор на основе предоставления японским подданным капитуляционных привилегий также оказались безуспешными [40, 1927, т. III, стр. 569, 578]; договор между двумя странами был заключен лишь после отмены иранским правительством капитуляционного режима.

Ускоренное проведение реформ в области реорганизации и европеизации судебной системы страны диктовалось тем обстоятельством, что формально существование капитуляционного режима было связано с принципиальным различием между европейским и иранским правом, основанным на шариате. В 1924—1926 гг. через меджлис были проведены пробные коммерческий и уголовный кодексы. В начале 1927 г. старое министерство юстиции, состоявшее в основном из духовенства, известного своим невежеством и коррупцией, было распущено³⁷. Назначенный министром юстиции Али Акбар Да-

³⁶ В августе 1929 г. это представительство было преобразовано в дипломатическую миссию [371, 8.VIII.1929; 272, стр. 158].

³⁷ В архивах министерства была обнаружена 21 тыс. либо нерасследованных, либо не приведенных в исполнение исковых дел [336, стр. 41].

вер³⁸ был облечен меджлисом специальными полномочиями для реорганизации министерства. Опираясь на личную поддержку шаха, Давер в течение короткого времени укомплектовал министерство новыми чиновниками³⁹ и приступил к дальнейшей реорганизации судебной системы [221, стр. 289—290; 223, стр. 70—71].

Весной 1927 г. в меджлис была представлена записка с предложением отменить капитуляционные договоры. В записке отмечалось, что договоры с Советской Россией, Турцией и Польшей дают возможность приступить к замене всех неравноправных договоров договорами, построенными на принципе полного равноправия. С юридической стороны это не вызовет особых затруднений, поскольку сроки большинства договоров, содержащих постановления капитуляционного характера, давно истекли и для их денонсации необходимо лишь, как предусмотрено самими договорами, за год уведомить другую подписавшую сторону о расторжении договора. Правда, договоры с Францией и Испанией (соответственно от 1855 и 1842 гг.) были заключены без указания срока их действия, но в случае надобности Иран может разорвать отношения с Францией; что касается Испании, то отношения с этой страной практически равны нулю. Денонсация ирано-французского и ирано-испанского договоров автоматически лишит Англию капитуляционных прав в Иране, основанных, согласно ирано-английскому договору 1857 г., на принципе «наиболее благоприятствуемой нации». Таким образом, отмечалось в заключение записки, денонсация договоров Ирана с Францией и Испанией приведет к полной ликвидации капитуляционного режима в стране [138, стр. 241]⁴⁰.

Добиваясь отмены капитуляционного режима, Иран стремился в первую очередь добиться права на автономный таможенный тариф. В меморандуме, подготовленном для представления международной экономической конференции, состоявшейся в мае 1927 г. в Женеве, до-

³⁸ А. Банани следующими словами характеризует Давера: «Человек больших способностей и такта, Давер происходил из средних классов, окончил Женевский университет с ученой степенью правоведа... Он должен быть назван главным членом „мозгового треста“ реза-шаховского режима» [223, стр. 71].

³⁹ В 1927 г. в Иране было всего 4 доктора юридических наук [377, 1346, стр. 193].

⁴⁰ Этот план еще 15 февраля 1927 г. развивала газета «Туфан».

казывалось, что ликвидация капитуляционного режима вызывается экономической необходимостью, и в то же время делалась попытка успокоить капиталистические державы. «Процветание Европы, — говорилось в меморандуме, — ничего не потеряет, но извлечет пользу от страны, в которой будет укреплена покупательная способность населения и импортная емкость, если ей будет дозволено самостоятельное развитие... Персия может покупать лишь в том случае, если она будет продавать. Но развитие ее способности к сбыту в значительной мере зависит от ее свободы приноравливать свой таможенный тариф к ее собственным коммерческим и экономическим интересам. А этой свободой она не будет обладать, пока выработка ее таможенного тарифа будет подчинена предварительному соглашению с иностранными государствами» [139, стр. 45; 138, стр. 236—239]. Иранская делегация отказывалась присоединиться к пожеланиям Женевской конференции о понижении ставок существующих таможенных тарифов.

Непосредственно к отмене капитуляционного режима иранское правительство приступило после речи Реза-шаха 26 апреля 1927 г. по случаю формирования Давром нового состава министерства юстиции. Обращаясь к новым чиновникам, Реза-шах в своей, как всегда краткой, речи сказал, что престиж нации зависит от ее юстиции, и выразил надежду, что их деятельность сразу же даст стране юстицию и престиж. Затем Теймурташ огласил рескрипт шаха на имя премьера, которому повелевалось принять меры к отмене капитуляций [272, стр. 179—181, 210—211; 40, 1927, т. III, стр. 567, 572]⁴¹.

Речь шаха вызвала в правящих кругах Ирана бурное одобрение и восторг. Депутат меджлиса Ширвани на заседании 30 апреля заявил, что иранский народ до последней капли крови будет бороться за осуществление шахского приказа; в таком же духе высказался премьер на заседании меджлиса 1 мая. Тегеранские газеты, некоторые из которых еще раньше ставили вопрос о немедленной и решительной ликвидации капитуляций, единодушно одобрили правительственную акцию.

⁴¹ Представители западных держав в Тегеране считали Теймурташа вдохновителем «этого решительного шага правительства» [40, 1927, т. III, стр. 568, 577, 584].

Среди представителей западных держав в Тегеране речь Реза-шаха вызвала замешательство. Многие расценили ее как намерение немедленно и безоговорочно ликвидировать капитуляционный режим. 28 апреля для обсуждения создавшегося положения была проведена неофициальная встреча представителей держав, пользующихся капитуляционными привилегиями.

Иранское правительство поспешило успокоить западные державы. Исполняющий обязанности министра иностранных дел Пакреван, министр двора Теймурташ, а затем и премьер Мостоуфи заверили дипломатических представителей некоторых из этих государств, что правительство не предпримет «какой-либо немедленной радикальной акции», хотя и намерено в ближайшем будущем расторгнуть существующие договоры «вполне дружественным и законным путем» [40, 1927, т. III, стр. 567—569, 573].

10—12 мая министерство иностранных дел Ирана вручило представителям держав, пользующихся капитуляционными привилегиями, ноты, в которых извещало об аннулировании соответствующих неравноправных договоров и предлагало заключение новых договоров в течение года, т. е. к 10 мая 1928 г., когда старые договоры должны были потерять силу. Иранское правительство заявляло также о намерении аннулировать к этой же дате бессрочные договоры с Францией и Испанией [40, 1927, т. III, стр. 574, 575, 579; 35, 1928, стр. 200].

В то же время правящие круги Ирана сделали попытку заручиться поддержкой США. «Я был информирован исполняющим обязанности министра иностранных дел, — писал 13 мая в госдепартамент американский посланник в Тегеране Г. Филип, — что многие в Персии требовали от правительства более быстрой денонсации договоров, но правительство твердо решило придерживаться дружественного и тактичного курса, и оно, в частности, ожидает, что Соединенные Штаты первыми помогут Персии освободиться от тягостного бессилия» [40, 1927, т. III, стр. 575].

Правительство Соединенных Штатов, защищая интересы своих подданных в Иране, решило, однако, добиться освобождения от «персидских методов юстиции» многочисленных американских миссионеров и членов финансовой миссии А. Мильспо, хотя последний считал, что

такое требование не будет принято иранским правительством [40, 1927, т. III, стр. 581]. 17 мая американский посланник вручил Ирану ноту с требованием представить госдепартаменту информацию о новой системе юстиции, которая заменит консульскую юрисдикцию.

Неблагоприятно отнеслись к иранской правительственной акции и другие державы, на поддержку которых рассчитывали правящие круги Ирана. 12 мая 1927 г. германская газета «Кёльнише Цайтунг» призывала все заинтересованные державы выработать единую политическую линию поведения в Тегеране. В середине июня германский и бельгийский посланники вручили иранскому правительству ноты с требованиями информации о новой системе юстиции [40, 1927, т. III, стр. 583—584].

В иранской ответной ноте правительствам США, Германии и Бельгии от 20 июня 1927 г. указывалось, что реформа юридической системы является внутренним делом Ирана и не имеет отношения к денонсации старых и заключению новых договоров. В конце июня американский и бельгийский посланники по инструкциям своих правительств в неофициальном порядке заявили правительству Ирана, что требование ими информации не затрагивает вопроса о праве Ирана на расторжение договоров и необходимо лишь для дружественного рассмотрения вопросов, поднятых иранской нотой от 10 мая. Германский посланник К. Шуленбург при этом намекнул Пакревану о возможности заключения в ближайшем будущем нового германо-иранского договора [40, 1927, т. III, стр. 587—591, 593].

Американский посланник, в свою очередь, на аудиенции у шаха в начале июля 1927 г. заявил, что его правительство «с симпатией относится к стремлениям персидского правительства». В сообщении в госдепартамент Г. Филип писал: «Шах неожиданно повернулся и схватил мою руку с выражением благодарности... Он добавил, что чувствует уверенность в дружбе Соединенных Штатов и что, если наше правительство выступит инициатором в этом деле, это сильно повысит американский престиж в Персии». Вслед за этим Реза-шах обещал Г. Филипу предоставить требуемую Соединенными Штатами информацию [40, 1927, т. III, стр. 591—592].

Наиболее серьезной проблемой для иранского правительства являлась позиция, занятая Англией. Британ-

ская пресса со дня объявления шахского рескрипта вела активную антииранскую кампанию. Еженедельник «Нир Ист энд Индиа» в целой серии статей и заметок пытался доказать, что «отмена капитуляций зависит от желания Англии, которая вольна дать или не дать сигнал другим странам» [цит. по: 379, 5.X.1927; 50, 7.X.1927], и советовал иранскому правительству усвоить сначала новую систему юстиции, а затем уже отменять капитуляционные привилегии [73, 26.I.1928]. Иранская пресса, в частности газета «Шефаг-е сорх» в номерах от 5 октября 1927 г. и 20 февраля 1928 г., аргументированно отбивала нападки рупора английского министерства колоний.

Правящие круги Великобритании всячески стремились побудить Францию заявить протест против денонсации ирано-французского договора со ссылкой на его «вечность» [40, 1927, т. III, стр. 575, 580—582, 585, 592—593]⁴². В то же время они пытались доказать иранскому правительству, что капитуляционные права британских подданных основываются на различных шахских рескриптах, предоставленных им еще до Туркманчайского договора [248, стр. 139—140]. Оттягивая начало переговоров о новых договорах, англичане старались выговорить определенные гарантии для своих многочисленных подданных в Иране. Вместе с тем они стремились использовать ликвидацию иранским правительством капитуляционного режима для того, чтобы добиться от него уступок в вопросах воздушного транзита, признания Ирака и др.

В Тегеране Англия пыталась действовать через своих бывших сторонников среди правящих кругов Ирана, в частности Фируза Мирзу, обладавшего, по словам английского посланника Р. Клайва, «недюжинным умом и пониманием западного образа мышления» и к тому же тесно связанного с Теймурташем. В одной из бесед Р. Клайв заявил Фирузу, что его правительство считает иранскую акцию в отношении Франции «равносильной оскорблению», что иранская угроза разорвать дипломатические отношения с этой державой «серьезно повредит престижу и интересам Персии за границей» и что Франция может обратиться в Совет Лиги наций, кото-

⁴² «Сетаре-йе Иран» от 26 мая 1927 г. по этому поводу писала, что понятие о «бессрочности договоров» вовсе не означает их «вечности».

рый, бесспорно, решит вопрос в ее пользу. В ходе этой беседы Фируз Мирза намекнул Клайву на возможность продления иранским правительством срока завершения переговоров о новых договорах [40, 1927, т. III, стр. 584—585, 587].

Такую возможность по существу допускал и новый премьер-министр — Мехди Голи-хан Хедайат. Вместе с тем в конфиденциальной беседе с американским посланником 18 июня он заявил, что Иран имеет «твердое намерение освободиться от специальных иностранных привилегий» с целью «достичь полной независимости и права на самоопределение» и не остановится перед разрывом отношений с любой державой, которая откажется признать за ним подобное право [40, 1927, т. III, стр. 586].

Однако правящие круги Ирана все же решили встать на путь переговоров с Францией с целью выбить из рук Англии предлог для отказа признать решение иранского правительства. В конце июня в Париж был послан Мохаммед Али Форуги. Правительству Франции было дано обещание, что по новому соглашению французские подданные будут иметь не меньшие права, чем подданные других держав [371, 16.I.1928; 285а, стр. 351]. В отношении самой Англии иранское правительство, как отмечалось выше, использовало в качестве средства давления вопросы воздушного транзита, признания Ирака, а также — с конца 1927 г. — вопрос о Бахрейнских островах.

Одновременно правительство Ирана решительно продолжало проводить мероприятия по фактической ликвидации капитуляционного режима. Приказом шаха была сформирована специальная комиссия по выработке проектов новых договоров в составе Фируза Мирзы, Давера и Пакревана [371, 21.VI.1927]. 1 августа 1927 г. кабинет министров принял постановление об уравнивании иностранцев в правах с иранскими гражданами. Губернаторам провинций правительство разослало циркуляр о закрытии консульских судов и передаче их функций губернаторам. Неоконченные дела иностранцев до начала будущего года предписывалось рассматривать в присутствии соответствующего консула [371, 11.VIII.1927].

В октябре 1927 г. несколько новых государственных образований в Европе — Финляндия, Литва, Латвия и

ряд других вступили в переговоры с иранским правительством о заключении договоров на равноправных началах [371, 12.X.1927]. Позже с предложением о заключении договоров обратились Чехословакия и Югославия [371, 2.II.1928]. 20 декабря французский поверенный в делах сообщил министерству иностранных дел Ирана о согласии Франции на аннулирование ирано-французского договора 1855 г. [369, 21.XII.1927]. Еще раньше в принципе выразила согласие на заключение нового договора Германия.

В декабре 1927 г. была вынуждена согласиться на переговоры о замене англо-иранской таможенной конвенции от 21 марта 1920 г. и Англия. Британский посланник заявил также премьер-министру Ирана о согласии правительства Великобритании принять во внимание в переговорах о новом тарифном режиме советско-иранский таможенный тариф и признать в новом соглашении ликвидацию капитуляций в Иране с 10 мая 1928 г. независимо от возможности несовершенства иранских судебных реформ. Взамен Реза-шах обещал британскому посланнику ускорить рассмотрение английских претензий к Ирану [40, 1928, т. III, стр. 683].

Согласившись в принципе на ведение переговоров, Англия продолжала добиваться ряда гарантий для своих подданных в Иране. В частности, она требовала привлечь на иранскую службу рекомендованных Международным судом иностранных советников, не содержать без их санкции иностранных подданных под арестом более 24 часов, извещать об арестах иностранцев соответствующих консулов, уравнивать иностранцев в правах с иранскими подданными в отношении налогового обложения, сохранить юрисдикцию иностранных консулов в вопросах личного статуса и семейного права (в связи с сохранением в Иране в этой области мусульманского законодательства) и т. д. (всего 16 пунктов) [40, 1928, т. III, стр. 684—686].

С целью добиться принятия Ираном этих требований Англия стремилась склонить к совместным согласованным действиям другие державы, избегая при этом коллективного дипломатического демарша, как объяснял английский посол в Вашингтоне государственному секретарю США Келлогу, «из страха пробудить персидские националистические чувства» [140, 1928, т. III, стр. 686].

Соединенные Штаты Америки, недовольные увольнением миссии А. Мильспо, первыми откликнулись на призыв Англии. 13 февраля 1928 г. Келлог сообщил британскому послу в Вашингтоне, что госдепартамент полностью согласен с позицией правительства Великобритании и будет приветствовать тесное сотрудничество в Тегеране между двумя миссиями [40, 1928, т. III, стр. 684]. В начале марта Келлог заявил французскому и германскому послам о желательности совместных действий с целью заставить иранское правительство принять британские требования; в случае отказа, говорил Келлог, необходимо добиться того, чтобы иранское правительство отложило назначенное на 10 мая 1928 г. введение в жизнь новой системы [40, 1928, т. III, стр. 688—689]. Германское правительство выразило согласие полностью сотрудничать с американской миссией в Иране [40, 1928, т. III, стр. 692]⁴³.

Действия правящих кругов Англии и США значительно осложнили положение иранского правительства, рассчитывавшего, что именно Германия поможет прорвать единый фронт империалистических держав. Однако оно заняло твердую позицию, решив прибегнуть к мерам экономического давления на державы путем введения двух ставок автономного таможенного тарифа: минимального — для государств, заключивших новые соглашения, и максимального — для остальных стран [подробнее см.: 40, 1928, т. III, стр. 685—687, 690—691, 694, 697]⁴⁴. 18 марта 1928 г. законопроект об автономном таможенном тарифе был внесен в меджлис и утвержден 3 мая того же года [текст см.: 3476, стр. 70—116].

Введенный односторонним актом иранского правительства (по англо-иранской таможенной конвенции 1920 г. на это требовалось согласие Англии) автономный таможенный тариф вернул Ирану свободу во внешней торговле, которой он был лишен в течение ста лет, со времени заключения Туркманчайского договора 1828 г.

⁴³ Франция же, ссылаясь на отсутствие у нее в Иране «особых интересов», отказалась присоединиться к совместным действиям западных держав, предпочитая действовать самостоятельно [40, 1928, т. III, стр. 696, 700].

⁴⁴ Таким образом, СССР в этот момент был фактически единственным государством, имевшим право на минимальные ставки таможенного тарифа.

Газета «Известия» от 15 мая 1928 г. расценила принятие закона о таможенной автономии как начало нового этапа во внешней политике Ирана.

Твердая позиция иранского правительства вынудила ряд держав пересмотреть свою позицию. В течение марта Бельгия, Италия и Голландия уполномочили своих представителей в Тегеране начать переговоры с иранским правительством [40, 1928, т. III, стр. 691, 699]. Германское правительство по совету своего посланника, считавшего, что иранское правительство не согласится на приглашение иностранных юридических советников и продление срока заключения новых договоров после 10 мая 1928 г., решило последовать их примеру [40, 1928, т. III, стр. 693—694].

Твердость иранского правительства и несогласованность в действиях империалистических держав заставили и США изменить свою позицию. В середине марта 1928 г. Г. Филип сообщил Теймурташу о согласии США на переговоры о новом договоре при условии принятия Ираном шести американских требований, повторяющих основные положения британского меморандума из 16 пунктов. Теймурташ решительно отверг требование о приглашении иностранных юридических советников и согласился принять с целым рядом оговорок остальные. 25 апреля Келлог уполномочил Г. Филипа приступить к переговорам [40, 1928, т. III, стр. 694—697, 703—706, 709].

Но и после этого Соединенные Штаты не отказались от попытки выторговать у Ирана новые уступки. К концу апреля 1927 г. между госдепартаментом и английским Форин Оффисом было достигнуто соглашение о совместном выступлении в Тегеране с целью заставить иранское правительство отложить осуществление им уголовной юрисдикции над иностранными гражданами до «эффективного функционирования новейшей уголовной системы» в Иране. К дипломатической акции в Тегеране Соединенные Штаты и Англия стремились привлечь и Германию, но из-за занятой ею позиции были вынуждены отказаться от этого намерения [40, 1928, т. III, стр. 710—712].

Тем не менее Ирану все же пришлось пойти на некоторые уступки, которые, правда, не имели принципиального характера и не ущемляли иранский суверенитет в вопросах внутренней юрисдикции. Теймурташ выразил

согласие принять требования английского меморандума, за двумя исключениями (относительно приглашения иностранных юридических советников и извещения консулов об арестах подданных их стран), но не в тексте договоров, а путем обмена нотами. В ответ на это Англия вручила иранскому правительству ноту, сообщающую о ее предварительном согласии на введение автономного таможенного тарифа [40, 1928. т. III, стр. 699, 701—702, 705, 708].

Добившись главного, иранское правительство в порядке спешности внесло в меджлис законопроект из одной статьи, согласно которому первый том гражданского кодекса, подготовленный в начале 1928 г. комиссией министерства юстиции во главе с Давером, вводился в жизнь с 10 мая без предварительного утверждения меджлисом. 8 мая законопроект был принят [378, 8.V. 1928; 272, стр. 203]. Через меджлис был проведен также закон о третейском разбирательстве, согласно которому все тяжбы и процессы между иностранцами и иранцами могли быть переданы на арбитраж по просьбе одной из сторон [текст см.: 48, № 3, 1928, стр. 56—57]. Принятие этого закона, так же как и другие уступки Ирана, было обусловлено незавершенностью судебной реформы. Кроме того, в первом томе гражданского кодекса в вопросах личного статуса было сохранено ша-риатское право [223, стр. 71].

Хотя Англию удовлетворили уступки, сделанные Ираном [см. 40, 1928, т. III, стр. 712—713; 77, 3.V.1928], тем не менее она вплоть до 10 мая не давала окончательного согласия на подписание нового соглашения. Иранская газета «Сетаре-йе Иран» от 2 мая 1928 г., по-видимому намекая на это обстоятельство, писала: «10 мая истекает срок действия капитуляций... Если случится даже так, что какое-нибудь из иностранных правительств не выразит еще к тому времени согласия подписать новые договоры и соглашения, иранское правительство все равно будет рассматривать граждан этого государства на равных правах с гражданами остальных держав и не станет признавать за ними каких-либо привилегий. Право на стороне Ирана».

Но выдвинутые иранским правительством сроки были соблюдены. В начале мая Англо-персидская нефтяная компания сообщила правительству Ирана о согла-

сии подчиниться постановлению об отмене капитуляций [370, 12.V.1928]. Согласие АПНК явилось прелюдией заключения англо-иранского соглашения.

Утром 10 мая 1928 г. новое соглашение с Ираном подписала Франция, вечером того же дня — Англия, лишь за полчаса до этого выразившая свое согласие [40, 1928, т. III, стр. 718; 23, т. XI, стр. 312]. Ирано-французский договор зафиксировал признание Францией ликвидации капитуляционного режима и полной таможенной автономии Ирана. Англо-иранское соглашение в форме обмена нотами предусматривало ликвидацию всех существующих между двумя сторонами договоров, которые ограничивали право Ирана на автономный таможенный тариф. Одной из нот было условлено заключить в течение года полный договор о поселении, торговле и мореплавании. Выступая 14 мая 1928 г. в палате общин по поводу заключенного соглашения, О. Чемберлен сообщил, что иранское правительство согласилось вступить в переговоры с представителями «Империял Эйруэйз» [46, т. 217, стр. 650—651].

В тот же день, 10 мая 1928 г., иранское правительство (в соответствии с достигнутым между СССР и Ираном соглашением рассматривать таможенную конвенцию, заключенную 1 октября 1927 г., при введении Ираном автономного таможенного тарифа как аннулированную) в ноте на имя Я. Х. Давтяна выразило готовность заключить с правительством СССР новую таможенную конвенцию в пределах иранского автономного тарифа. Советский полпред подтвердил согласие Советского правительства считать таможенную конвенцию, заключенную 1 октября 1927 г., аннулированной [23, т. XI, стр. 310—311]⁴⁵.

Поддержка, оказанная Советским Союзом Ирану в деле ликвидации капитуляционного режима, нашла глубокий отклик среди иранской общественности. 10 мая 1928 г. Я. Х. Давтян сделал следующую запись: «Я был на большом банкете у купца Бушери по случаю отмены капитуляций. Было огромное количество народа: все купечество, все правительство, Теймурташ, представители всех наших хозорганов (я строго предписал им всем

⁴⁵ Новая таможенная конвенция между Ираном и СССР была подписана 10 марта 1929 г. [23, т. XII, стр. 120—124].

быть на приеме). Из дипломатического корпуса никого, кроме меня, не было. Теймурташ в разговоре со мною подчеркнул еще раз, что Персия никогда не забудет того факта, что Советское правительство первое добровольно отказалось от всех привилегий, и лишь благодаря этому сегодня Персия могла освободиться от капитуляций... В городе всеобщее ликование. Во всех разговорах и в прессе отмечают с благодарностью тот факт, что Советское правительство первое отказалось от капитуляций. Я послал официальное письмо Теймурташу с просьбой передать шаху поздравление Советского правительства и мое личное по поводу отмены капитуляций⁴⁶. В тот же день получил очень любезный ответ, в котором опять-таки подчеркивалась роль Советского правительства в этом вопросе» [23, т. XI, стр. 312—313].

Боязнь применения максимальных ставок таможенного тарифа к американскому ввозу в Иран заставила Соединенные Штаты также подписать новый договор. Значительное влияние на решение США оказала и позиция Англии. Г. Филип писал Келлогу, что он мог бы добиться самого выгодного соглашения по сравнению с другими странами, однако решение британского правительства в последнюю минуту признать новый иранский автономный тариф помешало этому. 14 мая последовал обмен нотами между Г. Филипом и Пакреваном; отношения между двумя странами были поставлены на базу равенства и взаимности, в том числе в вопросах личного статуса и юрисдикции в области семейного права [40, 1928, т. III, стр. 719, 722, 724—732, 742—744; 38; стр. 160—161].

Вслед за тем договоры с Ираном перезаключили Бельгия, Германия, Голландия и все остальные государства, имевшие ранее с Ираном неравноправные соглашения. Во второй половине 1928/29 г. торговые договоры и соглашения с Ираном заключили почти все государства Европы, не имевшие с ним ранее не только торговых соглашений, но и дипломатических отношений. Из азиатских государств договор с Ираном заключила Япония, стремившаяся, как и другие страны, получить возмож-

⁴⁶ В письме Давтяна также отмечалось, что Советский Союз с огромной симпатией и сочувствием следит за той борьбой, которую Иран «ведет против неравноправных договоров и за укрепление персидской независимости» [23, т. XI, стр. 722].

ность пользоваться минимальными ставками иранского таможенного тарифа. Правительство Ирана, в свою очередь, разослало иностранным миссиям в Тегеране положение об иностранцах, предоставлявшее ряд гарантий, которые, однако, не ставили их в привилегированное положение по сравнению с иранскими гражданами [25, стр. 198—199]. Таким образом, отмена капитуляционного режима принесла Ирану не только освобождение от неравноправных договоров, но и широкое международное признание. Избавившись от позорной и унижительной системы капитуляционного режима, Иран получил возможность проводить самостоятельную внешнеэкономическую политику.

В методах, которые Иран применял при ликвидации капитуляционного режима, были и элементы того, что Дж. Мэрлоу называет «дружеским соглашением с державами» [270, стр. 53], и того, что дало основание Л. Элвелл-Саттону заявить: «Режим капитуляций... был отменен односторонним актом — мера, вызвавшая большое негодование в Европе» [213, стр. 84]. При этом, как писала газета «Известия» от 15 мая 1928 г., «смелость и чрезвычайно искусная маневренность персидского правительства, обеспечивающие ему успех в этом конкретном деле борьбы с империалистическими государствами, объясняются прежде всего той помощью, которую и в данном случае, как и во многих других, оказало Персии Советское правительство».

Вместе с тем нельзя не учитывать, что согласия Англии признать автономный таможенный тариф иранское правительство добилось главным образом путем определенных уступок в вопросе воздушного транзита. Англичанам было обещано начать переговоры с британской воздушной компанией на условиях предоставления английским самолетам права спуска в 2—3-х пунктах иранского побережья Персидского залива в течение «определенного периода». Однако иранское правительство заранее оговорило, что все аэродромы и сооружения будут построены Ираном и находиться исключительно в руках иранской администрации [23, т. XI, стр. 312, 314]. Это было зафиксировано в состоявшемся 10 мая 1928 г. между министерством иностранных дел Ирана и английским посланником обмене нотами [см. 42, стр. 135—136; 56, 15.V.1928].

В беседе с советским полпредом Я. Х. Давтяном 12 мая 1928 г. премьер-министр Ирана Мехди Голи-хан Хедайат, как бы оправдываясь, доказывал, что другого выхода не было, что без этих уступок Англия не соглашалась на пересмотр договора, а без нее другие державы тоже не хотели идти на пересмотр. Вместе с тем премьер сослался на то, что Иран «фактически не имеет возможности сейчас контролировать Персидский залив» и что «нужно выиграть некоторое время», что правительство намерено построить дорогу вдоль всего побережья залива и принять другие меры для усиления контроля над Персидским заливом и что через 2—3 года оно «будет иметь больше возможности проявить свою власть на юге и устранить английское засилье». Советский полпред указал иранскому премьеру на опасность таких уступок и на то, что теперь, «несомненно, Англия начнет интриговать для того, чтобы разрешить и другие вопросы — долги, Ирак, шейх Хазаль и т. д.». После этой беседы Я. Х. Давтян записал: «Премьер, конечно, соглашался со всеми этими аргументами, но пытался доказывать невозможность в данное время более решительной политики в отношении Англии. Таким образом, как и надо было ожидать и как это всегда бывает с шахом, верх взяла та же зигзагообразная политика» [23, т. XI, стр. 314—315].

Беспокойство Советского правительства по поводу предоставления Англии права воздушного транзита через территорию Ирана было вполне оправданным. Британский империализм получал возможность создать серьезную угрозу безопасности не только СССР, но и самого Ирана. 20 мая Г. В. Чичерин предупредил поверенного в делах Ирана Нурзада о грозящей опасности, указав, что «почтовая воздушная линия при начале военных действий моментально превратится в военную оккупацию Южной Персии, для чего вся подготовительная работа будет произведена предварительно почтовой линией». Иранскому правительству был сделан запрос о том, нет ли еще возможности уклониться от переговоров с английской компанией [23, т. XI, стр. 317—318, 322—323].

23 мая 1928 г. советский полпред в Тегеране направил в НКВД СССР телеграмму, содержание которой имеет исключительное значение для понимания особен-

ностей внешней политики Ирана и потому приводится полностью. Я. Х. Давтян писал: «Во время полуторачасового разговора с шахом я подробно развил нашу точку зрения на английскую политику в Персии. Я был очень откровенен, хотя старался не задеть его самолюбия. Он отвечал с такой же откровенностью.

Он считает СССР единственным верным другом Персии и знает, что наши интересы во всех отношениях совпадают. Как Советский Союз хочет сильной Персии, так и Персия заинтересована в сильном Советском Союзе. Англичане опасны не в открытой войне, а постоянными низкими интригами. Он все время борется с ними и будет твердо продолжать политику укрепления Персии. Но он должен нам откровенно заявить, что до сих пор англичане еще являются хозяевами в Персии. Он старается постепенными мероприятиями вытеснить их отсюда. Здесь он примерно повторил то, что мне раньше говорил Теймурташ. Он понимает наше беспокойство, но он сам еще больше заинтересован в том, чтобы ослабить англичан на юге и не дать им лишних позиций. Но для этого нужно время.

На мое указание, что англичане хотят еще больше укрепить свои военно-стратегические позиции в Персии и, несомненно, используют их потом для нападения на нас, шах ответил, что в этом случае персидский солдат будет сражаться рядом с нашим. Далее он напомнил, что еще два года назад персидское правительство подписало очень неудачное соглашение с прямым обязательством дать английской компании воздушный транзит. Это соглашение никогда не было исполнено. Точно так же теперь он старается дать максимально меньше.

В общем, он старался успокоить меня, не жалел слов дружбы по нашему адресу и сильно ругал англичан, считая их врагами Персии, и говорил, что стремится к ослаблению их влияния. Последнее верно, во всяком случае — в отношении Юга и Персидского залива. Шах, конечно, заинтересован в укреплении своей власти там, и его борьба с англичанами в этом направлении, конечно, искренна. Я думаю, что он также хорошо понимает необходимость нашей поддержки, но, как всегда, его политика полна шатаний и компромиссов» [23, т. XI, стр. 331—332].

1 июня 1928 г. для ведения переговоров в Тегеран при-

был главный директор английской авиакомпании Вудс Хэмфри. Однако правительство Ирана всячески затягивало переговоры. В течение семи недель В. Хэмфри сумел получить только четыре аудиенции у премьер-министра. И только в октябре 1928 г. англичане наконец добились согласия Ирана на проведение имперской воздушной линии вдоль его южного берега сроком на три года [252, стр. 125]. Как сообщала «Дейли Телеграф» от 2 июля 1928 г., затяжка переговоров была связана с требованием Англии построить собственные аэродромы.

Окончательно соглашение «Имperiал Эйруэйз» с иранским правительством было оформлено 8 декабря 1928 г. в результате обмена нотами между уполномоченным компании, директором Шахиншахского банка Эдвардом Уилкинсоном и управляющим министерством иностранных дел Ирана Мирзой Фатулла-ханом Пакреваном.

Согласно соглашению, компания получила для своих самолетов право приземления в течение трех лет на принадлежащих иранскому правительству аэродромах в Бушире, Джаске и, в случае надобности, Линге. Все стороны деятельности компании в Иране строго регламентировались: количество заходов на иранские аэродромы (не более 104 в год для полетов туда и обратно), время стоянки (максимум 24 часа), запасы бензина (не более 1000 галлонов на каждом аэродроме) и т. д. Компания не имела права создавать на территории Ирана предприятия по обслуживанию авиакомпании. Она была лишена также права каботажного на внутренних авиалиниях Ирана.

Правительство Ирана сохраняло за собой право таможенного, санитарного и полицейского досмотра английских самолетов, проверки паспортов пассажиров и пр. Вместе с тем на компанию возлагалась обязанность перевозки иранской правительственной почты (25 фунтов в каждом полете) и снижение на 10% стоимости полетов на английских самолетах для служащих правительства Ирана. В случае нарушения компанией или хотя бы одним из ее служащих международных и национальных законов или положений заключенного соглашения Иран сохранял за собой право на его аннулирование.

Один из пунктов соглашения гласил: «Поскольку правительство Ирана намерено окончательный воздуш-

ный маршрут в своей стране установить через центральную часть... по истечении указанного срока это разрешение правительством Ирана не будет продлено» [текст соглашения см.: 42, стр. 131—142]. Поэтому компания совместно с военно-воздушными силами Англии в конце 1928—начале 1929 г. была вынуждена продолжить изыскательские работы на южном берегу Персидского залива. Одновременно Англия отказалась от своих возражений на установление «Юнкерсом» воздушного сообщения между Тегераном и Багдадом.

Накануне открытия линии Лондон — Карачи авиакомпанией «Империял Эйруэйз», состоявшегося в апреле 1929 г., иранское правительство опубликовало «Правила пользования воздушными линиями», в котором самолетам иностранных авиакомпаний запрещалось отклоняться более чем на 3 км от линии, перевозить вооружения, боеприпасы и взрывчатые вещества, регламентировалось пребывание экипажа самолетов и пассажиров на аэродромах, предусматривалась проверка иранскими властями документов, проведение ими санитарного и полицейского обследования и т. д. [42, стр. 653—656].

Таким образом, характер заключенного Ираном с «Империял Эйруэйз» соглашения о перелете английских почтово-пассажирских самолетов через страну свидетельствует о том, что в своем более чем полуторагодичном отказе предоставить Англии соответствующее право правительство Ирана руководствовалось не только стремлением добиться английского согласия на ликвидацию капитуляционного режима, но и пониманием исходившей от компании угрозы национальным интересам Ирана, интересам сохранения суверенитета и независимости страны, хотя и действовало характерными для него вообще методами дипломатического маневрирования. Вместе с тем иранское правительство продолжало оказывать сильное сопротивление британской агрессии в Персидском заливе с целью восстановить свой суверенитет в этом районе.

На некоторые уступки Англии сразу же после отмены капитуляций Иран пошел и в иракском вопросе. Под давлением британской дипломатии иранское правительство приняло решение временно применять к иракским товарам минимальные ставки таможенного тарифа [см. 347в, стр. 55—56; 285а, стр. 466]. Однако от офи-

циального признания Ирака иранское правительство продолжало воздерживаться, несмотря на предпринятые им в начале 1928 г. с целью добиться согласия Англии на ликвидацию капитуляций дипломатические маневры в этом вопросе. Эти маневры проявились, в частности, в назначении в качестве исполняющего обязанности иранского генерального консула в Багдаде бывшего министра Мирзу Хасан Али-хана Хедайата (Наср оль-Молька). При этом в газете «Экдам» от 7 февраля 1928 г. появилось сообщение, будто ему поручено заключить с иракским правительством договор о дружбе.

Английская пресса расценила этот шаг иранского правительства как стремление к нормализации отношений с Ираком. Газета «Таймс» от 11 февраля писала: «Назначение столь высокого сановника на пост, не имеющий еще официально признанного положения, заставляет предполагать, что персидское правительство, возможно, делает этим попытку урегулировать свои разногласия с Ираком как первый шаг к столь задержавшемуся официальному признанию». В таком же духе высказался 16 февраля еженедельник «Нир Ист энд Индия».

Правда, иранское правительство сразу же дало понять, что не отступится от выдвинутых ранее условий признания Ирака. Иранская миссия в Лондоне в опубликованном 1 марта 1928 г. в «Нир Ист энд Индия» письме, утверждая, что «персидское правительство сильно желает установления возможно более лучших отношений с Ираком», в то же время заявляла, что препятствием к этому является отказ иракского правительства предоставить иранским подданным те же права и привилегии, которыми пользуются в Ираке подданные «наиболее благоприятствуемых наций». 20 сентября 1928 г. «Нир Ист энд Индия» отмечал, что с назначением Хедайата генеральным консулом в Багдаде отношения между двумя странами не только не улучшились, а, наоборот, ухудшились.

Не оправдались и надежды Англии на то, что избрание Ирана в Совет Лиги наций побудит иранское правительство урегулировать отношения с Ираком. Такую надежду выразил, в частности, 13 сентября 1928 г. еженедельник «Нир Ист энд Индия». Однако события следующего же дня развеяли эти иллюзии. 14 сентября в VI ко-

миссии Лиги наций во время обсуждения мандатов иранский делегат Форуги без предварительного объявления выступил с заявлением против дискриминационного отношения к иранским подданным в Ираке и обвинил англо-иракские власти в поддержке антииранских выступлений пограничных племен [378, 19.IX.1928].

Комментируя выступление Форуги, еженедельник «Нир Ист энд Индия» от 20 сентября 1928 г. упрекал иранское правительство в использовании своего нового положения в Лиге наций и ее трибуны для нападок на Англию и Ирак, для того чтобы «оповещать о своих обидах мир, забывая при этом о собственных проступках». Отмечая небывалое до сих пор обострение ирано-иракских отношений, английский еженедельник вопрошал: «Разве не наступил момент для исчерпывающих и сердечных переговоров обо всех спорных проблемах между двумя государствами?.. Не лучше ли продолжать линию личных и частных переговоров?»

Осенью 1928 г. министр двора Теймурташ совершил поездку по Европе, причем главным пунктом поездки был Лондон. «Нир Ист энд Индия» от 2 августа 1928 г. рассматривал визит «перса такого высокого ранга» как «приятный признак» улучшения отношений между двумя странами и выражал надежду, что «дружественное урегулирование» оставшихся нерешенными вопросов о «долгах» и признании Ирака будет способствовать «дальнейшему цементированию новой дружбы, которая, кажется, возникла в результате обоюдных британских и персидских уступок в деле англо-персидских отношений». Иранское правительство держало в тайне результаты поездки. Однако в 1928 г. Иран так и не признал Ирака. Что касается «долгов военного времени», то Англия, насколько видно из существующих источников и литературы, больше не поднимала этот вопрос. Но нет и никаких сведений о том, что Иран согласился оплатить эти «долги».

Вероятно, поэтому не состоялось и предусмотренное обменом нотами от 10 мая 1928 г. заключение общего договора между Великобританией и Ираном. В конце сентября 1928 г. с этой целью из Лондона в Тегеран была направлена специальная делегация во главе с шефом восточного департамента Форин Оффиса [369, 30.IX.1928]. 7 декабря газета «Эттелаат» сообщила о составлении проекта англо-иранского договора; 24 декабря «Туфан»

опубликовала заметку о том, что договор на пять лет скоро будет подписан. Спустя некоторое время газеты получили указание цензуры не касаться этой темы. Но договор так и не был подписан в течение всего периода пребывания Реза-шаха на троне.

* * *

Основные тенденции и направления иранской внешней политики в 1925—1928 гг. определялись пониманием той угрозы национальному суверенитету страны, которая исходила от английского империализма, опиравшегося в своей политике не только на захваченные в Иране позиции, но и на свою финансовую мощь. Во многих случаях стоявшие у власти в Иране помещичье-буржуазные националисты использовали дружественную поддержку СССР в деле предотвращения этой угрозы, хотя и действовали при этом обычными для них методами дипломатического маневрирования⁴⁷.

Дружественная поддержка Советского государства облегчала иранскому народу борьбу за независимое политическое и экономическое развитие, давала ему возможность противостоять давлению империализма. В сентябре 1927 г. советский полпред в Тегеране Я. Х. Давтян в интервью сотруднику ТАСС говорил: «Если в прошлом, когда Персия была ослаблена империалистической политикой Англии и царского правительства, ее политика преимущественно являлась равнодействующей этих двух сил, то в настоящее время персидское государство достигло в значительной степени независимости в своих внутренних и внешних отношениях. Усилия, которые делают персидское правительство и глава государства к дальнейшему закреплению независимости Персии, встречают нашу полную симпатию» [23, т. X, стр. 377].

В своем противодействии давлению английского империализма правящие круги Ирана опирались не только на дружественную помощь Советского государства, но и на поддержку антиимпериалистических сил Турции и Афганистана. Использование же технической по-

⁴⁷ Сущность отмеченных направлений иранской внешней политики вынужден был признать еще в 1926 г. министр иностранных дел Англии О. Чемберлен в цитированной выше речи на имперской конференции [336, стр. 950].

мощи «нейтрального» капитала во многих случаях ограничивало антиимпериалистический характер проводимых иранским правительством реформ.

Ограниченность политики правительства Ирана во внешних делах проявлялась и в использовании иранской дипломатией в качестве основного средства достижения своих внешнеполитических целей различных форм давления не только на Англию, но и на Советский Союз. Нерешительность и робость помещичье-буржуазных кругов в борьбе с империализмом отражали их заинтересованность в тесных связях с капиталистической экономикой Запада.

Несмотря на отступления от национальных интересов, помещичье-буржуазные националисты по проблемам антиколониальной борьбы в целом отражали и общенациональные устремления. Политика иранского правительства в период временной стабилизации капитализма «закрепила многие завоевания антиимпериалистического движения первых послеоктябрьских лет» [175, стр. 211]. Решительная борьба с феодальными институтами в политической жизни, способствовавшая слому феодальной государственной организации и резкому ограничению возможностей вмешательства империализма во внутренние дела страны, подвела определенную материальную базу под ее государственный суверенитет. Отмена позорного режима капитуляций фактически восстановила политическую независимость Ирана и создала важные условия для борьбы за независимость экономическую, являющуюся условием обеспечения подлинно самостоятельного развития.

НА ПУТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ (1929—1933)

ИРАН И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

В 1929 г. разразился мировой экономический кризис. Происходивший в условиях общего кризиса капитализма, он принял чрезвычайно острый и глубокий характер. Пагубное воздействие кризиса не замедлило сказаться и в Иране. Зависимое положение страны в системе мировой капиталистической экономики способствовало резкому усилению общего структурного кризиса народного хозяйства Ирана [120, стр. 116—117].

Слабая иранская промышленность, в большей части основанная на ручном труде, переживала серьезные потрясения. Кризис привел к закрытию и значительной недогрузке отдельных предприятий и мастерских, разорению ремесленников и массовой безработице. Немногочисленные фабрики, принадлежащие национальному капиталу, были не в состоянии выдержать конкуренцию импортных товаров.

Не менее серьезные трудности переживало сельское хозяйство. Падение на мировом рынке спроса на сельскохозяйственные продукты привело к значительному сокращению посевных площадей. Стремясь переложить тяжесть кризиса на плечи крестьян, помещики увеличивали поборы.

Только за первые два кризисных года и без того низкий жизненный уровень населения снизился на 30—40% [180, т. II, стр. 190—192]. Происходившие одновременно увеличение рабочего дня, ухудшение условий труда, рост обнищания крестьян вызвали обострение классовой борьбы. По стране прокатилась волна забастовок и крестьянских движений.

Дезорганизация экономической жизни страны в условиях сохранения колониального характера сферы обра-

ищения во многом была вызвана падением объема внутренней и внешней торговли. За первые три года кризиса внешнеторговый оборот Ирана (с учетом падения курса иранской валюты) сократился в три раза. Пассивность внешнеторгового баланса увеличилась настолько, что это стало грозить Ирану финансово-экономической катастрофой. В 1929/30 г. импорт составлял 72% общего оборота страны против 59,4% в 1928/29 г. Дефицит внешнеторгового баланса за это время увеличился с 224,4 млн. кран до 310,2 млн. кран, составив 27% общего товарооборота [136, стр. 10—13]. Пассивность торгового баланса вела к падению платежеспособности Ирана и к подрыву всей финансовой системы страны.

Рост внешнеторгового пассива происходил за счет торговли с капиталистическими странами, стремившимися переложить тяжесть кризиса на народы слаборазвитых и зависимых стран. В 1929/30 г. по сравнению с предыдущим годом Англия и США, например, при сохранении прежнего объема импорта из Ирана значительно увеличили экспорт в Иран (Англия с 290 млн. до 320 млн. кран, США с 39 млн. до 73 млн. кран). Другие капиталистические страны, например Германия и Франция, лишь незначительно увеличив ввоз из Ирана, резко увеличили свой вывоз в страну (Германия на 28%, Франция на 52%). Товарооборот только с Англией дал иранской внешней торговле в 1929/30 г. пассив на сумму 215 млн. кран. В следующем, 1930/31 г. иранский экспорт в Великобританию, Францию и Италию также снизился, хотя одновременно уменьшился и импорт из этих стран [см. 136, стр. 58, 63].

В погоне за сохранением максимальных прибылей империалисты в условиях мирового экономического кризиса удерживали высокие цены на ввозимые промышленные товары и одновременно снижали цены на местное сырье. «Ножницы» в ценах на импортные и экспортные товары создавало и падение курса иранской валюты. Значительную роль в этом играла политика Шахиншахского банка, который, пользуясь снижением на мировом рынке стоимости серебра (денежная система Ирана была основана тогда на серебряной единице—кране), увели-

¹ Приведенные цифры, как и в предыдущем случае, не включают ввоз и вывоз Англо-персидской нефтяной компании.

чивал курс фунта стерлингов по отношению к иранской валюте. Если в 1928/29 г. официальный курс серебряного крана составлял 48,5 крана за английский фунт стерлингов, то в 1931/32 г. — 100 кран [377, 1346, стр. 209, 211]. Такое резкое снижение паритетного соотношения крана к фунту стерлингов катастрофически сказывалось на товарно-денежном обращении в Иране. Опираясь на свои позиции, Англия, как и другие капиталистические страны, в период кризиса проводила политику сохранения Ирана в качестве рынка сбыта своих промышленных изделий и усиления экономической зависимости страны.

Весьма активно действовал в Иране в годы кризиса германский империализм. Германские экспортные организации делали все возможное для вытеснения с иранского рынка продукции других стран. Большую поддержку оказывали им германские специалисты, возглавлявшие Национальный банк Ирана. Газета «Шефаг-е сорх» от 10 октября 1930 г., отмечая их стремление превратить Национальный банк в такое же орудие германской политики в Иране, каким был для англичан Шахиншахский банк, писала: «Разные банки и учреждения весьма пристрастны к купцам. Шахиншахский банк предоставляет льготы английским купцам или купцам, поддерживающим связь с Англией. Точно так же Национальный банк оказывает содействие германским купцам. В результате этого внешняя и внутренняя торговля постепенно переходит в руки иностранных купцов». В 1930/31 г. Германия уже заняла третье место в иранском импорте (после Великобритании и СССР), оставив далеко позади другие страны [см. 45, 1309]. Именно поэтому германское руководство иранским Национальным банком, по словам В. фон Блюхера, «было самым сильным активом в германской позиции в Персии» [85, стр. 193].

Империалистическая политика Германии в Иране нашла яркое выражение в деятельности германских фирм на строительстве Трансиранской железной дороги, финансовых специалистов, авиационной компании «Юнкерс».

Германские специалисты, возглавлявшие Национальный банк Ирана, не считаясь ни с Наблюдательным советом банка, ни с министерством финансов, занимались ограблением и без того расшатанных финансов страны. При основании государственных фабрик предваритель-

ные сметы, как правило, чрезвычайно завышались, на что иранское правительство сразу же обратило внимание. Однако Линденблатт и другие руководители банка пользовались поддержкой министра двора Теймурташа, которому они часто выдавали большие кредиты без всякого обеспечения. С помощью Теймурташа они занимались спекулятивными махинациями с девизами на черном рынке [85, стр. 201, 256, 261—262].

Расхищением государственных средств занимались также германская авиационная компания «Юнкерс», еще в 1928 г. вынудившая иранское правительство провести через меджлис изменение в свою пользу некоторых пунктов контракта [374в, стр. 221], и руководители германо-американского консорциума по строительству Транс-иранской железной дороги. Небрежно проведенные изыскательские работы на северном участке дороги, строительство которого осуществляли германские фирмы, по мнению инженера Коссаговского, должны были принести в дальнейшем убыток на 12,5 млн. туманов. В результате неудачного проекта профиля дороги море неоднократно размывало железнодорожное полотно, и на ремонт затрачивались огромные денежные суммы [379, 26.VIII.1928]. К марту 1930 г. консорциум поглотил более 20 млн. туманов, причем не менее 75% этой суммы составили платежи в иностранной валюте [198, стр. 19]. Все это усилило финансовые затруднения иранского правительства.

В это тяжелое время исключительно большое значение для иранской экономики имели торговые и экономические связи с СССР, бывшим по существу единственной страной, с которой Иран имел сбалансированный торговый оборот. Высокий удельный вес СССР в иранском внешнеторговом обороте (в среднем около 35%) сдерживал сокращение внешней торговли. Советский Союз оставался устойчивым потребителем иранской экспортной продукции. Экспорт Ирана в СССР по рыбопродуктам и кенафу составлял 100% всего иранского экспорта этих товаров, по рису и скоту — 97,5, хлопку — 90, шерсти — 86, коконам — 68, кожсырью и мерлушке — 47% [185, стр. 209]. Несмотря на резкое падение мировых цен на сырье, СССР сохранил цены на традиционные товары иранского экспорта на уровне 1928 г. [105, стр. 35]. Увеличение советского ввоза шло за счет сокращения

импорта из западных стран и тем самым ослабляло зависимость Ирана от капиталистических держав.

Некоторое место в ирано-советских торговых связях занимал ввоз из СССР техники, удовлетворявшей запросы Ирана в оборудовании, машинах, механизмах. С советской технической помощью в Иране было построено несколько элеваторов, мельничный комбинат, ряд хлопкоочистительных и рисоочистительных заводов, электростанций и т. д. Все это закладывало основы для развития иранской национальной фабрично-заводской промышленности.

СССР поставлял в Иран сельскохозяйственные машины, показывая новую технику в действии, как это имело место в Куме в мае 1931 г. и в других городах страны [82, стр. 59]. Большой интерес был проявлен в Иране к открытию первого советского показательного склада техники. Купцы тут же заключали сделки на покупку оборудования. Познакомиться с образцами техники приехал и Реза-шах. Советское правительство подарило шаху трактор и комплект сложных прицепных машин, которые по его указанию были переданы сельскохозяйственному институту в Кередже [145, стр. 401; 382, 7.VII.1931].

Большую помощь Ирану оказал Советский Союз в улучшении деятельности Джульфа-Тавризской железной дороги, имевшей весьма важное значение для укрепления экономических отношений между двумя странами. Советское правительство на максимально выгодных условиях поставило для этой дороги подвижной состав и паровозы. В 1929 г. по просьбе иранского правительства Советское правительство приняло для практического обучения на советских железных дорогах несколько десятков иранских учеников [23, т. XII, стр. 463—464, 471, 763]. Говоря о советской технической помощи, нельзя не отметить, что только в 1933 г. советскими специалистами было обработано в Иране 13,5 тыс. га зараженных саранчой земель [23, т. XVI, стр. 851].

Советские экономические организации оказывали иранскому правительству содействие в стабилизации финансового положения. На 1 января 1931 г. активные операции Русперсбанка составили 72,2 млн. кран против 59 млн. на 1 октября 1929 г. Иначе говоря, банком было влито в народное хозяйство Ирана 13 млн. кран.

Расширились связи банка с купечеством: число клиентов банка за это время возросло с 1352 до 1738, количество текущих счетов увеличилось на 25% [371, 5.VIII.1931]. В феврале 1930 г. М. А. Логановский передал Теймурташу выработанную совместно Русперсбанком и советским торгпредством записку с изложением взгляда на причины падения крана и указанием некоторых мероприятий для оздоровления положения. Он сообщил также Теймурташу, что сможет вскоре дополнить записку материалом из Москвы. Выражая благодарность за записку, министр двора очень просил ускорить предоставление ему этих дополнительных данных. Записка зачитывалась на заседании кабинета и, по словам министра иностранных дел Ирана, «произвела благоприятное впечатление» [23, т. XIII, стр. 97].

Вся работа советского полпредства в Тегеране, говорил в марте 1931 г. советский полпред А. М. Петровский Н. Г. Пальгунову, — «протекает в духе уважения к суверенитету и независимости Ирана, в духе создания и укрепления условий для взаимной дружбы между Советским Союзом и Ираном» [82, стр. 26—27]. Поддержка СССР давала возможность Ирану противостоять возрастающей экспансии империализма, добиваться экономической стабилизации.

Нарушение сложившейся системы экономических взаимоотношений Ирана с другими странами, происшедшее в результате изменений в мировом хозяйстве на первом этапе общего кризиса капитализма и особенно в условиях мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., показало невозможность дальнейшего сохранения старой, колониальной структуры народного хозяйства. Интересы дальнейшего самостоятельного развития страны требовали глубокой перестройки колониальной структуры в целях ускорения общих темпов экономического роста. Невозможность решения этой задачи на базе частнокапиталистического предпринимательства обусловила активное вмешательство государства в сферу экономики. Непосредственно это вмешательство было вызвано необходимостью укрепления в сложившихся условиях экономических и политических позиций господствующих классов [120, стр. 116—118, 137—138].

В первые годы кризиса на страницах иранской прессы оживленно обсуждались меры по преодолению кри-

зиса, в частности меры для стабилизации валюты, предотвращения угрозы наводнения Ирана импортными товарами, преодоления трудностей сбыта сырья и т. д. В связи с чуть ли не ежедневным повышением курса фунта стерлингов газеты выступали с требованием перехода на золотую валюту. Некоторые экономисты выдвигали идеи о государственном регулировании внешней торговли, ускоренном развитии национальной промышленности и т. д., что отражало интересы растущей иранской национальной буржуазии.

Помещики и крупная торговая буржуазия, в особенности компрадорская прослойка, выступали против подобных нововведений. Один из представителей этих кругов писал в газете «Иран» от 3 ноября 1930 г.: «Усилия к созданию фабрик и насаждению искусственным путем промышленности в настоящее время не могут дать ничего, кроме вреда. Иран — сельскохозяйственная страна и должен совершенствоваться и увеличивать производство природных продуктов и сырья и заготавливать их в соответствии с потребностями покупателей на зарубежных рынках». Даже некоторые иранские политики в доверительных беседах с иностранными дипломатами высказывались против учреждения фабрик, ссылаясь на дешевизну и малую производительность рабочей силы в Иране, дороговизну содержания управленческого аппарата и слабую покупательную способность населения [85, стр. 221]. Представители крупного торгового капитала и в новых условиях стремились сохранить старую, колониальную торговлю со странами капиталистического мира, связи с которыми по своей природе наиболее соответствовали посредническому характеру их деятельности.

Мировой экономический кризис, вызвав необходимость проведения защитных, протекционистских мер, подтолкнул иранское правительство на путь борьбы за ослабление пут, связывавших экономику страны с капиталистическим миром. Однако неспособность правительства действовать вразрез с интересами помещиков и крупной торговой буржуазии предопределяла половинчатый и противоречивый характер его экономических мероприятий. В речи на открытии меджлиса восьмого созыва Реза-шах выдвинул в качестве первоочередной задачи программу укрепления государственных финан-

сов, выравнивания торгового баланса и создания промышленных предприятий [371, 17.XII.1930].

1 марта 1930 г. меджлис принял закон о переходе Ирана на золотую денежную систему. Монетной единицей вместо прежнего серебряного крана стал золотой риал. В качестве разменной монеты были установлены серебряные, никелевые и медные денежные единицы. Для обеспечения разменности денег по вводимому золотому обращению правительство выделило запасной валютный фонд, созданный из концессионных отчислений АПНК, и одновременно запретило вывоз из страны золота. Был запрещен также вывоз банкнотов Шахиншахского банка во избежание их оплаты в иностранной валюте из гарантийных фондов [185, стр. 282].

В связи с падением (в результате отмены английским правительством в сентябре 1931 г. золотого стандарта) курса фунта стерлингов государственные резервы Ирана сократились с 3,9 млн. ф. ст. до 2,8 млн. [52, 1933, № 1, стр. 130]. После этого иранское правительство передало часть резервов в сумме 1,8 млн. ф. ст. в распоряжение Национального банка; 800 тыс. ф. ст. было размещено в Германии [251, стр. 76]. Оставшаяся часть резервов была обращена на закупку вооружения.

В целях укрепления положения Национального банка правительство продолжало политику ограничения деятельности Шахиншахского банка. К 1931 г. в связи с изъятием вкладов иранского правительства вклады в этот банк сократились на 1,3 млн. ф. ст. [378, 26.VII.1931]. Большой ущерб суверенным правам Ирана наносило принадлежащее Шахиншахскому банку, согласно концессионному соглашению, монопольное право эмиссии банкнотов. Злоупотребляя этим правом, банк выпустил к 1930 г. в четыре раза больше бумажных денег, чем допускалось предусмотренным по условиям концессии эмиссионным лимитом [146, стр. 138].

13 мая 1930 г. иранское правительство заключило с Шахиншахским банком соглашение о досрочном выкупе банкнотов и отказе от права эмиссии за компенсацию в сумме 200 тыс. ф. ст. и разрешение брать в залог по своим ссудным операциям недвижимое имущество. Срок залога ограничивался одним годом, по истечении которого банк был обязан передавать заложенное имущество правительству [347в, стр. 422—425].

Это соглашение, несмотря на весьма выгодный для банка характер, вернуло Ирану его суверенное право на эмиссию бумажных денег, которая стала теперь осуществляться Национальным банком. Чеканка монет производилась в Англии, Германии, СССР, а также на оборудованном германскими станками монетном дворе Ирана, для управления которым были приглашены германские специалисты [348, стр. 136; 324, стр. 404].

Укреплению положения Национального банка на денежном рынке Ирана способствовала передача ему наряду с эмиссионными казначейскими функциями с переводом из Шахиншахского банка правительственных вкладов, а также таможенных и налоговых поступлений. С целью ограничить возможности использования банка германским руководством иранское правительство в начале 30-х годов приступило к постепенной замене германских служащих иранцами. В январе 1932 г. было объявлено, что через месяц все иностранцы, занимающие должности помощников директора в отделениях банка в провинциях, будут отстранены [378, 25.I.1932]. Еще раньше, в 1930 г., иранское правительство сняло с поста главноуправляющего иранскими финансами германского советника д-ра Шнивенда, который выразил свое несогласие с проводимыми правительством валютными мероприятиями, в частности переходом на золотую денежную систему [251, стр. 95]. В августе того же года иранское правительство отстранило от службы начальника ревизионного отдела министерства финансов немца Шера за самовольное распоряжение государственными средствами [379, 21.VIII.1930].

В целях борьбы с валютным кризисом и улучшения расчетного баланса страны иранское правительство с марта 1930 г. ввело девизную монополию, установившую государственный контроль над всеми выраженными в иностранной валюте операциями. Таким путем иранское правительство надеялось воздействовать на денежный рынок страны. Однако девизная монополия в конечном счете оказалась малоэффективным средством для улучшения общего финансового положения страны из-за слабой организационной подготовленности самого правительства к ее практическому проведению, трудностей борьбы с черным рынком и с сопротивлением компрадорской прослойки купечества. В связи с

отсутствием достаточного гарантийного обеспечения денежная реформа фактически превратилась в деноминацию крана, а введение официальной котировки иностранной валюты и принудительной сдачи ее держателями Национальному банку по официальному курсу вели к утечке значительной части валюты [подробнее см.: 185, стр. 284—285].

Тем не менее в начале 30-х годов иранскому правительству удалось в определенной мере стабилизировать финансовое хозяйство страны. Несмотря на постоянное увеличение государственных расходов, бюджет страны в среднем сводился без дефицита. К тому же к середине 1933 г. иранское казначейство полностью оплатило долги Англии по займам 1912—1914 гг., составлявшие 490 тыс. ф. ст. Государственные расходы покрывались главным образом за счет налоговых поступлений, натуральные формы которых были заменены денежными, а также таможенных поступлений, процентное отношение которых к общему импорту Ирана благодаря введению автономного таможенного тарифа и увеличению таможенных пошлин выросло с 11,5% в 1926/27 г. до 39,5% в 1931/32 г. [298, стр. 42, 43, 59; 378, 3.VII.1933].

Некоторое влияние на увеличение таможенных поступлений оказала замена иранцами в начале 1934 г. бельгийских директоров тегеранского и провинциальных ведомств (всего 32 человека), приглашенных в Иран еще в каджарский период. За первые четыре месяца работы иранских специалистов доходы таможен увеличились по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года на 2,5 млн. туманов [377, 1346, стр. 193—195].

Финансовые реформы, особенно введение девизной монополии, иранское правительство тесно связывало с установлением монополии внешней торговли. В феврале 1931 г. в меджлис был внесен в порядке двойной спешности [379, 25.II.1931] первый из ряда законопроектов о монополии внешней торговли. Согласно этим законопроектам, внешняя торговля и установление контингента товаров монополизировались государством. Ввоз в страну иностранных товаров обуславливался эквивалентным вывозом иранских товаров путем применения лицензионной системы. Правительство могло передавать купцам или купеческим обществам монопольные

права на ввоз и вывоз определенных товаров [347 г, стр. 4—10, 13—14, 20—34].

Введение монополии внешней торговли было призвано обеспечить Ирану проведение самостоятельной торгово-экономической политики в целях высвобождения из-под влияния империализма в экспортно-импортных операциях и общего укрепления независимости страны. При этом иранское правительство использовало опыт государственного регулирования внешней торговли в Советском Союзе, опыт применения в советско-иранской торговле принципа нетто-баланса и контингентной системы ввоза и вывоза. Обосновывая необходимость введения монополии внешней торговли ссылкой на опыт СССР, Теймурташ в беседе с Н. Г. Пальгуновым также говорил: «С помощью монополии внешней торговли мы хотим защитить себя от бушующего в мире экономического кризиса, избавиться от траты денег на импорт из-за границы всего того, без чего мы можем обходиться, или того, что мы можем произвести у себя дома» [82, стр. 48, 51]. Лондонская «Таймс» от 5 июля 1931 г., отмечая «пагубное влияние практикующейся в России системы» на Иран, писала: «Мы хотим знать, до каких пределов будет иметь в Персии успех советская государственная система торговли».

Советский экономист И. И. Палюкайтис на основе изучения влияния мирового экономического кризиса на Иран и характера законов о монополии внешней торговли пришел к выводу о стремлении иранского правительства «мерами административного и организационного порядка ослабить или ограничить прогрессирувавшее из года в год отрицательное воздействие мирового экономического кризиса на хозяйственную жизнь страны и на состояние ее кредитно-денежного рынка». Другими целями монополии были: «установление равновесия торгового баланса и создание условий, которые сдерживали бы дальнейшее падение платежной силы иранской валюты», «некоторое ослабление иностранной экспансии в иранское хозяйство через посредство внешней торговли». Автор утверждает, что Ирану удалось в некоторой степени добиться этих целей [185, стр. 206—207].

Вместе с тем законы о монополии внешней торговли облегчали иранскому правительству проведение протекционистских мероприятий, направленных на создание

национальной фабрично-заводской промышленности на базе собственного производственного сырья. Это, в свою очередь, должно было ограничить зависимость сельского хозяйства страны от конъюнктуры международного рынка. Для помещиков, разводивших технические культуры, был установлен ряд налоговых льгот. Созданный в 1930 г. Сельскохозяйственный банк [347в, стр. 211—216] выдавал им ссуды на выгодных условиях.

Законы о девизной монополии, монополии внешней торговли, как и введенный в 1928 г. автономный таможенный тариф, закрыв свободный доступ в страну иностранных промышленных изделий, содействовали развитию национальной промышленности. Из других мер поощрения промышленного развития следует отметить принятие 11 марта 1931 г. дополнительной статьи к закону о монополии внешней торговли, согласно которой ввоз оборудования для промышленных предприятий освобождался от обязательного вывоза иранских товаров.

В результате этих мер у иранской буржуазии, уклонявшейся ранее от инвестиций в фабрично-заводское строительство, появилась заинтересованность переводить свой капитал из других отраслей хозяйства в промышленность. Начавшийся процесс централизации капитала в промышленных обществах (ширкетах) сопровождался вложениями государственного капитала в эти общества и образованием таким образом целого ряда смешанных акционерных обществ. Централизация промышленного капитала не могла не способствовать в определенной мере ослаблению влияния иностранного капитала на экономическое развитие страны.

В первой половине 30-х годов значительного развития достигли такие отрасли иранской промышленности, как текстильная, кожевенная, деревообрабатывающая и т. п., созданные на средства частного и государственного капитала. Инициатива строительства сахарной, табачной, цементной, химической и — впоследствии — металлургической отраслей промышленности исходила от государства и осуществлялась за счет государственных средств. Участие государства в промышленном строительстве и создание государственного сектора в промышленности стимулировали развитие капитализма в стране.

Промышленному развитию содействовало и продолжающееся дорожное строительство. В 1930 г. в Иране было создано специальное министерство дорог [233, стр. 135]. Особое внимание было уделено строительству и улучшению иранских участков Ревандузской и Трапезундской дорог, проходящих через территории Ирака и Турции и призванных обеспечить выход сельскохозяйственной продукции Северо-Западного Ирана на мировые рынки, минуя СССР². К началу 1935 г. длина шоссейных дорог в стране составила 20 тыс. км против 4 тыс. км в 1921 г. [339, стр. 831, 834; ср. 336, стр. 104]³. Темпы строительства Трансиранской железной дороги в период мирового экономического кризиса снизились в связи с финансовыми трудностями, вызванными главным образом злоупотреблениями германо-американского консорциума.

Хотя к началу 1930 г. оба предусмотренных концессионным соглашением участка дороги были открыты, значительная часть работ еще не была завершена. Вплоть до мая консорциум занимался ремонтом построенных участков, а также работами, которые не были санкционированы правительством, потребовав затем их оплаты в сумме 35 млн. кран. Правительство отказалось оплачивать незапланированные работы, консорциум в ответ на это приостановил свою деятельность [379, 6.V.1930], и вскоре иранское правительство вынуждено было расторгнуть с ним контракт [379, 15.V.1930; 288, стр. 557—558].

В западной прессе в связи с этим сразу же началась бурная антииранская кампания, в инспирировании которой газета «Эттелаат» от 29 мая 1930 г. обвинила консорциум. В начале июня министр дорог сделал в медж-

² Газета «Сетаре-йе Иран» от 31 октября 1932 г. в статье, посвященной окончанию строительства Ревандузской дороги, писала, что она «будет способствовать достижению Ираном экономической независимости», поскольку уменьшит необходимость в транзите через СССР.

³ Небезынтересно высказывание тогдашнего иранского вице-министра путей сообщения Али Сохейли: «Некоторые люди склонны в нашем дорожном строительстве видеть стратегические сооружения. В сущности, любые дороги могут быть использованы для военных целей. Но нам дороги нужны в интересах подъема экономики Ирана, более тесной связи центра с окраинами, для преодоления остатков феодализма и феодальной раздробленности страны» [82, стр. 53—54].

лисе подробное заявление о деятельности консорциума и его нарушениях условий концессионного договора [382, 3.VI.1930].

Летом 1930 г. иранское правительство заключило с германскими фирмами новый договор, на основании которого все работы на северном участке дороги были завершены в 1931 г. [235, стр. 131]. После этого правительство само осуществляло строительство дороги с помощью иностранных инженеров, привлекаемых в основном из «нейтральных» стран, а в 1933 г. передало строительство шведско-датскому консорциуму «Кампсакс» [221, стр. 303].

Промышленное и дорожное строительство способствовало некоторому росту производительных сил страны, но становление самой иранской промышленности носило полуколониальный характер. В стране совершенно отсутствовали машиностроение и другие отрасли производства средств производства⁴. Фабрично-заводские предприятия полностью зависели от импорта оборудования и от услуг иностранных специалистов. Главными поставщиками промышленного оборудования в период до второй мировой войны были Германия, Великобритания, СССР и Чехословакия. Их средний удельный вес в ввозе оборудования в Иран в этот период определялся следующими показателями: Германия — 48%, Великобритания — 11, Чехословакия — 10 и СССР — 8%. Остальные 23% приходились на долю Швеции, Польши, Италии и Швейцарии [185, стр. 136]. Подавляющее большинство специалистов приглашалось из Германии, что соответствовало ее высокому удельному весу в поставках промышленного оборудования.

Строительство тяжелой промышленности в Иране сдерживалось и слабостью позиций национального промышленного капитала по сравнению с капиталом, занятым в сфере торговли. При общем росте аккумулированного в ширкетах национального капитала (со 143 млн. риалов в 1931 г. до 844 млн. в 1935 г.) на долю про-

⁴ Империалистические державы по существу отказывались помочь Ирану в создании тяжелой промышленности. Соответствующие переговоры иранского правительства с германскими промышленниками в 1929 г. имели результатом лишь представление проектов строительства цементного, чугунолитейного и других заводов [371, 16.VI.1929].

мышленных ширкетов, по состоянию на 1935 г., приходилось менее 27%, тогда как на долю торговых ширкетов — более 56% [339, стр. 813—814]. Основная масса помещичье-буржуазных кругов по-прежнему предпочитала направлять свои накопления в торговые операции, которые сулили им более надежную и быструю прибыль.

Законы о монополии внешней торговли, будучи протекционистским мероприятием, направленным на защиту отечественной промышленности от конкуренции иностранных товаров, создали в то же время выгодные условия для размещения в стране иностранных капиталов. 2 февраля 1931 г. на аудиенции депутатам меджлиса Реза-шах заявил, что для осуществления крупных экономических проектов необходимо привлечение иностранного капитала [379, 3.II.1931]. Полуофициозная газета «Иран» в номере от 2 июля 1931 г. призвала западные государства использовать открывшуюся возможность, расписав ее как наилучшую компенсацию потерянному безлицензионному ввозу товаров в Иран. Министерство иностранных дел разослало своим представителям за границей справочные материалы о лесных и горных богатствах страны [52, 1932, № 1, стр. 25]. В конце 1931 — начале 1932 г. Теймурташ, сопровождая наследника престола на обучение в Швейцарию, объездил столицы большинства западноевропейских государств, где вел переговоры с представителями международного финансового капитала. 10 ноября 1931 г. он выступил во франко-иранской торговой палате с призывом к вложениям иностранного капитала в Иране [52, 1932, № 2, стр. 17].

Попытки использовать открывшуюся возможность сделала главным образом Германия. Газета «Фолькшпер Беобахтер» от 8 мая 1931 г. советовала германским предпринимателям с выгодой для себя использовать создавшееся положение, «добиться, чтобы немцы в Персии стали незаменимыми, как это сумели сделать англичане в целом ряде стран». Некоторые владельцы ставших нерентабельными в связи с кризисом мелких предприятий как в самой Германии, так и за ее пределами сделали попытки перевести их в Иран [384, 1931, № 28, 30; 1932, № 32, 38]. Фирма «Унион Матекс», поставившая машинное оборудование на сумму в 1 млн. риалов для строящейся в Алиабаде текстильной фабрики, по-

лучила 20% акций этого предприятия взамен поставленных машин [235, стр. 120—121; 85, стр. 279—282]. Однако в целом прямые инвестиции иностранного капитала в иранскую промышленность были весьма незначительными.

Промышленное строительство в Иране осуществлялось за счет усиления эксплуатации широких народных масс. Главным источником финансирования промышленного строительства со стороны государства являлось повышение прямых и особенно косвенных налогов, основная тяжесть которых легла на плечи трудящихся. Субсидируя таким путем частный капитал, государство фактически перераспределяло национальный доход в пользу буржуазии, в ущерб интересам широких народных масс. Наряду с углублением и расширением капиталистической эксплуатации происходило усиление феодальной эксплуатации, тормозившей общее социально-экономическое развитие страны.

Протекционистские мероприятия иранского правительства, содействовавшие росту промышленной буржуазии, поначалу вызвали острое недовольство других группировок имущих классов. Помещики и крупная торговая буржуазия, в особенности ее антинациональная компрадорская прослойка, в законах об установлении девизной, а затем и внешнеторговой монополии не без оснований видели покушение государства на прибыли, извлекаемые ими из импортных операций [см. 185, стр. 135, 210]. Отражая интересы этих кругов, газета «Эттелаат» от 17 апреля 1933 г. писала, что Иран должен оставаться аграрной страной и прекратить строительство собственных промышленных предприятий. Недовольство монополией внешней торговли проявляло и среднее купечество, опасавшееся перспективы быть подчиненным крупным импортерам и расстаться с торговлей по принципу «денежку наживаю на чем хочу», а также часть интеллигенции в связи с прекращением ввоза дешевых (сравнительно с изделиями отечественного происхождения) заграничных товаров [82, стр. 48, 54—55].

При всей сложности и противоречивости условий, в которых происходило осуществление протекционистских мероприятий, иранское правительство в период мирового экономического кризиса смогло ослабить проникно-

вление иностранного капитала в Иран через каналы внешней торговли и значительно уменьшить внешнеторговый дефицит страны. В 1931/32 г. баланс внешней торговли Ирана был сведен даже с активным сальдо. Значительно сократился английский ввоз в страну. В 1932/33 г. доля Великобритании в иранском импорте составила 141 млн. риалов против 320 млн. в 1929/30 г.; за этот же период ее доля в экспорте Ирана увеличилась со 104 млн. риалов до 127 млн. Примерно такие же явления наблюдались в торговых отношениях Ирана с другими капиталистическими странами [см. 136, стр. 58, 63]. Благодаря закону о монополии внешней торговли, говорил Теймурташ, мировой экономический кризис затронул Иран намного меньше других стран [370, 5.II.1932].

Немаловажное значение имело и то, что иранское правительство строго следило за выполнением законов о монополии внешней торговли. Так, в октябре 1932 г. в Тегеране был арестован в связи с подлогом импортных сертификатов представитель германской фирмы «Альгемайне Электрицитетс Гезельшафт» [371, 18.X.1932; 379, 19.X.1932]. Однако в целом «антиимпериалистические тенденции госкапитализма в Иране зачастую отступали на второй план из-за стремления слоев, связанных с иностранным капиталом; и прежде всего торговой буржуазии и помещиков, приспособить государственный сектор к своим интересам» [120, стр. 139].

Правда, в годы кризиса иранское правительство продолжало ограничивать права иностранных подданных в стране. В мае 1931 г. через меджлис был проведен закон, поставивший въезд иностранцев и их пребывание в стране под строгий правительственный контроль. На принадлежащие иностранным подданным торговые и другие предприятия были наложены ограничения. В июне 1931 г. меджлис утвердил закон о принудительном выкупе у иностранцев принадлежащей им в Иране земельной собственности со всеми оросительными сооружениями, постройками и т. д. Приобретение в будущем сельскохозяйственных угодий иностранцам было запрещено [347г, стр. 88—89; 293, стр. 72—73]. Л. Элвелл-Саттон пишет: «Если прежде иностранцы пользовались в этой стране особыми правами и привилегиями, то теперь они во многих случаях были поставлены в менее

выгодное положение по сравнению с иранскими гражданами» [213, стр. 85].

Продолжалось вытеснение иностранцев и из области народного образования. В 1932 г. были закрыты принадлежащие иностранцам начальные школы, что в конечном счете оказало влияние на все школы, содержавшиеся иностранными миссионерами. Так, спустя некоторое время закрылась американская пресвитерианская средняя школа — Тегеранский колледж [265, стр. 160].

С начала 30-х годов иранское правительство приступило к постепенной замене иностранных специалистов в административно-управленческом аппарате национальными кадрами. В интервью одному из иностранных журналистов Реза-шах говорил, что иранский народ должен стать «независимым в мыслях и делах» и что скоро в иностранных советниках и специалистах не будет больше нужды [293, стр. 73]. Однако этому пожеланию в конечном счете не суждено было сбыться.

Внутриполитический курс иранского правительства характеризовался дальнейшим укреплением режима помещичье-буржуазной диктатуры. Коммунистическая партия и уцелевшие от репрессий профсоюзы находились в глубоком подполье. Легальных политических партий не существовало, если не считать «социалистической партии» во главе с Сулейман-Мирзой, деятельность которой в этот период свелась фактически к созданию двух кооперативных магазинов. Н. Г. Пальгунов пишет: «По-видимому, „социалистическую партию“ режим считал безвредной организацией, одной из тех побрякушек, которые помогали создавать хоть какую-то видимость демократии в стране» [82, стр. 64]⁵. В меджлисе, все больше превращавшемся в бессильный придаток режима, сохранилась по существу лишь фракция «прогрессистов» («Терегги»), объединявшая наиболее ярых сторонников правительства. На деле и эта фракция функционировала только номинально и «являлась не более чем псевдодемократической бутафорией» [82, стр. 63].

Исключительное значение в стране приобрело полицейское управление, выполнявшее и функции политической охраны. Шеф полиции генерал Мохаммед Хо-

⁵ Впоследствии, в 1941 г., Сулейман-Мирза стал председателем Народной партии Ирана.

сейн-хан Айром, призванный душить в зародыше свободную мысль, заслуженно получил прозвище «политического чербера». Н. Г. Пальгунов, посетивший Иран в 1931 г., пишет: «На генерале Айроме лежала ответственность за политическую разведку, ее организацию, ее эффективность. На нем же лежала обязанность следить за возможностью возникновения угрозы личному положению шаха. Айрому поручалась не только охрана шаха, но и предупреждение возможности появления политической силы, политического деятеля, который мог бы противостоять шаху... оказаться более подходящим для помещиков и капиталистических элементов, составляющих социальную опору режима. Очевидно, наиболее вероятным соперником шаху представлялся Теймурташ: в тегеранских политических кругах и среди дипломатов говорили, что именно с него не спускает глаз генерал Айром. Поговаривали, что шах и сам искал благовидные поводы избавиться от своего слишком энергичного и одаренного министра» [82, стр. 57].

Однако в рассматриваемые годы Теймурташ еще сохранял положение второго лица в государстве. Тогдашний германский посланник в Иране В. фон Блюхер пишет: «Раньше в Персии министр награждался титулом „око государства“. Теймурташ был не только оком, но также ухом и ртом своего повелителя» [85, стр. 255]. Ближайшими сподвижниками Теймурташа были министр финансов Фируз Мирза и министр юстиции Давер. Летом 1929 г. приказом шаха Фируз Мирза был арестован и привлечен к суду по обвинению во взяточничестве. Решением суда он был приговорен к лишению гражданских прав, четырехмесячному заключению и уплате штрафа [379, 2.V.1930]. Впоследствии Фируз Мирза был умерщвлен. Его место в «триумvirате» занял военный министр Сардар Асад Бахтиари.

Общественной жизни, как таковой, Иран фактически не знал. Глава отделения ТАСС в Тегеране в 1931 г. отмечал: «Никаких источников информации нет. Власти мало ценят журналистов, относятся к ним с полупрезрением. Ни на один вопрос нельзя получить от официальных лиц какого-либо ответа. Ездил в провинцию—там та же картина. Иранские газеты? Их читать—все равно что принимать горькое лекарство: горечь чувствуешь, а будет ли польза—не знаешь» [82, стр. 25].

Не последней причиной подобного положения являлось отсутствие материальных возможностей содержать достаточно большой и квалифицированный редакционный штат (исключение составляли полуофициозные «Иран» и «Эттелаат»). Обычный тираж газет составлял одну тысячу экземпляров. Н. Г. Пальгунов пишет: «Малый тираж газет объяснялся не в последнюю очередь крайне низким уровнем грамотности населения Ирана... Тираж иранских газет был низок и потому, что они были малоинтересны, малосодержательны. В газетах не было достаточной международной информации, информации о жизни за рубежом. Читателя старательно изолировали от внешнего мира, шахский помещичье-буржуазный режим боялся сравнений иранского нищенского уровня жизни с жизнью других стран. Зарубежная информация в основном ограничивалась лишь сообщениями о стихийных бедствиях, катастрофах, дипломатических документах и спорах, фактами из жизни иностранных королевских семей — помолвками, свадьбами, рожденьями и смертями» [82, стр. 33—34].

С начала 30-х годов в Тегеране стали издаваться две частные газеты на французском языке — «Журналь де Техран» и «Мессаже де Техран». Последняя предназначалась исключительно для дипломатического и консульского корпуса иранской столицы. В газете печаталась лишь западная информация и отчеты о приемах в иностранных дипломатических представительствах в Тегеране. Советский бюллетень «Московское радио» печатал на персидском, русском и французском языках международную информацию, поступавшую из Москвы. Его тираж почти вдвое превышал тираж «Мессаже де Техран». Хотя подписная плата на бюллетень не превышала цены на иранские газеты, а по объему бюллетень был вдвое меньше их, тираж расходился без остатка [82, стр. 32, 33, 37—38]. Издание советского бюллетеня играло большую роль в распространении объективной зарубежной информации.

Отношение иранского правительства к внутренней информации ярко характеризует тот факт, что в министерстве внутренних дел отдел печати вообще отсутствовал, а в министерстве иностранных дел существовала фактически лишь должность директора политического

департамента и шефа прессы. Это объясняет в значительной мере отсутствие в Иране в те годы иностранных журналистов, исключая корреспондента ТАСС. В качестве корреспондента Рейтер работал один из сотрудников английской дипломатической миссии, которая имела собственный радиопередатчик. Корреспондентом французского агентства Гавас являлся редактор — издатель газеты «Мессаже де Техран» Малек-Карам [82, стр. 26, 27, 29, 38—39, 57].

В рассматриваемые годы правительство Реза-шаха продолжало усиливать ограничения всех форм общения с иностранцами. Всякие попытки иранцев устанавливать какие-либо связи с дипломатическим корпусом и иностранными колониями преследовались властями. Государственным чиновникам было запрещено вступать в какие-либо внеслужебные контакты с иностранцами. Клубы и другие объединения иностранцев могли существовать только с разрешения властей, председатели правлений клубов регистрировались в министерстве иностранных дел [293, стр. 73; 82, стр. 46].

Спорадические контакты членов дипломатического корпуса и иностранных колоний с тегеранским «великосветским обществом» имели место лишь благодаря Теймурташу, бывшему непременным участником и душой всех дипломатических вечеров и приемов. В. фон Блюхер пишет: «Поскольку шах никогда не появлялся в обществе, Теймурташ играл самую большую роль в великосветской жизни. Он был единственным персидским министром, который собирал в собственном доме большое общество... Отгородившийся от внешнего мира и все больше и больше становившийся нелюдимым, шах нуждался в человеке, который бы имел то, что отсутствовало у него. Поэтому министр двора был идеальным дополнением своего повелителя» [85, стр. 200—202]. В отсутствие Теймурташа «светская» жизнь в Тегеране замирала.

Провинциализм и рутинность общественной и дипломатической жизни Ирана создавали благодатную почву для деятельности всякого рода авантюристов и проходимцев. Глава отделения ТАСС отмечал: «Дипломаты скупко делятся новостями. За новостями сами дипломаты обращаются к господину Дуси — живет тут неизвестно чем и процветает некий бельгийский гражданин;

который принят повсюду, в том числе и при дворе, и министрами, и самим Теймурташем. Дуси дает советы министрам, играет в карты с ними и иностранными послами и знает все, но с журналистами он не желает иметь дела» [82, стр. 26].

Несмотря на отмеченные особенности внутривнутриполитического курса иранского правительства, внешняя политика Ирана в рассматриваемый период по-прежнему отличалась активностью и целеустремленностью. Отражая непосредственно классовые интересы иранских помещиков и буржуазии, она была подчинена задачам ограничения экономических и политических позиций иностранного капитала в стране. Иранская дипломатия была призвана обеспечить благоприятные внешние условия для производимых в годы мирового экономического кризиса внутренних мероприятий по ослаблению экономической зависимости от империализма и укрепить международное положение страны.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРОТЕКЦИОНИСТСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ

Ирано-советские торгово-экономические отношения. Позиция Советского правительства в отношении Ирана в период мирового экономического кризиса нашла отражение в докладе исполняющего обязанности наркоминдела СССР М. М. Литвинова на II сессии Центрального Исполнительного Комитета 5-го созыва, состоявшейся 4 декабря 1929 г. «Неизменно дружественными остаются наши отношения и с Персией, — говорил М. М. Литвинов. — Ее стремление к экономической эмансипации и к укреплению своего международного положения встречает всегда с нашей стороны полное сочувствие. Оба государства принимают все зависящие от них меры для беспрепятственного развития имеющих большое значение для них экономических взаимоотношений» [23, т. XII, стр. 632].

В течение всего периода мирового экономического кризиса советско-иранские торговые отношения, основанные на равноправии и взаимной выгоде, имели огромное значение для экономики Ирана. Стремясь ослабить воздействие кризиса на Иран, Советское правительство

предоставляло всяческие льготы иранскому вывозу в СССР. В частности, иранские товары пропускались на Бакинскую и Нижегородскую ярмарки 1929 г. сверх контингентов, установленных обменом нотами от 1 октября 1927 г. Постановлением Совнаркома СССР был установлен беспошлинный пропуск ряда иранских товаров на ярмарки, а также возврат пошлин на пограничных станциях за непроданные товары [23, т. XII, стр. 12, 326—327, 343—344].

Летом 1929 г. торгпредство СССР и министерство земледелия, торговли и общественных работ Ирана произвели оценку импорта и экспорта за период с 1927 г. Импорт Советского Союза из Ирана увеличился более чем на 57%. В 1928/29 г. Иран занимал третье место в общем ввозе СССР (после Германии и США). Советско-иранский товарооборот в этом году составил почти 138 млн. руб. В письме от 16 сентября 1929 г. торгпредству СССР иранская сторона констатировала, что обязательства Советского Союза, предусмотренные обменом нотами, «выполнены полностью» [23, т. XI, стр. 686—687; т. XII, стр. 377, 506—507, 715, 719—720].

К этому времени истек срок действия условий советско-иранской торговли, зафиксированных в нотах от 1 октября 1927 г. Советское правительство заблаговременно поставило перед иранским правительством вопрос о заключении нового договора. Вместе с тем Советское правительство для ускорения переговоров по своей инициативе составило проект постоянного торгового договора, который был передан иранской стороне 14 сентября 1929 г. на первом заседании советско-иранских переговоров о торговом договоре.

Советское правительство ставило своей задачей использовать положительный опыт советско-иранских торговых отношений и ликвидировать в них отрицательные явления, в частности практику продажи иранскими купцами значительной части товаров частникам, сосредоточение торговли с СССР в руках небольшой группы крупных иранских купцов и слабое участие в ней мелкого и среднего купечества. Среди крупных торговцев было немало комиссионеров-спекулянтов, не связанных непосредственно ни с производителями экспортных товаров, ни с покупателями советской продукции. Все это нанесло определенный ущерб и деятельности советских

торговых организаций в Иране и экономике СССР в целом [подробнее см.: 57а, 1928, № 45—46, стр. 25—27; 1930, № 2, стр. 21]. В этих условиях Советское правительство предложило обеспечить такие гибкие формы торговли, при которых иранским купцам было бы удобнее и выгоднее вести торговые операции через советские организации в Иране, чем непосредственно торговать на территории СССР [23, т. XII, стр. 503—504, 512; 145, стр. 399—400].

Иранская сторона, однако, затягивала ответ на советский проект торгового договора. В то же время, отражая интересы крупного купечества, иранское правительство с целью оказать нажим на СССР прибегало даже к таким политически нелепым средствам, как задержание на пограничных станциях вагонов с советскими товарами. После представления М. А. Логановского в октябре 1929 г. Теймурташ сразу извинился и, прикрываясь незнанием дела, тут же при нем приказал отменить распоряжение [23, т. XII, стр. 567, 589, 767].

Только в январе 1930 г. иранская сторона представила свой контрпроект торгового договора. Однако намеченная в это время иранским правительством в нарушение существующих договоров валоризация таможенных пошлин должна была привести к значительному повышению таможенного обложения советского экспорта в Иран. При этом иранское правительство отказалось принять предложение Советского правительства об обеспечении советского экспорта в Иран, хотя валоризация таможенных пошлин могла быть осуществлена лишь с согласия Советского правительства, поскольку в дополнительном протоколе к таможенной конвенции, подписанной в Тегеране 10 марта 1929 г., прямо предусматривалось закрепление размеров пошлин, действовавших в момент подписания таможенного соглашения [23, т. XIII, стр. 230—231].

На втором заседании советско-иранских переговоров о торговом договоре, состоявшемся 21 апреля 1930 г., советская делегация предложила временно отложить обсуждение статей торгового договора о режиме торговли до разрешения вопроса об условиях обеспечения советского экспорта в Иран после валоризации таможенных пошлин. Для облегчения обсуждения других статей советская делегация вручила иранской стороне разра-

ботанный с учетом иранского контрпроекта компромиссный проект и предложила создать в этих же целях рабочую комиссию, с чем иранская делегация согласилась [23, т. XIII, стр. 229—231].

Однако деятельность рабочей комиссии не дала существенных результатов. Советник иранского посольства в Москве, уполномоченный представлять иранскую сторону в комиссии, явился лишь на одно заседание и в дальнейшем уклонялся от участия в работе комиссии, несмотря на неоднократные напоминания [23, т. XIII, стр. 330, 631].

Затяжка иранской стороной переговоров и вытекающее отсюда отсутствие нормальных экономических связей между двумя странами имели следствием возникновение на этой почве различных инцидентов. В связи с этим министр иностранных дел Ирана Форуги 24 мая 1930 г. вручил М. А. Логановскому ноту, в которой констатировал, что «выявление подобных инцидентов заставляет ощущать необходимость существования торгового договора». В целях «ускорения заключения торгового договора» Форуги предлагал перенести переговоры в Тегеран, с тем «чтобы контрпроект торгового договора, предложенный Персидским Правительством 14 января 1930 г., как можно скорее лег бы в основу взаимоотношений обеих стран... В заключение я считаю необходимым отметить, что в случае выявления задержки с заключением торгового договора и если подобные неблагоприятные события будут продолжаться, то Персидское Правительство в целях охраны своих экономических интересов будет вынуждено прибегнуть к другим мероприятиям и шагам. Поэтому я выражаю полную надежду, что мое предложение будет принято» [23, т. XIII, стр. 331].

В ответной ноте М. А. Логановский на фактах опроверг содержащееся в иранской ноте обвинение СССР в затяжке переговоров. Вместе с тем Советское правительство предложило возобновить работу конференции [23, т. XIII, стр. 310, 330—331, 631—632].

На третьем заседании советско-иранской торговой конференции, состоявшемся 5 июня 1930 г., глава советской делегации Л. М. Карахан заявил о готовности советской стороны в интересах ускорения обсуждения вести его по всему проекту договора. В результате этого

было решено перенести рассмотрение проекта торгового договора из рабочей комиссии на пленарные заседания конференции. На четвертом, пятом, шестом и седьмом заседаниях конференции, проходивших с 13 июня по 19 июля 1930 г., велось постатейное обсуждение советского и иранского проектов торгового договора [23, т. XIII, стр. 797—798].

В эти дни правящие круги Ирана с целью оказать давление на Советское правительство развернули в прессе активную кампанию против монополии внешней торговли СССР. Иранские газеты, как и в 1927 г., наперебой публиковали телеграммы крупных купцов-оптовиков, недовольных тем, что их спекулятивный размах и аппетиты наталкиваются на такое сдерживающее начало, как советская система монополии внешней торговли. 8 июля 1930 г. меджлис принял закон о взаимности в торговых делах, согласно которому торговля Ирана с теми странами, с которыми он не имел торговых договоров, должна была основываться на принципе взаимности. Внося законопроект в меджлис, министр национальной экономики заявил, что отсутствие с рядом стран торговых договоров при наличии лишь таможенных конвенций не гарантирует должным образом интересы Ирана. Хотя в торговых отношениях Ирана с Англией существовало именно такое положение, не только советские, но и английские экономисты уже в то время отметили явно антисоветскую направленность нового закона [198, стр. 115—119, 139, 183; 231, стр. 65—66].

На проходившем в этих условиях восьмом заседании советско-иранских переговоров о торговом договоре 23 июля 1930 г. был принят сводный текст торгового договора, включавший как согласованные статьи, так и несогласованные предложения советской и иранской сторон. Спустя несколько дней иранский посол Ансари послал сводный текст своему правительству для получения директив по дальнейшему ведению переговоров [23, т. XII, стр. 419—420].

Только в начале ноября 1930 г., на семичасовой встрече между М. А. Логановским, с одной стороны, и Форути и Теймурташем — с другой, были согласованы спорные статьи договора, в том числе и о режиме торговли. М. А. Логановский выразил согласие СССР на валоризацию пошлин при условии, что Иран компенсирует

убытки, которые понесет от валоризации советско-иранское смешанное общество «Персазнефть», на что получил согласие иранской стороны. Советская сторона сочла возможным пойти и на ряд других уступок с целью облегчить иранскому правительству проведение намеченных протекционистских мероприятий. 6 ноября М. А. Логановский писал в НКВД СССР: «Основное ударение персы делают на конечном нетто-балансе, перенося вопрос в политическую плоскость» [23, т. XIII, стр. 622].

Это, по-видимому, было связано с подготавливаемым в этот период иранским правительством законом о монополии внешней торговли. Вплоть до введения этого закона в силу иранская сторона затягивала подписание торгового договора с СССР. Только после того как иранское правительство столкнулось с отрицательной реакцией крупных империалистических государств на введение в Иране импортных ограничений и с их уклонением от перезаключения торговых соглашений 1928—1929 гг., оно подписало торговый договор с СССР.

Советско-иранская конвенция о торговле, поселении и мореплавании от 27 октября 1931 г. предусматривала полное признание Советским правительством установленной в Иране новой системы проведения внешнеторговых операций. В этой конвенции подтверждалось сохранение принципа нетто-баланса, однако не по каждой отдельной сделке, как раньше, а по конечным годовым итогам ввоза и вывоза. Конвенция предусматривала также установление по обоюдному соглашению годовых контингентных квот, с гарантией их реализации в порядке межправительственных поставок. По сравнению с прежними размерами эти квоты были значительно увеличены. Весь товарооборот должен был осуществляться теперь советскими хозяйственными организациями на территории Ирана [текст см.: 347г, стр. 372—403; 23, т. XIV, стр. 595—616].

Советско-иранская конвенция 1931 г. не только способствовала дальнейшему развитию советско-иранской торговли, но и имела большое политическое значение, поскольку укрепляла суверенное право Ирана на ведение им независимой торговой политики. Газета «Сета-ре-йе Иран» от 1 декабря 1931 г. отмечала: «Советское правительство является первым из правительств, которое

официальным документом признало наш закон о монополии внешней торговли и таким образом открыло путь для признания положений этого закона другими государствами».

Западная пресса, а также многие буржуазные экономисты и историки в свое время утверждали, что введение монополии внешней торговли явилось лишь «защитительной мерой», дающей иранским купцам возможность противостоять централизованной системе советской внешней торговли [см. 62; 71, 17.III.1931; 77, 21.III.1931; 231, стр. 66—67]. В настоящее время эта точка зрения получила широкое распространение в западной историографии [см. 279, стр. 229; 277, стр. 137; 265, стр. 162; 264, стр. 94]. При этом фальсификаторы советско-иранских отношений замалчивают, что Советский Союз был первой и по существу единственной великой державой, признавшей в торговом договоре с Ираном новую систему проведения внешнеторговых операций.

Интересна телеграмма от 29 июля 1931 г., направленная Л. М. Караханом полпреду СССР в Иране А. М. Петровскому: «Советское правительство считает введение монополии внешней торговли внутренним делом персидского правительства. Союзное правительство, признавая эту монополию, считает необходимым на ее основе договориться с персидским правительством (о заключении торговой конвенции. — С. А.). Нужно отметить, что в некоторых кругах имелись настроения и надежда на то, что монополия вызовет трения между СССР и Персией, поскольку СССР является основным покупателем и продавцом в Персии. Эта надежда должна рассеяться. Мы благожелательно относимся к монополии и считаем возможным договориться с Персией на ее основе. Мы уверены, что монополия в условиях Персии может оказать положительное влияние на развитие народного хозяйства и национальной промышленности и ослабить нажим на Персию со стороны более сильных стран» [23, т. XIV, стр. 807].

Разумеется, нельзя отрицать, что введением монополии внешней торговли иранское правительство стремилось в какой-то мере обеспечить интересы крупных комиссионеров-спекулянтов, сосредоточивших в своих руках торговлю с СССР, и ограничения деятельности которых добивалось с конца 1929 г. Советское правительство. Об

этом свидетельствует, в частности, предусмотренное в законах о монополии внешней торговли право правительства на передачу купцам монополии на ввоз и вывоз определенных товаров⁶. Иранская пресса еще накануне внесения первого законопроекта о монополии внешней торговли в меджлис писала, что она позволит устранить затруднения в ирано-советских торговых отношениях [см., например: 378, 24.XII.1930]. Можно также предполагать, что иранское правительство, добиваясь признания монополии внешней торговли империалистическими державами, оправдывало ее введение необходимостью противодействовать советской «торговой экспансии» [см. 231, стр. 12].

Подобного рода заявления правящих кругов Ирана отражали и те тенденции их экономической политики, которые имели целью ослабить исторически сложившееся торгово-экономическое тяготение северных провинций страны к русскому рынку. Эти тенденции нашли проявление в планах замены сельскохозяйственных культур (рис и др.), находивших спрос главным образом в СССР, такими культурами, которые имели бы сбыт внутри страны и на большинстве мировых рынков [202, стр. 130]. В интервью корреспонденту газеты «Дейли Телеграф» Реза-шах говорил об освобождении от «чрезмерной зависимости от России» как об одной из основных задач государственной политики [198, стр. 52, 63].

Иранское правительство и после заключения конвенции 1931 г. продолжало создавать ряд существенных препятствий советской торговле, что нашло отражение в задержке обмена ратификациями этой конвенции, новой валоризации пошлин, нажима на СССР в вопросе трактования правового положения уполномоченных советского торгпредства [23, т. XV, стр. 281—283, 766].

Спустя два месяца после обмена ратификациями советско-иранской торговой конвенции, в декабре 1932 г., в ряде городов Ирана была организована, как и в

⁶ В доверительных беседах с Н. Г. Пальгуновым представители иранских торговых кругов говорили, что монополия («это детище Теймурташа») является для правительства средством отстранить от советско-иранских торговых связей среднего купца, превратить торговлю «в орудие политической войны» с СССР, изолировать «от влияния Советской державы» и «европеизировать» Иран («Вы, Советский Союз, для него не Европа») [82, стр. 36, 47—48].

1927 г., кампания бойкота торговли с СССР. Сигналом к кампании послужило опубликование в тегеранской прессе декларации о создании так называемой ассоциации купечества Тегерана. В декларации объявлялось решение ассоциации производить сделки с советскими хозяйственными организациями только в централизованном порядке. 27 декабря 1932 г. ассоциация пошла дальше, призвав иранское купечество воздерживаться с 31 декабря 1932 г. от заключения с советскими органами каких-либо новых сделок [23, т. XVI, стр. 820]. Тогда же было инспирировано обращение депутации купцов к тегеранской Торговой палате и правительству с требованием денонсировать торговую конвенцию с СССР [см. 231, стр. 70].

Вскоре кампания бойкота охватила почти всю страну. 7 февраля 1933 г. Торговая палата Тегерана приняла постановление: «Купцы и торговые фирмы воздерживаются от индивидуальных сделок с совхозорганами и заключения новых контрактов непосредственно или косвенным путем впредь до установления концентрации советско-персидской торговли, согласно данным правительством обещаниям». Аналогичные постановления сразу же вслед за этим были приняты торговыми палатами и собраниями купцов других городов. В результате советско-иранская торговля полностью прекратилась [23, т. XVI, стр. 820].

Как и в 1927 г., кампания бойкота инспирировалась правительством через Торговую палату, являвшуюся в сущности филиалом Главного управления торговли, полицию и другие органы власти. В Гиляне, например, где кампания бойкота приняла особенно широкие масштабы, по сведениям советских представителей в Иране, «мобилизовал купцов на этот бойкот» начальник Главного управления торговли Яссаи [23, т. XVI, стр. 820]. В беседе с иранским послом Фатулла-ханом Пакреваном, состоявшейся 14 марта 1933 г., наркоминдел СССР М. М. Литвинов отметил, что «идея бойкота исходит не от купцов» и что «требование централизации торговли... раньше всего было сформулировано самим персидским правительством» [23, т. XVI, стр. 167—168]. Последнее, разумеется, как и в прошлом, старалось изобразить движение верхушки купечества «стихийным движением масс».

О руководящей роли правительственных органов в движении бойкота свидетельствует созванная в апреле 1933 г. в Тегеране конференция торговых палат. Начальник Главного управления торговли Яссаи в своем выступлении на конференции выдвинул от имени правительства в качестве основы по урегулированию сложившегося положения предложение дополнить торговую конвенцию с СССР рядом пунктов. Это предложение было передано в избранную конференцией в количестве 20 человек особую комиссию. В принятом комиссией обращении к правительству утверждалось, что дополнения не дадут желаемых результатов, и требовалось аннулировать конвенцию. В мае 1933 г. на собрании крупных тегеранских купцов была принята новая декларация, подтверждающая решение купечества воздерживаться от индивидуальных сделок с советскими организациями до урегулирования вопроса о конвенции [52, 1934, № 1—2 (16—17), стр. 117—118; 369, 17—18. IV.1933].

В январе—июне 1933 г. имели место беседы Л. М. Карахана с иранским послом в СССР, во время которых Пакревану указывалось на необходимость прекращения бойкота в интересах развития торговли между двумя странами. Так, 11 мая 1933 г. Л. М. Карахан заявил Пакревану, что «правительство СССР категорически отказывается от какого бы то ни было обсуждения торговых дел по существу впредь до тех пор, пока не будет снят бойкот и пока не будет создана нормальная обстановка для совхозорганов». В беседе также подчеркивалось искреннее стремление Советского правительства найти пути к дальнейшему развитию советско-иранских торговых отношений. Беседы аналогичного содержания вели в Тегеране советские дипломатические и торговые представители [23, т. XVI, стр. 476, 820—821].

Свертывание торговых операций с советскими организациями нанесло значительный ущерб иранским купцам. Попытки крупного купечества найти новые рынки сбыта не удались. Газета «Эттелаат» от 4 октября 1933 г. писала: «Приостановка торговых отношений с нашим северным соседом принесла нам вред. Пока мы полностью не эмансипировались, пока Трансперсидская железная дорога не закончена и пока товары наших северных провинций не нашли дешевого пути за границу,

мы должны стараться сохранять и поощрять наши торговые отношения с СССР на принципе взаимности» [цит. по: 52, 1934, № 7 (22), стр. 133—134]. Усилилось недовольство среднего купечества, участвовавшего в бойкоте только под давлением властей. 120 представителей этих слоев купечества подали шаху жалобу.

30 июля 1933 г. Реза-шах дал распоряжение правительству немедленно снять бойкот. В течение следующих двух дней у начальника полиции и министра иностранных дел состоялись совещания группы крупных купцов [23, т. XVI, стр. 746]. 4 августа 1933 г. иранские газеты поместили сообщение о том, что благодаря «наставлениям» правительства ассоциация тегеранского купечества решила возобновить операции с советскими торговыми организациями. 11 декабря 1933 г. состоялся обмен нотами об урегулировании ирано-советских торговых отношений [279, стр. 223]. 17 декабря министр иностранных дел сделал в меджлисе соответствующее сообщение [371, 18.XII.1933].

Непоследовательность правительства в развитии экономических отношений с СССР в значительной мере была обусловлена боязнью даже временно ущемить своей торговой политикой интересы помещиков и крупной торговой буржуазии. Правящие круги Ирана использовали дружественную позицию СССР с целью добиться признания режима внешнеторговой монополии западными державами и одновременно стремились обеспечить за счет СССР ущемленные этим режимом интересы крупного купечества. Двойственность политики иранского правительства предопределяла непоследовательный, противоречивый характер его протекционистских реформ и ослабляла возможности сопротивления Ирана возрастающей экспансии империализма.

Иран и западные державы: нефть и антикоммунизм. В отношениях с западными державами иранское правительство стремилось в первую очередь обеспечить свободу в проведении внутренних и внешних экономических мероприятий. В заявлении Теймурташа, опубликованном 5 февраля 1932 г. газетой «Экдам», говорилось, что следствием экономических успехов Ирана должна быть «эмансипация от иностранной зависимости». Особое значение для Ирана в период кризиса имели отношения с Англией.

Начатые еще в 1928 г., после отмены капитуляционного режима, англо-иранские переговоры по вопросу о заключении общего договора между двумя странами продолжались и в годы кризиса. Затягивая ратификацию англо-иранской конвенции об автономном таможенном тарифе от 10 мая 1928 г. [295, стр. 240], правительство Великобритании использовало это в качестве средства давления на иранское правительство с целью добиться выгодных для английского капитала условий. В середине 1929 г. проекты общего и торгового договора, а также других конвенций были представлены на рассмотрение обоих правительств [369, 14.VI.1929]. Однако иранское правительство отказалось утвердить их, вновь выдвинув претензии на суверенитет над Бахрейнскими островами [см. 379, 26.IX.1930; 369, 28.IV.1931; 77, 8.IV.1931]. Установление же в Иране контроля над иностранной валютой, а затем и введение монополии внешней торговли, отрицательно сказавшихся на английском вывозе в Иран, осложнили переговоры о заключении не только общего, но и торгового договора.

Для защиты торговых интересов Англии в британской миссии в Тегеране был создан специальный штат экономических советников во главе с коммерческим секретарем. В течение 1930 г. английский посланник в Тегеране неоднократно делал представления иранскому правительству по поводу ограничения валютных операций [46, т. 244, стр. 1308]. Шахиншахский банк в своем представлении ссылаясь на то, что введение монополии внешней торговли противоречит обещанию, данному банку при выкупе права эмиссии банкнотов и согласно которому по рангу он не должен рассматриваться ниже Национального банка. В марте — апреле 1931 г. в палате общин несколько раз обсуждался вопрос о возможном влиянии монополии внешней торговли на английскую экспортную торговлю в Иране. Британский посланник по инструкциям своего правительства принимал максимум усилий с целью заставить иранское правительство отменить эти мероприятия как якобы противоречащие англо-иранской таможенной конвенции [46, т. 250, стр. 19—20, 38; т. 251, стр. 620; т. 261, стр. 1443—1444].

Поскольку иранское правительство мотивировало свои действия обострением экономического кризиса, лорд Пармур в июне 1931 г. заявил от имени правитель-

ства в палате лордов, что Англия не будет осложнять положение Ирана при условии, если после преодоления кризиса эти меры будут отменены и английская торговля не пострадает от конкуренции других стран [77, 26.VI.1931; 371, 30.VI.1931].

Иранская пресса выступила с резкой отповедью представителю английского правительства. Газета «Иран» от 2 июля 1931 г. писала: «Право сохранения и упразднения внутренних законов в каждой стране зависит от ее законодательных и исполнительных органов. Нынешнее мировое положение не позволяет никакой стране, сколь бы ни была она могущественна, вмешиваться во внутренние дела суверенного государства... Нынешние правители Ирана тверды и последовательны в избранной ими линии, которую они считают полезной для страны... Иранское правительство сохранит закон о монополии внешней торговли до тех пор, пока это будет диктоваться интересами страны и благополучием общества; разумеется, что эта потребность будет существовать в течение долгого времени».

Английский посланник Р. Клайв в письме в газету «Иран» от 5 июля 1931 г. с целью доказать, что заявление Пармура нельзя рассматривать как вмешательство во внутренние дела Ирана, сослался на ст. 4 англо-иранской таможенной конвенции от 10 мая 1928 г., согласно которой меры по ограничению Ираном своего импорта или экспорта могли приниматься лишь в чрезвычайных случаях. В ответ на это «Сетаре-йе джахан» от 7 июля 1931 г. заявила, что наличие или отсутствие чрезвычайной обстановки не может определяться британскими представителями. 5 июля в ответ на запрос редактора этой газеты депутата Рахнема о дебатах в английском парламенте министр иностранных дел Форуги заявил в меджлисе, что, устанавливая новые законы, его правительство учитывало в первую очередь интересы Ирана.

В Англии, в свою очередь, началась антииранская кампания, тон которой задавали непосредственно связанные с Ираном представители британского капитала. Председатель правления Шахиншахского банка, игнорируя выступления иранской прессы, выразил в годовом отчете уверенность, что после выпуска новой золотой валюты иранское правительство восстановит полную свободу торговли [77, 4.VII.1931]. Один из членов прав-

ления банка, третируя Иран как маленькое азиатское государство, которое придает чрезвычайное значение 14 пунктам Вильсона, но плохо их понимает и комментирует, призывал западные державы к совместным действиям с целью заставить иранское правительство отказаться от нововведений во внешнеторговой политике [77, 27.VI.1931].

Против закона о монополии внешней торговли выступила и Германия. Ссылаясь на нарушение Ираном договоров с рядом капиталистических стран, запрещающих всякие ограничения в торговле, газета «Берлинер Тагеблатт» от 18 марта 1931 г. призывала создать единый фронт Германии, Англии, США, Франции и Италии против закона о монополии: «Персидское правительство, — писала газета, — пренебрегло всеми торговыми договорами, заключенными в последнее время. Таким образом, ряд стран могут оказаться вынужденными, если этой мере не будет придан временный характер, денонсировать свои торговые договоры с Персией». Германское правительство дало инструкцию своим дипломатическим представителям в Тегеране воздействовать на иранское правительство с целью «изменить персидскую точку зрения в интересах германской торговли» [65, 30.VI.1931]. Однако германское представление, так же как и английские демарши, оставалось безрезультатным.

Империалистическая пресса призывала свои правительства применить против Ирана экономические и политические санкции. «Нир Ист энд Индия» от 2 июля 1931 г. писал: «Как видно, персы полагают, что хвост льва больше не способен шевелиться». В номере от 20 июля 1931 г. этот же еженедельник предлагал, чтобы вопрос о монополии внешней торговли в Иране вновь подвергся обсуждению в палате лордов: «Когда какая-либо держава делает заявление о своих правах и, в частности, когда таким государством оказывается Великобритания, то нет никаких оснований к тому, чтобы она не избрала более мужественную политическую линию, чем та, которую она проводила до сих пор в отношении Персии в деле защиты своих прав».

В этих условиях иранская пресса была вынуждена несколько смягчить свой тон. Газета «Иран», как бы оправдываясь, писала, что, поскольку тариф 1928 г. не мог быть изменен Ираном до 1936 г., установление мо-

нополии внешней торговли было единственным средством увеличения таможенных ставок и сокращения таким образом ввоза некоторых товаров [48, № 13/14, 1932, стр. 43]. В интервью одной из газет Теймурташ заявил, что Иран ввел монополию внешней торговли главным образом в целях урегулирования соотношения экспорта и импорта и что он «твердо придерживается частной инициативы и стоит на страже законов капиталистического мира» [52, 1932, № 1, стр. 20].

В обстановке империалистических угроз иранское правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки. В связи с представлением Шахиншахского банка о том, что установленная в Иране продажа всей валютной выручки правительству и открытие в Национальном банке особого валютного счета по этим операциям противоречат концессионному договору банка и условиям соглашения о выкупе банкнотов, иранское правительство допустило Шахиншахский банк к ведению всех валютных операций наравне с Национальным банком. Крупной уступкой капиталистическим странам было и внесение в контингент импорта товаров в Иране отдельных видов мануфактуры [48, № 13/14, 1932, стр. 40—41, 54], в чем были заинтересованы Англия, Германия, а также Япония, резко усилившая в этот период свою активность в Иране.

Будучи вынуждено пойти на эти уступки, иранское правительство стремилось не допустить дальнейшего укрепления позиций международных монополий в стране, в частности японских фирм, наводнивших иранский рынок хлопчатобумажными тканями. Реализация этих тканей по демпинговым ценам, вызвавшая общее снижение цен на 40—50%, создала угрозу местной текстильной промышленности. Кроме того, пассив иранского товарооборота с Японией за три года (с 1931/32 по 1933/34) увеличился с 18,9 млн. риалов до 67,8 млн. (при росте японского экспорта с 24,8 млн. риалов до 82 млн., а импорта — с 5,9 млн. риалов всего лишь до 14,2 млн.). С целью закрепить завоеванные позиции японские фирмы добивались заключения специальных договоров. Министр финансов Ирана, отвечая в меджлисе на запрос о причине отказа от этих предложений, заявил, что правительство не может «в погоне за кажущейся выгодностью предприятия разорять и обре-

каты на бедность тысячи своих граждан» [52, 1934, № 1—2 (16—17), стр. 119; 1934, № 7 (22), стр. 124; 1935, № 4 (28), стр. 43].

Заключение ирано-советской конвенции о торговле, поселении и мореплавании от 27 октября 1931 г., по которому Советское правительство признало установленный в Иране режим монополии внешней торговли, значительно укрепило позиции иранского правительства в его противодействии империалистическим домогательствам западных держав. «Сетаре-йе джахан» от 2 ноября 1931 г. выразила надежду, что, как и в период ликвидации капитуляционного режима, западные державы «возьмут за образец политику СССР и проявят в отношении к нам такую же доброжелательность».

Однако Англия, США и другие державы решили использовать предоставление Ираном по конвенции 1931 г. Советскому Союзу льгот (гарантия определенных импортных квот и освобождение от предъявления экспортных сертификатов до ввоза советских товаров в Иран) для возобновления своих притязаний. Спустя несколько дней после подписания ирано-советской конвенции новый английский посланник в Тегеране, Реджинальд Хор, вручил министру иностранных дел Ирана памятную записку, в которой пытался доказать, что вступление в силу ирано-советской конвенции поставит в дискриминационное положение британскую торговлю с Ираном, и требовал путем заключения соответствующего временного соглашения признать все прошлые требования Англии, направленные по существу на исключение британской торговли из режима внешней торговой монополии. При этом утверждалось, будто принятие этих требований принесет «величайшую пользу национальной экономике» Ирана. Копия памятной записки была направлена Теймурташу, находившемуся тогда в Европе [40, 1932, т. II, стр. 793—796].

В начале 1932 г. американский посланник в Тегеране Чарльз Гарт также вручил министру иностранных дел Ирана меморандум своего правительства. Ссылаясь на право наибольшего благоприятствования, полученное по временному соглашению от 14 мая 1928 г., правительство Соединенных Штатов Америки требовало предоставить американской торговле такие же льготы, которые были предоставлены советской торговле по конвенции 1931 г.,

«если и когда ратификации этой последней будут обменены» [40, 1932, т. II, стр. 798—803].

В беседах с советскими представителями в Тегеране относительно требований иностранных миссий Теймурташ говорил о возможности освобождения третьих стран от представления вывозных сертификатов взамен выдачи банковской гарантии о вывозе иранских товаров в течение шести месяцев. В ответ советская сторона указала, что уступка Ирана в этом вопросе западным державам без того, чтобы последние взяли на себя обязательства в отношении нетто-баланса и согласования списка ввоза и обязательного импорта, будет равносильна аннулированию закона о монополии внешней торговли в его самой существенной части. Вместе с тем полученные западными державами лицензионных льгот в Иране без заключения с ним торговых договоров поставило бы эти державы в более выгодные условия по сравнению с СССР, взявшим по договору твердые обязательства [23, т. XV, стр. 239, 282].

Теймурташ фактически отклонил англо-американские притязания, заявив, что западные государства, «не будучи организованы на социалистической базе Советов», практически не могут дать гарантий, аналогичных тем, которые даны Ирану Советским правительством. А 22 июня 1932 г. в Москве состоялся обмен ратификациями ирано-советской конвенции от 27 октября 1931 г., что поставило западные державы, по словам Ч. Гарта, перед свершившимся фактом. Последующие представления держав также не имели успеха. Министерство иностранных дел Ирана игнорировало эти представления [40, 1932, т. II, стр. 805—812].

Не удовлетворило иранское правительство и империалистические домогательства Англии о продлении временного соглашения с авиакомпанией «Империял Эйруэйз», срок которого истекал в марте 1932 г. В феврале иранское правительство уведомило Англию, что после этого срока соглашение не будет возобновлено [369, 18.II.1932], но затем согласилось продлить его на два и потом еще на шесть месяцев, которые англичанам были необходимы для завершения начатых еще в конце 1928—начале 1929 г. работ по оборудованию воздушных трасс над южным берегом Персидского залива [252, стр. 131—132; 77, 23.III.1932; 4.VI.1932].

Следует отметить, что в результате этих работ и особенно после прокладки подводного телеграфного кабеля из Англии в Индию линии Индо-Европейской телеграфной компании потеряли для англичан большую часть своего стратегического и политического значения. Это облегчило Реза-шаху отказ от возобновления истекшей в 1931 г. концессии и национализацию проходившей через Иран части индо-европейской телеграфной системы [270, стр. 53—54; 271, стр. 103; 84а, стр. 286]. 17 февраля 1932 г. министр иностранных дел Ирана Форуги и английский посланник в Тегеране Р. Хор подписали соглашение о передаче Ирану телеграфных линий и станций со всеми их зданиями и оборудованием; иранское правительство, со своей стороны, разрешило продолжать до 1 марта 1945 г. эксплуатацию станций подводного кабеля в Бушире, Джаске и Хенджаме и освободило от уплаты ввозных пошлин необходимое для работы этих станций оборудование [текст см.: 347г, стр. 419—424; 42, стр. 649—652].

В октябре 1932 г. расположенный на территории Ирана участок английского «имперского воздушного пути» Лондон — Карачи был перенесен на южный берег Персидского залива. Газета «Эттелаат» в серии статей писала, что отказ иранского правительства продлить разрешение на полеты «Империял Эйруэйз» предотвратил возможность концентрации английских сил для обеспечения британского господства на Персидском заливе и угрозу превращения Ирана в арену военных действий. «Мы чрезвычайно признательны правительству, которое расстроило столь опасные планы и на несколько лет вперед предусмотрело нынешние опасные перспективы, — писала „Эттелаат“ 17 августа 1932 г. — Мы рады, что препоны на пути осуществления английских политических замыслов возникли в Иране и что Иран стал помехой на пути осуществления незаконных стремлений».

Газета не отметила, однако, что перевод «имперского воздушного пути» на арабский берег хотя и лишил британских империалистов возможности пользоваться авиабазами на иранской территории, тем не менее слабо отразился на общем стратегическом значении линии — южная часть Ирана по-прежнему находилась в сфере возможных действий английской авиации. Одной из промежуточных баз для британских самолетов стали

Бахрейнские острова, суверенитет над которыми Иран оспаривал у Англии.

Наиболее важным вопросом англо-иранских отношений в период мирового экономического кризиса был вопрос о концессии Англо-персидской нефтяной компании, которая все еще продолжала оставаться в Иране «государством в государстве». В результате хищнической эксплуатации природных богатств Ирана компания получала огромные сверхприбыли. В то же время путем различных бухгалтерских махинаций она постоянно занижала сумму концессионных платежей иранскому правительству, которое не имело возможности контролировать счета компании. Весь руководящий и технический персонал АПНК состоял из англичан и других иностранцев; иранцы использовались лишь в качестве чернорабочих. Контрольный пакет акций АПНК принадлежал английскому правительству.

Правительство Реза-шаха с самого начала проявляло недовольство концессионным соглашением 1901 г., известным по имени первоначального концессионера как «концессия д'Арси». Но если до 1928 г. его разногласия с компанией не выходили за рамки главным образом вопросов интерпретации соглашения, то с этого времени оно выдвигает вопрос о пересмотре концессии. 12 августа 1928 г. в ответ на предложение председателя правления АПНК Джона Кэдмена расширить срок концессии, истекавшей в 1961 г., Теймурташ заявил о неприемлемости старого соглашения и желании иранского правительства приступить к обсуждению нового [283, стр. 42].

В сентябре 1928 г. иранская пресса развернула активную кампанию против АПНК, обвиняя ее во вмешательстве во внутренние дела Ирана и требуя от правительства пересмотра концессионного соглашения. 11 сентября газета «Сетаре-йе Иран» опубликовала передовую статью «Необходимость пересмотра концессии д'Арси». В правительственной программе кабинета Мехди Голихана Хедайата, оглашенной на открытии меджлиса седьмого созыва в ноябре 1928 г., был поднят вопрос о необходимости пересмотра всех старых концессий, которые приобрели «политическое значение».

В 1929 г. между иранским правительством и Англо-персидской нефтяной компанией начались переговоры, длившиеся в течение двух лет. 7 августа 1931 г.

Дж. Кэдмен информировал Теймурташа об отказе компании продолжать обсуждение вопроса о пересмотре концессии. Однако переговоры продолжались и после этого, главным образом по вопросу о способе определения прибылей, отчисляемых Ирану [283, стр. 42; 285д, стр. 236—237; 369, 10.II.1933]. Об атмосфере переговоров может свидетельствовать тот факт, что министр иностранных дел Англии Дж. Саймон отказался принять Теймурташа, даже несмотря на просьбы Дж. Кэдмена [360, стр. 291].

Иранская пресса активно поддерживала правительство во время переговоров. Еще 1 марта 1931 г. «Шефаг-е сорх» предложила всем тегеранским газетам начать дискуссию по вопросу о том, следует ли пересматривать концессию АПНК и в каком направлении. В марте—апреле в тегеранской прессе была опубликована серия статей, в которых доказывалось право Ирана аннулировать концессию, поскольку она была предоставлена свергнутой Каджарской династией до установления конституционного режима и никогда не утверждалась меджлисом. В то же время газеты призывали АПНК заключить с Ираном новое концессионное соглашение. После отказа Англо-персидской нефтяной компании обсуждать вопрос о пересмотре концессии в ноябре 1931 г. кампания в иранской прессе возобновилась. Газеты разоблачали антииранскую деятельность компании, призывали правительство аннулировать концессию.

В конце 1931 г. переговоры между Теймурташем и правлением АПНК относительно изменения существующего порядка отчисления прибылей Ирану были завершены. В феврале 1932 г. иранское правительство утвердило предварительное соглашение, достигнутое в Лондоне между министром двора и председателем правления компании Дж. Кэдменом. Составленный на этой основе проект соглашения об отчислениях прибылей Ирану был парафирован в Лондоне и послан на ратификацию иранскому правительству. В Тегеране документ был получен 29 мая 1932 г. [285д, стр. 237; 369, 12.II.1933].

Однако спустя несколько дней ситуация в корне изменилась в связи с объявлением компанией расчетов по прибылям за 1931 г. Согласно расчетам, Ирану причиталось всего лишь 306 тыс. ф. ст., тогда как в 1930 г. он получил 1288 тыс. ф. ст., а в 1929 г. — 1437 тыс. ф. ст.

[285д, стр. 237]. Хотя компания и утверждала, что столь резкое уменьшение отчислений было обусловлено неблагоприятной экономической конъюнктурой в 1931 г., Иран имел все основания для недовольства. Достаточно отметить, что компания выплатила английскому казначейству в качестве подоходного налога за 1931 г. 800 тыс. ф. ст. (по условиям концессии, она была полностью освобождена от иранских налогов) [371, 16.VIII.1932; 112, стр. 73].

Иранская сторона предприняла ряд шагов в защиту своих интересов. Первым долгом она потребовала перефразировки более понятным языком полученного 20 мая проекта соглашения. 29 июня иранское правительство отказалось принять платежи за 1931 г., поскольку они были рассчитаны на условиях старого соглашения. 7 июля оно информировало представителя компании в Тегеране, что вырабатывает новые предложения на совершенно иной основе [285д, стр. 238; ср. 213, стр. 98—99; 382, 22.XII.1932; 369, 12.II.1933]. В ходе дебатов в меджлисе министр финансов Таги-заде заявил, что в случае неудовлетворительного исхода переговоров с компанией правительство для защиты своих прав будет вынуждено прибегнуть к другим мерам [52, 1933, № 1, стр. 135—136].

В английской прессе развернулась ответная антииранская кампания. Газета «Морнинг Пост» от 25 июля 1932 г. писала, что если бы Англия закрепила за собой на правах победителя в первой мировой войне или по просьбе южных племенных вождей во время восстания шейха Хазала район между Буширом и Месджеде-Сулейман, «то в настоящее время она не имела бы в этой части мира столько неприятностей». Газета призывала руководство АПНК не идти на уступки, поскольку «это послужит поощрением для персов и создаст в будущем еще большие затруднения».

Во второй неделе ноября 1932 г. Реза-шах посетил Хузистан. По возвращении в Тегеран, по словам Н. С. Фатеми, он сказал своему адъютанту генералу Мортеза Язданпахану, что решил положить конец «грабительским и невыносимым действиям компании и добиться того, чтобы иранцы получали свою справедливую и честную долю прибылей» [242, стр. 161—162]. 16 ноября 1932 г. министр финансов Ирана Таги-заде сообщил представителю компании в Тегеране, что составление

предложений его правительства почти завершено [285д, стр. 238].

Иранская пресса в эти дни продолжала широкую кампанию за ликвидацию «концессии д'Арси». Газета «Иран» от 16 ноября писала, что, как показал опыт, разногласия с компанией не могут быть разрешены путем переговоров и переписки и только аннулирование концессии заставит ее начать переговоры о новом договоре. Аналогичные статьи были опубликованы газетами «Эттелаат» от 20 ноября и «Кушеш» от 21 ноября 1932 г. «Шефаг-е сорх» 17 ноября опубликовала статью под заголовком «Почему концессия д'Арси не аннулируется?» 27 ноября 1932 г. «Эттелаат» поместила статью некоего Ф. К. «Концессия д'Арси аннулируется», автор которой писал, что хотя не располагает точной информацией, но заявляет это «по наитию».

В тот же день, 27 ноября 1932 г., Реза-шах созвал заседание кабинета и приказал министру финансов информировать АПНК об аннулировании концессии. Шах заявил министрам, что хочет добиться заключения нового соглашения, предусматривающего получение Ираном 40% прибылей и установление иранского контроля над всеми предприятиями компании в Хузистане [242, стр. 162].

Министерство финансов вручило представителю АПНК в Тегеране Джексону письмо, извещающее компанию об аннулировании «концессии д'Арси» как не отвечающей интересам Ирана. Далее в письме говорилось, что «в то же время, поскольку персидское правительство не имеет другого намерения, кроме обеспечения персидских интересов, и если АПНК будет готова, в противоположность прошлому, обеспечить персидские интересы соответственно взглядам персидского правительства, на базе равноправия и справедливости, с необходимыми гарантиями обеспечения этих интересов, персидское правительство в принципе не откажется предоставить новую концессию этой же компании» [279, стр. 255; 285д, стр. 238].

В Англии, по свидетельству современников, это известие произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Передовая общественность расценивала шаг иранского правительства как проявление изрядной политической смелости. А. Форд пишет: «Это была великая победа реза-

шаховской политики эмансипации Ирана от британского проникновения и влияния. Этим актом, более чем каким-либо другим, Иран утвердил свою независимость и доказал, что он не желает больше быть послушным орудием западного империализма» [245, стр. 19]. Реза-шах в беседе с афганским посланником говорил: «Персия готова скрестить с Англией оружие из-за нефтяного вопроса, а я лично готов пожертвовать своей жизнью за это дело» [361, стр. 504; 85, стр. 273].

Изложенные обстоятельства полностью опровергают широко распространенное в зарубежной историографии мнение, что Реза-шах аннулировал концессию АПНК в «припадке сильного гнева» [см., например: 242, стр. 163], и свидетельствуют о том, что его решение было вполне обдуманной акцией, единственной целью которой было оказать давление на компанию с целью заставить ее согласиться на переговоры о новом концессионном соглашении⁷. Хедаят признал это в самом начале конфликта в беседе с В. фон Блюхером: «Мы делали одну попытку за другой, чтобы побудить англичан сесть за стол переговоров. Но это ни к чему не привело. Нам оставалось лишь аннулировать концессию. Мы не хотим ничего иного, как договориться с англичанами на новой базе» [85, стр. 273]. Кроме того, нельзя не учитывать, что иранская пресса не могла бы муссировать в течение столь долгого времени вопрос об аннулировании концессий без соответствующей санкции властей.

Приветствуя решение об аннулировании концессии, газеты наперебой публиковали панегирики шаху (объявленному национальным героем, вернувшем нефтяные богатства его законному владельцу — народу) и поступающие в Тегеран из провинций приветственные телеграммы от ассоциаций купечества, духовенства и т. д. Решение правительства приветствовал и меджлис. В столице и провинциях состоялись празднества и иллюминации. Улицы были заполнены ликующими толпами, здания украшены флагами и коврами. Макет «концессии

⁷ Такое же мнение было высказано в свое время на страницах советского периодического издания «Материалы по национально-колониальным проблемам» [см. 52, 1933, № 1, стр. 137]. Из современных авторов такого мнения придерживается Р. Рамазани [279, стр. 255].

д'Арси» был публично предан огню. Пугая Англию, отдельные газеты призывали правительство объявить торги на эксплуатацию нефтяных месторождений Южного Ирана [см., например: 379, 7.XII.1932].

Вполне понятно, что в этих условиях многие (как в самом Иране, так и за его пределами) восприняли акцию иранского правительства чуть ли не как попытку национализировать предприятия нефтяной компании. Отсюда неизбежное разочарование, которое возникло после подписания правительством Реза-шаха нового концессионного соглашения с АПНК. Тот факт, что новое соглашение продлило срок концессии, чего издавна добивалась компания, дал основание многим иранцам для таких несерьезных выводов, что аннулирование Реза-шахом концессии было инспирировано Англией [87, стр. 229; 242, стр. 160, 164; 279, стр. 254; 244, стр. 32], что новая концессия была наградой англичанам в благодарность за поддержку Реза-шаха при его вступлении на престол и т. д. Руководители развернувшегося в начале 50-х годов движения за национализацию нефтяной компании, обосновывая право Ирана на ее ликвидацию, тоже приводили эти выводы [см. 356, стр. 293]. Подобные взгляды бытовали продолжительное время и в советской историографии [см. 142, стр. 328—330].

В действительности же Англию не устраивало именно аннулирование концессии, хотя оно и сопровождалось заявлением о готовности приступить к обсуждению нового соглашения. Не устраивало это Англию потому, что могло резко усилить позиции иранского правительства при обсуждении новой концессии. Позже министр иностранных дел Англии Дж. Саймон заявлял в Лиге наций, что решение об аннулировании концессии поставит компанию в невыгодное положение в случае возобновления в будущем переговоров [371, 21.XII.1932; 213, стр. 103].

Так же восприняла АПНК полученное от иранского правительства 27 ноября извещение об аннулировании концессии. В ответном письме от 28 ноября 1932 г. компания отказалась признать законность действий иранского правительства и потребовала немедленно взять назад сообщение об аннулировании концессии. Министр финансов Ирана сообщил представителю АПНК, что решение является окончательным. А 1 декабря того же

года правительство Реза-шаха с целью лишить Англию надежды на возможность отмены решения о ликвидации концессии (а возможно, и отрезать себе путь к отступлению) провело, через меджлис, утверждение акта об аннулировании «концессии д'Арси» [347г, стр. 701—702]⁸.

2 декабря 1932 г. в конфликт вмешалось правительство Великобритании, которое направило иранскому правительству ноту протеста против аннулирования концессии. В ноте также содержалось требование взять назад письмо к АПНК и указывалось, что британское правительство «не потерпит какого-либо ущерба интересам компании или вмешательства в ее предприятия или коммерческую деятельность в Персии» [285д, стр. 238—239]. Заместитель министра иностранных дел Англии А. Иден заявил в парламенте, что в случае необходимости правительство не остановится перед применением «законных мер» для защиты своих интересов. В ответной ноте от 3 декабря иранское правительство отклонило британское требование, квалифицировав английскую ноту как вмешательство во внутренние дела Ирана [46, т. 272, стр. 1790—1793].

8 декабря 1932 г. в Тегеране была получена новая нота, в которой английское правительство сообщало, что если в семидневный срок Иран не возьмет обратно письмо об аннулировании концессии, то оно обратится в Международный суд в Гааге. В ответной ноте от 13 декабря иранское правительство заявило, что Гаагский суд не компетентен разбирать этот вопрос и что оно оставляет за собой право сообщить об угрозах английского правительства Совету Лиги наций. Решив опередить Иран, Англия 14 декабря сама обратилась в Лигу наций. 17 декабря то же сделало правительство Ирана.

Все эти дни Англия применяла различные формы дипломатического и военного нажима на Иран. Британский посланник в Тегеране в беседе с шахом угрожал вводом английских войск в страну, напомнив ему при этом о судьбе Амануллы; английские газеты призывали правительство применить вооруженную акцию в отношении Ирана [242; стр. 165]. 8 декабря заместитель минист-

⁸ А. Тойнби приводит ошибочную дату — 20 декабря [285д, стр. 238; см. также: 38, стр. 188].

ра иностранных дел Англии А. Иден в ответ на требование парламентской оппозиции обещать, что правительство не предпримет военной акции в отношении Ирана без обсуждения этого вопроса в палате общин, заявил, что правительство будет руководствоваться лишь развитием ситуации [46, т. 272, стр. 1793—1794]. В Персидский залив было послано несколько военных кораблей, в том числе крейсер «Энтерпрайз» [23, т. XV, стр. 815].

13 декабря иранское правительство получило сообщение о восстании среди белуджских племен. Иранская пресса обвиняла английских агентов в контрабандной доставке оружия на иранское побережье Персидского залива и подстрекательстве антиправительственных выступлений. Британская пресса, комментируя эти сообщения, писала, что восставшие хотят освободиться от тирании шахского правительства [242, стр. 168]. Ежедневник «Нир Ист энд Индия» от 15 декабря 1932 г. утверждал, что любовь армии к шаху сменилась страхом, а «Таймс» от того же числа — что аннулированием концессии шах, утративший уже популярность, преследует цель вновь сделаться «национальным героем».

Не довольствуясь этим, английские газеты в целях обработки мирового общественного мнения подняли шум «о росте бандитизма» в районах расположения предприятий АПНК. «Правдивы ли эти сообщения или они представляют собой пропаганду, — писал лондонский корреспондент „Нью-Йорк Таймс“, — но они создают атмосферу, при которой в один прекрасный день „инцидент“ может послужить поводом к решительным действиям Англии» [см. 158, стр. 706]. В европейской печати появились сообщения о том, что английская разведка начала организовывать восстания племен на юге Ирана. Некоторые иранские газеты со ссылкой на западную прессу сообщили об усилении Англией своих военно-морских сил в Персидском заливе [см. 382, 27.XII.1932]⁹.

Эти сообщения не могли не вызвать беспокойство среди правящих кругов Ирана. Депутат Али Дашти,

⁹ Позже эти сообщения были опровергнуты [см. 371, 10.I.1933], вероятно под влиянием опровержения, сделанного в палате общин английского парламента 19 декабря 1932 г. первым лордом Адмиралтейства [46, т. 273, стр. 739—740].

Выступая в меджлисе, заявил, что Великобритании следовало бы воздержаться от необдуманных действий и воинственных заявлений, поскольку «вторжение в Иран спустит с привязи те зловещие силы, которые приведут ко второй мировой войне», ибо, по его словам, Россия определенно использует первый же удобный случай, чтобы остановить британскую оккупацию южной части Ирана [242, стр. 168—169].

В этих словах наиболее полно отразилась позиция правящих кругов Ирана, с одной стороны использовавших морально-политическую поддержку Советского государства в конфликте с Англией, а с другой — стремившихся показать британским империалистам свое отрицательное отношение к политике Советского правительства.

Советская общественность с глубокой симпатией следила за борьбой Ирана в защиту своих законных прав, что нашло свое выражение в многочисленных материалах, опубликованных в советской печати, и в частности в номерах «Известий» от 6—19 декабря 1932 г. 13 декабря временный поверенный в делах СССР в Иране В. М. Цукерман заявил Форуги, что «в данном конфликте все политические и моральные аргументы на стороне Персии». Форуги сказал, что хочет думать, что это не только личное мнение поверенного, но и Советского правительства и советской общественности. В. М. Цукерман подтвердил это, сославшись на комментарии «Известий». 28 декабря 1932 г. иранский посол в Москве от имени своего правительства выразил Советскому правительству благодарность за поддержку в советской печати позиции Ирана [23, т. XV, стр. 687—688, 815].

В западной прессе распространилась обычная в подобных случаях клевета по адресу Советского Союза. Но она была настолько нелепой, что даже председатель правления АПНК Дж. Кэдмен счел необходимым публично опровергнуть слухи о том, что иранское правительство действовало по наущению Москвы [158, стр. 706]. В донесении о беседе с министром иностранных дел Ирана от 13 декабря 1932 г. В. М. Цукерман писал: «Сказав мне о разговорах, что якобы в этом деле „замешана рука Москвы“, Форуги, как бы оправдываясь, стал мне доказывать, что Персия всегда руководствуется

только своими собственными интересами» [23, т. XV, стр. 688].

Однако «собственным интересам» Ирана, и особенно в данном случае, совсем не соответствовало проведение иранским правительством обычной тактики лавирования и использования противоречий между СССР и Великобританией. Тогдашний премьер Мехди Голи-хан Хедаят пишет, что поездка Теймурташа в Москву имела целью «напугать Англию» [361, стр. 505]. В. фон Блюхер, с которым Теймурташ поддерживал весьма тесные отношения, также пишет, что поездку из Лондона в Москву и выступление с дружественной речью в Кремле министр двора предпринял в пику англичанам, не удовлетворившим его требования о повышении нефтяных платежей [85, стр. 272]. Сеид Мехди Фаррох сообщает, что после возвращения из Москвы Теймурташ подготовил проект соглашения о расширении прав Советского правительства в смешанной нефтяной компании «Кевир-Хуриан» и 27 августа 1932 г. добился утверждения его на заседании кабинета, несмотря на противодействие ряда членов правительства, в том числе Таги-заде и самого Фарроха. Впоследствии, однако, в связи с опалой Теймурташа соглашение не было претворено в жизнь [360, стр. 292—294, 364].

Аннулировав же концессию АПНК, правящие круги Ирана стремились заверить Великобританию в своей доброжелательности. Иранская дипломатическая миссия в Лондоне опубликовала коммюнике, в котором в опровержение сообщений иностранной прессы доказывала, что аннулирование концессии нельзя рассматривать как следствие недоброжелательности иранского правительства в отношении Англии [см. 382, 22.XII.1932]. Министр иностранных дел Ирана в интервью специально прибывшему в Тегеран американскому журналисту заявил, что вмешательство английского правительства не дает компании приступить к переговорам с иранским правительством. На вопрос о цели аннулирования концессии министр иностранных дел ответил, что правительство стремилось лишь добиться увеличения доли дохода. Однако на вопрос о том, готов ли Иран в качестве предварительного шага для переговоров взять обратно извещение об аннулировании концессии, министр иностранных дел ответил отрицательно [371, 28.XII.1932]. Два интервью

аналогичного содержания дал Реза-шах [52, 1933, № 6(12), стр. 139—140]¹⁰.

Вместе с тем правящие круги Ирана в целях давления на Англию были не прочь заигрывать с Германией. Заменяв своего посланника в Англии [379, 10.I.1933; 371, 20.I.1933] поверенным в делах, иранское правительство в то же время переместило первого секретаря миссии в Берлин [382, 22.I.1933]. Во время обмена нотами с Англией руководители иранского правительства поддерживали тесный контакт с германской дипломатической миссией. Премьер-министр Ирана Мехди Голи-хан Хедаят в своих мемуарах пишет, что смелость и резкость ответа на первую ноту Англии, составленного Теймурташем, вызвала похвалу германского посланника в Тегеране. Он отмечает также, что немцы проявляли интерес к получению концессии АПНК и одна германская компания даже выразила готовность выплатить 42 млн. ф. ст. в качестве компенсации Англо-персидской нефтяной компании [361, стр. 504].

Однако дело ограничилось лишь оживленным обсуждением англо-иранского конфликта в германской прессе, причем, как пишет Довель, «по временам его старались использовать в качестве повода для задумчивого созерцания историко-философского характера эмансипации Востока от западного империализма» [235, стр. 118]. Газета «Дойче Альгемайне Цайтунг», в частности, выступила с критикой цитированных выше притязаний «Морнинг Пост» на Южный Иран [52, 1931, № 1, стр. 141]. Разумеется, и Иран не мог решиться в тех условиях на нечто большее, чем простое заигрывание с Германией в целях давления на Англию.

¹⁰ Действия иранского правительства были правильно расценены в Англии. Газета «Таймс» ст 3 января 1933 г. писала: «Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что иранское правительство против того, чтобы его мероприятия вызывали неправильное понимание и объяснялись как враждебное отношение к интересам Англии. Последнюю речь министра иностранных дел Ирана можно определенно истолковать так, что ни он, ни его коллеги недовольны сообщениями контролируемой СССР прессы. Иранские власти относятся отрицательно к тому, что „Известия“ называют „смелым шагом“ в отношении „разваливающейся империи“. Если мы хотим знать истину, то сильный национализм нового Ирана относится к русскому влиянию с большим подозрением, чем к английскому» [цит. по: 371, 20.I.1933].

Накануне отъезда на созванное по просьбе Великобритании заседание Совета Лиги министр юстиции Ирана Давер заявил представителям прессы, что конфликт между иранским правительством и АПНК является внутренним делом Ирана, что рассмотрение вопроса о законности аннулирования концессии выходит за пределы компетентности Совета Лиги и иранская делегация обращается к нему лишь с жалобой на незаконное вмешательство английского правительства [369, 6.I.1933].

Однако, отвечая на заседании Совета Лиги наций на речь министра иностранных дел Англии Джона Саймона, Давер ограничился опровержением (правда, весьма убедительным и аргументированным) английских обвинений. По словам Н. С. Фатеми, он был инструктирован избегать всего, что «могло бы причинить ущерб британскому престижу или сыграть на руку большевистской пропаганде». Позже Давер признавался, что «его выступление в Женеве было маскарадом, в котором иранское действующее лицо было одето по не зависящим от него причинам в фальшивый наряд», и что из всех его речей эта речь была «самой неубедительной и самой двусмысленной» [242, стр. 175].

По словам Н. С. Фатеми, речь Давера «разочаровала всех иранских патриотов», которые были удивлены его молчанием относительно «британских угроз и интриг в Тегеране, присутствия крейсеров в Персидском заливе, подстрекательства племен на восстания против центрального правительства и, наконец, двух десятилетий британского вмешательства, господства и эксплуатации» [242, стр. 176].

24 января 1933 г. Совет Лиги наций назначил чехословацкого делегата Бенеша докладчиком по англо-иранскому спору. Бенеш должен был встретиться с обеими делегациями и постараться их примирить. 3 февраля он объявил, что обе стороны согласились прекратить дальнейшее разбирательство спора в Лиге наций и договорились о возобновлении прямых переговоров между компанией и иранским правительством с целью выработки проекта нового концессионного договора [213, стр. 102; 46, т. 274, стр. 24]. Таким образом, Англия и Лига наций молчаливо признали законность аннулирования старого концессионного соглашения. Это было определенным успехом правительства Реза-шаха.

В марте 1933 г. в Тегеран для переговоров прибыл председатель правления АПНК Дж. Кэдмен. С иранской стороны переговоры велись под личным наблюдением шаха министром финансов Таги-заде, министром иностранных дел Форуги и министром юстиции Давером. Несколько недель переговоров прошли безрезультатно. 21 апреля Дж. Кэдмен вручил иранскому правительству проект нового концессионного соглашения, в котором в обмен за уступки Ирану в финансовых вопросах предусматривалось продление срока концессии. Иранское правительство сочло продление концессии неприемлемым. По словам Таги-заде, шах высказался против такой концессии в самых крепких выражениях: «Я и слышать о ней не хочу, — говорил он. — Мы тридцать лет проклинали за это наших предков, так неужели вы думаете, мы позволим, чтобы нас самих проклинали за то же самое еще пятьдесят лет» [см. 213, стр. 97; 325, стр. 665].

28 апреля Дж. Кэдмен и британский посланник в Тегеране посетили Реза-шаха. Н. С. Фатеми пишет: «Во время этой беседы шах был принужден сдаться. Ему было сказано весьма откровенно, что его отказ принять британское предложение приведет к разрыву отношений между двумя странами. Реза-шах был очень чувствителен к британским угрозам. Он знал, что Англия может оккупировать Хузистан и он не сумеет остановить ее. Оккупация Хузистана могла привести русских в Азербайджан и вызвать хаос и анархию в стране. Более того, он имел сообщения из Мешхеда, Тебриза и Решта о том, что... недовольные элементы ждут возможности восстать против режима. В его памяти были свежи события в Афганистане, которые привели к свержению Аманулли. Он был благоразумным человеком и не хотел рисковать своей страной» [242, стр. 180]¹¹.

На следующий день, 29 апреля, министр финансов Таги-заде подписал новое концессионное соглашение. 28 мая оно было ратифицировано меджлисом, 29 мая — подписано шахом и в тот же день вступило в силу. Заключение соглашения и его поспешная ратификация не нашли почти никакого отражения в иранской прессе.

¹¹ Подробнее о событиях 28 апреля 1933 г. см.: [360, стр. 333—336].

По вопросу о характере концессионного соглашения 1933 г. в исторической литературе существуют самые разноречивые точки зрения. Многие западные авторы, ссылаясь на некоторые полученные Ираном выгоды финансового характера¹², представляют новое соглашение как «великую победу» иранского правительства [см. 245, стр. 18—19; 270, стр. 53—57; 264, стр. 80—81; 248, стр. 141], другие, наоборот,— как выигрыш компании [242, стр. 181—183; 267, стр. 59; 87, стр. 229]. Отдельные западные исследователи придерживаются в этом вопросе средней линии. Так, Б. Шводрэн, ссылаясь на то, что сокращение в пять раз зоны концессии не имело в то время практического значения, особенно по сравнению с продлением срока концессии на 32 года, считает, что «никто не может претендовать на победу» [283, стр. 55—56].

В силу всего этого вполне можно согласиться с мнением Л. Элвелл-Саттона, считающего заключение нового концессионного соглашения «пирровой победой» Ирана [подробнее см.: 213, стр. 105—114], хотя нельзя упускать из виду то, что, урезав некоторые политические права компании, Иран укрепил свою самостоятельность в вопросах проведения политической и экономической политики. Сам же Л. Элвелл-Саттон отмечает, что «рассмотрение Лигой наций англо-иранского спора способствовало повышению престижа этой малой нации в международных кругах и дало новый стимул чувству национального достоинства и национального самосознания иранцев, в чем, возможно, и заключается самое большое значение этого события» [213, стр. 104]¹³. Биограф Мо-

¹² Новый порядок отчисления прибылей Ирану был распространен также на два предыдущих года, в результате чего прибыль Ирана только за 1931 г. повысилась с 306 тыс. ф. ст. до 1525 тыс. ф. ст. Компания уплатила также Ирану 1 млн. ф. ст. в счет старых претензий и согласилась платить ежегодно в качестве налога определенный процент с тоннажа добытой нефти, но не меньше 300 тыс. ф. ст. [271, стр. 85—86]. Соглашение распространялось не только на АПНК, но и на ее дочерние компании и подконтрольные общества.

¹³ Интересно отметить, что финансовые расходы правительства Англии в связи с нефтяным конфликтом составили всего 200 ф. ст. — сумма, затраченная на поездку английской делегации в Женеву на разбирательство вопроса в Лиге наций [46, т. 274, стр. 837], тогда как поездка иранской делегации обошлась в 35 тыс. ф. ст. [213, стр. 105]. Акционеры же АПНК потеряли во время конфликта более 5 млн. ф. ст. на падении курса акций компании [52, 1933, № 1, стр. 140].

хаммеда Реза-шаха Р. Сангви пишет, что новое соглашение «означало конец эры иностранного давления и дипломатии канонерок» [94а, стр. 55—56].

Впоследствии иранские государственные деятели, участвовавшие в переговорах, пытались всю вину за подписание концессионного соглашения 1933 г. взвалить на Реза-шаха. Таги-заде в своей речи в меджлисе в январе 1949 г. говорил: «В то время в стране не считались ни с чьим авторитетом; никто не мог и не смел идти против воли тогдашнего самодержца. Он также был, очевидно, в курсе дела и отнюдь не намеревался отступить или отменять аннулирование концессии... Я лично никогда не был согласен на продление концессии, как и другие, кого это касалось. Если и была совершена ошибка или оплошность, в ней надо винить не злополучных исполнителей, а самого хозяина, который, допустив промах, уже не мог потом исправить дело. Он сам не хотел соглашаться на продление концессии и вначале высказывался против нее в самых крепких выражениях... Но в конце концов он позволил переубедить себя» [цит. по: 213, стр. 97]¹⁴.

Д. Уильбер, как и некоторые другие западные авторы, упрекая государственных деятелей типа Таги-заде в том, что они не выступили с подобными заявлениями при жизни Реза-шаха, оправдывает шаха тем, что он, выбирая между достоинствами и недостатками соглашения, склонился к получению больших прибылей, которые были необходимы для финансирования индустриальных проектов [293, стр. 79—80]. Однако, как известно, доходы от АПНК при Реза-шахе не использовались для подобных целей, а были депонированы в банках в качестве «государственного резерва».

В советской исторической литературе встречаются также утверждения, будто Реза-шах расправился «с теми иранскими государственными деятелями, которые пытались отстаивать интересы Ирана и урезать позиции и влияние Англо-персидской нефтяной компании». В качестве примера приводится судьба Теймурташа [142, стр. 330; 141, стр. 73—74]¹⁵.

¹⁴ «Какие способы „переубеждения“ были применены, — пишет Л. Элвелл-Саттон, — мы никогда не узнаем» [213, стр. 97].

¹⁵ Согласно другой версии, расправа с Теймурташем была вызвана его якобы небескорыстной заинтересованностью в соглашении

Правда, Теймурташ, будучи непосредственным участником пятилетних переговоров с АПНК, придерживался относительно радикальных взглядов в вопросе отношений с ней [213, стр. 93—94]. Однако нет никаких оснований считать, что его требования не были в той или иной форме санкционированы Реза-шахом. Необходимо учитывать также, что Теймурташ был освобожден от занимаемой должности в конце декабря 1932 г. [371, 25.XII. 1932], а арестован в середине января 1933 г. [379, 18.I. 1933], т. е. еще тогда, когда Реза-шах сам высказывался против каких-либо уступок АПНК. Более того, Теймурташ впал в немилость еще в сентябре 1932 г. [213, стр. 99], т. е. до аннулирования концессии. Суд же над ним состоялся в середине марта 1933 г., т. е. задолго до аудиенции Дж. Кэдмена и Р. Хора у шаха.

Причиной расправы с Теймурташем были скорее всего то влияние и авторитет, которыми он пользовался среди правящих кругов и которые представлялись шаху угрозой его личной власти¹⁶. К тому же в те дни в Тегеране циркулировали слухи, что Теймурташ стремится свергнуть шаха и стать первым президентом республики. Эти слухи в значительной мере распространялись англичанами, которые не без основания видели в проводимых им реформах угрозу своим интересам. Английская печать открыто писала о его русофильстве [242, стр. 163; 68, т. XXI, 1934, ч. I, стр. 93]¹⁷. Официально

с АПНК [см. 85, стр. 255; 360, стр. 290—291]. Фаррох сообщает также, что аресту Теймурташа предшествовало новое обсуждение на заседании кабинета «вопроса о северной нефти» [360, стр. 301].

¹⁶ Перед смертью в тегеранской тюрьме, будучи в полуневменяемом состоянии, Теймурташ говорил, что если бы еще несколько месяцев оставался на свободе, то на 300 лет вперед определил бы внешнюю политику Ирана [315, стр. 142].

¹⁷ В других случаях английская пресса помещала нарочито хвалебные статьи о Теймурташе, величая его титулом наследника престола [360, стр. 291]. Такого рода детали были призваны усилить впечатление шаха от распространенных в Тегеране сплетен, что Теймурташ во время поездки в Европу оставил наследника на втором плане, что он вел в Москве «недвусмысленные» беседы и в своей речи в Кремле ни словом не обмолвился о шахе [85, стр. 255; 361, стр. 504—506]. Некоторые иранские авторы утверждают, будто целью визита Л. М. Карахана в Иран осенью 1933 г. было ходатайство перед шахом о помиловании Теймурташа [361, стр. 504; 360, стр. 444]. В действительности в таком свете этот визит был представлен шаху начальником полицейского управления Айромом с целью ускорить убийство Теймурташа в тюрьме [подробнее см.: 337, стр. 59—60].

же ему было предъявлено обвинение во взяточничестве, хищениях и главным образом в расстройстве дел Национального банка [см. 379, 22.II.1933; 371, 8.III.1933; 248, стр. 169—170].

Таким образом, нет оснований всю вину за подписание нового концессионного соглашения с АПНК взваливать на одного лишь Реза-шаха, как и вообще не следует ограничиваться одними лишь субъективными факторами. По замечанию Р. Рамазани, «при объяснении причин продления срока концессии нельзя забывать и о тогдашнем международном положении. Правда, шах, будучи диктатором, мог поступить опрометчиво при ликвидации „концессии д'Арси“ и быть небрежным при заключении нового соглашения. Но факт остается фактом, что ни участники переговоров с иранской стороны, ни сам шах не могли действовать в полном расхождении с фактором силы, который не давал возможности Ирану скручивать хвост британскому льву» [279, стр. 256]. Н. С. Фатеми пишет о Реза-шахе: «Он впервые создал угрозу британским интересам в мире, в котором не существовало международной безопасности и справедливости. Ни одна нация до этого времени не отважилась бросить вызов Англии. Позже шах признавался некоторым из своих наперсников, что он не представлял себе в тот момент, что Великобритания будет так вопиюще нарушать все международные законы и конвенции — угрожать Ирану вторжением и подстрекать племена на восстания» [242, стр. 164].

Но еще большее значение имело усиление в начале 30-х годов антинародных, антикоммунистических тенденций во внутренней и внешней политике правящих кругов Ирана, что, несомненно, резко ограничивало возможность противостоять давлению британского империализма. Характерно заявление председателя правления АПНК на годовичном собрании акционеров по поводу расправы иранского правительства с массовой забастовкой рабочих-нефтяников Англо-персидской нефтяной компании: «Ввиду энергичных и с талантом проведенных мероприятий шахиншахского правительства и его властей в ликвидации этого дела эти события никакого ущерба деятельности компании не нанесли» [379, 21.VIII.1929]. Антикоммунистические тенденции проявились даже в отношениях Ирана с Германией,

техническую помощь которой правящие круги страны в тот период рассматривали как важное средство ослабления английских позиций.

Подавление революционного движения в Иране вызвало активизацию деятельности эмигрантских патриотических организаций иранцев в Европе, и в частности в Германии, где еще в конце 20-х годов нашли политическое убежище многие иранские эмигранты. С 1929 г. в Германии издавался орган ЦК КП Ирана журнал «Сетаре-йе сорх». Под влиянием иранских политических эмигрантов, а также рабочего и коммунистического движения в самой Германии многочисленные иранские студенты в Берлине и других городах стали создавать свои объединения и организации. С 15 февраля 1931 г. иранские революционно настроенные студенты начали издавать в Берлине газету «Пейкар».

Правительство Реза-шаха бдительно следило за ростом патриотических иранских организаций за рубежом. Известен случай, когда правительство Ирана обратилось к германскому министерству иностранных дел с просьбой выслать из страны иранского студента, заподозренного в связях с революционными организациями. В течение 48 часов берлинская полиция выслала этого студента вместе с семьей из Германии [335, стр. 68]. После начавшегося издания газеты «Пейкар» иранская миссия в Берлине, пользуясь материальной зависимостью от нее большинства студентов и угрожая репрессиями против их семей, оставшихся в Иране, попыталась принудить их прекратить издание газеты [58, 22.IV.1931]. Одновременно иранское правительство обратилось к германским властям с требованием закрыть газету и выслать из страны ее редактора — студента Мортеза Аляви. Правительство Брюнинга решило удовлетворить это требование [372, 15.VIII.1931; 323].

Берлинская коммунистическая пресса выступила в защиту организаций иранских эмигрантов. Известный немецкий писатель Лео Маттиас, возвратившись из путешествия по странам Востока, опубликовал в одной из мюнхенских газет статью под названием «Кайзер без происхождения», вызвавшую у Реза-шаха, по свидетельству германского посланника в Иране В. фон Блюхера, припадок бешенства [85, стр. 165]. Не меньшее недовольство Реза-шаха вызвала статья в коммунистической

газете «Берлин ам Морген», в которой его называли «восточным деспотом».

Реза-шах (не без совета германского посланника) на основании ст. 103 уголовного кодекса Веймарской республики, предусматривавшей тюремное заключение за оскорбление иностранного монарха, возбудил судебное дело против Л. Маттиаса и газеты «Берлин ам Морген». Однако вследствие различных затруднений юридического порядка судебный процесс затянулся, хотя прокуратура проявляла величайшее желание удовлетворить требование шаха [59, 25.X.1931]. Недовольный медленным продвижением дела, шах пригрозил германскому правительству разрывом торговых отношений и отозванием всего состава иранской дипломатической миссии из Берлина. В конце октября 1931 г. иранский посланник Фарзин предложил представителю Италии взять на себя охрану интересов Ирана, а сам в сопровождении всех сотрудников миссии приготовился к отъезду из Берлина [64, 26.X.1931; 85, стр. 168].

Демарш иранского посланника был воспринят в Германии как угроза ее экономическим интересам в Иране. Газета «Берлинер Тагеблатт» от 25 октября 1931 г. писала: «Персидский посланник сделал в министерстве иностранных дел новые представления, приобретающие особое значение потому, что Германия имеет в Персии экономические интересы. Компания „Юнкерс“ обслуживает воздушное сообщение в Персии, в строительстве Трансперсидской железной дороги участвуют германские фирмы, персидский Национальный банк возглавляют германские граждане». Второй директор иранского Национального банка, немец Отто Фогель, в телеграмме из Тегерана потребовал от германского правительства принятия самых энергичных мер против лиц, нанесших оскорбление шаху [79, 24.X.1931]. Телеграммы аналогичного содержания были посланы германской колонией в Тегеране [379, 23.X.1931]. Германские власти поспешили закрыть газету «Пейкар» и выслать из страны студента Мортеза Аляви¹⁸. Этим актом германскому правительству удалось предотвратить раз-

¹⁸ В начале марта 1932 г. германское правительство закрыло и газету «Нехзет», издававшуюся иранскими эмигрантскими организациями после закрытия «Пейкар», и возбудило судебное дело против издателя и редактора газеты [369, 10.III.1932].

рыв дипломатических отношений. Реза-шах ограничился лишь персональным отзывом посланника и секретаря миссии [85, стр. 169].

Однако шах продолжал настаивать на осуждении германских журналистов. С целью оказать давление на германское правительство он лично распорядился о немедленном увольнении всех германских специалистов, служивших в тегеранском арсенале с начала 20-х годов [85, стр. 226, 227].

Германское правительство было сильно встревожено этими мерами. К тому же в это время истекал срок концессии авиакомпания «Юнкерс». Правительство Брюнинга, стремясь во что бы то ни стало сохранить концессию, организовало судебный процесс против четырех германских журналистов по обвинению в оскорблении царствующей особы¹⁹. Несмотря на все старания правительства, судебные власти были вынуждены оправдать обвиняемых [60, 5.IV.1932]²⁰. Вслед за этим, в апреле 1932 г., Иран ликвидировал концессию «Юнкерса».

Желая ослабить напряженность отношений с Ираном, правительство Папена, сменившее правительство Брюнинга и ставшее в отличие от него на путь открытой поддержки гитлеровцев, организовало судебный процесс над д-ром Вегнером, издателем газеты «Пейкар». Несмотря на оправдание судом первой инстанции, апелляционный суд в течение одного закрытого судебного заседания признал его виновным в оскорблении шаха и приговорил к тюремному заключению. Однако возможность улучшения германо-иранских отношений была парализована последовавшим вскоре разоблачением деятельности германских финансовых специалистов в Иране.

Начатая с середины 1932 г. ревизия в Национальном банке вскрыла массу фактов неправильного ведения дел германскими руководителями. Опасаясь разоблачений, Линденблатт спешно выехал в отпуск в Германию,

¹⁹ Несколько ранее германскому посланнику В. фон Блюхеру удалось уладить дело Л. Маттиаса, использовав опасения иранских правящих кругов, что немецкий писатель постарается привести на процессе истинные материалы относительно происхождения Реза-шаха [85, стр. 227—229].

²⁰ Председатель суда после процесса заявил корреспондентам, что следует отменить инструкцию о высылке М. Аляви. Германская пресса расценила процесс как поражение шаха [341, стр. 105—106].

и ответственным за руководство банком временно был назначен второй директор, немец Фогель. Ревизия обнаружила прямые хищения, совершенные директорами банка. Опасаясь ареста, Фогель 1 сентября 1932 г. бежал в Бейрут, где вскоре покончил жизнь самоубийством при попытке местных властей задержать его [77, 5.X.1932; 85, стр. 261—264]. Иранское правительство было вынуждено передать дело прокуратуре.

Позорный провал миссии Линденблатта разоблачил в глазах иранской общественности демагогические заявления германской пропаганды об отсутствии у Германии империалистических целей в отношении Ирана. Газета «Шефаг-е сорх» еще 19 августа 1932 г. писала, что иностранные советники из других европейских стран «проявили себя во всех отношениях лучше, чем немцы». «Эттелаат» от 7 сентября 1932 г. утверждала, что «поступок Фогеля запятнал репутацию германских служащих». Газета «Иран» от 12 октября 1932 г. сообщала, что расточительность директоров банка дошла до того, что 60% годовой сметы банка было истрачено на оплату иностранных служащих. Западноевропейская пресса, со своей стороны, во всех деталях расписывала ослабление деятельности Национального банка.

В этих условиях иранское правительство решило всеми мерами предотвратить падение престижа Национального банка в финансовых кругах западных государств. Временно исполняющим обязанности директора банка был назначен немец Шнейдер, что газета «Шефаг-е сорх» от 7 сентября 1932 г. поспешила оценить как доверие правительства к остальным германским специалистам²¹. Газеты «Иран» и «Эттелаат» от 8 сентября того же года выступили с заявлениями, что злоупотребления немцев не нанесли никакого ущерба основным делам банка, положение которого, по их словам, продолжает укрепляться. 13 сентября министр финансов Таги-заде²²

²¹ Эта же газета от 30 сентября пыталась объяснить самоубийство Фогеля его страхом нести ответственность за использование подложного паспорта.

²² В годы первой мировой войны Таги-заде ориентировался на Германию и в 1915 г. основал в Берлине так называемый Персидский комитет [309, стр. 518], а в 1918 г. был одним из инициаторов создания Германо-персидского общества [381, 1918, № 25]. На посту министра финансов Ирана в начале 30-х годов он, как засвидетельствовано в одном из документов Национального архива США, под-

сделал в меджлисе заявление, в котором предостерег своих соотечественников от суждения обо всем немецком народе по поступку двух нечестных банкиров и потребовал продления контракта с работавшими в министерстве финансов германскими служащими [373, 15.IX.1932; 85, стр. 265]. Это заявление было призвано не только укрепить доверие к Национальному банку, но и успокоить германское правительство.

Суд над Линденблаттом был организован лишь спустя год, когда общее впечатление от разоблачения германских финансовых советников в значительной мере развеялось. Правда, бесчисленное количество фальшивых записей также задержало продвижение судебного следствия. Некоторые материалы следствия проникли на страницы иранской прессы. Газета «Теджеддод» от 21 апреля 1933 г. писала, что при закупке оборудования для сахарных заводов в Кередже и Кехризке Линденблатт допустил злоупотребления на 1 млн. риалов²³. По словам газеты «Эттелаат» от 26 апреля того же года, сумма общих злоупотреблений такого рода со стороны Линденблатта составила 300 тыс. туманов; кроме того, им было присвоено 120 тыс. туманов. В обвинительном заключении прокурора Линденблатту инкриминировались присвоение при валютных операциях более 100 тыс. риалов и около 8 тыс. ф. ст. и составление фиктивного баланса за 1930/31 г. [371, 26.VII.1933].

Состоявшийся в октябре 1933 г. уголовный процесс против Линденблатта, который по требованию иранского правительства вернулся в Иран, носил примирительный характер. Из Берлина для его защиты был приглашен адвокат, который позже хвалил ход процесса [377, 1346, стр. 27]. Суд оправдал Линденблатта в отношении выдвигавшихся против него прокуратурой обвинений в составлении фиктивного баланса, скупке золота

держивал тесные связи с германским посланником в Тегеране, содействуя ему не только в укреплении германских экономических позиций, но и в проведении «культурной и политической пропаганды» [279, стр. 288].

²³ Фаррох, занимавший тогда пост начальника Главного управления промышленности, пишет, что произведенное по приказу шаха еще в феврале — марте 1932 г. расследование выявило злоупотребления на 700 тыс. туманов; при израсходованных к тому времени 2 млн. туманов был построен лишь один метр ограды [360, стр. 267—270].

и др. и инкриминировал ему лишь незаконные валютные операции на общую сумму в 30 тыс. ф. ст. Линденблатт был приговорен к 18 месяцам тюремного заключения и штрафу в пользу Национального банка на сумму 746 тыс. риалов. Директор филиала компании «Юнкерс» в Иране Эд. Яролимек писал, что действительные размеры убытков, понесенных Ираном от деятельности германских финансовых советников, никогда не публиковались [92, стр. 168].

Благодаря стараниям премьер-министра Хедайата²⁴ и министра финансов Таги-заде, стремившихся реабилитировать в глазах иранской общественности Линденблатта, в качестве его преемника на должность директора Национального банка был приглашен германский финансовый специалист Хоршиц-Хорст, проработавший в Иране до 1934 г., когда все германские финансовые эксперты были заменены иранцами. В том же году иранские власти досрочно освободили Линденблатта, который предварительно выплатил Национальному банку 63 тыс. туманов [85, стр. 266].

Благожелательное отношение правящих кругов Ирана к Германии в этот период объяснялось стремлением не только сохранить возможность пользоваться германской технической помощью, но и обрести в установившемся в начале 1933 г. фашистском режиме в Германии надежного союзника для укрепления своего господства в стране в условиях нарастающей классовой борьбы и роста влияния СССР среди широких народных масс Ирана. Характерно в этом отношении опубликованное 9 октября 1933 г. в газете «Тюркише пост» объявление германской миссии в Тегеране для германских рабочих, приезжавших на строительство Трансиранской железной дороги. В объявлении говорилось, что разрешение на въезд в Иран иранское правительство предоставляет только лицам, совершенно благонадежным с политической точки зрения; для получения разрешения необходимо иметь соответствующие рекомендации от германских правительственных учреждений, в которых должно быть особо отмечено, является ли предъявитель коммунистом [52, 1934, № 7 (22), стр. 146].

²⁴ Все эти события он подробно описал в своих мемуарах [см. 361, стр. 498—499].

Таким образом, в отношениях Ирана с западными державами в период мирового экономического кризиса еще более явственно, чем прежде, прослеживаются две противоречивые тенденции: иранское правительство, с одной стороны, стремилось ослабить их экономическое и политическое влияние в стране, с другой — рассматривало сближение с ними как важный внешний фактор укрепления позиций господствующих классов. И хотя правящие круги Ирана смогли вопреки противодействию западных держав претворить в жизнь намеченную программу протекционистских мероприятий, внутренняя противоречивость их внешнеполитического курса (как и самой программы реформ) не могла не сказаться на возможностях борьбы за достижение экономической независимости. Такая же двойственность была характерна для деятельности иранской дипломатии по упрочению положения Ирана на международной арене.

УКРЕПЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИРАНА

Иранская дипломатия на международных конференциях. Борьба за Персидский залив. В период мирового экономического кризиса иранская дипломатия продолжала активно участвовать в деятельности Лиги наций. Представители Ирана неоднократно избирались в различные постоянные и специальные комиссии и комитеты этой организации. Так, Матин Дафтари был избран членом комиссии, составленной из представителей трех стран для разбора жалоб немецких и венгерских меньшинств в Польше и Румынии [377, 1346, стр. 28]. На XII сессии Лиги наций Хосейн Ала был назначен председателем комиссии по социальным и филантропическим вопросам, бывшей, по мнению газеты «Сетаре-йе Иран» от 9 сентября 1931 г., «единственной комиссией, которая делала и делает полезное дело».

В эти годы Иран продолжал выступать против требований реорганизации Лиги наций и пересмотра ее устава, выдвигавшихся рядом великих держав, особенно фашистской Италией и Германией, в целях превращения Лиги в орудие своей агрессивной, империалистической политики. Министр иностранных дел Ирана, разъясняя

в межджисе выступление иранской делегации против требований принятия решений простым большинством, заявил, что принцип единогласия дает малым государствам некоторые гарантии обеспечения их интересов [378, 25.XII.1933; 27.XII.1933].

Как непостоянный член Совета Лиги наций Иран участвовал в работе подготовительной комиссии конференции по разоружению и самой конференции на всех ее этапах, хотя иранская общественность весьма скептически относилась к этому затеянному исключительно в пацифистских целях мероприятию западных держав. Газета «Сетаре-йе Иран» от 19 апреля 1929 г. высмеивала деятельность комиссии по разоружению, выражая сомнение в том, что западные державы, производящие в огромных масштабах оружие, пойдут на разоружение.

Советское правительство, не желая упускать даже самую незначительную возможность добиться сокращения вооружений, также приняло участие в комиссии. Это создало условия для совместных действий Ирана и СССР. Еще в ноябре 1928 г. правительство СССР поручило советскому полпреду в Тегеране Я. Х. Давтяну войти в контакт с иранским правительством по вопросам разоружения и безопасности. При этом Я. Х. Давтяну предлагалось особо подчеркнуть «вопрос, представляющий интерес для Персии», а именно: «Предлагая пропорциональное сокращение вооружений, правительство СССР особо учитывало интересы малых стран, почему в проекте конвенции о сокращении вооружений имелось в виду оставить им относительно большее количество вооруженных сил, чем государствам крупным» [23, т. XII, стр. 735].

В январе 1929 г. в беседе с советским полпредом Теймурташ, выразив полную готовность действовать в Подготовительной комиссии в контакте с представителем СССР, просил учесть, что иранская армия «нуждается пока в увеличении, а не в сокращении» [23, т. XII, стр. 35]. В ответ на это исполняющий обязанности наркоминдела СССР М. М. Литвинов указал, что в случае осуществления предлагаемого в советском проекте конвенции пропорционального сокращения вооружений иранская армия сократится всего лишь на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$, тогда как вооруженные силы соседей Ирана, в частности англо-индийская армия, сократятся напо-

ловину; к тому же в результате сокращения крупных воздушных и морских флотов Иран получит исключительные преимущества. В письме М. М. Литвинова говорилось также о возможности предусмотреть для Ирана как страны, находящейся в совершенно особых, неблагоприятных условиях, исключения из общих норм сокращения вооружений [23, т. XII, стр. 53—54].

В марте — апреле 1929 г. Теймурташ дважды сообщал советскому полпреду в Тегеране, что он инструктировал представителя Ирана в Лиге наций установить полный контакт с представителем СССР, сговориться с ним о тактике и поддержать советский проект частичного разоружения. Однако в ходе работ VI сессии Подготовительной комиссии иранские делегаты советский проект разоружения не поддерживали [23, т. XII, стр. 127, 743]. При этом Хосейн Ала заявил, что, хотя конечные идеалы Ирана и СССР совпадают, Иран «перед лицом прекрасно вооруженной Турции» не может разделить на настоящем этапе советскую точку зрения на разоружение [23, т. XIV, стр. 37].

Советская делегация тем не менее на всех стадиях работы Подготовительной комиссии оказывала Ирану всяческую поддержку. Так, еще 22 марта 1928 г. на заседании V сессии комиссии М. М. Литвинов в своем выступлении разоблачил вмешательство Великобритании во внутренние дела Ирана [см. 24, стр. 136—137]. СССР поддержал Иран и на заседаниях морской подкомиссии VI сессии Подготовительной комиссии конференции по разоружению.

На заседании 19 ноября 1930 г. иранский делегат заявил, что Иран с целью охраны морской границы приступает к выполнению 10-летней программы строительства флота, но даже в случае ее полного выполнения общий тоннаж иранского флота будет меньше тоннажа других стран. Указывая на то, что цифра максимального общего тоннажа может быть определена иранским правительством лишь по выполнении указанной 10-летней оборонительной программы, иранский делегат просил сделать для его страны исключение и разрешить представить пока что ориентировочную цифру [23, т. XIII, стр. 830].

Председатель советской делегации М. М. Литвинов заявил на этом же заседании, что «несомненно, всякие

льготы, о которых может просить персидское правительство, будут иметь оборонительный характер с целью обеспечить безопасность его страны. Я могу заверить персидского делегата, что советская делегация будет полностью поддерживать его требования». Иранское правительство высоко оценило поддержку Советским Союзом требования Ирана и выразило в этой связи через своего посла в Москве благодарность Советскому правительству [23, т. XIII, стр. 662, 830].

Однако иранское правительство не изменило свою позицию по общему разоружению, основанную на неверном понимании национальных интересов страны, в результате чего на конференции по разоружению представитель Ирана, как правило, выступал в едином строю с делегатами западных держав. На конференции 1932 г. Хосейн Ала поддержал французское предложение о создании «международной силы» и английское предложение о запрещении «агрессивного» оружия [285в, стр. 209]. Иранский делегат выступил также за «интернационализацию производства оружия» как якобы ведущую к равенству между производящими и непроизводящими странами [40, 1932, т. I, стр. 89]²⁵. Призывая участников конференции к интернациональной солидарности, иранский делегат в то же время высказался против предложения СССР о полном разоружении [379, 18.II.1932; 29.II.1932].

Аналогичной позиции придерживалось иранское правительство и на конференции 1933 г. Более того, представитель Ирана (наряду с делегатами Ирака и Сиам) поддерживал содержащуюся в английском проекте конвенции о прекращении воздушных бомбардировок (как первого шага на пути к «ликвидации» военной авиации) оговорку о допущении в виде исключения «бомбардировок отдаленных районов в полицейских целях», хотя против такой оговорки выступило даже большинство западных держав, включая США и Францию [285г, стр. 285—286]. Объективно позиция иранского правительства содействовала срыву западными державами решения проблемы разоружения.

Правящие круги Ирана и в других случаях оказы-

²⁵ На конференции 1933 г. иранский представитель также выступал за аналогичное предложение [288, стр. 288].

вались в плену пацифистской шумихи западных держав. В 1931 г. в связи с поступившей в Лигу наций жалобой Китая на Японию иранское правительство в ответ на призыв французского министра иностранных дел Бриана направило Японии и Китаю ноты с призывом воздержаться от действий, которые могли бы помешать решению конфликта мирным путем [371, 1.XII.1931]. В то же время в газете «Иран» от 11 января 1932 г. появилась статья, в которой делались попытки оправдать агрессивные действия Японии [129, стр. 145—146]. В 1933 г. иранское правительство выступило с положительным ответом на очередную пацифистскую декларацию президента США Рузвельта ко всем народам от 16 мая [371, 21.V.1933].

Однако агрессивные действия империалистических держав, с одной стороны, и миролюбивая политика СССР — с другой, не могли не оказать влияние на позицию иранского правительства по многим другим международным проблемам. Крупным внешнеполитическим шагом иранского правительства было присоединение 3 апреля 1929 г. к Московскому протоколу, подписанному 9 февраля этого года Советским правительством с рядом других государств о немедленном введении в действие пакта Бриана—Келлога. Подписание этого протокола советская дипломатия считала необходимым потому, что первоначальные участники пакта стали затягивать его ратификацию. Приглашая иранское правительство присоединиться к протоколу, советские руководители отмечали, что будут рассматривать это «как дружелюбный шаг Персии и как укрепление солидарности» [23, т. XII, стр. 68—70, 84—85, 105, 115, 127, 135, 701; 347в, стр. 330].

Присоединившись к Московскому протоколу, правительство Ирана противодействовало попыткам первоначальных участников пакта Бриана—Келлога использовать пакт для маскировки агрессивной сущности своих действий. Характерна позиция иранского правительства в отношении предпринятой империалистическими державами во главе с США в конце 1929 г. попытки вмешательства в советско-китайский конфликт на Китайско-Восточной железной дороге. Преследуя осуществление более широких антисоветских планов, правительство США добивалось присоединения к американо-фран-

ко-английскому демаршу перед СССР всех государств, подписавших пакт Бриана — Келлога.

Иранское правительство сразу же отказалось поддержать антисоветский демарш трех держав. В письме исполняющего обязанности министра иностранных дел Ирана Фарзина поверенному в делах США в Иране Вильямсону от 20 декабря 1929 г. говорилось: «Мы уверены, что Советское правительство, которое придерживается принципов миролюбивой политики, о чем оно неоднократно заявляло как в общей форме, так и в особенности по отношению к странам Востока, не стремится начать агрессию против Китая и не имеет намерения нарушить его территориальную целостность, напротив, совершенно очевидно, что если бы Советский Союз не был поставлен в такое положение, когда он вынужден прибегнуть к законной самозащите, то не возникло бы опасений в отношении конфликта между этими двумя странами» [23, т. XII, стр. 769—770]. Вместе с тем и Фарзин, и Теймурташ в ответ на предложение американского правительства подчеркнули, что виновником конфликта иранское правительство считает Китай и что если бы Иран имел представителя в Китае, то поручил бы ему обратиться к одному китайскому правительству с советом ликвидировать конфликт [23, т. XII, стр. 652, 770]²⁶. В то же время иранское правительство, как отмечалось в годовом отчете НКВД СССР о международном положении, декларировало в печати, что «миролюбивая политика Советского Союза не дает оснований думать, что СССР предполагает предпринять враждебные действия в отношении Китая» [23, т. XII, стр. 701].

Иранское правительство и в дальнейшем прилагало усилия для превращения пакта Бриана — Келлога в дей-

²⁶ В публикациях госдепартамента США путем тенденциозного отбора документов делается попытка доказать, что якобы Иран, как и другие страны, отказавшиеся от участия в американском демарше, морально одобрял и поддерживал инициативу США. С этой целью госдепартамент опубликовал не письмо министерства иностранных дел Ирана от 20 декабря 1929 г., цитируемое выше, а лишь донесение о нем поверенного в делах США в Иране Вильямсона, из которого видно, что министр иностранных дел Ирана якобы «глубоко сожалеет о невозможности для Персии, обеспокоенной за всеобщий мир, присоединиться к протесту держав» [см. 40, 1929, т. II, стр. 423; 23, т. XII, стр. 771—772].

ственное орудие укрепления мира. Об этом свидетельствует позиция, занятая иранским представителем в Политической комиссии конференции по разоружению 1933 г. в отношении британского предложения о подтверждении государствами Европы обязательства не прибегать к использованию силы. Представитель Ирана вместе с делегатами Турции, Афганистана и других азиатских государств поддержал требование советского представителя М. М. Литвинова об универсальном применении декларации [40, 1933, т. I, стр. 20, 421; 285г, стр. 243—244, 282].

Весьма важным для дела мира внешнеполитическим шагом иранского правительства было подписание в 1933 г. Лондонской конвенции об определении агрессии. Поскольку многолетние работы конференции по разоружению не привели к каким-либо положительным результатам из-за позиции западных держав, использовавших их лишь в целях маскировки гонки вооружений, и в связи с тем, что организаторы конференции затягивали принятие советского проекта декларации об определении агрессии, Советское правительство во время происходившей в Лондоне международной экономической конференции (3—5 июля 1933 г.) подписало с рядом государств, в том числе Ираном, Турцией и Афганистаном, конвенцию об определении агрессии [158, стр. 570—571; 285г, стр. 181—182]. В сентябре 1933 г. иранский меджлис ратифицировал конвенцию.

Таким образом, иранское правительство в целом ряде вопросов международных отношений занимало соответствующую национальным интересам страны позицию, которая во многом способствовала упрочению международного положения Ирана и облегчала его борьбу за укрепление безопасности своих границ. Особенно важное значение иранская дипломатия придавала восстановлению суверенитета Ирана в Персидском заливе.

К концу 20-х годов был почти полностью восстановлен контроль центрального правительства над побережьем Персидского залива, в портах были учреждены таможенные и полицейские посты. К 1930 г. британские портовые и санитарные учреждения в иранских портах были полностью заменены иранскими. Все иностранные суда, включая английские, при входе в иранские порты должны были подчиняться иранским законам и подни-

мать иранский флаг (ранее англичане игнорировали соответствующий международный обычай) [84а, стр. 238, 284—286].

Укрепление власти центрального правительства на побережье Персидского залива позволило ему перейти к восстановлению суверенитета Ирана над оккупированными Англией островами. 11 мая 1928 г. у таможи острова Хенджам появился иранский военный корабль «Гилян» с 60 солдатами на борту. Английская охрана на острове не допустила высадки иранцев на берег. На следующий день к острову прибыли корабли «Пехлеви» и «Азербайджан» с 200 солдатами. После переговоров с англичанами они высадились на берег и водрузили на острове иранский флаг. Таким образом был восстановлен суверенитет Ирана над островом Хенджам, в течение десятилетий находившимся под фактической оккупацией Англии [382, 24.VI.1928].

В целях охраны своих прав в Персидском заливе иранское правительство приступило к созданию военно-морского флота. Еще в 1927 г. в Иран были приглашены два итальянских военно-морских эксперта, а в 1928 г. правительство Реза-шаха, рассматривавшее Италию как «нейтральную морскую» державу, разместило среди неапольских и палермских фирм заказы на строительство двух судов по 950 т водоизмещением и четырех — по 320 т. В Италию было послано несколько групп иранских солдат для обучения военно-морскому делу [357, стр. 108; 377, 1347, стр. 298]. Законом, принятым весной 1928 г., на приобретение судов для Персидского залива и приглашение итальянских специалистов были предусмотрены ассигнования в сумме 200 тыс. туманов [3476, стр. 361—362; 150, стр. 45]. Еженедельник «Нир Ист энд Индия» от 30 августа 1928 г. констатировал, что «некоторое время тому назад персидское правительство решило проводить более энергичную политику в заливе».

Опасаясь усиления иранской активности, англичане пытались убедить мировое общественное мнение в том, что правительство Ирана стремится «вызвать волнения в Персидском заливе и захватить острова, которые в силу фактического владения принадлежат арабам» [62, 13.VIII.1928]. С этой целью они использовали инцидент с задержанием иранскими таможенными чиновниками

у острова Томб лодки с контрабандным грузом. Английская пресса сразу же подняла шумную кампанию по этому поводу. «Дейли Телеграф» в номерах от 13 и 21 августа утверждала, будто задержанные являются арабами, будто английский посланник в Тегеране по их просьбе потребовал от иранского правительства освобождения арестованных, возмещения их убытков и гарантий не нарушать в будущем прав арабских купцов и будто иранское правительство отказалось выполнить эти требования. Несмотря на официальное опровержение иранскими властями этих сообщений, английская пресса продолжала кампанию [369, 9.IX.1928]. А спустя некоторое время выяснилось, что владелец лодки был не арабом, а иранским подданным [380, 21.IX.1928].

В 1932 г. иранские офицеры и матросы, обученные в Италии, в сопровождении нескольких итальянских офицеров доставили в Иран заказанные в Италии шесть военных судов. В Бушире им была устроена торжественная встреча, на которой присутствовал и Реза-шах. «Теперь, — сказал он, — мы сами можем без помощи других охранять побережье Персидского залива» [377, 1347, стр. 298]. Затем Реза-шах проплыл на одном из судов до Бендер-Шахпура. Покидая борт корабля, он сказал: «У меня еще не изгладились горькие воспоминания от совершенной мною здесь несколько лет назад поездке на иностранном судне, нынешнее путешествие осчастливило меня» [357, стр. 109—110].

Тогдашний германский посланник в Тегеране пишет: «Вступив в залив, новый персидский военный флот развернул активную деятельность. Естественно, что англичане, которые до сих пор одни выполняли функции морской полиции, встретили его как неприятного конкурента и оккупанта. Поскольку часть контрабандных судов была хорошо вооружена, между ними и новыми сторожевыми судами вскоре начались регулярные сражения с жертвами и военными трофеями» [85, стр. 296]. В 1933—1935 гг. иранский флот пополнился судном в 1000 т водоизмещением и несколькими судами меньшего тоннажа, а также плавучим доком водоизмещением в 2000 т [357, стр. 110—111].

В целях укрепления своих позиций на заливе иранское правительство объявило о запрещении всем иностранным судам без предварительного разрешения вхо-

доть в иранские порты [371, 21.VIII.1932]. Английская газета «Морнинг Пост» от 25 июля 1932 г. призывала Адмиралтейство к бдительности, поскольку создаваемый Ираном военно-морской флот, по ее мнению, представлял угрозу английскому господству.

Следующей задачей иранское правительство считало восстановление своей власти на острове Кешм. На западной оконечности этого острова, в местечке Басаиду, англичане еще в 1820 г. построили угольную базу и установили военный караул. В сентябре 1933 г. иранский отряд, высадившийся в Басаиду, сорвал британский флаг. Английский посланник в Тегеране сразу же заявил иранскому правительству устный протест. Последнее заявило, что не давало таких инструкций, и флаг был водворен на место [371 и 379, 19.IX.1933; 84а, стр. 240].

Проявленную иранским правительством нерешительность англичане сразу же попытались использовать в своих интересах. Когда 9 октября управляющий иранской таможней в Басаиду произвел по распоряжению правительства досмотр британского грузового судна, английские власти на острове арестовали его, а британская миссия в Тегеране вручила министерству иностранных дел Ирану ноту с жалобой на «необоснованные действия», нарушающие статус-кво, на самоуправство в «английской зоне и примыкающих к ней прибрежных водах». В ответной ноте министерства иностранных дел Ирана утверждалось, что досмотр всех судов является суверенным правом Ирана, что иранское правительство никогда не признавало и не признает никаких английских зон и никаких прав Англии на владения в Басаиду. Действия английских властей на острове квалифицировались в ноте как вооруженное вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Заявив по этому поводу решительный протест, министерство иностранных дел Ирана потребовало освободить арестованного чиновника и наказать виновных в инциденте [379, 25.X.1933]. 22 октября 1933 г. министр иностранных дел Ирана выступил в меджлисе с информацией по поводу инцидента [371, 23.X.1933].

Иранские газеты высказывались за передачу вопроса на рассмотрение Лиги наций. Однако правительство, предпочитая урегулирование его путем двусторонних

переговоров, рекомендовало редакторам газет ослабить кампанию против Англии. Еженедельник «Нир Ист энд Индия» справедливо констатировал: «На этот раз... персидская пресса, отстаивая точку зрения своего правительства, тем не менее воздерживается от резкостей, допускавшихся в прошлом» [см. 378, I.XII.1933].

Непоследовательность и робость иранского правительства проявились и в отношении заходов советских судов в иранские порты Персидского залива. Стремясь, по-видимому, показать Англии, что укрепление Ирана в районе залива не приведет к усилению влияния СССР здесь, иранские власти неоднократно запрещали экипажам советских пароходов, прибывших в Мохаммеру и другие иранские порты Персидского залива, сходить на берег. После решительного протеста советского полпреда Теймурташ при нем послал телеграмму, отменяющую это запрещение, и обещал, что это больше не повторится [23, т. XII, стр. 366; ср. 85, стр. 296]. Двойственная политика иранского правительства ослабляла возможности укрепления власти Ирана в районе Персидского залива.

Ирано-советские политические отношения. Неискренней была позиция иранской стороны и в деле развития двусторонних отношений с СССР, в частности урегулирования пограничных вопросов. В январе 1929 г. советские представители на происходивших в Москве соответствующих переговорах предложили легализовать существующую фактическую границу между Ираном и СССР. Иранские представители отказались принять это предложение и, как телеграфировал 29 января Л. М. Карахан советскому полпреду в Тегеран Я. Х. Давтяну, «в туманной форме говорили о каких-то компенсациях». «На нашу просьбу дать свой проект, — писал далее Л. М. Карахан, — они ничего не ответили» [23, т. XII, стр. 19, 733].

В результате неурегулированности советско-иранских пограничных вопросов количество конфликтных дел на границе постоянно увеличивалось. Иранские пограничные комиссары всячески задерживали разрешение такого рода дел. Так, на ашхабадском участке границы с момента возникновения института пограничных комиссаров по 1 января 1929 г. иранские чиновники разрешили менее 25% дел по советским претен-

зиям, тогда как советский пограничный комиссар разрешил около 65% дел по иранским претензиям. Были и такие участки, где оставались без рассмотрения 90% советских претензий. На атрекском участке иранский пограничный комиссар, пользуясь поддержкой своего правительства, за все это время не ликвидировал ни одного конфликтного дела [23, т. XII, стр. 344—346, 557—559; т. XIII, стр. 208—209, 260].

Бездеятельность иранских пограничных комиссаров имела следствием резкое усиление в 1930 г. бандитских налетов на территорию СССР, сопровождавшихся уводом скота, грабежом пастухов и целых аулов. Иранские пограничные власти не только отказывались принимать какие-либо меры против этих бандитов, не только уклонялись от встреч с советскими комиссарами, но и, более того, сами нарушали границу и совершали на территории СССР самочинные незаконные действия, в частности вели широкую кампанию за нелегальный переход жителей пограничной полосы СССР в Иран, обещая им различные льготы.

В нотах от 13 апреля и 16 мая 1930 г. посольству Ирана в Москве НКВД СССР потребовал выполнения иранской стороной обязательств, принятых на себя иранским правительством по соглашению от 14 августа 1927 г., об учреждении института пограничных комиссаров [23, т. XIII, стр. 208—210, 259—260, 289—290, 322]. Иранское правительство, однако, не приняло никаких мер, поощряя тем самым пограничные власти на расширение их незаконной деятельности.

Покровительство местной иранской администрации способствовало активизации враждебной СССР деятельности белоэмигрантских групп, дашнаков и мусаватов не только на границе, но даже в Тебризе и других городах Иранского Азербайджана. О покровительстве иранских властей организациям этого контрреволюционного отребья говорили и факты принятия многих из их представителей на официальную службу. Белоэмигрантские организации разрабатывали планы насильственных действий в отношении советских консульств в Азербайджане и налетов с территории Ирана в пределы СССР в целях организации террористических актов. Консолидация антисоветских элементов, осуществляемая при поддержке властей в нарушение совет-

ско-иранских договоров и соглашений, грозила подорвать дружественные, добрососедские отношения между Ираном и СССР [23, т. XIII, стр. 290—293]. Министр же иностранных дел Ирана Форуги, как сообщал М. А. Логановский в Народный Комиссариат иностранных дел 22 мая 1930 г., заверял его «в дружественных чувствах к СССР и обещал всячески способствовать укреплению советско-персидских отношений» [23, т. XIII, стр. 802].

24 мая 1930 г. НКИД СССР вручил иранскому посольству в Москве новую ноту, в которой говорилось о необходимости принятия правительством Ирана ряда мер, «проведение которых является единственным условием оздоровления создавшейся обстановки и предупреждения возможных осложнений» [23, т. XII, стр. 289—294]. 28 мая в беседе с Форуги М. А. Логановский заявил, что действия иранского правительства расцениваются в Москве «как перемена персидской политики в отношении СССР». Форуги в ответ заверял его в неизменности дружественной политики в отношении СССР, говорил о необходимости немедленно устранить причину пограничных конфликтов, установив точную пограничную линию и разрешив все спорные территориальные вопросы [23, т. XIII, стр. 294—295, 299]. Однако никаких конкретных мер в этом направлении иранское правительство не принимало.

Более того, на следующий день, 29 мая 1930 г., иранский посол в Москве вручил Л. М. Карахану ноту, в которой, с одной стороны, полностью обходились молчанием приведенные в советских нотах факты обострения положения на границе, а с другой — содержались заявления о не имевших в действительности места случаях занятия советскими пограничными частями отдельных пунктов иранской территории. В ноте утверждалось также, что в районе Атрека СССР «удерживает обширную территорию, бесспорно являющуюся территорией Персии», хотя в силу ст. 3 советско-иранского договора 1921 г. этот район считался частью территории СССР. Тем не менее иранская нота обвиняла советские власти в нарушении «территориальной целостности Персии». В заключение ноты говорилось, что иранское правительство готово приступить к переговорам о пограничном вопросе, «но до открытия их ожидает от Совет-

ского правительства преподания пограничным властям Союза самых решительных и исчерпывающих инструкций прекратить свои действия» [23, т. XIII, стр. 320—321].

Советское правительство в нотах от 7 и 8 июня 1930 г. отвело иранские претензии, подтвердив готовность найти методы мирного разрешения пограничных вопросов. Вместе с тем в нотах говорилось, что Советское правительство не может не принимать необходимые меры к защите своих границ и оставляет за собой право настаивать перед иранским правительством на полном возмещении убытков, нанесенных СССР вооруженными нападениями с территории Ирана [23, т. XIII, стр. 317—323].

18 июня 1930 г. иранский посол вручил Л. М. Карахану ноту, явившуюся ответом на ноты НКВД СССР от 24 мая, 7 июня и 8 июня 1930 г. В этой ноте лишь опровергались некоторые из приведенных в советских нотах фактов. «Что касается вопроса о белоэмигрантских, мусаватистских и дашнакских группах, — говорилось в ноте иранского посла, — считаю нелишним отметить, что различные группировки враждебных действий не могут быть подвергнуты преследованию только за свои политические убеждения. Тем не менее указанные группы находятся под постоянным надзором соответствующих персидских органов» [23, т. XIII, стр. 323].

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что иранское правительство, выступая с заявлением о стремлении урегулировать пограничные вопросы с СССР, с одной стороны, и попустительствуя антисоветской деятельности белоэмигрантов — с другой, стремилось использовать активизацию эмигрантских организаций в качестве орудия давления на СССР в целях разрешения в благоприятном для себя духе вопроса о советско-иранской границе, в частности присоединения к Ирану отдельных участков, главным образом в районе Атрека.

Твердая позиция Советского правительства не дала возможности правительству Ирана продолжать уклоняться от выполнения взятых на себя по договорам 1921 и 1927 гг. обязательств по пресечению антисоветской враждебной деятельности в Иране. В начале августа Теймурташ сообщил М. А. Логановскому о решении шаха принять решительные меры в отношении бе-

люэмигрантов, и в частности снять одного из активных организаторов и вдохновителей бандитских нападений на СССР, полковника Кельбали-хана Нахичеванского, с поста командующего военными частями Ардебильского округа. Сообщая об этом в НКВД СССР, М. А. Логановский писал: «В дальнейшем Теймурташ делал обычные заверения в дружбе и всячески демонстрировал свое хорошее отношение к полпредству» [23, т. XIII, стр. 444].

Понадобились, однако, еще две ноты Советского правительства (от 10 июля и 6 сентября 1930 г.), чтобы иранские власти перешли от слов к делу. 10 декабря 1930 г. Форуги заверил М. А. Логановского, «что он, исходя из политической оценки роли Советского Союза на Востоке, из того, что Советская власть является наилучшим фактором сохранения независимости Персии, ведет и будет вести борьбу со всякими эмигрантскими антисоветскими элементами в Персии. Он имеет уже полное одобрение этого со стороны шаха и сейчас занят проведением решения в жизнь». Форуги обещал провести проверку всех живущих в Иране эмигрантов и высылку занимающихся преступной деятельностью, по возможности усилить охрану границ, очистить пограничную полосу от бандитских и контрабандистских элементов, упорядочить работу пограничных комиссаров и увеличить их число на кавказской границе [23, т. XIII, стр. 492—495, 718, 814].

Однако правящие круги Ирана до конца остались верны себе, отказываясь вплоть до подписания торговой конвенции от 27 октября 1931 г. окончательно урегулировать этот вопрос. В нотах от 22 апреля, 14 июля и 8 октября 1931 г. Советское правительство, приведя новые факты антисоветской деятельности белоэмигрантских групп в Иране, требовало от иранского правительства проведения в жизнь его обещания. Только в день подписания торговой конвенции между советским полпредом в Тегеране А. М. Петровским и министром иностранных дел Ирана Форуги состоялся обмен нотами об упорядочении работы пограничных комиссаров [23, т. XIV, стр. 262—266, 428—432, 565, 616—618].

Что касается вопроса о спорных участках границы, то он так и остался неурегулированным. В январе 1932 г. во время визита в СССР Теймурташа между

советскими руководителями и министром двора Ирана была достигнута договоренность о возможности сохранения статус-кво по всей границе, за исключением Муганской степи. В этом районе иранское правительство добивалось присоединения территории, на которой были расположены советские оросительные сооружения. Но эта договоренность не была претворена в жизнь. С посредничеством по урегулированию спорных пограничных вопросов между Ираном и СССР в это же время выступил министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю. В беседе с Л. М. Караханом, состоявшейся 7 февраля 1932 г., он высказал мнение, что теперь обстановка «является крайне благоприятной для разрешения пограничных вопросов между СССР и Персией» [23, т. XV, стр. 94—95]. Однако это мнение оказалось слишком оптимистичным.

Несмотря на заключение соглашения об упорядочении работы пограничных комиссаров, иранские власти и в последующем покровительствовали и пособничали антисоветским элементам, совершавшим систематические налеты на советские приграничные аулы и селения, в частности в районе Атрека. 10—12 февраля 1932 г. на советскую территорию дважды вторгалась группа иранских солдат, пытавшихся вооруженной силой помешать работам советских крестьян по очистке канала в районе Муганской степи и обезоружить советского часового. В вербальных нотах Л. М. Карахана иранскому послу в Москве Пакревану от 17 и 19 февраля 1932 г. и ноте временного поверенного в делах СССР в Иране В. М. Цукермана министру иностранных дел Ирана Форуги от 27 февраля подчеркивалось, «что только миролюбивая тактика советской пограничной охраны дала возможность избежать тяжелого осложнения на советско-персидской границе». Однако иранская сторона не принимала действенных мер для оздоровления положения на границе [23, т. XV, стр. 123—124, 742—743].

Более того, иранские власти с целью добиться благоприятного для себя разрешения пограничных вопросов сами организовали вооруженные налеты на советскую территорию басмаческих и других банд, поддерживаемых иранскими солдатами. В результате этих налетов имелись значительные жертвы из состава советской пограничной охраны. НКВД СССР был вынужден

21 мая 1932 г. направить новую ноту протеста иранскому посольству. Нотами от 22 и 25 мая, 9 июня, 23 июля и 15 августа 1932 г. полпредство СССР в Иране также заявило решительные протесты против вооруженных нападений басмаческих банд. Однако налеты на советскую территорию продолжались и в дальнейшем [23, т. XV, стр. 339—340, 743, 771—772].

Советское правительство неоднократно предлагало иранскому правительству подписать конвенцию о порядке рассмотрения и разрешения пограничных конфликтов. В ноябре 1933 г. Советское правительство утвердило проект такого соглашения с Ираном, положив в основу принципы, содержащиеся в аналогичном соглашении между СССР и Афганистаном [23, т. XVI, стр. 475—476, 677, 870]. Однако иранское правительство не пошло на заключение и этого соглашения²⁷.

Неискреннее отношение к СССР правящие круги Ирана проявляли даже в тех случаях, когда использовали политическую поддержку Советского правительства в деле проведения тех или иных своих мероприятий. Так, в марте 1930 г. Теймурташ предложил «устроить поездку одного из членов Советского правительства в Персию для подписания в Тегеране какого-либо политического протокола». «Что должно быть подписано в Тегеране, — сообщал Логановский в НКВД СССР, — Теймурташ еще не знает, но просит взять инициативу в этом вопросе в наши руки» [23, т. XIII, стр. 802].

Советское правительство с удовлетворением откликнулось на это предложение. Учитывая имевшее в это время напряженное положение на советско-иранской границе, правительство СССР предложило Ирану подписать соглашение по образцу советско-турецкого протокола от 17 декабря 1929 г.²⁸ Турецкое правительство,

²⁷ Договор о режиме советско-иранской границы и о порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов между Ираном и СССР был подписан лишь в 1957 г.

²⁸ Протокол наряду с продлением срока действия советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. предусматривал обязательства сторон «не начинать без уведомления другой Стороны переговоров, имеющих целью заключение политических соглашений с государствами, находящимися в непосредственном соседстве, сухопутном или морском, с названной Стороной, и заключать такие соглашения лишь с согласия этой последней» [23, т. XII, стр. 660—661].

со своей стороны, через посла в Тегеране дало совет иранскому правительству подписать с СССР протокол [23, т. XIII, стр. 281].

Однако иранское правительство, добившись, по-видимому, тех целей, которые оно преследовало, предлагая заключить «какой-либо политический протокол», пошло на попятную. 28 мая 1930 г. Форуги заявил М. А. Логановскому, что «дорожит дружбой с СССР», но считает политические отношения с ним «вполне хорошими, не нуждающимися технически в особых дополнениях», а поездку члена Советского правительства в Тегеран он «приветствовал бы, ибо это дало бы возможность широко обменяться мнениями» [23, т. XIII, стр. 299]. Попытки Советского правительства в 1930 г. заключить с Ираном соглашение также оказались безуспешными [23, т. XIII, стр. 310].

Вопрос о подписании соглашения между Ираном и СССР по образцу советско-турецкого протокола от 17 декабря 1929 г. вновь был поднят во время визита в Москву Теймурташа в январе 1932 г. Министр двора Ирана, не имевший полномочий на подписание соглашения, тем не менее согласился парафировать протокол, правда в иной, чем в советско-турецкой, формулировке: о продлении договора о гарантии и нейтралитете от 1927 г. на пять лет и обязательстве каждой из сторон не принимать участия в союзах и соглашениях, направленных против политических, экономических и финансовых интересов другой стороны. В речи на приеме у наркоминдела СССР М. М. Литвинова Теймурташ заявил: «Я смело могу говорить, что Персия никогда не будет фигурировать в политических комбинациях, направленных против Советского Союза». Однако иранское правительство впоследствии отказалось подписать парафированный Теймурташем протокол [23, т. XV, стр. 29, 49, 62].

Так же отнеслось иранское правительство к заключению целого ряда других соглашений и конвенций с СССР. Еще в августе 1926 г. Советское правительство предложило правительству Ирана заключить генеральную железнодорожную конвенцию. Иранское правительство после длительной задержки ответило предложением заключить вместо генеральной конвенции техническую конвенцию локального характера между Джуль-

фа-Тавризской и закавказскими железными дорогами. Однако начавшиеся 20 февраля 1930 г. в Тегеране советско-иранские переговоры спустя два месяца были прекращены иранской стороной, которая решила связать их с переговорами о торговом договоре [23, т. IX, стр. 797—798]²⁹. В последующие годы НКВД СССР внес в министерство иностранных дел Ирана проекты консульской конвенции, конвенций о совместной борьбе с контрабандой, о наследовании, об урегулировании коллизий в семейном праве, о борьбе с сельскохозяйственными и саранчовыми вредителями, пастбищной конвенции и т. д. Иранские власти даже не рассматривали проекты большинства конвенций. Согласованный на заседаниях советско-иранской смешанной комиссии в июле 1931 г. проект дополнительного протокола к соглашению 1926 г. о взаимном пользовании пограничными водами между СССР и Ираном иранцы «консервировали в порядке репрессалий» [23, т. XVI, стр. 474—475, 851]. В рассматриваемый период между СССР и Ираном были подписаны лишь соглашения об обмене почтовыми посылками (в августе 1929 г. по просьбе иранской стороны) и об исполнении на основе взаимности судебных поручений (в конце 1931 — начале 1932 г.) [23, т. XII, стр. 129—130, 701, 743; т. XIV, стр. 551—552, 816].

В конце 1932—1933 г. во внешней политике Ирана наметились тенденции к некоторому улучшению отношений с СССР, что нашло, в частности, отражение в визите иранского министра иностранных дел Форуги в Советский Союз в сентябре 1932 г. [см. 50, 13—16.IX. 1932]. В марте 1933 г. иранское правительство запросило Министерство иностранных дел СССР о возможности ответного визита в Иран М. М. Литвинова. В связи с имевшим тогда в Иране место бойкотом СССР этот визит не состоялся [23, т. XVI, стр. 167—168]. Осенью 1933 г. Иран посетил заместитель наркоминдела СССР Л. М. Карахан.

В ходе этого визита, продолжавшегося с 27 сентября по 7 октября, Л. М. Карахан совершил поездку по стране, познакомился с ее экономической и культурной

²⁹ В результате занятой иранской стороной позиции соглашение о советско-иранском железнодорожном сообщении было подписано лишь в 1940 г.

жизнью, встречался с государственными деятелями Ирана [50, 2—10.X.1933]. 30 сентября Л. М. Карахан был принят Реза-шахом. В полуторачасовой беседе были затронуты основные вопросы советско-иранских отношений. В ответ на слова Л. М. Карахана о заинтересованности СССР в экономическом, политическом и особенно военном укреплении Ирана, которое даст ему возможность вести более независимую политику в своих национальных интересах, шах заявил, «что он всегда был, есть и будет сторонником дружбы с СССР». Л. М. Карахан далее отметил, что при совпадении интересов СССР и Ирана по этим вопросам, а также в деле борьбы за мир «имеющиеся между странами недоразумения и разногласия по ряду текущих вопросов не имеют серьезного значения и могут быть урегулированы легко» [23, т. XVI, стр. 553].

Визит Л. М. Карахана в Иран способствовал устранению трудностей в отношениях между двумя странами. 29 декабря 1933 г. наркоминдел СССР М. М. Литвинов в речи на V сессии ЦИК отметил: «Поездка замнаркома тов. Карахана в Персию и оказанный ему весьма сердечный прием дали возможность вновь проверить наши взаимоотношения с Персией и установить их неизменно дружественный характер» [24, стр. 66].

В политике иранского правительства в этот период еще брало верх понимание национальных интересов страны и значения дружественных отношений с СССР для укрепления политической и достижения экономической независимости. В мае 1929 г. иранский посланник в Риме говорил советскому полпреду, что «только Советский Союз может содействовать независимости Персии» [23, т. XII, стр. 268]. Именно поэтому иранское правительство шло на активное сотрудничество с СССР на международной арене. Развитие же двусторонних отношений с СССР иранское правительство стремилось строить на принципе односторонних уступок со стороны Советского правительства. Непоследовательность правящих кругов Ирана в развитии добрососедских отношений с СССР была обусловлена в значительной мере и страхом перед ростом авторитета страны социализма среди широких народных масс Ирана. «Почти панический страх, — пишет в своих мемуарах Н. Г. Пальгунов, характеризуя иранскую печать, — питали к сооб-

щениям из Советского Союза, к сообщениям о свободной жизни великого народа, сорвавшего с себя оковы социального гнета» [82, стр. 34].

Антисоветские тенденции внешней политики находили отражение и в антикоммунистических мероприятиях правящих кругов Ирана внутри страны, направленных на полную ликвидацию всех проявлений демократического движения. Так, 19 марта 1931 г. депутат Фахими внес в меджлисе интерпелляцию о внешней политике Ирана, в которой речь шла о «злонамеренной коммунистической пропаганде». Иранская пресса использовала интерпелляцию для обвинений СССР в этой пропаганде [167, стр. X]. 13 июня 1931 г. меджлис утвердил направленный против коммунистов закон «о наказаниях за выступления против безопасности и независимости страны», предусматривавший тюремное заключение сроком от 3 до 10 лет за принадлежность к организациям, программа которых «противоречит конституции», и за выступления «при содействии иностранных государств» [347г, стр. 42—44].

Усиление недоверия и подозрительности правящих кругов Ирана к политике Советского правительства не позволило урегулировать все вопросы между двумя странами и таким путем добиться их еще более тесного сближения. Тем не менее благодаря дружественной позиции Советского государства иранское правительство при проведении тех или иных внутренних и внешних мероприятий всегда могло рассчитывать на обеспеченный тыл на своей северной границе. В период англо-иранского нефтяного конфликта, 13 декабря 1932 г., временный поверенный в делах СССР в Иране В. М. Цукерман заявил Форуги, что «персидское правительство, принимая нужные меры, может не оглядываться на свои северные границы, откуда ничто Персии не угрожает» [23, т. XV, стр. 687—688]. Большое значение иранская дипломатия придавала укреплению безопасности западных и восточных границ Ирана.

Укрепление отношений с сопредельными странами Востока. Ирано-турецкие дружественные отношения, установленные в предшествующие годы, получили дальнейшее развитие с подписанием в апреле 1929 г. в Анкаре конвенции о безопасности границы и торгового соглашения. 27 июля 1930 г. в Тегеране состоялся обмен

ратификациями ирано-турецкого договора 1926 г. о дружбе и безопасности и протокола 1928 г. о политическом и экономическом сотрудничестве [371, 29.VII.1930]. Формальное вступление в силу этих соглашений затянулось в связи с непрекращающимися пограничными инцидентами. Эти инциденты неоднократно отражались на ирано-турецких отношениях и в 1930—1932 гг., хотя и не могли подорвать их дружественный в целом характер. Интересы обеих стран требовали четкого урегулирования пограничных вопросов.

Идя навстречу пожеланиям турецкой стороны, правительство Ирана установило тесный контакт с правительством Турции в деле борьбы с движением курдских племен. В мае 1930 г. иранское правительство разрешило турецким войскам пересечь иранскую границу, чтобы пройти в тыл восставшим племенам Турецкого Курдистана, которые получили помощь от макинских курдов Иранского Курдистана [108, стр. 129]. Вместе с тем иранское правительство закрыло границу для курдских племен. Часть из них оно переселило из пограничных районов в глубь провинции. Местным властям пограничных районов было дано указание координировать свои действия с турецкими властями [371, 10.VII.1930]. В июле 1930 г. иранское правительство окончательно подавило движение иранских курдов во главе с Симко. Совместные действия сторон создали условия для возобновления работы смешанной ирано-турецкой разграничительной комиссии [379, 21.VII.1930; 25.VII.1930].

Содействие иранского правительства турецким войскам в подавлении восстания в Курдистане в значительной мере ослабило прежние подозрения правящих кругов Турции в отношении Ирана. Напутствуя нового посла в Тегеране, президент Турции Мустафа Кемаль говорил: «Турецкое правительство отдаст себе отчет в грозных последствиях тех глупых войн, которые в прошлом велись между Турцией и Ираном, и без разумных оснований не хочет повторять ошибок прошлого... Последние события на смежной границе, не вызывают у меня никаких подозрений относительно поведения и политики Его Величества Пехлеви. Ибо я не забываю заявления Его Величества о согласии на координацию действий военных сил обеих сторон на гра-

нице для ликвидации пограничных инцидентов» [379, 8.IX.1930].

Новый посол, Хосров-бек, получил инструкции приступить к переговорам с иранским правительством об обмене участка иранской территории у горы Малый Арарат на другой участок турецкой территории с целью облегчения турецких операций против курдов [77, 25.VIII.1930; 371, 17.IX.1930]. Иранское правительство, однако, отказалось от обмена, считая требуемый участок в стратегическом отношении важным для собственной безопасности. Работа разграничительной комиссии вновь была приостановлена [379, 24.XII.1930]. В свою очередь, турецкое правительство затягивало открытие для иранской торговли Трапезундской дороги. В связи с этим отношения между двумя странами вновь оказались натянутыми [77, 19.XII.1930; 73, 25.XII.1930; 301, стр. 219].

Переговоры были возобновлены в январе 1932 г., когда правительство Турции направило в Иран министра иностранных дел Тевфика Рюштю³⁰. Опасаясь, что иранское правительство выдвинет совершенно неприемлемые для Турции требования и что благодаря этому поездка может дать отрицательный результат, Рюштю конфиденциально просил Советское правительство дать дружественный совет Ирану о желательности прийти к соглашению с Турцией. В телеграмме от 7 января 1932 г. Л. М. Карахан, давая указание советскому представителю в Иране участвовать в протокольных мероприятиях, связанных с визитом Тевфика Рюштю, предлагал в беседе с Форуги отметить «заинтересованность в дружественном урегулировании пограничных отношений между Персией и Турцией» [23, т. XV, стр. 12, 720]. 13 января Л. М. Карахан послал Рюштю, направлявшемуся через территорию СССР в Иран, телеграмму с пожеланиями «полного успеха» в его «чрезвычайно важных непосредственных личных переговорах с соседним и дружественным правительством Персии». В ответной телеграмме Рюштю выразил надежду, что эти пожелания найдут «заслуженный отклик в Персии» [23, т. XV, стр. 738]. Позже Тевфик Рюштю говорил Л. М. Карахану, что «широко использовал эту телеграмму в Персии», что

³⁰ В этом же году Иран посетила турецкая экономическая делегация во главе с председателем Делового банка Джелалом Баяром [84а, стр. 229].

«успеху его миссии способствовала подготовка, которая была проведена» Советским правительством [23, т. XV, стр. 94].

В Тегеране министру иностранных дел Турции был оказан теплый прием. Иранская газета «Шефаг-е сорх» от 1 января 1932 г. писала в связи с предстоящим приездом Рюштю: «Единственное средство восточных народов против блокировок империалистических государств для охраны своей независимости и прогресса заключается в союзе и установлении искренних отношений, в устранении всех препятствий, которые до сих пор порождали рознь, разлад и недоразумения».

В ходе переговоров вопрос об обмене пограничного участка у горы Малый Арарат был решен сравнительно быстро. Камнем преткновения стал вопрос о принадлежности стратегически важного холма в районе Котура. Не добившись успеха в переговорах с Форуги, Тевфик Рюштю по инструкции Мустафы Кемаля предложил передать этот вопрос на арбитраж шаха. По словам Кинросса, министр иностранных дел Турции этим шагом «поставил персов в тупик». Реза-шах, даже не взглянув на карты, разложенные перед ним штабным офицером, сказал, что для него важен не холм, а дружеские отношения с Турцией. В результате было решено разделить холм [268, стр. 461; 84а, стр. 229—231]. Позже в беседе с Л. М. Караханом Рюштю говорил, что «персы были настроены пессимистически» и не ожидали, что его приезд приведет к разрешению столетнего пограничного спора, что он «максимально старался пойти навстречу персам, демонстрируя добрую волю Турции и стараясь уничтожить опасения персов» [23, т. XV, стр. 94—95].

В результате вмешательства шаха министры иностранных дел Ирана и Турции уже 23 января 1932 г. подписали соглашение о демаркации пограничной линии, а также конвенцию об арбитраже и ряд других соглашений [тексты см.: 347г, стр. 424—441]. В мае — июне того же года иранский меджлис и Великое национальное собрание Турции утвердили эти соглашения [285ж, стр. 794]. Разграничительная комиссия приступила к установке пограничных знаков.

В конце 1932 г. министр иностранных дел Ирана Форуги нанес ответный визит в Анкару. Во время этого визита 5 ноября 1932 г. стороны подписали договор о

дружбе, нейтралитете и политическом и экономическом сотрудничестве, включающий положения договора 1926 г. и протокола 1928 г. [тексты см.: 347г, стр. 441—446; 42, стр. 233—241]. Спустя некоторое время состоялся обмен ратификациями соглашения о демаркации пограничной линии, конвенции об арбитраже и других соглашениях, подписанных в январе 1932 г.

Заключение этих соглашений способствовало урегулированию основных спорных вопросов между Ираном и Турцией и устранило препятствия на пути дальнейшего развития дружественных отношений между двумя странами. Однако следует отметить, что это было достигнуто за счет ущемления национальных прав курдского народа как в Турции, так и в Иране. На пресс-конференции в Тегеране Рюштю говорил, что «курдский вопрос уже сдан в архив», что проблема курдов благодаря сотрудничеству обоих правительств уже решена [371, 20.I.1932]. В беседе с В. фон Блюхером он сказал, что Курдистан из «яблока раздора между двумя нациями» должен превратиться в соединяющий их «мост» благодаря строительству дороги Трапезунд—Тебриз, которая даст возможность «умиротворить» курдов и освободить северные провинции Ирана от «русской транзитной монополии» [85, стр. 196—197].

Следует отметить, что ирано-турецкое сближение в этот период начинает утрачивать свое антиимпериалистическое содержание в связи с укреплением связей обеих стран с западными державами. Англия и другие империалистические государства, препятствовавшие в предыдущий период ирано-турецкому сближению, теперь всячески поддерживают его с целью усилить свое влияние на оба правительства и использовать их в антисоветских провокациях. Интересно отметить, что визит Тевфика Рюштю в Тегеран и начало ирано-турецких переговоров официально приветствовались не только Советским, но и английским правительством [371, 20.I.1932].

Взяв курс на поддержку ирано-турецкого сближения, правящие круги Англии стремились пристегнуть к нему и Ирак, который, хотя и получил по англо-иранскому договору 1930 г. формальную независимость, на деле продолжал оставаться под британским контролем. Еще в 1926 г. был заключен тройственный англо-ирако-турец-

кий договор, урегулировавший пограничные вопросы между Ираком и Турцией [301, стр. 246]. В 1931 г. король Ирака Фейсал посетил Анкару, где был разрешен ряд турецко-иракских противоречий [268, стр. 463; 269, стр. 100, 124—125]. Хотя сближение Ирака с Ираном было гораздо более трудным, поскольку между двумя странами оставался целый ряд нерешенных вопросов, Англия не оставляла попыток в этом направлении.

Будучи вынуждена под давлением антиимпериалистического движения народов Ирака принять решение об отказе от мандата и предоставлении этой стране формальной независимости, Англия в 1929 г. поставила перед Лигой наций вопрос о ликвидации англо-иракского судебного соглашения и создании в Ираке единой системы юстиции для иностранных и иракских подданных. 9 марта Совет Лиги наций принял это предложение, горячо поддержанное иранским представителем [285б, стр. 329]. Ликвидация юридических привилегий в Ираке удовлетворила претензии Ирана на уравнивание в правах иранских подданных и устранила основное препятствие для официального признания Ираном Ирака.

Одновременно английское и иракское правительства предприняли шаги с целью сдвинуть с мертвой точки решение остальных спорных вопросов между Ираном и Ираком. В марте 1929 г. английский посланник в Тегеране заверил иранское правительство в том, что, если оно признает Ирак, правительство Великобритании окажет ему содействие в деле удовлетворения правительством Ирака всех его «обоснованных» требований относительно вод Шатт-эль-Араба. Этот демарш удовлетворил иранское правительство, и 2 апреля оно информировало английского посланника о согласии признать Ирак [285б, стр. 330; 266, стр. 216]. На следующий день Реза-шах направил королю Фейсалу поздравительную телеграмму по поводу постановления Совета Лиги наций об упразднении судебной системы 1924 г. [371, 4.IV.1929].

В конце апреля Фейсал направил в Тегеран своего личного представителя Рустама Гейдара на торжества по случаю трехлетней годовщины коронации Реза-шаха. На банкете в его честь Реза-шах лично объявил о решении признать официально Ирак. В тот же день, 25 апреля 1929 г., иранский премьер направил телеграфное сооб-

шение об этом правительству Ирака [285б, стр. 320; 288, стр. 555]. По словам Хасана А'зам-е Годси, иракцам было дано понять, что иранское правительство в прошлом отказывалось официально признать Ирак, чтобы не делать это через мандатные власти, поскольку в таком случае отношения между двумя странами оказались бы под политическим влиянием иностранного государства, что неизбежно нанесло бы ущерб независимости Ирака [325, стр. 130—131].

22 июля в Багдад прибыл первый официальный дипломатический представитель Ирана — Инаятолла-хан Самии, который 11 августа 1929 г. обменялся нотами с министром иностранных дел Ирака Тоуфиком Сувейди о временном регулировании отношений между двумя странами. Соглашение предусматривало предоставление подданным каждой стороны на территории другой стороны наибольшего благоприятствования вплоть до заключения между ними постоянного договора [текст см.: 42, стр. 511—513]. Временный характер этого соглашения объясняется, в частности, тем, что постановление об упразднении англо-иракского судебного соглашения и договор 1930 г. между Ираком и Англией вступили в силу только в 1932 г. [285б, стр. 331—332]. Однако постоянный договор между двумя странами в связи с неурегулированностью вопроса о Шатт-эль-Арабе не был заключен вплоть до 1937 г. Временное соглашение после окончания его срока действия в августе 1930 г. продлевалось через каждые шесть месяцев [285д, стр. 184].

Окончательно дипломатические отношения между Ираном и Ираком установились к началу 1931 г. Ирак учредил к этому времени дипломатическую миссию в Тегеране, консульство в Керманшахе и вице-консульство в Мохаммере [43, стр. 34; 219, стр. 34, 36—37]. Иракским посланником в Тегеране был назначен Тоуфик Сувейди [325, стр. 131]. На территории Ирака возобновили деятельность иранские консульства, сохранившиеся со времен Османской империи. Генеральное консульство в Багдаде еще в августе 1929 г. было преобразовано в иранскую дипломатическую миссию, которую возглавил Инаятолла-хан Самии [379, 18.VIII.1929; 73, 22.VIII.1929].

В сближении с Ираком правящие круги Ирана видели главным образом возможность укрепить власть центрального правительства в пограничных с Ираком райо-

нах обитания курдских и других племен. В июне 1929 г. иракское правительство разоружило перешедших в Ирак после понесенного от иранских войск поражения курдских повстанцев. Осенью того же года по просьбе иранского правительства иракские власти установили надзор над бывшим феодальным правителем иранской провинции Пошт-е Кух и его сыновьями, которые эмигрировали в Ирак. В июне 1932 г. оба правительства урегулировали вопрос о перекочевках курдского племени джаф (около 30 тыс. палаток), которое в течение нескольких столетий, согласно ирано-турецкому мирному договору 1639 г., четыре-пять месяцев в году проводили в Иране, а остальное время — в Ираке. По заключенному между иранскими и иракскими пограничными властями соглашению, при переходе в Иран племя должно было оставлять заложников в Басре, выплачивать иранскому правительству налоги; право на ношение оружия предоставлялось только тем членам племени, которым это было разрешено в Ираке [266, стр. 216—217; 285б, стр. 330—331; 285д, стр. 184—185].

Значительную роль в ирано-иракском сближении сыграло стремление правительств обеих стран покончить с выступлениями курдских племен в пограничной полосе, в частности с возобновившимся в сентябре 1930 г. восстанием шейха Махмуда, который, будучи разбит в апреле 1931 г. англо-иракскими войсками, вновь перешел на иранскую территорию. В связи с этим между иракским правительством и правительством Ирана, опасавшимся распространения движения и на иранскую часть Курдистана, было достигнуто соглашение о совместных операциях против шейха Махмуда и повстанцев из Иранского Курдистана, укрепившихся на иракской стороне границы. В результате совместных ирако-иранских действий шейх Махмуд был вынужден сдаться англо-иракским властям [159, стр. 151—152]. В 1931 и 1932 гг. оба правительства вели успешные совместные военные операции против хаураманских курдов, возглавляемых Махмуд-ханом Дизли и Джафар Султаном [266, стр. 217].

Английские власти в Ираке оказывали исключительную поддержку иракскому и иранскому правительствам в борьбе против курдских освободительных выступлений. Исполняющий обязанности британского верховного комиссара, посетив в конце 1930 г. ряд городов Иракского

Курдистана, выступил перед курдскими вождями с речью, в которой, в частности, говорилось: «Я обнаружил, что в некоторых безответственных кругах считают, будто политика Правительства Его Величества короля Британии состоит в том, чтобы поощрять курдский национализм в осложнении положения не только иракского правительства, но и его дружественных соседей — турецкого и персидского правительств. Ничего не может быть более далекого от истины» [43, стр. 237—238]. Годом раньше британский верховный комиссар в Багдаде настоял на том, чтобы курдские племена района Пишдар подчинились всем требованиям, выдвинутому иранскими властями в качестве условий перекочевки этих племен в Иран [285б, стр. 330].

Таким образом, в рассматриваемый период в отношениях Ирана с Ираком усиливались те же антидемократические тенденции, поощряемые английским империализмом, что и в ирано-турецких отношениях. Характерно, что еще 25 июля 1930 г. тегеранская газета «Сетаре-йе Иран» выступила с предложением добиться координации действий между Ираном, Турцией и Ираком для борьбы с курдским движением. Антикурдские настроения правящих кругов Ирана английские империалисты и стремились использовать для еще более тесного сближения между тремя странами. Багдадская газета «Аха-Ватан» от 7 сентября 1933 г. выдвинула предложение о заключении между этими государствами пакта о ненападении [см. 369, 19.IX.1933].

Однако объективно антиимпериалистические тенденции в отношении английской политики в Ираке еще долгое время давали о себе знать в Иране, главным образом из-за неурегулированности вопроса о Шатт-эль-Арабе. Наличие английской военной базы в Басре и свободное движение по реке британских военных кораблей были предметом постоянного беспокойства правительства Реза-шаха.

В апреле 1932 г., после предварительного посещения Тегерана военным министром Ирака Джафар-пашой Аскери [336, стр. 18] и британским верховным комиссаром в Ираке, Иран посетили с официальным визитом король Фейсал и иракский премьер-министр Нури Саид. Иранская пресса встречала их более сдержанно, чем в свое время Рюштю-бея. Газета «Сетаре-йе джахан» от

27 апреля 1932 г. писала: «Обеспечение свободы и независимости Ирака (от Англии. — С. А.) ни одному народу не будет столь приятным, как иранскому народу». Нескóлько позже, 14—15 августа 1932 г., газета «Иран» в серии статей доказывала, что ликвидация английского мандата «является лишь призрачным миражем достижения независимости», что, «отказываясь от внешнего протектората, Англия стремится лишь переложить расходы на плечи иракского народа».

Визит Фейсала и Нури Саида имел целью обсуждение вопросов о навигации на Шатт-эль-Арабе и заключение договоров о торговле, пребывании, выдаче преступников и регулировании отношений на границе. Однако, за исключением временного соглашения о назначении пограничных комиссаров [285д, стр. 185; 219, стр. 34—35], ни один из этих договоров подписан не был в связи с отказом иранского правительства урегулировать вопрос о Шатт-эль-Арабе на основе разграничения 1914 г. [266, стр. 266].

В дальнейшем иранское правительство стремилось самочинным путем решить вопрос о принадлежности вод Шатт-эль-Араба. С целью поставить правительство Ирака перед свершившимся фактом иранские таможенные и полицейские чиновники приступили к патрулированию реки. На неоднократные протесты Ирака Иран неизменно отвечал, что иранские чиновники действуют в «персидских водах Шатт-эль-Араба». 9 ноября 1932 г. в Шатт-эль-Араб вошли два иранских сторожевых корабля и четыре канонерские лодки, незадолго до этого приобретенные для военно-морских сил Ирана. Игнорируя все правила и постановления директората порта Басры, иранские суда бросали якорь в запрещенной зоне, отказывались сдвинуться с места, когда их просили об этом иракские власти, нарушали скорость движения по реке, игнорировали сигналы иракских чиновников. 19 марта 1933 г. один из иранских высших морских офицеров сделал неофициальное заявление портовому директору, что Иран не признает ни суверенитета Ирака над всем Шатт-эль-Арабом, ни портовую администрацию Басры и поэтому не обязан подчиняться ее правилам судоходства по реке. В своей жалобе в Лигу наций в 1935 г. иракское правительство, приводя эти факты, утверждало, что действия иранского правительства поставили под угрозу

всю морскую торговлю Ирака, работы по драгированию реки и вообще все судоходство по Шатт-эль-Арабу [285ж, стр. 795—796]. Дело дошло даже до того, что экипаж иранского судна «Паланг», базировавшегося в Абадане, арестовал английского служащего — директората порта Басры, который был освобожден лишь в результате заступничества английской миссии и иракского посланника в Тегеране [46, т. 280, стр. 327].

В рассматриваемый период не оправдались и надежды Англии на улучшение финансового положения Ирака путем развития транзитной торговли с Ираном. Вследствие падения курса иранской валюты в первые годы кризиса многие из ведущих багдадских торговых фирм были вынуждены прекратить операции по транзитной торговле с Ираном. Определенный ущерб этим фирмам нанесли и проведенные в Иране меры по ограничению валютных операций, а также введение монополии внешней торговли. В специальном отчете Лиги наций в 1931 г. английское правительство, отмечая малые перспективы транзитной торговли с Ираном через Басру и Персидский залив, в то же время выражало надежду, что строительство в Ираке железнодорожных и воздушных путей к Средиземному морю сохранит положение Ирака как складского рынка для Западного Ирана [43, стр. 212]. Эти надежды в известной мере были связаны и с проводимым иранским правительством курсом на ослабление торгово-экономических связей северных провинций Ирана с СССР.

Одновременно с официальным признанием Ирака Иран признал новое арабское государство — Хиджас-Неджд. В начале августа 1929 г. в Тегеран прибыла хиджасская делегация во главе с представителями короля Ибн Сауда шейхами Абу аль-Фазлом и Мохаммедом аль-Ревафом [371, 12.VIII.1929]. 24 августа премьер-министр Ирана Мехди Голи-хан Хедаят подписал с ними договор о дружбе, предусматривавший установление дипломатических и консульских отношений между двумя странами, предоставление подданным одной стороны на территории другой стороны наибольшего благоприятствования, защиту Ибн Саудом иранских паломников и заключение в будущем торговых, экономических и других соглашений и конвенций [текст см.: 347в, стр. 381—383; 42, стр. 285—288].

Накануне ратификации договора министру иностранных дел Ирана был сделан в меджлисе запрос относительно формулировки «Хиджас, Неджд и присоединенные области», в которой некоторые депутаты усмотрели посягательство Ибн Сауда на Бахрейн. В связи с этим министр заявил, что Бахрейн является неотъемлемой частью Ирана [371, 10.I.1930]. В январе 1930 г. договор был утвержден, и затем в Джидде состоялся обмен ратификациями. Однако дипломатические отношения между двумя странами так и не были установлены, равно как и не были подписаны предусмотренные соглашения и конвенции.

Иран поддерживал в этот период отношения и с другим арабским государством — Египтом. Еще в ноябре 1928 г. между ними был подписан договор о дружбе и поселении [367, стр. 372]. 17 июня 1930 г. иранский министр иностранных дел Форуги и египетский посланник в Тегеране Мохаммед Еффат-бей обменялись нотами о регулировании таможенных вопросов между двумя странами [текст см.: 42, стр. 597—598].

Продолжали оставаться дружественными и отношения Ирана с его восточным соседом — Афганистаном. Однако сохранение среди части правящих кругов Ирана аннексионистских притязаний на Герат в период антиправительственного восстания 1929 г. в Афганистане создало угрозу подрыва дружественных отношений между двумя странами.

В самом начале антиправительственного восстания иранское правительство направило на самолетах к Аманулле-хану офицеров генерального штаба, предложивших ему военную помощь в борьбе с повстанцами. Л. Фишер пишет, что в качестве условия предоставления этой помощи был выдвинут вопрос о компенсации Ирана за счет провинции Герат, но Аманулла отказался принять это предложение [243, стр. 793; 48, № 2(10), 1929, стр. 41].

В дальнейшем, касаясь положения на ирано-афганской границе, иранская пресса, в частности газета «Иран», ставила вопрос о необходимости принятия иранским правительством мер для борьбы с «афганским бандитизмом» и для устранения беспорядков, вызванных отсутствием в Афганистане центрального правительства. 1 апреля 1929 г. советский полпред в Тегеране Я. Х. Дав-

тян писал в Народный Комиссариат иностранных дел СССР: «Статья в газете „Иран“ о „бандитизме на афганской границе“, несомненно, инспирирована шахским двором. Она имеет целью выявить общественное мнение на случай, если персидское правительство потом прибегнет к каким-нибудь действиям на границе. Теймурташ сегодня подозрительно горячо жаловался мне на этот бандитизм» [23, т. XII, стр. 132].

В то же время иностранные газеты, в частности американская «Чикаго Трибюн», английская «Дейли Телеграф» и немецкая «Фоссише Цайтунг», сообщали, что «в Тегеране говорят о возможной интервенции Персии в дела Афганистана в целях оккупирования Гератской провинции» [см. 23, т. XII, стр. 167; 48, № 2(10), 1929, стр. 41]. Одна из английских газет намекала иранскому правительству на возможность поддержки со стороны Англии: «Персия стремится к захвату Герата почти в течение столетия. Англия дважды помешала персам занять его. Но разве теперь в Лондоне не предпочтут видеть Герат скорее в руках персов, чем в руках афганцев, дружественных Советскому Союзу?» [цит. по: 48, № 2(10), 1929, стр. 41].

Несколько позже иранская газета «Хабль уль-Матин», издававшаяся в Индии, доказывала, что Герат является неотделимой частью Ирана и что иранское правительство не потеряло на него своих прав, тем более что дружественное Ирану правительство Аманулы сошло со сцены, и предлагала иранскому правительству признать нового правителя Афганистана только в обмен на признание им прав Ирана на Герат. 20 августа 1929 г. эта же газета писала: «Персия должна помочь Афганистану, несмотря на то что соседям Афганистана это может не понравиться» [48, № 2(10), 1929, стр. 41—45].

Кроме того, советскому полпреду в Тегеране стало известно о подготовке иранским правительством под предлогом борьбы с бандитизмом военной авантюры в районе Герата, о создании специальной военной группы с усиленным вооружением и концентрации на ирано-афганской границе иранских военных частей. Руководство всеми вопросами, в том числе и военными, по приказу шаха было сосредоточено в руках Теймурташа. Советский полпред в неофициальном порядке предостерег ша-

ха и Теймурташа от военных авантюр. Последний категорически отрицал наличие подобных намерений, но у Я. Х. Давтяна «создалось впечатление, что в этих отрицаниях Теймурташ был не вполне искренен». «Я считаю необходимым, — писал Я. Х. Давтян 8 апреля в НКВД СССР, — сделать Теймурташу и официальное предложение от имени Советского правительства» [23, т. XII, стр. 136, 745].

Сведения о возможности вооруженного вмешательства Ирана в дела Афганистана давали основание полагать, что иранские круги рассчитывают на поддержку Англии и других держав, деятельность которых в Афганистане была направлена на подрыв государственного порядка и политической независимости. В силу этого всякая попытка интервенции в Афганистане, которая была бы предпринята Ираном под влиянием советов этих держав, имела бы для Ирана весьма тяжелые последствия, так как поставила бы его в ряды врагов политической независимости государств Востока и изолировала бы от этих государств.

В этих условиях правительство СССР решило во что бы то ни стало удержать Иран, по словам Л. М. Карахана, «от этого безумного шага». В частности, было принято решение сделать представление правительству Ирана одновременно через иранского посла в Москве и советского полпреда в Тегеране. С целью придать этому демаршу более эффективный характер правительство СССР 11 апреля предложило турецкому правительству сделать одновременное предостережение Ирану [23, т. XII, стр. 138—139, 745].

15 апреля заместитель наркоминдела СССР Л. М. Карахан сделал послу Ирана в Москве Али Голи-хану Ансари официальное представление, в котором после изложения имеющихся сведений о возможности вооруженной интервенции Ирана в Афганистан заявил: «СССР не может быть безразличным к подобной попытке... нарушить неприкосновенность Афганистана и со своей стороны считает необходимым довести до сведения Персидского Правительства о своем отрицательном отношении к подобной попытке, предостеречь Персидское Правительство от последней, а также просить Персидское Правительство о принятии им мер, чтобы помешать намерениям безответственных кругов нарушить мирные

отношения между государствами» [23, т. XII, стр. 167—168].

17 апреля аналогичное представление было сделано полпредом СССР в Тегеране Я. Х. Давтяном исполняющему обязанности министра иностранных дел Ирана Фарзину. На следующий день, 18 апреля 1929 г., представление, аналогичное советскому, сделал турецкий посол в Тегеране Момдух Шовкет-бей [23, т. XII, стр. 167, 205, 701, 745].

В беседе с советским полпредом Теймурташ решительно отрицал наличие у Ирана каких-либо планов в отношении Афганистана. «После объяснений, — писал Я. Х. Давтян, — мы оба пришли к выводу, что этот инцидент не должен в какой-либо степени влиять на наши дружественные отношения» [23, т. XII, стр. 205].

Спустя несколько дней иранский посол в Москве Али Голи-хан Ансари сообщил Л. М. Карахану, что «персидское правительство дружелюбно относится к Афганистану, желает, чтобы внутренние затруднения в этой стране были изжиты ее собственными силами, и не имеет никаких агрессивных намерений в отношении Афганистана или его территории» [23, т. XII, стр. 745; 50, 25.IV.1929].

Таким образом, независимо от того, имело иранское правительство какие-либо агрессивные намерения в отношении Афганистана или нет, дружественное представление Советского Союза сыграло положительную роль, так как способствовало разрядке напряженности на Среднем Востоке и дальнейшему укреплению ирано-афганских отношений.

Отказавшись от вмешательства во внутренние дела Афганистана, иранское правительство широко открыло двери для афганских беженцев. Хорасанскому генерал-губернатору была послана инструкция о поселении беженцев на территории управляемой им провинции [371, 2.VIII.1929, 3.VIII.1929; 369, 12.VII.1929]. В конце июля 1929 г. в Тегеран прибыли члены афганской королевской семьи [379, 26.VII.1929; 287, стр. 317]. Аманулла на встрече в Каире с иранской, афганской и индийской колониями выразил признательность Реза-шаху за приглашение в Иран представителей королевского рода Дурани [378, 11.VII.1929].

В то же время иранское правительство предпринима-

ло все меры, чтобы предотвратить использование афганскими беженцами территории Ирана для подрывных действий против нового афганского правительства [см. 48, № 2(10), 1929, стр. 77]. В дальнейшем иранское правительство признало нового афганского короля — Надир-шаха и продолжало проводить дружественную политику в отношении Афганистана.

Таким образом, в период мирового экономического кризиса Иран продолжал поддерживать дружественные отношения с соседними Турцией и Афганистаном, а также установил тесные связи с Ираком. Политика иранского правительства в отношении сопредельных восточных стран способствовала, несмотря на сохраняющиеся разногласия с Ираком по вопросу о Шатт-эль-Арабе, укреплению безопасности западных и восточных границ Ирана. Вместе с тем нельзя не отметить усиления в этот период во внешней политике Ирана по отношению к сопредельным странам Востока в ущерб антиимпериалистическим тенденциям антидемократических тенденций, а также гегемонистских, великодержавных устремлений.

* * *

В период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. внешняя политика Ирана продолжала основные тенденции и направления предшествующего периода. Достижение в годы временной стабилизации капитализма политической независимости и дружественная поддержка СССР дали правительству Реза-шаха возможность сделать в период мирового экономического кризиса ряд важных шагов на пути освобождения страны от экономической зависимости (укрепление национальной торговли, создание собственной, главным образом государственной, промышленности, льготы национальному капиталу и т. д.).

Важным достижением иранского правительства было дальнейшее ослабление влияния Англии в стране. К. Скрайн, занимавший в 1928—1930 гг. пост английского консула в Заболе, перечисляя такие меры иранского правительства, как ликвидация капитуляций, лишение Шахиншахского банка функций государственного банка, национализация иранского участка индо-европейской телеграфной системы, закрытие «имперского воздушного

пути» в Индию на иранском побережье Персидского залива, ограничение политических прав АПНК, пишет, что «все эти и другие перемены имели результатом прогрессивное ослабление британского влияния и престижа» [98, стр. 74]. Следовало бы также отметить ослабление позиций Англии во внешней торговле Ирана, равно как и общее ограничение ее возможностей влиять на экономику страны через внешнеторговые и финансовые каналы.

Однако правящий блок, видевший в Англии главного союзника по борьбе с непрекращающимся демократическим движением своего народа, сохранил основные устои английских колониальных позиций в стране, являвшихся главным препятствием на пути Ирана к достижению полной экономической и политической независимости. Г. Ленчовский пишет: «Отношения Ирана с Англией в течение этого времени прошли через различные фазы, от внешней корректности до открытой вражды. Но даже тогда, когда их отношения не были слишком дружественными, Иран был ближе к Англии, чем к какой-либо другой державе» [265, стр. 165—166]. Британская газета «Дейли Телеграф» в номере от 28 ноября 1933 г., т. е. спустя всего лишь несколько месяцев после англо-иранского конфликта по вопросу о нефтяной концессии, утверждала, что «если персам предложат выбор между Москвой и Лондоном, то они без колебания, начиная от шаха и включая все прочее население, встанут на сторону Британии».

Интересны признания тогдашнего министра иностранных дел Ирана Форуги, который публично любил говорить о себе, что он «друг СССР и друг Англии» [82, стр. 28, 43]. В конфиденциальной же беседе с В. фон Блюхером он фактически отдал предпочтение Англии. «Цель персидской внешней политики, — заявил Форуги, — состоит в том, чтобы сохранить полную независимость и особенно не допустить, чтобы Россия и Англия вновь заняли такое же положение, какое они имели перед войной. Для этого Персия не должна... отдавать предпочтение ни одной из них. Что касается России, то различие между персами и русскими так велико, что взаимное сотрудничество чрезвычайно затруднительно... С Англией положение обстоит несколько иначе» [85, стр. 191].

Немаловажную роль в улучшении ирано-английских отношений играли те уступки, которые правящие круги Великобритании делали Ирану в целях привлечения на свою сторону правящих кругов страны и использования их в своих антисоветских целях. Стремясь ослабить влияние английского империализма в стране, правящие круги Ирана в то же время использовали в своих интересах и стремление Англии к превращению Ирана в форпост против распространения «большевистской» пропаганды в Индию и другие ее владения в Азии. Двойственность и противоречивость внешнеполитической концепции Ирана допускала применение наступательных методов дипломатии лишь в крайне ограниченных масштабах.

Хотя в период мирового экономического кризиса иранское правительство в деле ослабления английского влияния по-прежнему опиралось на дружественную поддержку СССР, сотрудничество с сопредельными Турцией и Афганистаном, а также использовало техническую помощь Германии, однако в отношениях Ирана с этими государствами тоже произошли немаловажные изменения.

Иранское правительство еще более решительно, чем прежде, стремилось не допустить слишком тесного сближения с первой в мире социалистической страной, социальные и политические изменения в которой оказывали большое влияние на иранских трудящихся и радикально настроенные мелкобуржуазные круги. В соответствии с этим в отношениях Ирана с Турцией и Афганистаном, имевших в предыдущий период определенную антиимпериалистическую направленность и развивавшихся при дружественном содействии Советского государства, усиливаются антидемократические тенденции, поощряемые Англией и другими империалистическими державами. Влияние империализма на отношения Ирана с сопредельными странами Востока проявилось и в улучшении его отношений с Ираком, сохранявшим зависимость от Англии.

Рассматриваемый период был отмечен дальнейшим ослаблением «иранского узла» в общей линии сближения Турции, Ирана и Афганистана с Советским Союзом. Даже Тевфик Рюштю во время пребывания в Иране был вынужден, по его словам, убеждать иранское правитель-

ство «в том, что персы, если они действительно хотят иметь с СССР такие же тесные отношения, какие существуют между СССР и Турцией, должны с большим доверием относиться к СССР и быть смелее в своих попытках углубить отношения», «в том, что персы не должны стремиться к использованию антагонизма между СССР и Великобританией», «что эта политика может быть гибельной для Персии» [23, т. XV, стр. 94]. Советское правительство, стремясь содействовать обеспечению подлинной безопасности и независимости Ирана, со своей стороны терпеливо старалось подтянуть отношения с Ираном на уровень своих отношений с Турцией и Афганистаном. В ответ на замечание турецкого посла в Москве о том, что «отношения СССР с Турцией должны быть несколько более тесными, чем отношения СССР с Персией», Л. М. Карахан разъяснил, что «персам приходится значительно труднее, чем независимой Турции. Англичане все-таки имеют большой вес в Персии» [23, т. XV, стр. 62].

«Доктрина третьей силы» к началу 30-х годов становится краеугольным камнем внешнеполитической концепции правящих кругов Ирана. Хотя под влиянием экономического кризиса, имевших место осложнений в ирано-германских отношениях и разоблачения деятельности финансовых советников Германия в этот период лишилась своих основных позиций в Иране, тем не менее именно тогда были заложены основы последующего сближения правящих кругов Ирана с фашистской Германией. Одним из важнейших мотивов этого сближения было установившееся в период кризиса сотрудничество правящих кругов обеих стран в деле борьбы с революционным движением.

Усиление антикоммунистических тенденций во внешней политике правящих кругов Ирана и их непоследовательности в борьбе с империализмом было вызвано обострением в условиях экономического кризиса социальных противоречий и классовой борьбы в стране, равно как и во всем капиталистическом мире.

НА ПЕРЕПУТЬЕ (1934—1941)

ВНУТРЕННЕЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ ИРАНА

Период после мирового экономического кризиса был важным этапом в экономическом развитии Ирана: с одной стороны, преодолевались последствия кризиса, с другой — продолжалось, в еще более широких масштабах, промышленное развитие страны.

Появившиеся еще в последние годы мирового экономического кризиса признаки некоторого улучшения рыночной конъюнктуры в последующие годы получили дальнейшее развитие, что отражало, в частности, повышение спроса внешнего рынка на товары иранского экспорта. Однако в целом ежегодный баланс внешней торговли в 1933—1939 гг. был пассивным. Дефицит внешней торговли Ирана за эти годы составил почти 1 млрд. риалов — около 11% всего внешнего товарооборота. На покрытие этого дефицита иранскому правительству приходилось изымать средства из валютных фондов, образуемых из концессионных взносов АПНК и от обмена иностранной валюты на риалы [185, стр. 213—214].

В. С. Глуходед пишет: «Трудности, переживаемые Ираном в области внешней торговли, были неизбежным следствием его положения в сложившейся системе международного разделения труда. Оставаясь в составе мирового капиталистического рынка, Иран не мог избежать тех последствий, которые объективно вытекали из колониального характера его экономики» [120, стр. 125]. «Тяжесть последствий внешнеторгового кризиса, длительный и болезненный характер выхода из него определялись низким уровнем развития производительных сил и колониальной зависимостью хозяйства страны от мирового рынка... Это, в свою очередь, создавало реаль-

ную угрозу политической самостоятельности Ирана, обусловленную сохранением его экономической зависимости» [120, стр. 129—130].

Интересы укрепления политической и достижения экономической самостоятельности требовали ускоренного развития производительных сил путем радикальной ломки феодальных производственных отношений, расширения и углубления реформ, направленных на дальнейшее ослабление империалистических позиций в стране. Однако правящие круги Ирана главным и чуть ли не единственным фактором общего подъема производительных сил и достижения страной экономической независимости считали промышленное развитие.

В. фон Блюхер пишет: «Во всех экономических мероприятиях преследовалась цель сделать персидское хозяйство по возможности независимым от заграницы. При этом шах придерживался своего экономико-политического кредо, которое он выражал в простой формуле: „В Персии имеются все виды сырья, в которых она нуждается, и можно все продукты, которые население потребляет, производить в собственной стране. Для этого необходимо только ввозить из Европы соответствующие машины“. По-видимому, шах принадлежал к тем, кто, по словам премьер-министра Мохбера ос-Салтане, верил в мистическое всемогущество машин, которые ему, по его военному образу мышления, казались, вероятно, одним из видов чудо-оружия. Он был твердо убежден, что чем больше машин будет ввезено в страну и чем больше будет основано в ней фабрик, тем богаче и счастливее станет также население» [85, стр. 220].

Классово ограниченная позиция официальных кругов находила отражение в прессе. В апреле 1934 г. газета «Эттелаат» писала: «Создание крупных фабрик и заводов, с постройкой которых мы сможем удовлетворить наши насущные потребности без заграницы, является вопросом крайней необходимости... Прежде всего мы должны устранить нашу зависимость от заграницы и выпускать дешевые товары. И в конце концов промышленные предприятия, т. е. фабрики и заводы, окажут глубокое и важное воздействие на благоустройство и благополучие страны, а благоустройство, благополучие и деятельность умножат наши силы, укрепят нас в экономической жизни и окажут чрезвычайно эффективную

помощь в деле ускорения темпов нашего развития» [цит. по: 120, стр. 132—133].

Правда, протекционистские мероприятия правительства обусловили довольно быстрые темпы концентрации капитала. Если в 1930—1931 гг. в стране насчитывалось всего 43 промышленных ширкета с капиталом в 48 млн. риалов, то в 1940—1941 гг. их было уже 528, а сумма вложений достигла 525 млн. риалов [185, стр. 128]. Общее число зарегистрированных компаний возросло с 93 в 1932 г. до 1735 в 1940 г., а их капитал увеличился со 143 млн. до 1863 млн. риалов [141, стр. 75]. Концентрация промышленного, торгового и ссудного национально-го капитала создавала возможности дальнейшего некоего ослабления засилья иностранного капитала на внутреннем рынке Ирана и его влияния на экономическое развитие страны.

Строительство промышленных предприятий по-прежнему осуществлялось государственным и частным национальным капиталом. В 1931—1941 гг. в Иране было создано 136 промышленных предприятий [185, стр. 129]. При этом на долю государственных предприятий приходилась половина всего капитала, инвестированного в фабрично-заводскую промышленность, и около трети установленных мощностей [120, стр. 158]. Еженедельник «Нир Ист энд Индиа» от 19 сентября 1935 г. в связи с ростом в Иране числа компаний с участием государства писал: «В этом отношении Иран определенно подвергается значительному влиянию примера своего северного соседа» [цит. по: 51, 1935, № 4, стр. 10].

Значительный импульс капиталистическому предпринимательству дало строительство Трансиранской железной дороги, все еще вызывавшее споры в правящих кругах по части возможностей финансирования и направления отдельных участков. В. фон Блюхер пишет, что Трансиранская железная дорога «была любимым детищем шаха. Он направил свою огромную энергию на то, чтобы этот колоссальный проект осуществить уже при своей жизни и таким образом оставить после себя поистине гигантский памятник... И шах был недоступен всем возражениям. Он вбил себе в голову конструкцию и направление линии, и ничто не могло отвлечь его от готовых решений» [85, стр. 221—222]. Благодаря настойчивости шаха строительство дороги было завершено на

полтора года раньше срока, осенью 1938 г. (по условию контракта с консорциумом «Кампсакс», окончание строительства предусматривалось весной 1940 г.) [337, 1347, стр. 40].

Однако сдвиги в развитии национальной промышленности, не сопровождавшиеся прогрессивными социальными реформами, не могли оказать значительное влияние на общее состояние экономики Ирана. Продукция национальных промышленных предприятий в весьма малом объеме покрывала рыночный спрос населения. В 1936/37 г. за счет импорта обеспечивалось 82,7% потребления сахара, 82,2% — цемента, более половины — текстиля [120, стр. 83; ср. 185, стр. 131, 134]. В последующие годы положение мало изменилось, хотя удельный вес промышленной продукции в народном хозяйстве Ирана повысился с 9,5% в 1936/37 г. до 18,6% в 1940/41 г. [141, стр. 75].

Развитие национального фабрично-заводского производства в Иране по-прежнему носило полуколониальный характер. Основная масса инвестированного в промышленность капитала приходилась на долю легкой и пищевой отраслей. Капиталовложения в производство средств производства, в частности машиностроение, полностью отсутствовали, а в горнодобывающую промышленность и металлургию были ничтожно малы. В 1938 г. германские и шведские фирмы построили недалеко от Тегерана Парчинский химический комбинат [123, стр. 84]. Выстроенные ранее гудронный, глицериновый и цементный заводы представляли собой небольшие предприятия. Медеплавильный завод в Ганиабаде, построенный к 1937 г. концерном Круппа, едва обеспечивал нужды мелких предприятий военной промышленности [360, стр. 389].

Иностранный капитал по-прежнему отказывался не только от инвестиций, но и от строительства в Иране предприятий тяжелой индустрии. Накануне войны несколько германских фирм обязались поставить Ирану оборудование для металлургического и ряда других заводов на общую сумму 85 млн. марок [292, стр. 101]. Германское объединение «Феррошталь» взялось в 1936 г. за постройку большого комбината цветных металлов в Анареке, а концерн Круппа обязался к маю 1940 г. соорудить в Кередже металлургический завод. Однако,

став на путь прямого обмана иранского правительства, они по существу игнорировали свои обязательства. В результате правительство было вынуждено в сентябре 1938 г. расторгнуть контракт с фирмой «Феррошталъ», а позже законсервировать строительство Кереджского завода [56, 23.X.1938; 375, 1340, № 3, стр. 62—63]. В начале апреля 1940 г. германская компания «Браст» выступила с предложением закончить строительство этого завода, но ее предложение не было принято [377, 1346, стр. 273]. Иранская промышленность по-прежнему полностью зависела от импорта оборудования и услуг иностранных специалистов, хотя в годы кризиса правительство в некоторой мере сократило их число.

Не менее важным препятствием на пути промышленного развития была узость внутреннего рынка, обусловленная крайне низкой покупательной способностью основной массы населения. Это не только суживало рамки промышленного производства, но и тормозило общее социально-экономическое развитие страны. К тому же, как отмечалось выше, аграрное законодательство режима Реза-шаха, направленное на расширение помещичьего землевладения, хотя и установило буржуазную частную собственность на землю, но в то же время законсервировало феодальные производственные отношения в деревне. Расширение внешнеторговых связей и развитие товарного производства также ухудшили положение подавляющей массы крестьянства. Помещичьи поборы и государственные налоги поглощали не только весь прибавочный продукт крестьянского труда, но и значительную часть необходимого продукта.

Начиная с 1934 г., когда правительство стало проводить активную политику аккумуляирования частного капитала в ширкетах, усилилась торгово-ростовщическая эксплуатация иранской деревни. Финансируемые государством сельскохозяйственные ширкеты, получив право на оптовую заготовку сельскохозяйственных продуктов и установление на них лимитированных цен, стали гегемонами на внутреннем рынке иранского сырья и сбыта промышленных товаров. Пользуясь правом установления лимитированных закупочных и монопольных продажных цен, организованный в ширкеты торговый капитал использовал старые, ростовщические методы эксплуатации крестьянства, наживая огромные прибыли [185,

стр. 73, 88]. Крестьянство задыхалось в тисках помещичьей и торгово-ростовщической эксплуатации.

Активное вмешательство государства в экономическую жизнь страны, предпринятое с самого начала с целью ослабить разрушительное воздействие мирового экономического кризиса и способствовавшее некоторому прогрессу национальной экономики и ослаблению ее зависимости от империализма, имело определенную антиимпериалистическую направленность. Однако политика насаждения монопольных обществ — ширкетов, которую государство начало проводить после 1934 г., изменила социальную сущность регулирующей деятельности правительства. Теперь эта деятельность закладывала социально-экономические и политические основы последующего усиления зависимости Ирана от империалистических держав, поскольку укрепляла экономические и политические позиции помещиков и верхушки буржуазии, главным образом ее антинациональной компрадорской прослойки. Это явление ярко проявилось в эволюции монополии внешней торговли Ирана.

Законы о монополии внешней торговли были прогрессивным актом правительства, направленным на ограничение свободы торгового и ростовщического капитала, внедрение в экономическую жизнь страны государственного контроля, создание условий, благоприятствующих развитию национальной промышленности. Столкнувшись с оппозицией крупного купечества, правительство стало бороться с ней, в частности таким средством, как организация торговых ширкетов и предоставление им, начиная с 1934 г., монопольных прав на ввоз и вывоз основных товаров, на распределение импортных и закупку экспортных товаров на внутреннем рынке. Пытаясь сломить таким путем сопротивление купечества режиму монополии внешней торговли и одновременно централизовать торговый капитал и использовать его для проведения внешнеторговых операций под непосредственным государственным контролем, иранское правительство фактически шло на уступки домогательствам крупной буржуазии [185, стр. 210—213].

Таким образом, в условиях помещичье-буржуазного режима монополия внешней торговли превратилась в государственную помощь господствующей верхушке за счет налогового обложения народных масс. Проведение

правительством в интересах крупного купечества политики снижения закупочных и повышения продажных цен на внутреннем рынке привело к тому, что монополия внешней торговли, по словам Дж. Мэрлоу, стала в сущности средством обложения высоким налогом основных производителей экспортного сырья и потребителей импортных изделий, т. е. широких народных масс. К 1936 г. правительство сохраняло монопольный контроль лишь над 33% всего импорта и 44% экспорта [271, стр. 103, 262]¹.

Организационное слияние внутренней торговли с внешней превращало ширкеты (которые осуществляли внешнеторговую монополию и частные капиталовложения которых принадлежали преимущественно компраторской прослойке крупной торговой буржуазии) «в действительных гегемонов на внутреннем и внешнем рынках Ирана. Эти ширкеты превращались в организации, которые в конечном итоге стали фактически подчинять своим коммерческим интересам политику иранского правительства. Последнее своим паевым участием в них и кредитованием их на средства казны (за счет налогового обложения народных масс) способствовало сращиванию государственного капитала с частным» [185, стр. 212].

Все это вело к краху политики нетто-баланса и девизной монополии. Систематическое превышение годовых импортных контингентов, проводимое под давлением монопольных ширкетов, привело к тому, что внешнеторговый дефицит опять превратился в хроническое явление, а проводившееся правительством под давлением купечества снижение процентной нормы обязательного покрытия стоимости импорта валютной выручкой от экспорта иранских товаров подрывало девизную монополию. Другими причинами краха политики нетто-баланса являлся рост импорта фабрично-заводского оборудования для развивающейся национальной промышленности и подвижного состава для Трансиранской железной дороги [185, стр. 213—214].

¹ По данным И. И. Палюкайтиса, ширкеты к этому времени сосредоточили в своих руках операции, охватывающие около 80% стоимости всего экспорта Ирана и свыше 52% импорта [185, стр. 212].

Протекционистские мероприятия по развитию национальной промышленности, в которых иранское правительство также видело средство борьбы с оппозицией крупного купечества режиму монополии внешней торговли, создавали благоприятные условия для переливания частного капитала из сферы торговли в сферу промышленности. Но, все явственнее приобретая характер государственной помощи частному сектору, эта политика приводила к тесному сращиванию государственного капитала с частным, являлась своеобразной модификацией процесса частнокапиталистического накопления [подробнее см.: 175, стр. 354—355; 185, стр. 210—214].

«Такого рода социально-экономические последствия государственного вмешательства в хозяйственную жизнь определялись характером политической власти... Непременной основой этого процесса была общеэкономическая отсталость, сохранение полуфеодалных отношений в деревне и соответствующая этому слабость развития капитализма „снизу“ — из крестьянской и ремесленной верхушки. Только такая среда позволяла небольшой кучке крупных плутократов сохранять монопольное положение в экономике. В свою очередь господство бюрократического капитала сдерживало „нормальное“ капиталистическое развитие, душило мелких и мельчайших национальных предпринимателей» [175, стр. 355].

Укрепление экономических и политических позиций помещиков и крупной буржуазии сопровождалось подчинением их интересам аппарата государственной власти, его внутренней и внешней политики. Под влиянием этих кругов правительство фактически встало на путь свертывания реформаторской деятельности, так и не преодолев до конца переживаемый экономикой общий структурный кризис.

Изменения социально-экономического порядка, происходившие в иранском обществе в 30-х годах, в политической области нашли проявление в усилении реакционных тенденций диктаторского режима, единственной политической функцией которого по мере подавления феодально-сепаратистских элементов становится борьба с демократическим движением. Усилившиеся в годы мирового экономического кризиса рабочие и крестьянские выступления жестоко подавлялись. В стране установился режим полицейского произвола, облегчавший господ-

ствующим классам усиление эксплуатации широких народных масс.

С целью искоренения всяких ростков передовой общественной мысли была расширена борьба на идеологическом фронте. Все служащие, а также студенты и учащиеся школ в обязательном порядке должны были посещать лекции, устраиваемые Институтом по ориентации общественного мнения (организован в январе 1939 г. в Тегеране по инициативе правительства) [238, стр. 147; 293, стр. 76]. Были созданы также различные полицейские организации и общества со своими печатными органами: «Парвареш-е афкар» («Воспитание мыслей»), «Иран-е бастан» («Древний Иран») и др. По распоряжению министерства просвещения в школах (начиная с 1933 г.) начали создаваться бойскаутские отряды и различные военизированной-спортивные организации, призванные усилить контроль над настроениями молодого поколения [324, стр. 271—275, 284].

В целях укрепления господства имущих классов пропагандировались идеи ярого национализма и паниризма. Народу настойчиво внушали мысль о величии древнего Ирана, о необходимости возрождения его былой мощи, о великой миссии иранцев и т. д. С этим было связано принятое в декабре 1934 г. решение именовать страну в официальной дипломатической переписке с 21 марта 1935 г. не Персией, а Ираном [46, т. 298, стр. 351]², введение староиранских названий месяцев и вообще переход на солнечное летосчисление и т. п. По отношению к неиранским народностям и племенам страны проводилась политика великодержавного шовинизма и национального угнетения.

Проводимая правящими кругами политика укрепления власти помещичье-буржуазного блока наталкивалась на упорное сопротивление демократических сил. К 1934 г. активизировала свою деятельность Коммунистическая партия Ирана. Центральным органом партии стал журнал «Донья» («Вселенная»), на страницах которого пропагандировались марксистско-ленинские идеи, разоблачалась политика иранских реакционеров и империалистических держав. Помимо пропагандистской дея-

² Дипломатическая почта, адресованная «Персии», возвращалась отправителю [293, стр. 73].

тельности иранские коммунисты вели большую работу по организации забастовок рабочих и учащейся молодежи. Однако вскоре партийные кадры были выслежены властями и подверглись репрессиям.

Усилившийся в стране произвол коснулся и отдельных вполне лояльных к режиму представителей правящих кругов. Характерны в этом отношении расправа Реза-шаха из соображений главным образом личного характера с такими крупными государственными деятелями Ирана, как Теймурташ, Сардар Асад, а также самоубийство Давера [подробнее см.: 337, стр. 34—62, 78—97; 325, стр. 241—243; 377, 1347, стр. 42—43; 85, стр. 256—260]. В некрологе на смерть Теймурташа лондонский «Журнал Королевского Центрально-Азиатского общества» справедливо отмечал: «Его взлет и падение были характерными особенностями нынешнего режима в Персии» [68, 1934, т. XXI, ч. 1, стр. 93].

Физическое уничтожение «мозгового треста», будучи само следствием усиления реакционных сторон диктаторского режима, не могло не сказаться самым отрицательным образом на политической жизни Ирана. Имея в виду убийство Теймурташа, Хаас пишет: «Этот трагический эпизод оказал весьма злосчастное влияние на разум и поведение шаха. С этого времени его подозрительность и презрение к людям возросли, и он отгородил себя от старых друзей и их советов. Он жил в изоляции и превратился в тирана, требующего покорности, полнейшей и беспрекословной» [249, стр. 147].

Не менее интересно свидетельство В. фон Блюхера: «После падения министра двора все дела должны были проходить через отраслевых министров. Но они были зависимы от кабинета и не могли без его согласия принимать какие-либо решения. Кабинет же не осмеливался делать что-либо без одобрения шаха, сотрудничество с которым было значительно более тяжелым. Вследствие этого деловой ритм замедлился, и затруднения и задержки стали более многочисленны, чем прежде. Особенно опасным оказалось то, что личное влияние, которое Теймурташ в повседневном общении оказывал частью сознательно, частью бессознательно на шаха, кончилось и никто не занял место личного ментора. В результате бродившие в психике шаха инстинктивные силы выдвинулись на передний план» [85, стр. 279].

Хотя «место личного ментора» и осталось вакантным, по свидетельству Фарроха, после падения Теймурташа вторым лицом в государстве считался генерал Мохаммед Хосейн-хан Айром, честолюбивый и неразборчивый в средствах, в короткий срок сделавший карьеру от рядового казачьего офицера до начальника полицейского управления. Созданная Айромом широкая агентурная сеть (среди его осведомителей были и депутаты меджлиса) установила полицейскую слежку за всеми государственными служащими, начиная от рядового чиновника и кончая министром. Фаррох сообщает, что, создавая ежедневно какое-нибудь ложное дело, Айром стремился усилить свою власть в стране; с целью втереться в доверие к шаху он фабриковал лживые донесения. Впоследствии, опасаясь, по-видимому, разоблачения, Айром под предлогом лечения уехал в Европу, а затем остался там, поступив на службу в гитлеровское гестапо [360, стр. 313—333].

К концу 30-х годов среди части господствующих классов стала расти оппозиция (как справа, так и слева) к диктаторскому режиму. Л. Элвелл-Саттон пишет: «Реза-шах в последние годы своей власти уже в значительной мере утратил свою прежнюю популярность. Взятый им темп был слишком быстр и труден, особенно для людей старшего поколения, привыкших в прежние времена жить и делать все не спеша. А среди людей младшего поколения были, возможно, и такие, взгляды которых опережали даже новую политику Реза-шаха, которые считали, что установленный им диктаторский режим перестал быть движущей силой прогресса Ирана и, наоборот, стал его тормозом... Национальная диктатура стала для него (молодого поколения. — С. А.) так же невыносима, как и иностранное господство» [213, стр. 85—86].

Изменения социально-экономического и внутривнутриполитического характера, происходившие в 30-х годах в иранском обществе, облегчали империалистическим державам осуществление экспансионистских планов в Иране. Активизация империалистической экспансии в этот период была обусловлена стремлением подчинить Иран своему влиянию с целью использовать его экономические ресурсы и военно-стратегические возможности для подготовки войны против СССР, в которой западные державы видели выход из экономического кризиса и

последовавшей за ним хозяйственной депрессии. Накануне второй мировой войны Иран становится объектом ожесточенного соперничества империалистических держав за господствующее положение в стране.

Особую активность в эти годы проявляла в Иране гитлеровская Германия, которая в целях расширения своего военного производства и создания военных запасов, а также использования в антисоветских и антибританских планах чрезвычайно выгодного стратегического положения Ирана на подступах к Советскому Закавказью и Средней Азии, к Ираку и Индии развернула усиленную экономическую и политико-идеологическую экспансию в этой стране. В 1934 г. Гитлер говорил: «На Востоке мы должны распространить наше господство... до Ирана» [цит. по: 158, стр. 684].

Опираясь на успехи, достигнутые Веймарской республикой, и действуя методами экономической агрессии, Третий рейх стремился захватить ключевые позиции в экономике и политике Ирана. С этой целью германские монополии добивались установления контроля над внутренними коммуникациями Ирана (железными, шоссейными дорогами, морским транспортом) и строительством всех крупных экономических объектов в стране. Деятельность Германии в этом направлении усиливала зависимость иранской промышленности от германских поставок запасных частей, способствовала увеличению германского экспорта, благоприятному торговому балансу и давала возможность засылать в Иран специалистов и таким образом укреплять свое политическое влияние в стране.

Важнейшей формой германской экспансии была внешняя торговля, которую германский империализм рассматривал как средство уничтожения экономической самостоятельности страны. Готовясь к войне за мировое господство, фашистская Германия использовала Иран не только как рынок сбыта, но и как источник сырья для своей промышленности. Успехам внешнеторговой экспансии германских монополий в Иране способствовало то обстоятельство, что фашистская Германия имела примерно такую же централизованную систему внешнеторговой организации, которая установилась в Иране в 1931 г. после введения монополии внешней торговли [подробнее см.: 217, стр. 47]. Это значительно облегчало

заключение торговых сделок между двумя странами и способствовало укреплению германских позиций на иранском рынке.

Экономическая и политическая экспансия фашистской Германии сопровождалась усиленной идеологической обработкой общественного мнения в Иране. Существенное место в гитлеровской пропаганде занимали нелепые теории об общем арийском происхождении немцев и иранцев. Специальным декретом германское правительство освободило иранцев как «чистокровных арийцев» от действия ограничительных положений нюрнбергских расистских законов [264, стр. 160]. По словам гитлеровских пропагандистов, Германия была призвана освободить Иран от засилья Англии и Советского Союза. Фашисты всячески разжигали паниранистские настроения среди господствующих классов, обещая своему «младшему брату» германскую помощь в создании «Великого Ирана» (разумеется, за счет советской территории).

Весьма активно действовала в Иране в предвоенные годы союзница Германии по антикоминтерновскому пакту — Япония. В начале августа 1938 г., в дни вооруженного нападения Японии на советскую территорию в районе оз. Хасан, в Стамбуле была проведена конференция японских дипломатических представителей в странах Ближнего и Среднего Востока, в том числе и Ирана, на которой обсуждались мероприятия по усилению анти-советских настроений среди правящих кругов этих стран и привлечению их на сторону Японии. Одновременно японские монополии усиленно пытались расширить торговлю с Ираном, наводняя его своими товарами. Представители концернов Мицуи и Муцубиси с октября 1938 г. вели в Тегеране переговоры о закупке большого количества иранского хлопка и опиума [56, 18.X.1938].

Активизировал свою деятельность в Иране и итальянский фашизм. В апреле 1939 г. Тегеран посетила правительственная делегация Италии в составе 13 человек во главе с наследным принцем [77, 8 и 17.IV.1939; 376, 1319, стр. 40]. В одном из докладов своему правительству итальянский посланник в Тегеране отмечал, что Иран является сильнейшей страной Среднего Востока и державы оси могли бы получить значительные выгоды от вовлечения его в войну на своей стороне [322, стр. 58].

После начала второй мировой войны фашистская Италия стала предпринимать попытки подобраться к иранской нефти. Германский посланник в Тегеране Эрвин Эттель в своем донесении в министерство иностранных дел писал: «Италия, бесспорно, затаила мысль получить решающий контроль над иранской нефтью» [346, стр. 382].

Нефтяными интересами руководствовались в своей политике в Иране и правящие круги Соединенных Штатов Америки. По словам тогдашнего государственного секретаря США К. Хэлла, они «не оставляли мысли о великом американском участии в делах Ближнего Востока» и Иран привлекал их внимание больше, чем какая-либо другая страна во всем этом районе [91, стр. 1500]. В 1934 г. представители американских нефтяных компаний приступили в Тегеране к переговорам о нефтяной концессии в Северном Иране [85, стр. 276—277].

В целом же Иран накануне второй мировой войны, как и в предшествующий период, оставался в сфере влияния британского колониализма, обладавшего такими крупными позициями в стране, как Англо-персидская нефтяная компания и Шахиншахский банк. После заключения иранским правительством нового концессионного соглашения с АПНК основной своей задачей в Иране правящие круги Великобритании считали сохранение таких условий, при которых английская нефтяная компания могла бы продолжать беспрепятственно грабить природные ресурсы и народ этой страны. Английский посланник в Тегеране Р. Хор говорил В. фон Блюхеру, что основным пунктом английской политики в Иране является обеспечение нефтедобычи [85, стр. 189].

Усиленно оберегая свои нефтяные интересы в южной части Ирана, английские империалисты в то же время не оказывали серьезного противодействия укреплению германских позиций в северных провинциях страны. Активность Германии англичане стремились использовать против СССР и антиимпериалистического демократического движения в Иране. Иранский писатель и публицист Бозорг Аляви считает, что попустительство Англии способствовало усилению германских позиций на иранском рынке и соответствующему укреплению антисоветских тенденций в политике и экономике Ирана, и указывает, что эти тенденции «полностью отвечали це-

левым установкам Британии, заинтересованность которой в иранском рынке отходила на задний план перед ее интересами в иранской нефти, а этим интересам нацизм угрожал меньше, чем иранский народ» [218, стр. 69].

Даже в начале второй мировой войны, когда угроза германской агрессии нависла непосредственно над самой Англией, группа сотрудников лондонского Королевского института международных отношений писала, что «главное значение Ирана для Британской империи состояло обычно в том, что он рассматривался как буфер против России» [41, стр. 167].

Однако следует отметить, что политика Англии по отношению к Германии не означала отсутствия империалистических противоречий. М. Брукс правильно подметил одно из тех обстоятельств, благодаря которым политика «умиротворения», проводившаяся Англией во второй половине 30-х годов в отношении Германии в Европе, нашла некоторое отражение и в Иране. Он пишет: «Поскольку Англо-иранская нефтяная компания основывалась в своих взаимоотношениях с Ираном на поддержке тех классов, которые стали относиться благосклонно к Германии, исключалась возможность принятия эффективных контрмер» [112, стр. 78].

Активизация империалистической экспансии в Иране в условиях происходивших в стране внутренних изменений способствовала усилению со второй половины 30-х годов реакционных тенденций не только во внутренней, но и внешней политике иранского правительства, хотя по внешним формам проявления она, казалось, продолжала основные тенденции и направления предшествующих периодов.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Иранская дипломатия на международной арене. Борьба за расширение юрисдикции Ирана в Персидском заливе. В предвоенные годы иранское правительство продолжало ограничивать права и привилегии иностранцев в стране. В 1934 г. было издано постановление, согласно которому иностранным дипломатическим миссиям и консульствам запрещалось устанавливать флагштоки

на земле на том основании, что это задевает суверенитет страны. Иностранные флаги могли устанавливаться только на стенах или крышах зданий миссий и консульств [84а, стр. 240; 87, стр. 220—221]. Так, осенью 1935 г. был принят ряд мер с целью помешать обходу закона о запрещении иностранцам владеть недвижимой собственностью [51, 1935, № 4, стр. 25].

К этому же периоду относится почти полное прекращение общения иранцев с иностранными колониями и дипломатическим корпусом. В. фон Блюхер пишет: «После падения Теймурташа персидский элемент исчез из общения. Только лица, не занимавшие значительные посты, отваживались принимать приглашения в общество иностранцев, и даже европейские женщины, которые были замужем за персами, воздерживались от общения с дамами дипломатического корпуса» [85, стр. 278].

В тех же случаях, когда клубы и другие объединения иностранных подданных в Иране проводили дискриминацию в отношении иранцев, правительство добивалось допуска в них иранских граждан. Так было, например, с английским «Тегеранским клубом», по уставу которого членами клуба могли быть только иностранцы. Полицейское управление Ирана под угрозой закрытия клуба настояло на изменении в течение недели его устава [377, 1346, стр. 214; 293, стр. 73]³. Этот клуб по существу был единственным местом, где иностранцы могли устанавливать контакты с иранцами, но власти тщательно отбирали кандидатов в члены клуба [221, стр. 296].

Многие западные историки и мемуаристы на основании подобных фактов делают выводы о ксенофобии иранцев и т. п. Л. Элвелл-Саттон пишет: «Общая атмосфера ксенофобии, недоверия и подозрительности к иностранцам и ко всему, что они делали, казалась приезжим необъяснимым явлением» [213, стр. 87]. В. фон Блюхер считает, что такие утверждения «не учитывают суть дела. Не персы были ксенофобами, а шах, и персы после

³ Предварительно Совет министров Ирана вынес постановление, разосланное циркулярно всем губернаторам, о том, что граждане каждой страны могут ограничивать членство своего клуба своими соотечественниками, но не отдельными национальностями [51, 1935, № 4, стр. 70].

падения Теймурташа не отваживались больше становиться в противоречие с точкой зрения своего властелина» [85, стр. 278]. В действительности же «ксенофобия» шаха, так же как его подчеркнутая амбициозность, выражала династические интересы, нашедшие отражение и в описываемых ниже демонстративных разрывах дипломатических отношений с США и Францией.

В рассматриваемые годы иранское правительство расширило число своих дипломатических представительств за рубежом. Во второй половине 30-х годов новые дипломатические миссии были открыты в балканских странах (с резиденцией в Бухаресте) и странах Южной Америки (с резиденцией в Буэнос-Айресе), консульства — в Нью-Йорке, в Палестине и Трансиордании (с резиденцией в Иерусалиме), вице-консульство — в Сирии и Ливане (с резиденцией в Дамаске) и т. д. В Париже было учреждено Информационное бюро с целью публикации на французском языке ежемесячника по вопросам экономики и политики Ирана [см. 51, 1935, № 4, стр. 5—6].

Деятельность иранской дипломатии в предвоенные годы нашла выражение в подписании ряда многосторонних соглашений и конвенций (в области почтовой связи, культурных контактов и т. д.) [см. 367, стр. 381—382] и продолжающемся участии в Лиге наций. В связи с увеличением числа азиатских членов этой организации Иран выступил с требованием предоставления странам Азии двух непостоянных мест в Совете Лиги [219, стр. 133]. XVIII сессия ассамблеи Лиги наций удовлетворила это требование, и в конце 1937 г. Иран вновь был избран непостоянным членом Совета Лиги [285з, т. I, стр. 621]. На один срок иранский представитель был избран даже председателем Совета [336, стр. 18].

Правящие круги Ирана придавали серьезное значение участию в деятельности Лиги наций. Газета «Иран» от 19 августа 1935 г. призывала укреплять Лигу как инструмент мира [51, 1935, № 4, стр. 73—74]. В Тегеране даже было создано Общество сторонников Лиги наций во главе с председателем меджлиса Мохташем ос-Салтане; секретарем общества стал Ахмед Матин-Даф-тари [377, 1346, стр. 28].

Однако деятельность иранской дипломатии в Лиге наций в рассматриваемый период отличалась меньшей

активностью, чем в предшествующие годы, и по-прежнему была непоследовательной. Так, в конце 1935 г. Иран лишь с оговорками принял решение ассамблеи Лиги наций о применении экономических санкций в отношении Италии, совершившей агрессию против Эфиопии [299, стр. 143]. В ноябре 1936 г. при рассмотрении чрезвычайной сессией ассамблеи Лиги наций доклада о конфликте между Боливией и Парагваем из-за области Чако, который мог создать важный прецедент для будущих действий Лиги в спорах между другими государствами, иранская делегация поддержала предложение о применении эмбарго на вооружение только против государств, не принимающих рекомендаций ассамблеи, тогда как советская делегация выступала за обязательное применение эмбарго в отношении всех государств — членов Лиги наций [285ж, стр. 852—854].

Несмотря на дальнейшее ослабление сотрудничества с СССР в этой международной организации, Иран в целом занимал в отношении Советского Союза лояльную позицию. 18 сентября 1934 г. иранская делегация на ассамблее Лиги наций публично выразила удовлетворение вступлением СССР в эту организацию [33в, стр. 742]. В декабре 1939 г. иранский представитель по инструкции своего правительства отказался от участия в созванном заправилами Лиги наций заседании Совета, постановившем исключить СССР из Лиги [377, 1346, стр. 30].

Усилились контакты Ирана с арабским национальным движением. В октябре 1938 г. иранская делегация приняла участие в состоявшемся в Каире Конгрессе арабских женщин в защиту Палестины. Принятое конгрессом обращение к Великобритании требовало аннулирования английского мандата над Палестиной, создания там национального арабского правительства, предоставления амнистии политическим заключенным и т. д. Непринятие этих требований, говорилось в обращении, будет рассматриваться как враждебное отношение Англии к «мусульманским народам», которые будут вынуждены «занять аналогичную позицию с естественными последствиями в политических, экономических и социальных отношениях» [285и, т. I, стр. 442—443]. Обращение в значительной мере было декларативным.

Более активную политику на международной арене

Иран проводил в тех случаях, которые затрагивали его непосредственные интересы.

Большое внимание в этот период иранское правительство продолжало уделять укреплению своих позиций в Персидском заливе, являвшемся, по словам одного из иранских государственных деятелей, «ахиллесовой пятой персидско-английских отношений» [85, стр. 296]. С целью воспрепятствовать заходам британских военных судов в иранские порты и перелетам самолетов «Империял Эйруэйз» через южные области страны иранские власти отвечали на соответствующие английские просьбы настолько поздно, что в ответах уже не было нужды [85, стр. 294].

Имевшая место в рассматриваемый период дальнейшая активизация иранской политики в Персидском заливе была в значительной мере связана с курсом на ослабление торгово-экономических связей северных провинций с СССР. Мехди Голи-хан Хедаят в беседе с В. фон Блюхером говорил, что вступление строительства Трансиранской железной дороги в завершающую фазу ставит в практическую плоскость массовый вывоз продукции Северного Ирана на мировой рынок через Персидский залив. «Поэтому Персия в будущем будет выступать на Персидском заливе еще более активно. Англичане не должны создавать трудностей, так как в конце концов залив является открытым морем. Кроме того, речь идет о хозяйственной деятельности» [85, стр. 295].

Иранское правительство добивалось расширения своей юрисдикции в Персидском заливе как путем двусторонних отношений с другими державами, так и в международных организациях. На конференциях по разоружению 1932—1933 г., а также в Лиге наций иранская делегация, ссылаясь на установление «мира и порядка» на иранском побережье Персидского залива, предложенное правительством разоружение всех племен, заинтересованность в запрещении торговли оружием в заливе, а также на наличие в его распоряжении девяти вооруженных судов новейшего типа, способных поддерживать порядок на всем заливе, требовала пересмотра представляющих угрозу для независимости Ирана положений Женевской конвенции 1925 г. в отношении Персидского залива, дававших Англии и другим державам

право контроля и досмотра иранских судов. В октябре 1932 г. Лига наций признала справедливость некоторых требований иранского правительства и рекомендовала комитету по разоружению частичный пересмотр Женевской конвенции. В ноябре 1932 г. комитет по разоружению заявил о готовности рассмотреть иранские требования при обсуждении конвенции [40, 1934, т. I, стр. 451—457].

Однако конвенция так и не обсуждалась. Комитет же по регулированию торговли оружием передал иранские требования своему подкомитету. Последний в июне 1933 г. направил их в генеральную комиссию Лиги наций, а вопрос о запрещенных зонах вернул своему комитету, не сделав никаких окончательных рекомендаций. Иранская делегация предлагала, чтобы вопрос о контроле над торговлей оружием в Персидском заливе был решен путем переговоров между Великобританией и Ираном. При этом иранское правительство выражало готовность сотрудничать с Англией в вопросе контроля над торговлей оружием в Персидском заливе, при условии исключения его из запретных зон. Английская делегация отклонила иранское предложение [40, 1934, т. I, стр. 472, 479—480]. Вопрос надолго застрял в комитетах и подкомитетах Лиги, а между тем начавшееся присоединение новых государств к Женевской конвенции могло затруднить дальнейшие усилия иранской дипломатии по ее пересмотру. Особую опасность представляла позиция США.

1 мая 1934 г. по требованию государственного секретаря США К. Хэлла сенатский комитет по иностранным делам рекомендовал сенату ратифицировать Женевскую конвенцию 1925 г. В середине мая иранский посланник в Вашингтоне Джафар Джалал обратился к К. Хэллу с просьбой отложить ратификацию конвенции до ее пересмотра на конференции по разоружению или добавить к акту ратификации оговорку о необходимости пересмотра соответствующих статей конвенции после решения Лиги наций. Госдепартамент отклонил просьбу иранского посланника, хотя и обещал свое содействие в Женеве [40, 1934, т. I, стр. 451—458].

С целью оказать давление на Соединенные Штаты и еще раз заявить державам о своих претензиях на Бахрейн иранское правительство 22 мая 1934 г. вручило

американскому посланнику в Тегеране Хорнибруку ноту протеста в связи с опубликованным 15 апреля в «Лондон Обсервер» сообщением из Каира о получении «Стандард Ойл» нефтяной концессии на архипелаге. В ноте утверждалось, что переговоры о нефтяной концессии могут вестись только с Ираном, обладающим суверенными правами над Бахрейном, а получение концессии от властей, не имеющих право ее предоставлять, квалифицировалось как незаконное. В заключение ноты иранское правительство заявляло, что сохраняет за собой право требовать часть прибыли от добываемой на Бахрейне нефти. Копия ноты была разослана государствам — членам Лиги наций. Госдепартамент США даже не ответил на ноту [40, 1934, т. II, стр. 890—893].

Однако иранский посланник Джафар Джалал, установив без ведома госдепартамента и через его голову контакт с рядом сенаторов, добился того, что 15 июня 1934 г. сенат принял оговорку сенатора Кинга в отношении Женевской конвенции. Оговорка гласила, что конвенция не вступит в силу до ее принятия другими державами и в дальнейшем не будет толковаться как право для нарушения каких-либо суверенных прав Ирана в Персидском заливе. Попытка К. Хэлла добиться пересмотра оговорки встретила противодействие ряда сенаторов, в частности председателя сенатской комиссии по иностранным делам Питтмана, а также Кинга, заявившего, что в случае попытки пересмотра его оговорки он затянет сессию сената на все лето. 26 июня К. Хэлл сделал выговор Джалалу, предупредив, что повторение им и его правительством подобной «непростительной» и «не имеющей оправдания» практики будут иметь серьезные последствия. Одновременно К. Хэлл инструктировал американскую делегацию на конференции по разоружению довести до сведения представителей других держав, что принятая сенатом оговорка «не приписывает Персии каких-либо прав, которыми она уже не обладает», и «не подразумевает какого-либо намерения правительства, сената и президента покушаться на статус-кво в Персидском заливе или как бы то ни было вмешиваться в любые споры, которые возникли или могут возникнуть в отношении территориальных прав в этой части мира» [40, 1934, т. I, стр. 459—466, 470].

7 июля 1934 г. английский посол в Вашингтоне со-

общил К. Хэллу, что Форин Оффис разделяет мнение госдепартамента, что оговорка не имеет существенного значения без признания ее другими державами, «но опасается, что она будет поощрять резко националистическое Персидское правительство на безосновательное утверждение его абсурдных притязаний на острова на арабском побережье залива» и что «трудности Великобритании в отношениях с персидским правительством чрезвычайно усилятся». 12 июля советник английского посольства в беседе с руководителем ближневосточного отдела госдепартамента Муррэм вновь говорил об опасениях Форин Оффиса, что наличие оговорки «усложнит англо-персидские отношения и сделает персов еще более несговорчивыми, чем они являются в настоящее время». Эта «несговорчивость» казалась англичанам тем более непонятной, что Женевская конвенция «никоим образом не покушалась на суверенитет Персии в ее собственных территориальных водах» [40, 1934, т. I, стр. 467—468].

Правительство Реза-шаха решило в одностороннем порядке несколько расширить свою юрисдикцию в заливе. 15 июля 1934 г. иранский меджлис утвердил внесенный 24 июня правительством законопроект «Об определении границ прибрежных вод и контролируемых зон». Принятый закон расширял прибрежные воды Ирана до 6 морских миль, а контролируемую им зону — до 12 миль. Это положение распространялось и на принадлежащие Ирану острова. Несоответствие нового иранского закона принятым тогда на Западе международным нормам, ограничивающим прибрежные воды тремя морскими милями, вызвало резкое недовольство империалистических держав [40, 1935, т. I, стр. 916—918]. Несколько позже иранское правительство издало распоряжение о запрещении поднимать национальный флаг на иностранных судах, пребывающих в иранских портах длительное время [46, т. 304, стр. 2631].

9 августа 1934 г. Джалал заявил государственному секретарю США, что его правительство намерено очень серьезно настаивать, чтобы президент ратифицировал Женевскую конвенцию вместе с оговоркой сената. К. Хэлл в ответ сказал, что будет рекомендовать президенту действовать в соответствии с позицией госде-

партамента с целью «сохранить нейтралитет американского правительства в споре между персидским и английским правительствами». Джалад подчеркнул, что Англия не имеет и никогда не имела никаких суверенных прав в Персидском заливе. Спустя два дня, 11 августа, он направил К. Хэллу меморандум, в котором отмечалось, что «ратификация договора, умышленно предназначенного ущемить персидские суверенные права в Персидском заливе, продемонстрирует непростительное пристрастие к империалистическим побуждениям Англии» и будет интерпретироваться «как поддержка английских империалистических мотивов и агрессии в персидских водах и территории». В заключение Джалад ссыался на неоднократные заявления Ф. Рузвельта о равенстве и свободе всех наций. 13 августа руководитель протокольного отдела иранского министерства иностранных дел Мирза Мохсен-хан Раис заявил американскому посланнику в Тегеране, что Иран никогда не признает и не подпишет конвенцию в ее нынешнем виде и «не разрешит, чтобы она применялась в Персидском заливе, поскольку это касается положений, делающих персидские суда объектом обыска». Раис также сообщил, что после возвращения президента из отпуска Джалад обратится к нему через госдепартамент [40, 1934, т. 1, стр. 469—475].

Однако К. Хэлл опередил иранского посланника, послав 15 августа 1934 г. Рузвельту специальное письмо, в котором после изложения всех обстоятельств, связанных с принятием оговорки, писал о претензиях Ирана на Бахрейн, новом законе меджлиса о контролируемой зоне и связанной с ними опасности, «что персы, поощряемые оговоркой сената, могут использовать свои морские силы для того, чтобы захватить танкеры американской компании или иным способом воспрепятствовать законной деятельности компании». Ссылаясь на позицию Англии и других держав, которые не допустят вступления Женевской конвенции в силу с оговоркой сената, которая к тому же может оказать «вредное влияние» на интересы США в Персидском заливе, К. Хэлл рекомендовал президенту вернуть конвенцию в сенат для пересмотра оговорки. В заключение К. Хэлл обращал внимание Рузвельта на «предосудительное поведение персидского посланника в Вашингтоне, приведя

в пример не только его переговоры с членами сената через голову исполнительного органа, но также тон его устных заявлений и нот» [40, 1934, т. I, стр. 476—478].

Заручившись поддержкой президента, К. Хэлл сообщил 24 августа Джалалу, что не считает возможным рассматривать его меморандум от 11 августа «ввиду не только его общего тона и смысла, но и многих вводящих в заблуждение и ложных заявлений» и вообще продолжать с ним обсуждение вопроса о Женевской конвенции. На следующий день Джалал направил К. Хэллу следующий ответ: «Я сожалею, что общий тон моих жалоб на агрессивные намерения других держав против национальных прав Персии встретил Ваше неодобрение, так как я хотел лишь и в дальнейшем вызывать чувство справедливости вашего правительства». 28 августа государственный секретарь инструктировал американского посланника в Тегеране обратить внимание иранских компетентных лиц на недопустимый тон нот Джалала. Однако представление Хорнибрука премьер-министру осталось безрезультатным. А глава третьего политического отдела иранского министерства иностранных дел заявил посланнику США, что «нежелание американского правительства последовать примеру сената может серьезно отразиться на сердечных отношениях, существующих ныне между двумя странами» [40, 1934, т. I, стр. 482—485].

Однако, убедившись спустя некоторое время, что угрозы не оказали должного эффекта на правительство Соединенных Штатов, правящие круги Ирана решили вновь испытать метод дружеских переговоров. 15 ноября 1934 г. Джалал, используя инцидент с задержанием иранскими властями двух американских летчиков, сделавших вынужденную посадку на территории Ирана, нанес визит государственному секретарю и после принесения извинений своего правительства за «незаконное задержание» американских летчиков сделал попытку вновь начать обсуждение вопроса о Женевской конвенции. К. Хэлл, однако, отказался вести разговор на эту тему, сославшись на прошлое поведение Джалала [40, 1934, т. I, стр. 485—486]. Ноту Джалала от 23 февраля 1935 г. государственный секретарь также оставил без ответа [40, 1935, т. I, стр. 453].

25 марта того же года К. Хэлл направил иранскому правительству ноту, в которой сообщал, что правительство США отказывается признать законность постановления меджлиса о расширении территориальных вод Ирана до шести миль и сохраняет за собой и своими подданными все прежние права [40, 1935, т. I, стр. 918—921]. А 6 июня 1935 г. сенат США ратифицировал Женевскую конвенцию 1925 г. без всяких оговорок [40, 1935, т. I, стр. 455].

Отказ США поддержать Иран predetermined неудачу всех усилий иранской делегации в Лиге наций, где Англия оказывала ей ожесточенное противодействие. Однако, хотя иранское правительство не добилось расширения своей юрисдикции в Персидском заливе, ему удалось все же путем двусторонних переговоров с английским правительством восстановить свой суверенитет на большинстве островов залива. В 1935 г. Англия ликвидировала морские базы в Хенджаме и Басаиду и создала базу на Бахрейне [84а, стр. 240; 228, стр. 126]. Выступая 8 апреля 1935 г. в палате общин, министр иностранных дел Англии Дж. Саймон признал, что Басаиду никогда не являлась британской территорией⁴ [46, т. 300, стр. 775—776; т. 307, стр. 1144—1145]. Тогда же Англия согласилась удовлетворить требование иранского правительства отделить британское представительство в Персидском заливе от консульства в Бушире и вывести его из пределов иранской территории [84а, стр. 240, 286]. «Эти изменения, не очень существенные, — пишет М. Брукс, — имели целью дальнейшее улучшение отношений с руководящей верхушкой Ирана» [112, стр. 76—77].

Иран и великие державы. Отход от принципов национальной политики. Отношения Ирана с великими державами накануне второй мировой войны претерпевали существенные изменения. Особенно сильно изменились ирано-советские отношения.

27 августа 1935 г. был заключен сроком на три года новый ирано-советский торговый договор, мало чем отличавшийся от условий торгового соглашения 1931 г.

⁴ Одновременно он заявил, что английское правительство не признавало и не признает прав Ирана на Бахрейн [46, т. 300, стр. 776].

Иранская сторона по-прежнему признавала статут торгового представительства СССР как полномочного органа по ведению торговых операций на иранской территории, а советская сторона — режим внешнеторговой монополии Ирана. Торговля определенными видами товаров должна была производиться в порядке монопольных правительственных поставок по ценам, определяемым коммерческими контрактами, и в количествах, ежегодно увеличивающихся на 10—15%. Ввоз и вывоз других товаров должен был осуществляться в пределах контингентных норм по свободным сделкам торгпредства СССР с иранским купечеством. Было предусмотрено упрощение лицензионной системы и непредоставление советской стороной экспортных сертификатов на те товары, которые входили в контингентный список правительственных поставок. Советский Союз предоставлял Ирану транзит через свою территорию в страны, имеющие с СССР торговые соглашения. Транзит иностранных товаров в Иран был ограничен определенной товарной номенклатурой [текст см.: 29, стр. 187—202].

Заключение нового договора закрепило высокий удельный вес СССР в общем товарообороте Ирана. В 1936—1938 гг. доля Советского Союза во внешней торговле Ирана составляла в среднем 35% [44, стр. 3]. Кроме потребительских товаров СССР в эти годы в еще больших масштабах поставлял в Иран промышленное оборудование, средства транспорта и сельскохозяйственные машины. Иран по-прежнему поставлял в СССР разнообразное сельскохозяйственное сырье. Торговля с СССР, как и прежде, ослабляла зависимость народного хозяйства Ирана от мирового капиталистического рынка. Иранская пресса в целом положительно встретила заключение нового торгового договора с СССР [см. 49, 1935, № 15—16, стр. 3—4].

Одновременно с этим договором между Ираном и Советским Союзом были подписаны конвенция о борьбе с вредителями и болезнями растений, санитарно-ветеринарная конвенция, конвенция о борьбе с саранчой в пограничных районах [29, стр. 125—132; 23, т. XVI, стр. 851]. Значение подписания последней конвенции заключалось в том, что ежегодно сельское хозяйство пограничных районов СССР находилось под угрозой на-

шествия саранчи из Ирана. В целях предупреждения этой угрозы Советскому правительству ежегодно приходилось вступать в длительные переговоры с иранским правительством о пропуске советских противосаранчовых экспедиций, причем эти переговоры проходили не совсем гладко, хотя в уничтожении саранчи сельское хозяйство Ирана нуждалось не меньше, чем СССР. Все это делало необходимым заключение специальной конвенции о пропуске советских противосаранчовых экспедиций в Иран.

Середина 30-х годов характеризовалась также усилением контактов между правительствами двух стран. Летом 1935 г. в связи с предстоящим заключением торгового договора в Москву была направлена иранская торгово-промышленная делегация во главе с министром торговли Аалямом и министром сельского хозяйства Баятом. Осенью того же года Москву посетил министр иностранных дел Ирана Каземи [см. 50, 16.X.1935].

Советское правительство по-прежнему прилагало все усилия для укрепления государственного суверенитета Ирана. 30 мая 1935 г. полпредство СССР в Тегеране и министерство иностранных дел Ирана обменялись нотами о согласии СССР передать Ирану маяки на иранском побережье Каспийского моря [50, 1.VI.1935]. После вступления СССР в Лигу наций иранское правительство, ссылаясь на то, что устав этой организации якобы предоставляет Советскому Союзу все необходимые гарантии безопасности, подняло вопрос об аннулировании ст. VI советско-иранского договора 1921 г. [279, стр. 236—237], дававшей Советскому правительству право на временный ввод войск в Иран в случае использования третьими державами территории этой страны для агрессивных действий против СССР. События начала второй мировой войны показали, насколько дальновидным со стороны Советского правительства было сохранение этой статьи в действии.

Антисоветские тенденции, наблюдавшиеся во внешней политике правящих кругов Ирана и в предшествующие годы, со второй половины 30-х годов, в условиях обострения классовой борьбы внутри страны и взятого иранским правительством курса на усиление торгово-экономических связей с фашистской Германией, становятся еще более яркими. Под влиянием реакцион-

ных элементов (компрадорской буржуазии, помещиков, военщины) иранское правительство начало отходить от политики дружественных отношений с СССР и проводить противоречащую национальным интересам Ирана политику, имевшую целью не допустить ирано-советского сближения.

Начавшаяся в стране антисоветская пропаганда препятствовала нормальной деятельности советских дипломатических и консульских представителей. Правительство СССР вынуждено было значительно сократить сеть своих консульств в Иране, и к 1938 г. в стране осталось лишь одно советское консульство — в порту Пехлеви. Одновременно Советское правительство потребовало от иранского правительства закрытия его консульств на территории СССР [144, стр. 34].

К началу второй мировой войны значительно ослабли и ирано-советские экономические связи. В рассматриваемый период прекратили свою деятельность почти все советско-иранские смешанные общества. Правящие круги Ирана, вовлеченные в орбиту внешнеторговой политики Германии, стали на путь свертывания торговли с СССР. Реакционные круги иранского купечества организовывали бойкот советских товаров. Когда же в июле 1938 г. истек срок торгового договора 1935 г., правительство Ирана отказалось возобновить его. Стремясь максимально приспособить советско-иранскую торговлю к целям удовлетворения спекулятивных appetитов иранских купцов-комиссионеров, правительство Ирана выдвинуло явно неприемлемый для СССР проект торгового договора. В результате этих действий ирано-советская торговля накануне и в начале второй мировой войны фактически прекратилась. Удельный вес советских товаров в общем товарообороте Ирана сократился с 34% в 1937/38 г. до 11,5% в 1938/39 г. и до 0,5% в 1939/40 г. [44, стр. 3].

В начале 1939 г. в Москву была направлена иранская торговая делегация [33г, стр. 621]. Но и в этом году договор с СССР не был заключен. Зато теснее стали экономические связи Ирана с капиталистической экономикой Запада.

Аннулирование в конце 1932 г. «концессии д'Арси» было последним крупным внешнеполитическим актом, имевшим целью ограничение империалистических пози-

ций Англии в Иране. Новое концессионное соглашение с АПНК способствовало стабилизации и некоторому улучшению отношений между двумя странами. «Это соглашение, — пишет М. Брукс, — могло явиться — и в известном смысле явилось — поворотным пунктом в официальных англо-иранских отношениях. Шах и его приближенные теперь имели свою долю участия в операциях Англо-персидской нефтяной компании, производимых в мировом масштабе, и, кроме того, большую долю участия в прибылях, получаемых от разработки нефтяных ресурсов в Иране. Сочетание операций по добыче нефти и продаже нефтепродуктов во всем мире должно было способствовать укреплению связей между Англо-персидской нефтяной компанией и ее иранскими партнерами» [112, стр. 76].

После ликвидации нефтяного конфликта правящие круги Англии продолжали прилагать все усилия, чтобы добиться расположения иранского правительства. Газета «Дейли Телеграф» 28 ноября 1933 г. писала: «Проявляли ли мы в отношении этого древнего народа, который в настоящее время хочет освоить новую индустрию и обеспечить свою экономическую независимость, то сочувствие и сотрудничество, которых он жаждет? Уяснили ли себе и воспользовались ли этим чрезвычайно удобным моментом для восстановления своего прежнего положения в этом важном районе?».

В рассматриваемые годы «антианглийские» мероприятия правящих кругов Ирана принимали весьма гротескные формы. Характерны в этом отношении перемены, происшедшие в вотчине АПНК. Номера на автомашинах и на фасадах домов писались не только по-английски, но и по-персидски. Инициалы «Б.П.» на бензозаправочных колонках должны были теперь означать не «Бритиш Петролеум, как каждый читал их раньше, а «Бензин-и Парс». В 1935 г. компания сочла долгом в связи с изменением названия страны немедленно переименовать себя из Англо-персидской в Англо-иранскую нефтяную компанию (АИНК) [213, стр. 177], хотя решение иранского правительства было встречено с недовольством частью правящих кругов Англии, усмотревших в этом стремление «отождествить иранцев с арийской расой согласно нацистской расовой идеологии».

В июле 1936 г. компания пошла навстречу требованиям иранского правительства об исчислении причитающихся ему платежей с обычной тонны добытой нефти, а не с так называемой длинной тонны (1016 кг) [283, стр. 56—57].

«Когда в 1937 г. шах решил нанести визит в Хузи-стан, вся компания за несколько недель начала лихорадочно готовиться к его встрече, скупила всю красную, белую и зеленую ткань, какую только можно было найти во всей округе, и нашла из нее флажков, чтобы развесить их гирляндами вдоль дороги; по которой должен был проезжать шах. Но все эти пышные приготовления оказались напрасными: шах отказался посетить нефтепромыслы и даже повернулся спиной к Абадану, когда плыл на своей яхте вниз от Хорремшахра к Бендер-Шахпуру» [213, стр. 177—178].

Так же вели себя иранские власти и в отношении британских дипломатических и консульских представителей. Бывший английский служащий в Иране К. Скрайн свидетельствует: «Британские консульства и колонии в провинциях систематически бойкотировались. Степень „великого бойкота“ менялась, как я полагаю, от провинции к провинции в зависимости от меры англофобии, действительной или напускной, проявляемой более высокими официальными лицами. Возможно, никогда не станет известно, принадлежала ли ребяческая идея посылки англичан в Ковентри самому Реза-шаху (официально подобные инструкции никогда не давались) или же возникла стихийно у тех его министров и государственных деятелей, которые чувствовали, как он относился к особому положению, которого Англия добивалась для себя в их стране. В Мешхеде, за исключением остандара (генерал-губернатора) и его служебного персонала, ни один перс, официальный или неофициальный, не посещал открыто британское генеральное консульство и не принимал что-либо от него в своем доме... На официальных приемах английские гости принимались в отдельной комнате. Местное общество стало почти недоступным» [98, стр. 75]. Фаррох сообщает, что приказом шаха городской голова Мешхеда был заключен в тюрьму по подозрению в том, что он по ночам, надев чадру, посещал английское генеральное консульство [360, стр. 343—345].

В 1938 г. Реза-шах даже поставил вопрос о разрыве дипломатических отношений с Англией только потому, что британский посланник в Тегеране случайно нарушил дипломатический этикет, явившись на один из приемов хотя и в белой сорочке, но с едва заметными узорами. Инцидент был исчерпан лишь после официального принесения посланником извинений [325, стр. 100].

К. Скрайн, отмечая, что проводимая Англией «политика умиротворения... вместо того чтобы задобрить шаха, делала его лишь еще более раздражительным», спрашивал: «Почему Англия не могла последовать примеру своего русского соперника и закрыть свои консульства?» [98, стр. 75]. Между тем ответить на этот вопрос не составляет особого труда: «Неприятная обязанность считаться с самолюбием иранцев и притворно платить дань духу национального возрождения Ирана» [213, стр. 177] давала Англо-иранской нефтяной компании возможность спокойно укреплять свое положение в стране и расширять свои операции.

В 1935 г. АИНК увеличила пропускную способность нефтеперегонного завода в Абадане со 160 тыс. баррелей до 250 тыс. баррелей в день. В Керманшахе был построен новый нефтеперегонный завод, продукция которого удовлетворяла внутренние потребности Ирана в нефтепродуктах [112, стр. 77]. Расширение операций компании накануне второй мировой войны привело к резкому увеличению добычи нефти в Иране (в 1,5 раза по сравнению с 1933 г. или в 2,4 раза по сравнению с 1927 г.). В 1938 г. добыча нефти в Иране составила 77% всей нефти, добытой в этом году на Ближнем Востоке. Чистая прибыль АИНК, по некоторым данным, возросла с 2,7 млн. ф. ст. в 1933 г. до 6,1 млн. ф. ст. в 1938 г. [115, стр. 18—19].

Некоторое укрепление английских позиций в Иране накануне второй мировой войны нашло отражение и в чуть ли не первом в период правления Реза-шаха крупном случае использования Ираном британской технической помощи. По просьбе иранского правительства одна из английских фирм построила в Тегеране авиасборочный завод, на котором под руководством британских технических экспертов из английских частей по британским проектам собирались самолеты для иранской армии [228, стр. 127]. Численность занятых на заводе англий-

ских механиков составляла 20—30 человек [40, 1941, т. III, стр. 364].

В весьма сложной и напряженной обстановке развивались и отношения Ирана с Соединенными Штатами. В конце 1934 г. начались ирано-американские неофициальные предварительные переговоры о заключении торгового договора. Иран, стремясь расширить экспорт в США ковров и сухофруктов, добивался снижения ставок американских импортных пошлин на эти товары. Соединенные Штаты, в свою очередь, требовали гарантии, что ставки иранского таможенного тарифа на автомобили не будут повышены и что их импорт и продажа будут исключены из режима внешнеторговой монополии на период действия договора [40, 1934, т. II, стр. 884—890; 1935, т. I, стр. 909—915]. Однако происшедшие в конце 1935 г. события не только сорвали эти переговоры, но и привели обе стороны на грань разрыва дипломатических отношений.

27 ноября 1935 г. иранский посланник в Вашингтоне Джафар Джалал был задержан полицией в штате Мэриленд за превышение скорости автомобильной езды. Хотя после опознания он был освобожден с принесением извинений со стороны губернатора штата и государственного секретаря США К. Хэлла, Реза-шах в связи с комментариями американской прессы воспринял инцидент как оскорбление национального достоинства Ирана и подрыв своего личного престижа. 3 декабря иранское правительство сделало дипломатическое представление американской миссии в Тегеране. Иранские газеты выступили с нападками на правительство США, инспирировавшее, по их словам, арест Джалала в связи с недовольством его деятельностью в период ратификации сенатом Женевской конвенции, и призывали иранское правительство к разрыву дипломатических отношений с США. В начале января 1936 г. Джалал был отозван в Иран, хотя губернатор штата Мэриленд уволил со службы задержавших его полицейских. Поверенным в делах Ирана в США был назначен первый секретарь иранской миссии [40, 1936, т. III, стр. 342—350].

Дальнейшее развитие инцидента было связано с появлением в незначительной по объему и тиражу нью-йоркской газете «Дейли Миррор» от 8 февраля 1936 г.

публикации, в которой утверждалось, что шах «прежде служил в конюшне британской миссии в Тегеране». В связи с этим в марте 1936 г. шах лично направил иранскому поверенному в Вашингтоне для передачи госдепартаменту сообщение, в котором угрожал разрывом дипломатических отношений в случае, если госдепартамент не заставит газету опровергнуть это утверждение. Госдепартамент через газетного короля Хэрста добился, чтобы «Дейли Миррор» 26 марта опубликовала поправку, гласившую, что шах с ранних лет служил в армии. Но эта поправка вызвала недовольство шаха, поскольку повторяла сообщение о его происхождении, и он приказал закрыть дипломатическую миссию в Вашингтоне и все иранские консульства в США, отказавшись удовлетворить даже просьбу государственного секретаря отложить осуществление этой акции на одну-две недели. Охрану интересов Ирана в США взяло на себя турецкое посольство в Вашингтоне. Госдепартаменту было заявлено, что эта акция не влияет на статус американской миссии в Иране и призвана лишь показать недовольство отношением американской прессы к Ирану и лично к шаху, что, более того, иранское правительство будет недовольно, если правительство США последует его примеру в отношении своих дипломатических представителей в Иране [40, 1936, т. III, стр. 350—360].

Поскольку американская пресса продолжала публикации в духе сообщения «Дейли Миррор», представитель иранского министерства иностранных дел 17 мая 1936 г. заявил поверенному в делах США в Иране Мэриаму, что это может вынудить иранское правительство разорвать все дипломатические и экономические отношения с Соединенными Штатами, и в частности полностью приостановить импорт из США. Посредничество турецкого правительства, предпринятое с целью нормализации дипломатических отношений между Ираном и США, оказалось безуспешным. Более того, иранское правительство в нарушение всеобщей почтовой конвенции, заключенной 20 марта 1934 г. в Каире, наложило запрет на распространение в Иране американских изданий [40, 1936, т. III, стр. 364—385].

Иранское правительство использовало и другие средства давления на США. Так, неоднократно предложе-

ния госдепартамента в 1936—1938 гг. о заключении между двумя странами договора о выдаче преступников оставались без ответа [40, 1936, т. III, стр. 395]. В конце марта 1936 г. иранское правительство по предложению провинциальных властей Азербайджана закрыло американскую лютеранскую миссию в Сауджбулаке за «связь с нелояльными элементами». До этого в течение пяти месяцев миссия находилась под надзором [40, 1936, т. III, стр. 385—387].

Дальнейшее развитие ирано-американских отношений происходило под влиянием завершившихся в конце декабря 1936 г. трехлетних переговоров между иранским правительством и представителями ряда американских нефтяных компаний («Сибоад Ойл», «Тексас Ойл» и др.) Ч. Гартом⁵ и Ф. Кляппом⁶ о нефтяной концессии в Северном Иране. 3 января 1937 г. созданные американскими компаниями дочерние фирмы «Амираниан Ойл» и «Амираниан Пайплайн» получили концессии на разведку и эксплуатацию нефтяных месторождений и прокладку и эксплуатацию нефтепроводов к порту Чахбар в Индийском океане (для транспортировки нефти) на условиях, аналогичных концессионному соглашению 1933 г. с Англо-иранской нефтяной компанией. Большая часть акций должна была находиться в руках американцев и иранцев; передача концессионных прав компаниям других стран могла производиться только с разрешения иранского правительства [40, 1937, т. II, стр. 734—736, 744—747; 1938, т. II, стр. 752; 245, стр. 22; 339, стр. 828—830].

Предоставление Соединенным Штатам нефтяной концессии в Северном Иране вызвало различную реакцию среди других держав. Германия, сама надеявшаяся получить концессию, пыталась помешать соглашению Ирана с американцами, а после его заключения начала в Тегеране усиленную антиамериканскую кампанию.

Англия, напротив, сразу же выразила удовлетворение предоставлением концессии американским фирмам. Дж. Кэдмен во время визита в Тегеран в беседе с представителями США откровенно подчеркнул в этой связи следующие два пункта: «1. Тот факт, что новая концес-

⁵ Бывший американский посланник в Тегеране.

⁶ Бывший советник иранского правительства по нефтяным вопросам.

сия оформлена точно по образцу концессии АИНК, означает, что иранское правительство приняло устойчивую политику в отношении нефтяных концессий. Это действует успокоительно на АИНК. 2. С появлением на сцене другой компании АИНК перестанет быть единственным объектом критических нападок» [40, 1937, т. II, стр. 736—737]. Кроме того, как доносил американский поверенный в госдепартамент США, англичане надеялись на возможность неофициального сотрудничества между британской и американской нефтяными компаниями в Иране, дабы не дать возможность иранскому правительству «использовать одну против другой в ущерб обеим». Поэтому англичане нарочито выражали недовольство иранскому министерству иностранных дел предоставлением американцам концессии, избегая, однако, официальных протестов. В то же время АИНК, поддерживаемая британской миссией, с целью «сохранить двери» открытыми на тот случай, если бы американцы в будущем отказались от концессии, заявила иранскому правительству, что ее молчание в данном случае не следует расценивать как отказ. «Норт Пёршен Ойл»⁷ от своих прав на эксплуатацию североиранских нефтяных ресурсов.

В противоположность лицемерной и двуличной политике Англии Советское правительство на основании ст. XIII советско-иранского договора 1921 г., запрещающей передачу бывших русских концессий иностранным компаниям, заявило иранскому правительству официальный протест против предоставления концессии США. На запрос американского поверенного о концессии Хоштария министр иностранных дел Инаятолла Самии «презрительно отмахнулся и сказал: „Мы заявили советскому посольству и британской миссии, что эта концессия никогда не могла и не может сейчас давать основание для каких-либо претензий. И на этом конец“». В начале февраля 1937 г. меджлис ратифицировал концессионное соглашение, а в начале марта оно было утверждено шахом [40, 1937, т. II, стр. 737—744, 750—760].

⁷ Компания, созданная англичанами весной 1920 г. после незаконного приобретения у бывшего русского подданного Хоштария его прав на нефтяную концессию в Северном Иране.

Предоставление Соединенным Штатам нефтяной концессии создало некоторые благоприятные условия для урегулирования ирано-американских дипломатических отношений. В связи с намеками иранских официальных лиц о желательности такого урегулирования американский поверенный в Тегеране Мэрриам в январе 1937 г. поставил перед госдепартаментом вопрос о назначении в Иран посланника, ссылаясь на то, что это ускорит утверждение нефтяной концессии. Однако госдепартамент согласился лишь в качестве «промежуточного шага» на повышение в ранге американского представителя до советника миссии и поверенного в делах и направил летом 1937 г. на эту должность бывшего посланника в Иране Энгерта, имевшего дружеские отношения с Реза-шахом в его бытность военным министром. Государственный секретарь США К. Хэлл, исходя из заинтересованности Ирана в торговом соглашении, считал, что инициатива в урегулировании отношений должна принадлежать иранскому правительству. Последнее само во второй половине 1937 г. неоднократно намекало на возможность открытия дипломатической миссии в Вашингтоне; правда, шах настаивал на том, чтобы США первыми прислали официальную миссию в Иран. Однако, поскольку США отказывались пойти на этот шаг, иранское правительство согласилось первым открыть миссию в Вашингтоне во главе с поверенным в делах, с тем, однако, условием, что США после этого назначат в Тегеран посланника. Госдепартамент в принципе принял это предложение, но, поскольку назначение посланника требовало утверждения сената, дело затянулось, и в 1937 г. отношения между двумя странами так и не были нормализованы [40, 1937, т. II, стр. 718—728].

Параллельно иранское правительство продолжало использовать различные формы давления на США. По-прежнему оставалось в силе запрещение относительно распространения американской прессы. Даже дипломатическая миссия США была лишена возможности получать всю почту. Не желая подвергать опасности нефтяные интересы американских монополий, госдепартамент США воздерживался от сколько-нибудь решительных протестов. Неоднократные же обращения департамента почтовой службы США к иранской почто-

вой администрации оставались безрезультатными. Только в июле 1937 г. на заседании иранского кабинета было постановлено разрешить доставку почты из США, кроме тех, однако, изданий, которые в прошлом выступали с нападками на иранское правительство [40, 1937, т. II, стр. 728—734].

В конце 1937 г. министерство иностранных дел Ирана вновь обратилось к американской миссии с просьбой возобновить предварительные переговоры о возможности заключения торгового договора между двумя странами. В феврале 1938 г. госдепартамент США выразил согласие на возобновление переговоров на основе «торговой взаимности, безусловного признания принципа наиболее благоприятствуемой нации в отношении всех коммерческих дел» и т. д. [40, 1938, т. II, стр. 757—761]. Таким образом, Соединенные Штаты Америки по-прежнему отказывались от признания монополии внешней торговли Ирана. Этим, вероятно, и было вызвано неожиданное изменение позиции иранского правительства по вопросу о способах нормализации отношений между двумя странами.

С марта 1938 г. руководители министерства иностранных дел Ирана, несмотря на достигнутую в конце 1937 г. договоренность с госдепартаментом США, стали связывать возможность открытия иранской миссии в Вашингтоне с приездом в Иран американской экономической миссии в связи с предполагаемыми торговыми переговорами, хотя к этому времени даже не отвечали на предложение США об условиях этих переговоров. «У меня создалось твердое впечатление, — писал Энгерт К. Хэллу, — что они хотят представить шаху американскую торговую делегацию как специальную миссию и вызвать у него чувство, что в конце концов выиграл он» [40, 1938, т. II, стр. 729—730]. Учитывая, что существующая ситуация не влияет особенно неблагоприятно на американские интересы в Иране, госдепартамент настаивал на том, чтобы инициатива в нормализации дипломатических и торговых отношений исходила от Ирана. В то же время госдепартамент инстинктивно разрушал американскую миссию «сохранять сердечное и корректное отношение к иранцам», поскольку «малейший толчок может вызвать дальнейшее ухудшение ситуации» [40, 1938, т. II, стр. 730—732].

Таким толчком в некотором роде явилось принятое в апреле 1938 г. американскими нефтяными компаниями решение отказаться от концессии в Иране ввиду трудностей в транспортировке нефти и «неблагоприятной международной конъюнктуры» [250, стр. 38—39; 245, стр. 22—23]. Правда, когда в начале июня 1938 г. об этом сообщили шаху, он только сказал: «Тем лучше». Однако до этого директор нефтяного бюро Ирана заявил представителю компании, что ее отказ сделает практически невозможным для американских компаний снова получить нефтяную или какую-либо другую концессию в Иране [40, 1938, т. II, стр. 752—756]⁸. Спустя некоторое время Реза-шах отверг предложение министра иностранных дел Али Сохейли открыть иранскую миссию в Вашингтоне, сказав, что «американцы оскорбили Иран» [40, 1938, т. II, стр. 737].

Одновременно иранское правительство использовало отказ американской компании от концессии для нового давления на США. 23 июня 1938 г. Али Сохейли предложил Энгерту передать государственному секретарю США, чтобы в Иран была послана специальная американская миссия под предлогом переговоров о торговом договоре; глава этой миссии мог бы потом представить верительные грамоты в качестве посланника [40, 1938, т. II, стр. 732—733].

Вопрос был разрешен в удовлетворительном для Ирана духе в конце 1938 г., когда глава ближневосточного отдела госдепартамента США Муррэй, бывший посланник в Иране, был направлен с официальными визитами в ряд стран Ближнего Востока, в том числе и Иран, «с целью проведения в жизнь добрососедской политики президента». 6 октября Муррэй получил у шаха аудиенцию, во время которой вручил ему личное послание Ф. Рузвельта от 12 августа. В послании вы-

⁸ В мае 1939 г. иранское правительство предоставило лицензию на разведку полезных ископаемых в пяти северных провинциях голландской компании «Альгемейне эксплорацие мачапай». В случае обнаружения нефти предусматривалось предоставление компании концессии на разработку месторождений, причем держателями акций могли быть только голландские и иранские подданные (последние — до 40%). Иранское правительство должно было получать 50% чистой прибыли. Однако в связи с началом второй мировой войны эта лицензия была ликвидирована [267, стр. 62; 283, стр. 99; 356, стр. 343; 213, стр. 162].

ражалось удовлетворение «реформами Его Величества», миролюбивой внешней политикой страны и пожелание дальнейшего развития дружественных отношений между США и Ираном. В ноябре 1938 г. министерство иностранных дел Ирана назначило поверенным в США секретаря иранской миссии в Берлине Али Акбара Дафтари, который в конце декабря того же года прибыл в Вашингтон. Полномочие на открытие миссии он получил только 20 января 1939 г., после того как совместно с госдепартаментом США дал некоторые «гарантии» в отношении того, что это событие не вызовет нежелательных для шаха откликов в американской прессе [40, 1938, т. II, стр. 733—750].

25 января 1939 г. после почти трехлетнего перерыва в Вашингтоне была открыта иранская дипломатическая миссия. В тот же день Дафтари представился государственному секретарю в качестве поверенного в делах Ирана в США. На состоявшейся при этом по заранее запланированной программе пресс-конференции К. Хэлл в ответ на вопрос корреспондента Ассошиэтед Пресс сказал, что открытие иранской миссии состоялось в результате визита Муррэя в Тегеран и является свидетельством дружбы между народами двух стран; одновременно был сделан ряд комплиментов в адрес Реза-шаха [40, 1938, т. II, стр. 749—751]⁹. Спустя несколько месяцев отношения между двумя странами вновь подверглись испытанию.

В середине августа 1939 г. с целью унификации национальной системы образования иранское правительство, несмотря на недовольство части господствующих классов, решило закрыть все иностранные учебные заведения в Иране и в течение двух недель выкупить их имущество. Это решение затрагивало главным образом интересы Соединенных Штатов, поскольку большинство иностранных школ и колледжей в Иране принадлежало американским подданным. 20 августа Энгерт по инструкции госдепартамента вручил министру иностранных дел Ирана ноту, в которой отмечалась «ценная служба» американских учебных заведений в Иране на протяжении более ста лет и предлагалось отсрочить по

⁹ Об этих событиях в изложении американских мемуаристов см.: [91, стр. 1501; 94, стр. 28], в изложении иранских см.: [377, 1346, стр. 256, 261].

крайней мере на год приведение в исполнение этого решения с целью урегулирования всех связанных с ним вопросов. При этом специально подчеркивалось, что столь поспешный акт иранского правительства будет, несомненно, неблагоприятно встречен американской прессой, над которой госдепартамент, как хорошо известно иранскому правительству, не имеет контроля. Ссылаясь на это, Муррэй в частной беседе с Дафтари советовал осуществить эту акцию с «традиционными иранскими обходительностью и гостеприимством». В результате уже 21 августа 1939 г. иранское правительство приняло предложение США об отсрочке. Инициатива США пришлась кстати Англии, содержавшей одну школу в Исфагане, и Франции, также имевшей несколько учебных заведений в Иране [40, 1939, т. IV, стр. 525—533].

В отношениях Ирана с Францией накануне второй мировой войны имели место примерно такие же обстоятельства, как в ирано-американских отношениях. В 1936 г. в связи с публикацией в одном из французских юмористических журналов оскорбительного для шаха каламбура из Франции был отозван иранский посланник. В качестве условия нормализации отношений Реза-шах также выдвинул требование о направлении в Иран французской специальной миссии. Правительство Франции удовлетворило это требование, но шах и после этого не назначил посланника в Париж. Прибывший в апреле 1937 г. в Тегеран французский посланник в связи с этим в ноябре покинул Иран [40, 1937, т. II, стр. 727]. Дальнейшее развитие конфликта привело к тому, что 30 декабря 1938 г. Реза-шах разорвал дипломатические отношения с Францией. При этом иранское правительство собиралось перевести в Германию своих студентов, обучавшихся во французских учебных заведениях. Дипломатические отношения были восстановлены 20 февраля 1939 г. по инициативе президента Франции [40, 1938, т. II, стр. 745; 248, стр. 144—145; 222, стр. 178].

В коммюнике относительно разрыва франко-иранских отношений правительство Франции ответственность за это частично возложило на «одну недружественную державу», под которой, несомненно, подразумевалась Германия. В связи с этим 5 января 1939 г. госдепарта-

мент США выразил Дафтари надежду, что «его правительство будет бдительным в отношении всяких попыток со стороны третьих и недоброжелательных держав подорвать достигнутые уже успехи в восстановлении доверия и доброй воли между Соединенными Штатами и Ираном» [40, 1938, т. II, стр. 747].

Нет, однако, оснований полагать, что действия иранского правительства во всех этих случаях направлялись Германией. Демонстративные разрывы отношений с США и Францией были обусловлены главным образом династическими интересами, которые, как отмечалось выше, играли значительную роль во внешней политике Реза-шаха. Конечно, не чувствуя за собой поддержки правящих кругов Германии, иранское правительство вряд ли решилось бы на такие шаги. Объективно внешняя политика иранского правительства в отношении США и Франции играла на руку германскому империализму и облегчала ему возможность укрепления своих позиций в Иране.

Реакционные элементы Ирана сразу же с одобрением встретили установление в Германии фашистской диктатуры. Первые же мероприятия гитлеровцев по борьбе с коммунистическим и рабочим движением укрепили надежды реакционных кругов обрести в лице гитлеровской Германии надежного союзника для укрепления их господства в стране в условиях нарастания классовой борьбы. Значительное число иранских помещиков, являвшихся оплотом реакции в стране, а также крупная компрадорская буржуазия, связанная с германскими монополиями, и реакционная военщина добивались сближения с фашистской Германией и были готовы ради своих корыстных целей идти на уступки империалистам в ущерб национальным интересам страны.

Одним из важнейших факторов, содействовавших усилению прогерманской ориентации господствующих классов, являлся страх перед ростом авторитета СССР среди народных масс Ирана. М. Брукс пишет: «Опыт Советской России пугал местную буржуазию; в структуре же и духе фашистских государств капиталисты и помещики, чьи интересы представлял шах, видели не только систему, о которой они сами мечтали, но и решение вопроса о том, как избежать демократического этапа развития в истории Ирана» [112, стр. 72—78].

Усилению прогитлеровской ориентации среди господствующих классов способствовала и политика «умиротворения», проводившаяся Англией и другими капиталистическими странами в отношении Германии в Европе во второй половине 30-х годов, которая давала основание предполагать возможность объединения всех империалистических держав в единый антисоветский фронт.

Антисоветская и отчасти антибританская пропаганда Германии находила благоприятный отклик среди значительной части господствующих классов Ирана. По словам Фатулы Бина, они одобряли все внутренние и внешнеполитические мероприятия Гитлера и проявили особенно большую радость по поводу его успехов в Мюнхене, полагая, что создатель «Великой Германии» будет содействовать созданию «Великого Ирана» [344, стр. 7, 84]. Отдельные иранские газеты с восторгом публиковали фашистские бредни об арийском происхождении немцев и их родстве с иранцами. Так, 8 декабря 1937 г. официозная газета «Иран» опубликовала большую корреспонденцию из Берлина под заголовком «Где лучше всего сохранилась арийская раса», пересказывавшую положения одного из докладов фашистского теоретика Альфреда Розенберга.

Вместе с тем влиянию фашизма поддались также многие представители интеллигенции и мелкобуржуазных слоев. В этих кругах Германия в основном имела успех в той части своей пропаганды, которая касалась обещания избавить Иран от империалистического засилья, и, таким образом, ненависть к английскому империализму находила здесь выход в симпатиях к фашизму.

Усиление реакционных сторон диктаторского режима в Иране создавало известные предпосылки для дальнейшего ирано-германского сближения. В начале 1935 г. в прощальной беседе с германским посланником В. фон Блюхером шах говорил: «Авторитарная форма правления в настоящее время является единственно возможной. В противном случае народы погрузятся в коммунизм... Прежние германские правительства не удовлетворяли обоснованные персидские желания. Из-за этого страдали германо-персидские отношения. Но нынешнее германское правительство проявило понимание Персии и персидских желаний... С тех пор как нынешнее гер-

манское правительство находится у власти, началось благоприятное развитие в персидско-германских отношениях» [85, стр. 331]¹⁰. В марте 1937 г. находившийся в США с официальной миссией иранский офицер Ибрагим Арфа говорил в госдепартаменте о «глубоком восхищении шаха ремилитаризованной Германией и ее авторитарным лидером» [40, 1937, т. II, стр. 724].

Тем не менее Реза-шах в этот период старался отстаивать общую линию самостоятельной национальной внешней политики и поэтому проявлял известную осторожность в политических отношениях с Германией. Так, им были запрещены устраиваемые реакционными кругами манифестации молодежи в честь первых успехов фашизма на международной арене [344, стр. 76, 86]. Накануне войны иранское правительство ответило отказом на предложение Германии преобразовать ее дипломатическую миссию в Тегеране в посольство [187, стр. 138]. Р. Буллард, занимавший в 1939—1946 гг. пост английского дипломатического представителя в Иране, считает, что, хотя большинство представителей господствующих классов Ирана были сторонниками прогерманской ориентации, лично Реза-шах старался придерживаться действительно нейтральной политики [228, стр. 130—134].

Однако усиление помещичье-компрадорских элементов в экономике и политике Ирана предопределяло отход иранских правящих кругов от принципов национальной политики. Американец Хаас пишет: «Больше, чем все остальное, симпатии шаха к Германии должна была притягивать фанатичная враждебность к большевистской России. Если была какая-либо основная направленность во внешней политике Реза-шаха, так это — страх перед большевизмом и распространением большевистской пропаганды в стране... Нацистская Германия казалась ему даром, посланным небом, чтобы уменьшить его страх» [249, стр. 222—223]. А использование в хо-

¹⁰ Самого В. фон Блюхера Реза-шах не относил к числу тех, кто проявил понимание «персидских желаний». По его указанию иранский посланник в Берлине обвинил В. фон Блюхера в недостаточной «благонамеренности» на основании того, что он якобы в свое время не придавал особого значения делу о Лео Маттиасе и «Пей-опытным гитлеровцем Гансом Смендом» [85, стр. 325—327; 376, 1315, стр. 87].

зяйственном строительстве германской технической помощи и специалистов, которое в связи с относительно бурным развитием промышленности приняло еще более широкие масштабы, чем прежде, предопределяло захват германским империализмом ключевых позиций не только в экономике, но и в политике Ирана.

Стремление иранского правительства к развитию средств связи и промышленности позволило фашистской Германии значительно усилить свои позиции в хозяйственной жизни страны, укрепиться на внутренних и ведущих к Ирану мировых коммуникациях. В апреле 1938 г. германская авиационная компания «Люфтганза» оборудовала воздушную линию Берлин — Багдад — Тегеран — Кабул ¹¹, а в июле 1939 г. — линию на Бангкок, проходившую над иранским побережьем Персидского залива [233, стр. 179—180]. В результате германские авиалинии охватили клещами всю территорию страны. Однако с началом войны в Европе эти линии были ликвидированы.

С помощью поставок подвижного состава и промышленного оборудования, подрядов на строительство автострад, мостов, судостроительных верфей, доков и промышленных предприятий гитлеровцы смогли установить контроль над рядом участков Трансиранской железной дороги, Центральным управлением железных дорог Ирана, рядом шоссейных дорог и портов и почти всем промышленным строительством в стране [подробнее см.: 102, стр. 58—61]. Мохаммед Реза-шах в своих мемуарах пишет, что накануне войны во многих городах Ирана в руках германских специалистов находилось управление промышленными предприятиями, гидротехническими сооружениями, портами, телефонными и телеграфными станциями, железнодорожными участками и т. д. [352, стр. 82—83].

Накануне второй мировой войны гитлеровцы проявили значительный интерес и к иранской нефти. 22 июня 1938 г. американский поверенный в Тегеране Энгерт писал в госдепартамент, что в связи с отказом американских компаний от нефтяной концессии в Северо-Восточном Иране «немцы проявляют чрезвычайную актив-

¹¹ Иранское правительство отрицало сообщения мировой прессы о предоставлении немцам права использования военного аэродрома в Мешхеде [238, стр. 162—168; 225, стр. 206—207].

ность в стараниях получить концессию» [40, 1938, т. II, стр. 756—757]. В октябре 1938 г. в Иран прибыла германская нефтеразведывательная экспедиция [238, стр. 166]. Тогда же удалось добиться, чтобы во главе организованного при министерстве финансов Ирана Управления по разведке нефти был поставлен немец Гранес. Бурение скважин в районе Кума обнаружило богатые залежи нефти [327, стр. 117]¹². Англичанам пришлось прибегнуть к самым решительным контрмерам, и вновь созданное управление не смогло продолжить свою деятельность.

Особенно тесные отношения между двумя странами установились в области торговых связей. Усиленная внешнеторговая экспансия фашистской Германии, заинтересованной не только в сбыте своих промышленных изделий, но и в ввозе сырья для промышленности и создания военных запасов, вызывала у правящих кругов Ирана, продолжавших курс на всемерное расширение торговли со странами капиталистического мира, надежды на преодоление валютных затруднений и трудностей сбыта сельскохозяйственного сырья.

Расширение торговли с фашистской Германией соответствовало и стремлению иранских купцов и помещиков к получению спекулятивных прибылей. Стремясь укрепиться на иранском рынке, германские империалисты делились частью прибылей с иранской торговой буржуазией. Поднимая цены на иранские экспортные товары, Германия создавала спекулятивный ажиотаж на рынках страны, от которого в конечном счете страдали широкие массы производителей, сдававших продукцию по мизерным ценам (для поставки в Германию) монопольным обществам — ширкетам и бесчисленному множеству посредников, в карманах которых оседала разница в цене. На базе совместного ограбления трудящихся масс складывался союз иранских компрадоров с немецкими фашистами. Многие иранские торговые компании целиком переключались на торговлю с Германией. В 1937 г. в Тегеране специально для торговли с Германией была основана торговая фирма «Афшар А. Шойган» с капиталом в 1 млн. риалов.

¹² На должность Гранеса претендовали американцы [40, 1938, т. II, стр. 755].

Иран имел постоянный павильон на ежегодно организуемой немецкими торговыми кругами ярмарке в Лейпциге.

Ирано-германские торговые связи регулировались клиринговыми соглашениями. Первое из них было подписано 30 октября 1935 г. в Берлине гитлеровским чиновником для особо важных поручений Вольтатом и товарищем министра финансов Ирана Бедером и 6 сентября 1936 г. ратифицировано иранским меджлисом [текст см.: 347е, стр. 417—428].

Заключением клирингового соглашения Германия получила привилегированное положение на иранском рынке по сравнению с другими странами. Уже в 1936/37 г. Германия, оттеснив Англию, заняла второе место в иранской внешней торговле после СССР. В этом году на долю Германии пришлось 21% общего товарооборота Ирана, а Англии (без Индии) — 8% [44, стр. 3]. Все возрастающее влияние Германии на иранском рынке характеризует тот факт, что в 1937 г. в стране была зарегистрирована 351 фабричная марка Германии (285 — Англии, 177 — США, 143 — СССР, 118 — Франции) [264, стр. 157].

Заключение ирано-германского клирингового соглашения, в частности взаимный отказ обеих стран от использования в торговле экспортных сертификатов, вызвало недовольство тех западных государств, которые все еще воздерживались от признания режима внешнеторговой монополии Ирана. В начале 1936 г. английская, французская, бельгийская и чехословацкая миссии в Тегеране сделали представления министерству иностранных дел Ирана, в которых, ссылаясь на то, что клиринговое соглашение с Германией ставит в дискриминационное положение торговлю их стран с Ираном, требовали предоставить им такие же льготы, которые получила Германия. Иранское правительство в ответ заявило, что готово заключить подобные соглашения со всеми другими странами. В конце 1936 г. аналогичное представление со ссылкой на условия обмена нотами от 14 мая 1928 г. сделала американская миссия, до этого выжидавшая результатов представлений других держав, однако в начале 1937 г. она получила такой же ответ [40, 1936, т. III, стр. 395—400, 1937, т. II, стр. 761].

В то же время в беседе с поверенным США руководитель американского отдела иранского министерства иностранных дел Массуд Ансари (ранее возглавлял экономический отдел министерства и был членом иранской делегации, подписавшей в Берлине клиринговое соглашение с Германией) заметил, что, по его личному мнению, «клиринговые конвенции основаны на нездоровой базе», что «министерство иностранных дел недовольно конвенцией с Германией и не будет проявлять энтузиазма в переговорах о новых соглашениях такого рода. Переговоры, начатые при таких обстоятельствах, будут иметь мало шансов на успех». Американский поверенный полагал, что «личное мнение Массуда Ансари относительно нездоровой базы компенсационных соглашений было официальной точкой зрения его правительства» [40, 1937, т. II, стр. 761—766].

Однако 4 января 1939 г. Иран заключил с Германией второе клиринговое соглашение, предоставившее германским монополиям новые привилегии [подробнее см.: 206, стр. 217—218]. Политика правящих кругов Ирана позволила фашистской Германии в 1938/39 г. занять первое место во внешней торговле Ирана. Объем ее торговли с Ираном в этом году превысил товарооборот СССР и крупнейших капиталистических держав, вместе взятых, составив 41,5% общего товарооборота страны [44, стр. 3].

Несмотря на внешнюю выгодность, с деляческой точки зрения купцов и маклеров, торговля с Германией не только не способствовала разрешению основных проблем развития иранской экономики, а, наоборот, в еще большей степени обостряла органический структурный кризис народного хозяйства Ирана. Хотя клиринговые соглашения обеспечивали Ирану сбыт сельскохозяйственной продукции и освобождали его от необходимости ежегодного перевода дефицитной иностранной валюты за границу, «такая торговля вела к прямой зависимости иранского производства от германского рынка, к замораживанию в Германии экспортной выручки и ряду других неблагоприятных последствий для экономики Ирана. Эти последствия в конечном счете с лихвой перекрывали внешние выгоды увеличения экспорта и приводили к ухудшению экономического положения страны» [120, стр. 125].

Укрепление экономических позиций фашистской Германии в Иране сопровождалось усилением ее политического влияния в стране. В рассматриваемый период значительно расширились ирано-германские политические связи. Заключению клирингового соглашения 1935 г. предшествовала длительная поездка иранской делегации по всем крупным промышленным центрам Германии. Во время этой поездки, организованной отделом пропаганды национал-социалистской партии, делегация побывала на заводах Круппа в Эссене, заводах Тиссена, химических предприятиях Фарбениндурии в Леверкузене, шелкопрядильнях в Крефельде, портовых предприятиях в Дуисбурге, Гамбурге и т. д. Помимо промышленных предприятий делегация ознакомилась и с деятельностью германских финансовых учреждений (государственного банка) и научных организаций, а также побывала на съезде национал-социалистской партии в Нюрнберге [116, стр. 236—237].

Первым из государственных деятелей фашистской Германии Иран посетил министр экономики Третьего рейха и президент рейхсбанка Я. Шахт. Вслед за ним, в январе 1937 г., в Тегеран прибыла германская экономическая миссия во главе с известным промышленником Лизом. Тогда же с ответным официальным визитом Германию посетил председатель меджлиса Хасан Эсфендиари. В конце 1937 г. в Иран прибыл руководитель «Гитлерюгенда» Бальдур фон Ширах. В апреле 1939 г. в Тегеране гостила германская делегация, возглавляемая послом Германии в СССР графом К. Шуленбургом, бывшим германским посланником в Иране (1922—1931 гг.).

Весьма теплый прием был оказан в Берлине в конце 1937 г. новому иранскому посланнику — Надиру Арасте. Последний в своих воспоминаниях пишет, что имел прямую телефонную связь с канцеляриями Гитлера и Геринга, предложивших ему в случае каких-либо трудностей в работе обращаться непосредственно к ним, что он и делал неоднократно [377, 1346, стр. 258—266].

Для пропаганды среди иранского населения Германия использовала и своих агентов в иранских учебных заведениях. Германские специалисты возглавили созданные в 30-х годах по образцу Тегеранского германо-иранского профессионального училища учебные заведе-

ния в Тебризе, Мешхеде, Исфагане и Ширазе. Хотя в 1937 г., после того как было подготовлено достаточное количество иранских учителей, эти училища целиком перешли в ведение правительства, немецкие преподаватели оставались там до 1941 г. [253, стр. 125; 70, 1960, № 314, стр. 277]. Немецкие преподаватели работали также в Тегеранском университете и других высших учебных заведениях Ирана. Созданию профашистской прослойки среди иранской интеллигенции и в военных кругах способствовало также обучение иранских студентов и офицеров в Германии.

Гитлеровский фашизм пытался вести пропаганду и через иранскую печать. Германская реклама, освещающая различные показные стороны жизни в Германии, одно время буквально наводнила иранскую печать. Иранское правительство было вынуждено предложить издателям газет ограничить помещение иностранной рекламы и увеличить местную [116, стр. 241].

Наиболее правые реакционные группировки, начавшие ориентироваться на гитлеровскую Германию и выступавшие за установление в стране фашистского режима, предпринимали попытки создания своих организаций и партий. Вначале профашистские элементы группировались вокруг издаваемой с 1933 г. газеты «Иран-е бастан» («Древний Иран»), которая, по замыслам руководства германской национал-социалистской партии, должна была стать центром массового фашистского движения в стране. Официально газета издавалась на средства германской фирмы «Сименс — Шуккерт», редактором и издателем ее считался Сейф Азад. Фактически же газета являлась органом германского министерства пропаганды и почти целиком составлялась и даже печаталась в Берлине. Настоящим редактором газеты являлся майор фон Вибан, директор коммерческо-политического отдела национал-социалистской партии [76, 1935, № 11, стр. 579; 116, стр. 242].

В этих условиях ведущую роль в борьбе против фашизма и расизма, внутренней и внешней реакции сыграли иранские коммунисты во главе с Таги Эрани. На страницах издаваемого ими журнала «Донья» решительно разоблачалась реакционная внутренняя и агрессивная внешняя политика фашизма. Однако в 1937 г. властям удалось выследить и арестовать большинство деятелей

демократического движения. В ноябре 1938 г. полицейской охранкой при содействии правительства был организован судебный процесс над 53 деятелями коммунистической партии, профсоюзов и других демократических организаций. Обвиняемые превратили зал заседания в трибуну беспощадного разоблачения реакционной политики правящих кругов Ирана и фашистской Германии.

Мужественная и самоотверженная борьба передовых деятелей иранского демократического движения против фашизма сорвала попытки гитлеровцев и местных реакционных кругов организовать в Иране массовую фашистскую партию. Лишь небольшая кучка иранцев, группировавшаяся вокруг Сейф Азада, пыталась изобразить наличие в стране «национал-социалистского движения» [173, стр. 35—36]. В 1937 г. Реза-шах, не желая допускать дальнейшего усиления политического влияния Германии в стране, запретил распространение газеты «Иран-е бастан» [344, стр. 139—140].

Потерпев провал в попытках создать в Иране легальную фашистскую партию, руководители фашистского рейха были вынуждены по-прежнему делать основную ставку на реакционные элементы господствующих классов. Накануне второй мировой войны иранские профашисты во главе с д-ром Джахансузи создали нелегальную фашистскую партию [226, стр. 202], помогавшую гитлеровцам в создании в стране широкой агентурной сети, простиравшейся вплоть до Белуджистана [249, стр. 224]. В конце 1939 г. Джахансузи по приказу Реза-шаха был арестован [375, 1345, № 3, стр. 27].

Весьма непоследовательной была политика иранского правительства и в отношении фашистской Италии. В 1936 г. оно как будто отказалось признать захват этой державой Эфиопии. Новый иранский посланник вручил в Риме свои верительные грамоты «королю Италии», тогда как некоторые государства — «королю Италии и императору Эфиопии» [285е, т. II, стр. 514]. Однако уже 5 января 1938 г. Иран значился в опубликованном итальянским официальным изданием «Дипломатическая информация» списке государств, признавших де-факто захват Италией Эфиопии [285и, т. I, стр. 146]. С агрессивной политикой итальянских фашистов в Африке и Восточном Средиземноморье в исторической литературе обычно связывают ряд важных событий в межгосударст-

венных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке, в частности заключение Саадабадского пакта.

Иран и Саадабадский пакт. В предвоенные годы Иран продолжал поддерживать тесные дружественные отношения с соседними странами — Афганистаном и особенно Турцией. Укрепление ирано-турецких отношений нашло отражение в состоявшемся летом 1934 г. официальном визите Реза-шаха в Анкару — первом и единственном выезде шаха за границу.

Турецкие власти оказали Реза-шаху исключительно теплый прием. Для встречи шаха в Маку прибыла специальная правительственная делегация во главе с генералами Саид-пашой и Фахреддин-пашой. Другая делегация во главе с министром иностранных дел встречала шаха в Эрзеруме. В таком же порядке проходили проводы Реза-шаха из Турции [325, стр. 84—85; 324, стр. 483].

В течение всего периода пребывания шаха в Турции, длившегося несколько недель, Мустафа Кемаль был неразлучен с Реза-шахом. Между главами двух государств установились сердечные отношения; они называли друг друга не иначе, как «мой брат». Знание азербайджанского языка значительно облегчало беседы шаха с Мустафой Кемалем. Главы двух стран совершили поездку в Восточную Анатолию, посетили военно-воздушную базу в Эскишехире, форты Дарданелл [268, стр. 462—463; 84а, стр. 243—252].

Хасан Арфа, сопровождавший Реза-шаха в этой поездке, высказывает предположение, будто шах надеялся, что турецкие руководители предложат ему заключение военного союза, но этой надежде не суждено было сбыться [84а, стр. 252]. В 1934 г. между Ираном и Турцией было заключено лишь соглашение по курдскому вопросу. Оба правительства согласились закрыть свои границы с целью помешать «разбойникам» искать убежища в Ираке и Сирии [108, стр. 134].

Некоторое сотрудничество между двумя правительствами было установлено и на международной арене. В сентябре 1934 г. на XV сессии Ассамблеи Лиги наций, во время перевыборов непостоянного члена Совета Лиги, Иран снял свою кандидатуру в пользу Турции, которая еще раньше ставила условием своего вступления в Лигу наций получение этого места [285д, стр. 219—220].

В апреле 1937 г. в Тегеране было заключено несколько ирано-турецких соглашений, способствовавших дальнейшему сближению двух государств: конвенция о мерах по обеспечению безопасности в пограничных районах; конвенция о порядке разрешения юридических вопросов, затрагивающих интересы граждан обеих стран; соглашение о таможенной администрации; соглашение о телеграфной и телефонной связи; конвенция о воздушном сообщении; договор о торговле и мореплавании; конвенция о поселении; соглашение о транзитном пути Трапезунд — Тебриз — Тегеран [тексты см: 367, стр. 58—63, 188—197]. В коммюнике по поводу заключения этих соглашений говорилось, что обе стороны также «достигли согласия по определенным вопросам, касающимся их общих интересов» [285ж, стр. 802].

Особое значение в отношениях с Турцией иранская дипломатия придавала возможности использования турецких транзитных путей [77, 11.VI.1934]. Встав во второй половине 30-х годов на путь свертывания торговли с СССР и ориентируясь на торговлю с фашистской Германией, иранское правительство стремилось улучшить условия транзита через Турцию. В июле 1938 г. на совещании смешанной ирано-турецкой пограничной комиссии в Трапезунде было достигнуто соглашение об улучшении турецко-иранской транзитной дороги Тебриз — Трапезунд, переоборудовании трапезундского порта и открытии оттуда регулярного пароходного сообщения до румынского порта Констанца. К декабрю 1938 г. эти работы были завершены [56, 8.VIII.1938, 10.XII.1938].

Курс правительства Реза-шаха на усиление экономических связей с мировым капиталистическим рынком путем сближения с Турцией пользовался поддержкой западной, в том числе и английской, дипломатии. К тому же правящие круги Ирана не скрывали, что одним из мотивов установления дружественных отношений с Турцией было стремление получить возможность ликвидировать «зависимость» экономики Северного Ирана от Советского Союза. Такое заявление, в частности, сделал тогдашний иранский посланник в Лондоне Хосейн Ала корреспонденту газеты «Морнинг Пост» [см. 345, стр. 701—702].

Накануне второй мировой войны были урегулированы и наиболее острые ирано-афганские пограничные

разногласия¹³. В 1934 г. оба правительства в соответствии с договором 1927 г. согласились передать вопрос о демаркации ирано-афганской границы в районе Муса-Абад на арбитраж Турции. Турецкое правительство назначило арбитром генерала Фахреддина Алтая. От Афганистана в смешанную комиссию вошел Абдул Рахим-хан, вали Герата, от Ирана — Сеид Мехди Фаррох. Переговоры длились четыре с лишним месяца. Несмотря на несогласие с решением турецкой миссии, Реза-шах приказал подписать соглашение с Афганистаном, которое затем получило ратификацию иранского меджлиса. В своем выступлении в меджлисе шах сказал: «Раз уж мы согласились на это посредничество, то должны сдерживать свое слово» [308, стр. 81—85; 324, стр. 471; 360, стр. 342, 347—348].

В январе 1938 г. обе стороны заключили конвенцию о разделе вод р. Гильменд. В приложенном к конвенции протоколе иранское правительство декларировало отсутствие у него намерений вмешиваться во внутренние дела Афганистана, а афганское правительство — препятствовать использованию вод р. Гильменд для ирригационной системы иранской провинции Сеистан [тексты см.: 347ж, стр. 431—437; 308, стр. 91—95]¹⁴.

В рассматриваемый период иранскому правительству удалось улучшить положение на границе с Индией. Напряженность на этом участке границы создавали феодалы ханы белуджских племен, неоднократно поднимавшие восстания против центрального правительства и затем укрывавшиеся от преследований правительственных отрядов у своих единоплеменников на индийской территории. С 1934 г. между иранскими и англо-индийскими властями в Белуджистане установилось сотрудничество в деле борьбы с ханами белуджских племен [84а, стр. 253, 258]. В ноябре 1935 г. иранский министр иностранных дел Каземи совершил частную поездку в Дели, где вел неофициальные переговоры об улучшении

¹³ Министр иностранных дел Турции Тевфик Рюшту, ознакомившийся во время визита в Иран с положением иранских границ, в феврале 1932 г. говорил Л. М. Карахану, что ирано-афганская граница «по существу неразграничима» [23, т. XV, стр. 95].

¹⁴ Дружественные отношения между двумя странами нашли, в частности, отражение в визите в Иран военного министра Афганистана Шах Махмуд-хана [336, стр. 18].

коммуникаций между Ираном и Индией [46, т. 308, стр. 586].

Гораздо сложнее развивались отношения Ирана с его западным соседом — Ираком. Наличие серьезных разногласий относительно принадлежности вод Шатт-эль-Араба в условиях сохраняющейся зависимости Ирака от Англии затрудняло дальнейшее ирано-иракское сближение. В первой половине 1934 г. в связи с обострением отношений с Ираком Иран даже перекрыл течение рек, снабжавших водой пограничные пункты Ирака. На этой почве произошел ряд столкновений между пограничными племенами обеих стран.

Развитие нефтяной промышленности в Абадане, доступ к которому морским путем был невозможен без прохождения через территориальные воды Ирака, требовало пересмотра границы в этом пункте. Британский план создания англо-ирано-иракского совместного управления по навигации и контролю над Шатт-эль-Арабом был отвергнут Ираном [266, стр. 267]. Добиваясь желательного для себя решения вопроса, иранское правительство по-прежнему отказывалось признавать суверенитет Ирака над всеми водами Шатт-эль-Араба, а иранские суда продолжали курсировать по реке, нарушая правила судоходства директората порта Басры.

29 ноября 1934 г. министр иностранных дел Ирака направил генеральному секретарю Лиги наций жалобу, в которой обвинял правительство Ирана в «постоянных актах агрессии» и отказе принять неоднократные предложения его правительства о мирном урегулировании спорных вопросов путем двусторонних переговоров. 23 декабря Иран дал согласие на разбирательство дела в Совете Лиги наций. В меморандуме от 8 января 1935 г. генеральному секретарю Лиги наций иранское правительство отрицало законную силу Константинопольского протокола 1913 г. и утверждало, что принципы справедливости и современного международного права требуют, чтобы граница между двумя странами, осуществляющими суверенитет над двумя противоположными берегами реки, проходила по срединной линии — тальвегу [257, стр. 325—328].

14—15 января 1935 г. на заседаниях Совета Лиги наций были заслушаны выступления министров иностранных дел Ирака и Ирана (соответственно Нури

Саида и Сеид Багир-хана Каземи). Вслед за этим министры иностранных дел СССР, Англии и Турции сделали заявления о нейтралитете своих правительств в ирано-иракском конфликте ввиду того факта, что эти государства в 1913 г. были участниками подписания Константинопольского протокола и принимали участие в деятельности разграничительной комиссии 1914 г. [285ж, стр. 795—800].

М. М. Литвинов в своем выступлении заявил: «Что бы ни было предпринято в то время тогдашним российским правительством, советское правительство не имеет ничего общего с интересами и с политикой, которые диктовали эти действия. Мое правительство поэтому не заинтересовано в том или ином разрешении спора между Ираком и Персией. Оно, как и прочие, надеюсь, члены Совета Лиги, заинтересовано лишь в том, чтобы конфликт был разрешен по справедливости к удовлетворению обеих спорящих сторон, дабы они могли сохранить и продолжать существующие между ними дружественные добрососедские отношения» [24, стр. 93].

21 января 1935 г. итальянский представитель в Совете Лиги наций барон Алоизи, назначенный докладчиком по вопросу об ирако-иранском споре, предложил Совету отложить обсуждение до следующей сессии. Представитель Ирака на том же заседании, выразив сожаление по поводу отсрочки в рассмотрении вопроса, предложил передать его на консультативное мнение постоянного Международного суда с целью предотвратить инциденты, которые могут обострить ситуацию. Однако иранский представитель отказался принять это предложение [219, стр. 70—71].

Последующие переговоры между сторонами велись в Риме, Женеве, Тегеране и Багдаде. 25 мая 1935 г. барон Алоизи сообщил Совету Лиги наций о благоприятном развитии переговоров и просил отложить рассмотрение вопроса до следующей сессии. В январе 1936 г., сентябре 1936 г. и вновь в мае 1937 г. Совет Лиги наций по просьбе правительств Ирака и Ирана каждый раз снимал вопрос с повестки дня, откладывая его рассмотрение до следующей сессии [219, стр. 71; 285ж, стр. 800—801]. 4 июля 1937 г. между Ираном и Ираком был заключен договор о границе, давший возможность обеим сторонам 18 июля того же года заключить договор о

дружбе, 24 июля того же года — конвенцию о мирном разрешении разногласий и 7 декабря 1939 г. — временную конвенцию о пограничных комиссарах [367, стр. 369]. 10 сентября 1937 г. Совет Лиги наций по просьбе правительств Ирака и Ирана окончательно снял вопрос о Шатт-эль-Арабе с повестки дня.

Договор от 4 июля 1937 г. разрешил наконец длительные разногласия между Ираном и Ираком о границе по Шатт-эль-Арабу. Оба правительства признали (с некоторыми изменениями) имеющими силу и обязательными при определении границы между Ираном и Ираком Константинопольский протокол 1913 г. и протокол разграничительной комиссии 1914 г. (ст. 1). Договор предусматривал, что граница между Ираном и Ираком по-прежнему проходит вдоль левого берега Шатт-эль-Араба, за исключением участка в 8 км в районе Абадана, на котором была принята тальвежная система (ст. 2) [279, стр. 264—265; 37, стр. 16—20].

Заключение ирано-иракского договора от 4 июля 1937 г. в значительной мере было результатом непосредственных переговоров и проявлением доброй воли обеих сторон. Предложение барона Алоизи об интернационализации Шатт-эль-Араба было отвергнуто и Ираном, и Ираком [257, стр. 329]. Отверг Иран и вновь выдвинутое Англией в 1936 г. предложение о создании тройственного англо-ирано-иракского управления по навигации и контролю над Шатт-эль-Арабом [266, стр. 267]. Когда переговоры между Ираком и Ираном оказались под угрозой срыва, Реза-шах пошел на компромисс, заявив Нури Саиду, что согласен принять тальвежную систему лишь в районе Абадана; «это означало, что Ирак сохранит свой суверенитет над всем Шатт-эль-Арабом, исключая несколько километров в зоне Абадана» [257, стр. 329]. Неожиданный для Англии переворот в Ираке 29 октября 1936 г., совершенный группой националистически настроенных офицеров во главе с Бакром Сидки, весьма сильно симпатизировавшим Реза-шаху, способствовал ускорению и успешному завершению переговоров с Ираном [257, стр. 330]¹⁵. Этот переворот отражал ин-

¹⁵ В 1959 г. правительство Касема денонсировало договор от 4 июля 1937 г. на том основании, что правительство Ирака после переворота Бакра Сидки заключило его якобы под давлением [279, стр. 265].

тересы «местного» иракского национализма в отличие от общеарабского и знаменовал новую ориентацию — на неарабских соседей: Турцию и Иран [174, стр. 123—124, 133—134]¹⁶. Новый премьер-министр Ирака, Х. Сулейман, считал, что, поскольку Великобритания одна извлекала пользу из Шатт-эль-Араба, нет оснований для конфликта между Ираком и Ираном [219, стр. 72]. Результатом взаимных уступок и доброй воли обеих сторон было то, что Ирак, по словам арабского историка, «в конечном итоге получил больше того, что он хотел» [219, стр. 69]. Нельзя не учитывать и то, что строительство нового порта в Бендер-Шахпуре, расположенного в иранских водах, уменьшило для Ирана значение портов на р. Карун, выход из которых в открытое море был возможен лишь через Шатт-эль-Араб [248, стр. 143]. Заключение договора от 4 июля 1937 г. отвечало интересам обеих стран, способствовало нормализации отношений между ними, укреплению их международного положения вообще и в районе Ближнего и Среднего Востока в частности.

Все это, разумеется, не означает, что английская дипломатия не оказала никакого влияния на урегулирование ирако-иранских разногласий. Улучшение отношений Ирака с соседними Ираном и Турцией отвечало целям укрепления британского влияния на Ближнем и Среднем Востоке и стремлению Англии создать союзный с ней блок стран этого района. Руководители нового правительства, пришедшего к власти в Ираке в результате переворота 1936 г., путем сближения с Турцией и Ираном стремились заручиться поддержкой Англии и ликвидировать то неприятное впечатление, которое их неожиданный путч произвел в Лондоне [174, стр. 124—125]. Ирако-иранский договор содержал и такие статьи, которые прямо отвечали интересам английского империализма. Объявив воды Шатт-эль-Араба свободными для плавания торговых судов всех национальностей и для военных кораблей договаривающихся сторон, договор в то же время предоставил каждой из них право разрешать плавание по Шатт-эль-Арабу военным кораблям третьей державы при условии заблаговременного изве-

¹⁶ См. внешнеполитическую декларацию нового правительства Ирака в: [52, 1937, № 2(39), стр. 24—25].

щения об этом другой договаривающейся стороны. Это сохраняло за Англией возможность пользоваться военной базой в Басре.

Великобритания оказывала влияние на отношения Ирана с Ираком и через посредничество турецкой дипломатии. Это посредничество сыграло значительную роль в урегулировании разногласий между двумя странами. Парафирование ирано-иракского пограничного соглашения в Багдаде 29 июня и затем его подписание в Тегеране 4 июля 1937 г. состоялись при посредничестве турецкого министра иностранных дел [203, стр. 58]. Мустафа Кемаль направил личные послания иранскому и иракскому правительствам, в которых призывал их скорее урегулировать разногласия «с целью обсудить более крупную проблему региональной безопасности Среднего Востока» [257, стр. 330].

Однако вряд ли правомерно, как это допускается в зарубежной и отчасти в советской историографии, связывать организацию региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке, в частности усилия турецкой дипломатии в этом направлении, только с политической английской империализма¹⁷ и экспансией Италии в Восточном Средиземноморье, в том числе с ее нападением на Эфиопию в октябре 1935 г. Вопрос о создании региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке ставился еще в 1928 г. афганскими руководителями [23, т. XI, стр. 309, 362, 388—389]. Правящие круги Турции вынашивали идею создания подобной группировки по меньшей мере с 1933 г. [см. 33в, стр. 657]. Английская пресса, в частности газета «Дейли Телеграф» от 19 июня 1934 г., в связи с визитом Реза-шаха в Турцию писала о возможности создания Средневосточного пакта. Как будет показано ниже, подобные сообщения имели вполне реальную почву. Необходимо учитывать и то, что, если турки «могли быть движимы страхом перед итальянской экспансией в Средиземноморье под руководством

¹⁷ В исторической литературе делались также явно несостоятельные попытки полностью приписать организацию пакта Англии. Даже в единственном в советской историографии специальном исследовании без достаточных оснований утверждается, что Англия была инициатором создания пакта, являвшегося «составной частью системы империалистических союзов кануна второй мировой войны» [203, стр. 48, 55]. Некоторые авторы договариваются даже до того, что пакт был сколочен гитлеровской Германией [см. 113, стр. 38].

Муссолини, другие средневосточные государства не имели непосредственных оснований для беспокойства с этой стороны» [284, стр. 186].

Надо полагать, что заинтересованность Турции, так же как Ирана и других участников пакта, в создании региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке в первую очередь была связана с их общим стремлением упрочить свое положение на мировой арене и обезопасить свои границы в чреватой военным конфликтом международной обстановке того времени. В одном из томов «Обзоров» Лондонского Королевского института международных отношений утверждается, что «Саадабадский пакт¹⁸ был попыткой предотвратить с помощью взаимных гарантий опасность своему существованию... в тот период, когда соперничество великих держав возросло, а Лига наций потерпела неудачу в обеспечении коллективной безопасности» [289, стр. 133].

Руководители главных участников пакта — Турции и Ирана неоднократно декларировали свои миролюбивые цели. Мустафа Кемаль в телеграмме Реза-шаху по поводу заключения пакта выражал уверенность, что он окажет влияние на мир и безопасность не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и во всем мире [301, стр. 248]. Иранское правительство в официальном заявлении госдепартаменту США от 25 августа 1937 г. отмечало: «Заключение Саадабадского пакта, инициатива которого исходила от шахиншахского правительства, является одним из наиболее ярких доказательств его непоколебимого стремления сохранить мир, и оно твердо надеется не только на обеспечение мира в Западной Азии, но также и на создание более или менее важного фактора в поддержании мира вообще» [40, 1937, т. I, стр. 802]¹⁹.

Вместе с тем Саадабадский пакт отражал те принципы взаимоотношений четырех государств, которые к тому времени уже были зафиксированы в более чем десяти договорах и протоколах, заключенных между ними в 1921—1937 гг. Имея в виду эту сторону пакта, стамбульский корреспондент газеты «Таймс» писал: «Его заключение получит всеобщее одобрение ввиду того, что

¹⁸ Это название пакт получил в 1937 г.

¹⁹ См. также: личное послание Реза-шаха Ф. Рузвельту от 12 октября 1938 г. [40, 1938, т. II, стр. 742].

он показывает, что эти четыре мусульманские страны — некоторые из которых так долго были чужды или враждебны друг другу — хотят теперь сотрудничать к своей взаимной выгоде» [цит. по: 287, стр. 334]. Р. К. Рамазани пишет: «Для Ирана Саадабадский пакт был не более чем многосторонним документом, воплощающим принципы, которые развивались годами в значительной мере как результат его упорных усилий установить дружественные отношения с новыми соседними странами Среднего Востока» [279, стр. 274—275].

Итальянская агрессия в Эфиопии, несомненно, ускорила создание региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке. Именно в сентябре 1935 г., в дни активной военной и дипломатической подготовки Италии к нападению на Эфиопию, представители Турции, Ирана и Ирака начали переговоры в Женеве, закончившиеся 2 октября, за день до итальянской агрессии, парафированием тройственного соглашения, положившего начало так называемой Ближневосточной Антанте [285ж, стр. 801; 38, стр. 214—215]. С этим событием и было связано начало непосредственных двусторонних переговоров между Ираком и Ираном относительно границы по Шатт-эль-Арабу. В этом смысле можно согласиться с утверждением А. Тойнби о том, что «не дипломатическая акция итальянского докладчика Совета Лиги барона Алоизи в Европе, а военная акция хозяев барона Алоизи в Африке образумила двух средневозвосточных спорщиков» [285ж, стр. 801]²⁰.

В ноябре 1935 г. с заявлением о желании присоединиться к пакту выступил Афганистан [308, стр. 97]. Первое публичное сообщение о пакте было сделано в начале января 1936 г. в Анкаре на банкете, устроенном министром иностранных дел Турции Рюшту Арасом в честь его афганского коллеги. Именно после этого Ирак и Иран обратились в Совет Лиги наций с просьбой снять с повестки дня вопрос об их пограничном споре. С этого времени начались переговоры об урегулировании всех спорных вопросов между Турцией и Ираном, с одной стороны, и между Ираном и Ираком — с другой. Спустя четыре дня после подписания ирано-иракского

²⁰ В целом А. Тойнби отрицает наличие у Ирана и Ирака каких-либо собственных мотивов для урегулирования разногласий.

договора о границе, 8 июля 1937 г., в Саадабадском дворце Реза-шаха в Тегеране министрами иностранных дел Ирана, Турции, Ирака и Афганистана был заключен четырехсторонний пакт, получивший название Саадабадского пакта [285ж, стр. 802; 257, стр. 331].

Участники пакта, «побуждаемые общими целями обеспечить мир и безопасность на Ближнем Востоке», как говорилось в преамбуле договора, обязывались воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга (ст. 1), уважать неприкосновенность общих границ (ст. 2), консультироваться по всем международным конфликтам, касающимся их общих интересов (ст. 3), и взаимно отказывались от актов агрессии друг против друга и против третьих держав (ст. 4), причем понятие агрессии было сформулировано в соответствии с лондонскими конвенциями 1933 г. об определении агрессии. Статья 7 предусматривала обязательство каждой стороны не допускать на своей территории создания и деятельности вооруженных банд, групп или организаций, преследующих враждебные одной из договаривающихся сторон цели²¹. Статьи 8 и 9 провозглашали лояльность к пакту Бриана — Келлога и Уставу Лиги наций. Договор мог быть денонсирован по отношению к тому из его участников, который совершит акт агрессии против третьей державы. Договор заключался сроком на 5 лет, по истечении срока при отсутствии денонсации автоматически продлевался еще на 5 лет [текст см.: 38, стр. 214—216; 35, 1937, стр. 531—533].

В тот же день министры иностранных дел Ирана, Турции, Ирака и Афганистана подписали протокол о создании Постоянного Совета четырех держав и его исполнительного органа — секретариата. Совет должен был собираться не менее одного раза в год. Тогда же в Тегеране под председательством иранского министра иностранных дел состоялась первая и по существу последняя сессия нового Совета, на которой было принято решение о том, что четыре государства будут поддерживать кандидатуру вначале Ирана, а затем каждого дру-

²¹ Эта статья дала курдским лидерам вполне оправданное основание считать Саадабадский пакт «антикурдским заговором» [246, стр. 35]. «Таймс» от 10 ноября 1937 г. писала, что благодаря пакту курдский вопрос перестанет быть причиной споров между Турцией, Ираном и Ираком.

гого члена пакта в алфавитном порядке на выборах в Совет Лиги наций на то место, которое в это время занимала Турция, но которое она должна была освободить на предстоящей сессии Совета Лиги и ее ассамблеи в сентябре 1937 г. Вместе с тем было решено сразу же добиться избрания Турции на другое место в Совете Лиги наций [285ж, стр. 803; 257, стр. 331; 301, стр. 248].

В исторической литературе существуют самые различные точки зрения не только по вопросу о характере Саадабадского пакта, но и о том, кто был инициатором его заключения. Турецкие историки, как и большинство западных, считают инициатором и организатором пакта Турцию, иранские — Иран [см., например.: 336, стр. 18; 84а, стр. 266]. Последней точки зрения в конце 30-х годов придерживались и многие западные историки; при этом обычно ссылались на место заключения пакта, его преамбулу, где Иран упоминается первым, и то обстоятельство, что Иран являлся депозитарием Саадабадского договора [285ж, стр. 801; 287, стр. 333]²². Иранское правительство в цитированном выше официальном заявлении госдепартаменту США от 25 августа 1937 г., как, впрочем, и во многих других случаях, объявляло инициатором пакта себя. В январе 1940 г. иранский посол в Анкаре заявил советскому послу, что «вождем Саадабадского пакта является правительство Ирана», а не Турции [377, 1346, стр. 173]. В послании Реза-шаху от 12 августа 1938 г. президент США Рузвельт также отмечал его «лидерство» в заключении пакта [40, 1938, т. II, стр. 735].

Можно допустить, что в разное время или даже одновременно и Турция и Иран выступали с инициативой создания пакта, хотя доминирующая роль турецкой дипломатии в создании региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке не подлежит сомнению. Определенное влияние на создание пакта оказала и Англия, предпочитавшая действовать из-за кулис. «Официальные круги Лондона стремились превратить Саадабадский пакт в орудие британской политики на Ближ-

²² Ратификации были сданы на хранение иранскому правительству 25 июня 1938 г. [301, стр. 248—249].

нем и Среднем Востоке, а Турцию — активного участника этой группировки — в проводника английского влияния в этом районе» [181, стр. 160].

Интересно отметить, что первоначально турецкие правящие круги ставили вопрос о привлечении к проектируемому пакту кроме Турции, Ирана, Ирака и Афганистана еще СССР и Великобритании. В феврале 1934 г. в беседе с английским послом в Анкаре П. Лореном (бывшим в 1921—1926 гг. посланником в Тегеране) министр иностранных дел Турции говорил в этой связи, что его правительство «было бы очень радо, если бы смогло каким-либо образом способствовать улучшению взаимопонимания между Лондоном и Москвой» [33в, стр. 658]. Английская дипломатия, не возражая против самой идеи пакта, предприняла тактику, по выражению П. Лорена, «вежливого расхолаживания» турецкого правительства в отношении привлечения к пакту СССР и Великобритании. Ссылаясь на свой длительный опыт в Иране, П. Лорен особый упор делал на то, «сколь невыносимой для персов идеей был бы какой-либо призрак соглашения между Англией и Россией». При этом Лорен сделал весьма незатейливый экскурс в область истории: «Самым черным днем Персии в ее современной истории, — сказал он, — является день заключения англо-русского соглашения 1907 г. По мнению Персии, не подлежит доказательству, что англо-русское соглашение может быть только за счет Персии и было бы, вероятно, направлено на раздел» [33в, стр. 657—658]. После визита Реза-шаха в Анкару летом 1934 г. турецкие руководители сняли вопрос о привлечении к пакту СССР и Великобритании.

Роль Англии в создании Ближневосточной Антанты стала более активной после заключения между нею и Турцией в декабре 1935 г. «джентльменского» соглашения о взаимной помощи на Средиземном море в случае итальянской агрессии. Это соглашение положило начало англо-турецкому сближению, которое особенно усилилось после конференции в Монтре в 1936 г. С этого времени английская дипломатия стремится упрочить отношения Турции с зависимыми от Великобритании или связанными с нею тесными договорными узами государствами Ближнего Востока и Северной Африки. В апреле 1937 г. Турция заключила договор о дружбе с Егип-

том, связанным с Англией договором 1936 г. о союзе²³, и продлила тройственный англо-ирако-турецкий договор о дружбе 1926 г. [300, стр. 671—672]. С начала 1937 г. английская пресса усиленно рекламирует региональную группировку на Ближнем и Среднем Востоке как «мощный инструмент сохранения мира на Востоке» и даже «во всем мире» [см. 203, стр. 55, 58].

Через Ирак, пожалуй, в наибольшей степени Англия оказала влияние на заключение Саадабадского пакта. Турецкий историк А. Ш. Эсмер пишет, что «без английской помощи подписание пакта было бы невозможным. Присоединение к пакту Ирака, страны с ограниченной независимостью, было связано только с согласием Англии» [301, стр. 248]. Добиваясь осуществления издавна вынашиваемого британской дипломатией плана сближения Ирака с Турцией, Ираном и Афганистаном, Англия одновременно стремилась пристегнуть к новому пакту через Ирак другие арабские государства. В апреле 1936 г. при посредничестве Англии между Ираком и Саудовской Аравией был заключен договор о дружбе и арабском братстве, к которому в апреле 1937 г. присоединился и Йемен. Английская дипломатия рассматривала эти договоры как дополнения к Саадабадскому пакту [132, т. I, стр. 563; 234, стр. 574—575]²⁴.

Заключение Саадабадского пакта с удовлетворением было встречено и в Вашингтоне. Так, в начале августа 1937 г. поверенный США в Тегеране Энгерт в связи с этим событием посетил министра иностранных дел Ирана и передал ему поздравления государственного секретаря США К. Хэлла, а также удовлетворение госдепартамента тем, что Иран и другие участники пакта «положили в основу своих взаимоотношений добрососедскую политику, поддерживаемую США и детально выраженную» в декларации госдепартамента от 16 июля 1937 г. В этой декларации под прикрытием пацифистских призывов ко всем странам отказаться от использования

²³ В дальнейшем, в 1938—1939 гг., Турция неоднократно предпринимала попытки добиться присоединения Египта к Саадабадскому пакту [203, стр. 64—65].

²⁴ После иракско-саудовского договора был заключен саудовско-египетский [301, стр. 246]. Интересно отметить, что английская пресса высказывалась за присоединение Саудовской Аравии к пакту еще до его подписания [см. 203, стр. 54].

силы в международных конфликтах и вмешательства во внутренние дела других народов США выступали за ликвидацию «барьеров в международной торговле», за «равенство коммерческих возможностей» и т. д. На заявление Энгерта министр иностранных дел Ирана Инаятулла Самии ответил, что США «всегда могут рассчитывать на Иран, преисполненный желанием действовать в интересах мира, даже если это потребует жертв с его стороны, как это было в случае с разрешением пограничного спора с Ираком» [40, 1937, т. I, стр. 699—700, 703—704, 753—754, 767—768].

Фашистские державы встретили подписание Саадабадского пакта в целом лояльно. Надо полагать, что в связи с прогерманскими тенденциями внешнеполитической ориентации главных участников пакта фашисты надеялись использовать новую группировку в своих агрессивных интересах. Примечателен и такой факт. В феврале 1938 г. в Риме было опубликовано сообщение о переговорах между членами Саадабадского пакта по поводу дополнения ст. 8 специальным обязательством по борьбе с коммунизмом в духе антикоминтерновского пакта. При этом сообщалось, будто единственным противником дополнения был Афганистан. Турецкое и иранское агентства печати опубликовали официальные опровержения [50, 12, 15, 17.II.1938]. «Но само появление таких слухов говорит о том, каким хотели бы видеть фашистские правители Саадабадский пакт» [203, стр. 64].

Влияние империализма на заключение Саадабадского пакта отнюдь не умаляет значения тех интеграционных тенденций, которые лежали в основе сближения между странами Ближнего и Среднего Востока (тем более что начало этого сближения относится к 20-м годам и в определенных территориальных пределах происходило при дружественном посредничестве СССР), хотя Англия и стремилась использовать эти тенденции в своих интересах. И. Левин в 1937 г. писал: «Нормализация отношений между Ираком и другими восточными странами, в т. ч. Ираном, объясняется тем, что опасность использования Ирака Англией для наступательной политики против других восточных стран в настоящее время является мало актуальной» [165, стр. 63]. При рассмотрении вопроса о сближении арабских стран с государствами Саадабадского пакта и между собой нельзя не

учитывать, во-первых, что Англия, будучи удовлетворённой сложившейся в этом районе ситуацией, стремилась лишь к стабилизации положения, с тем чтобы ни одна из этих стран не могла быть использована в своих интересах стремившимися к переделу мира Италией или Германией, и, во-вторых, что это сближение в значительной мере было «показателем силы массового всеарабского национального движения, имеющего в основном антиимпериалистический характер, стремящегося к объединению и независимости всех арабских стран и начинающего уже оказывать сильное давление на политику, проводимую господствующими классами арабских государств» [165, стр. 64].

Совершенно справедливо и следующее замечание И. Левина, которое можно применить к характеристике сближения государств — участников Саадабадского пакта: «Английский империализм неоднократно использовал всеарабское национальное движение в своих интересах. Однако было бы глубоко ошибочно рассматривать это движение как продукт империалистических махинаций. В действительности английский империализм отнюдь не заинтересован в тесном сближении арабских стран между собой, ибо такое сближение может обернуться против его основных интересов в арабских странах. Англия поддерживает арабское объединительное движение в том его виде, которое кажется ей наиболее выгодным» [165, стр. 130]. Все вышесказанное, разумеется, не означает ни то, что Англия не стремилась использовать Саадабадский пакт в своей политике изоляции СССР и направления германской агрессии на Восток, ни то, что при благоприятных условиях она не посягнула бы на территориальную целостность государств — участников этого пакта.

Британское влияние на заключение Саадабадского пакта (в той мере, в какой оно действительно имело место) проявилось в основном через Ирак и Турцию. Главные точки соприкосновения внешнеполитических платформ Ирана и этих стран лежали в антисоветских тенденциях политики их правящих кругов. По мнению Р. К. Рамазани, в развитии дружественных отношений с Турцией и Ираком, как и вообще во вступлении в Саадабадский пакт, иранское правительство видело главным образом возможность «освобождения Северно-

го Ирана от традиционной зависимости от русского рынка» путем получения «выхода к мировому рынку» по транзитным путям этих стран [279, стр. 274]. Как известно, «мировой рынок» в глазах правящих кругов Ирана в те годы все более ассоциировался с Германией. Прогерманские тенденции при сохранении дружественных отношений с СССР проявлял и Афганистан. Эти тенденции внешней политики Ирана и Афганистана не мешали их сближению с Турцией и Ираком. «Бесспорно, — пишет турецкий историк Ф. Армаоглу о турецко-афганском сближении, — важную роль в этом сыграло отсутствие в действительности разногласий между Турцией и нацистской Германией» [300, стр. 656]. Сказались и проводимая Англией политика умиротворения фашистского агрессора, и лавирование правящих кругов Турции между англо-французской и германо-итальянской группировками.

Разные внешнеполитические ориентации каждого из участников Саадабадского пакта как раз и явились главной причиной того, что пакт оказался фактически мертворожденным, хотя ни одна из сторон никогда не заявляла о расторжении пакта. Второе заседание Постоянного Совета четырех государств, которое должно было состояться в 1938 г. в Кабуле, так и не состоялось ввиду «занятости» министра иностранных дел Турции. После захвата весной 1939 г. Германией Чехословакии и Италией Албании турки начали оживленные консультации с Ираном. Была достигнута договоренность о встрече министров иностранных дел четырех государств в апреле 1939 г. в Тегеране. Предметом обсуждения должен был быть вопрос о превращении пакта в оборонительный союз. Но встреча на предполагаемом уровне не состоялась. Министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу не поехал в Тегеран в связи с подготовкой англо-франко-турецкой декларации о взаимопомощи. На происходившем 28—29 апреля 1939 г. в Тегеране заседании Турции представлял ее посол, председательствовал иранский министр иностранных дел Аалям. Составленное в общих выражениях коммюнике гласило, что стороны обменялись мнениями и проконсультировались по интересующим их вопросам [203, стр. 65]. Это была последняя встреча представителей четырех государств под флагом Саадабадского пакта.

Характерно, что различия во внешнеполитической позиции участников пакта проявилось сразу же после его подписания. Так, Ирак и Турция фактически безоговорочно поддерживали упомянутую выше декларацию государственного секретаря США К. Хэлла от 16 июля 1937 г. [см. 40, 1937, т. I, стр. 726, 732—733, 767, 779—780, 788—789, 797—798]. Иранское правительство в течение месяца затягивало ответ на декларацию, несмотря на неоднократные напоминания американского поверенного, и даже не разрешило публиковать в газетах не только текст декларации, но и какие-либо упоминания о ней. В официальном ответе на декларацию, врученном Энгерту 25 августа, правительство Ирана заявило, что согласно с декларируемым в ней пожеланием локализации войны, если она вспыхнет в какой-либо части земного шара, и что «ставит себя в один ряд с наиболее ревностными сторонниками всеобщего мира», сославшись в качестве подтверждения на мирное урегулирование пограничных споров с Афганистаном, Турцией и Ираком. В то же время иранский ответ полностью обходился молчанием выраженное Соединенными Штатами пожелание «либерализации мировой торговли путем устранения всех неблагоприятных торговых барьеров». По словам американского поверенного, Реза-шах, принимавший личное участие в составлении ответа и до этого отклонивший несколько представленных ему проектов, стремился избежать всего, что могло бы позже рассматриваться как обещание «коммерческого равенства», т. е. даже косвенного признания претензии на исключение США из режима внешнеторговой монополии Ирана [40, 1937, т. I, стр. 715, 768, 800—801].

Определенное представление о различии во внешнеполитической позиции государств — участников Саадабадского пакта дают донесения американских дипломатических представителей в ответ на сделанный госдепартаментом США в конце 1938 г. запрос о том, какое влияние может оказать война на правительства, при которых они аккредитованы. В телеграмме из Багдада сообщалось, что Ирак будет полностью выполнять свои обязательства по союзному договору с Англией [40, 1938, т. I, стр. 79], из Анкары — что Турция останется нейтральной, но с большой симпатией к Англии [40, 1938, т. I, стр. 75], из Тегерана — что «в случае всеобщей

европейской войны, кажется, нет причины ожидать немедленных изменений в Персии или новых трудностей, исключая, возможно, финансового или экономического характера» [40, 1938, т. I, стр. 81].

С течением времени представители входящих в пакт государств даже публично стали выступать с взаимной критикой по различным внешнеполитическим вопросам. В одном из документов Центрального государственного исторического архива Болгарии зафиксировано относящееся к июню 1939 г. заявление министра иностранных дел Ирана о том, что его страна ни в коей мере не разделяет проанглийской ориентации своей союзницы по Саадабадскому пакту — Турции — и не будет отклоняться от своей позиции нейтралитета [см. 203, стр. 66]. Даже Ирак в это же время выступил против передачи Турции Александреттского санджака, выразив одновременно сожаление, что турки не информировали членов Саадабадского пакта о соглашении с Англией и Францией [203, стр. 66].

Арабский историк М. Хаддури пишет: «Саадабадский пакт едва ли означал что-либо большее, чем благочестивую декларацию доброй воли, ибо он потерпел неудачу в обеспечении какой-либо солидарности его участников... Неудача в создании солидарности доказывает, что слабость пакта происходила скорее изнутри, чем извне» [257, стр. 332]. Внешним фактором являлось развитие германской агрессии в Европе, которое окончательно свело к нулю роль, отводимую в планах британской дипломатии Саадабадскому пакту, и тем самым также способствовало развалу пакта.

ИРАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу. 3 сентября Англия и Франция выступили против Германии. Началась вторая мировая война. На Ближнем и Среднем Востоке «странная война» нашла отражение в резкой активизации экспансионистской политики империалистических держав. Германский генеральный штаб с первых же дней войны приступил к подготовке планов вторжения в страны Ближнего и Средне-

го Востока, в том числе и Иран [см. 22, т. 1, стр. 193, 205, 291]. Англо-французские империалисты готовились к нападению из Сирии на Баку и другие нефтяные районы Советского Закавказья путем использования не только территории, но и живой силы пограничных с СССР государств [см. 215].

4 сентября правительство Ирана заявило о своем нейтралитете и сообщило, что будет защищать его силой оружия. В опубликованном вслед за этим заявлении министра внутренних дел всем иранским подданным, а также проживающим в Иране иностранцам под угрозой наказания предлагалось воздержаться от всякого рода действий и пропаганды, противоречащих принципу нейтралитета [тексты см.: 377, 1346, стр. 171]. В соответствии с этим были проведены некоторые практические мероприятия [см. 344, стр. 76, 86; 324, стр. 645—646].

Однако за внешней решимостью иранского правительства отстаивать нейтральную политику скрывалась глубокая растерянность, обусловленная неспособностью реалистически оценить изменяющуюся с калейдоскопической быстротой международную обстановку. Эта неспособность в свою очередь определялась узкоклассовой политикой правящих кругов Ирана, в течение двух десятилетий культивировавших антикоммунизм во внутренних и внешнеполитических мероприятиях. Исключительный интерес с точки зрения подхода иранского правительства к коренным вопросам тогдашней международной обстановки и влияния этого подхода на характер его практической деятельности представляют донесения в госдепартамент поверенного в делах США в Иране Энгерта, бывшего фактически доверенным лицом многих руководящих деятелей Тегерана.

В телеграмме от 3 октября 1939 г. он писал о «раздражении» шаха заключением советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г.: «Он всегда придерживался строгой линии против коммунизма и сейчас более чем когда-либо напуган доктриной мирового [господства?]» [40, 1940, т. III, стр. 622]. В ноябре 1940 г. заместитель министра иностранных дел Ирана Джевад Амери выразил Энгерту «сильную тревогу относительно будущих отношений Ирана и с Москвой, и с Берлином» [40, 1940, т. III, стр. 636].

Антисоветские и антикоммунистические настроения

среди правящих кругов Ирана в значительной мере подогревались фашистской Германией и ее агентурой в стране. Так, фашисты старались убедить иранское правительство в наличии у СССР агрессивных намерений в отношении Ирана [40, 1940, т. II, стр. 626; см. также: 168, стр. 50—51], а затем разыгрывали из себя спасителей страны [40, 1940, т. III, стр. 626]. Уже после нападения Германии на СССР британская пресса признавала, что слухи о «советской угрозе» Ирану «фабриковались в Берлине и умышленно распространялись по миру, чтобы посеять недоверие между Ираном и его великим северным соседом (несмотря на тот факт, что Германия имела тогда пакт с Советами)» [66, 14.VIII.1941].

Британская пресса, разумеется, умалчивала о том, что немалую роль в распространении подобных слухов сыграли и сами англичане [см., например: 56, 16.X.1939; 66, 2.V.1940], которые с целью привлечь иранское правительство на свою сторону пытались склонить его к отказу от политики нейтралитета. В конце 1939 и первой половине 1940 г. иранская пресса, министерство иностранных дел Ирана и лично Реза-шах неоднократно опровергали всякого рода подобные провокационные заявления англо-французских империалистов [см. 377, 1346, стр. 173; 56, 6.II.1940; 75, 1.VII.1940]. Во время берлинских переговоров в ноябре 1940 г. между Германией и Советским Союзом, на которые Советское правительство пошло в целях зондажа и прощупывания позиции германской стороны [30, стр. 70—71], англичане вели в Тегеране пропаганду под лозунгом «Иран продан Германией Советскому Союзу». Даже германский посланник в Тегеране Э. Эттель признавал, что целью этой пропаганды было посеять новые подозрения между Ираном и Советским Союзом [34г, стр. 597, 632].

Империалистическая, и особенно фашистская, пропаганда способствовала усилению прогерманских настроений среди реакционных элементов Ирана. В телеграмме от 1 июня 1940 г. Энгерт писал: «Среди правящих классов и в армии имеется явное стремление к тоталитарному режиму как наилучшему средству обеспечения внутреннего порядка... В германофильских кругах распространяется явно инспирированный и передаваемый шепотом слух, что, как только Германия выиграет войну, она не будет продолжать свое нынешнее временное вза-

имопонимание с Советами» [40, 1940, т. III, стр. 632]. Тогдашний английский посланник в Тегеране Р. Буллард также отмечает, что, «несмотря на русско-германский пакт о ненападении, Германия считалась в Иране извечным врагом России и поэтому естественным другом Ирана» [228, стр. 131].

Интересы безопасности иранского государства, сохранения его территориальной целостности и государственной независимости требовали проведения реалистической политики, установления тесных дружественных отношений с СССР, отречения, хотя бы частичного, от антикоммунизма. Когда-то в одном из интервью, демонстрируя свою неприязнь к иностранному господству, Реза-шах говорил, что, если бы перед ним стоял выбор между коммунизмом и иностранным контролем, он склонился бы к первому [345, стр. 487—488]. Теперь же антикоммунизм заслонил в глазах иранского правительства все насущные государственные интересы. В одном из донесений в госдепартамент США Энгерт писал, что Иран не пойдет на заключение с Москвой пакта не только о военном союзе, но и ненападении, так как «не хочет испытать судьбу Польши или Финляндии» [40, 1940, т. III, стр. 629—630].

Потворство прогермански настроенным элементам господствующих классов с самого начала затрудняло проведение политики нейтралитета. 3 октября 1939 г. Энгерт писал в госдепартамент, что шах «будет, конечно, стремиться защищать нейтралитет, территориальную целостность и независимость Ирана силой оружия, но имеется сильный прогерманский элемент в армии... Правительство поэтому не может чувствовать себя уверенно» [40, 1940, т. III, стр. 622]. Спустя две недели Энгерт отмечал: «Шах, несомненно, хочет идти своим собственным путем и внешне занимает беспристрастную позицию в отношении европейской войны. Он больше всего стремится избежать, если это возможно, повторения несчастных событий периода прошлой войны... но многие факторы делают уже его задачу очень трудной» [40, 1940, т. III, стр. 623].

Трудным было и проведение в новых условиях политики лавирования и балансирования между Англией и СССР. В той же телеграмме Энгерт писал: «Иранская внешняя политика находится в аморфном состоянии,

потому что правительство вынуждено действовать осторожно, чтобы сохранить одинаково хорошие отношения с Россией и Великобританией... Он (шах. — С. А.), возможно, не будет делать ничего ни безрассудного, ни предумышленного, что могло бы вызвать неудовольствие в Москве» [40, 1940, т. III, стр. 623].

В иранском ежегоднике «Вселенная» за 1967/68 г. опубликован ряд внешнеполитических документов Ирана, из которых видно, что в конце 1939—начале 1940 г. иранские дипломатические представители в Москве и Анкаре неоднократно заверяли министерство иностранных дел СССР и советское посольство в Турции в дружественном отношении иранского правительства. Публикация завершается циркулярной телеграммой министра иностранных дел Ирана Мозаффера Аалаяма от 5 февраля 1940 г., в которой он инструктировал иранского посла в Москве Мохаммеда Саеда заверять Советское правительство «по любому случаю и поводу, которые представятся», в дружественном отношении Ирана [377, 1346, стр. 173—174]. Составитель публикации, известный иранский историк Ахмед Али Сепехр, использует эти материалы для доказательства имевшей якобы место искренней заинтересованности Ирана в развитии дружественных отношений с СССР. Однако упомянутые факты скорее иллюстрируют вышеприведенное замечание Энгерта о политике шаха в отношении Москвы.

Не случайна и ссылка американского поверенного на стремление правительства Ирана сохранить «хорошие отношения» с Великобританией. Бывший советский посол в Лондоне И. М. Майский утверждает, что объявленный в начале второй мировой войны Ираном и другими странами Востока нейтралитет «в основном носил дружественный для Англии характер, хотя из страха перед Германией они не решались слишком открыто это продемонстрировать» [81, стр. 98]. В случае с Ираном, однако, можно говорить не столько о «дружественном для Англии» характере нейтралитета, сколько о стремлении придерживаться внешне лояльной политики по отношению к этой державе. Большое влияние на позицию Ирана в данном случае оказывала, как это по существу признает и сам И. М. Майский [81, стр. 104], внешняя политика Турции, заключившей 19 октября 1939 г. союзный договор с Англией и Францией.

Весть о заключении этого договора была встречена правительством Ирана, по словам Энгерта, «со смешанным чувством». Срыв турецкой стороной предшествовавших заключению договора переговоров с Советским Союзом по вопросу о заключении пакта о взаимопомощи должен был, по мнению иранского правительства, уменьшить «угрозу с севера». Такие же надежды оно возлагало на усиленную Англией и Францией после заключения договора с Турцией подготовку к нападению на СССР с юга [40, 1940, т. III, стр. 623—624]²⁵. Характерно, что на сделанный афганским садр-азамом (великим везирем) в беседе с иранским послом в Кабуле Каземи упрек в адрес Турции министр иностранных дел Ирана Мозаффар Аалям предложил послу ответить, что Иран фактически является союзником Турции, хотя и не имеет обязательств в отношении нее [377, 1346, стр. 172].

В то же время Реза-шах, по словам Энгерта опасавшийся даже «мысли оказаться вынужденным заключить какой-либо оборонительный пакт с Великобританией или Россией», считал договор Турции с Англией и Францией недостаточной - гарантией «против советской агрессии». В телеграмме от 23 октября 1939 г. американский поверенный писал в госдепартамент: «Пока Турция не проявит готовности воевать с Россией, Иран неизбежно будет оставаться скептическим в отношении практической ценности сотрудничества с Турцией и [западными] демократиями» [40, 1940, т. III, стр. 624]. Антикоммунизм и потворство прогерманским элементам неминуемо влекли иранское правительство к сближению с фашистской Германией. В телеграмме от 29 ноября 1940 г. Энгерт писал, что «иранская боязнь Советов является германским дипломатическим активом, который используется всегда, когда нужно. Германия знает, что фундаментальная ориентация Ирана на Запад сильнее, чем на Россию, и то, что Великобритания сейчас не считается достаточно сильной, эффективно помогает Германии принимать позу

²⁵ Характерно, что эти свои действия англо-французские империалисты и поддерживающие их США мотивировали необходимостью предотвратить «попытку Советского Союза вступить в Иран и установить контроль над иранскими нефтепромыслами» [40, 1939, т. I, стр. 489].

ближайшего друга Ирана. Страх перед коммунизмом привел шаха к надежде, что Гитлер может сейчас защитить Иран от большевистского вторжения... в Иране подозрение к России, вероятно, останется более сильным и шире распространенным, чем боязнь держав оси» [40, 1940, т. III, стр. 637]. Таким образом, правящие круги Ирана в преломленной через их антикоммунистические настроения новой международной обстановке не хотели видеть в фашистской Германии угрозу суверенитету и независимости страны.

Возможности иранского правительства обеспечить проведение политики подлинного нейтралитета ограничивались и его неспособностью идти вразрез со своекорыстными интересами крупных коммерсантов — купцов и помещиков, неспособностью привести внешнеэкономическую политику в соответствие с национальными интересами страны, даже несмотря на возникшие с самого начала войны тяжелые экономические трудности. В частности, в полной мере начали сказываться отрицательные последствия почти двухлетнего бездоговорного периода в торговых отношениях с СССР. Увеличение торговли с Германией не могло возместить потерю народным хозяйством страны советского рынка. Это обстоятельство вместе с нарушением иранских внешнеторговых связей вызвало понижение цен на некоторые экспортные товары Ирана. Одновременно ввиду уменьшения ввоза основных товаров широкого потребления росли цены на импортные товары [186, стр. 239—241].

Углублению хозяйственных трудностей способствовала и установленная Англией морская блокада, которая нанесла ущерб ирано-германской торговле, вынудив обе страны прекратить перевозки грузов по морским коммуникациям. В ноябре 1939 г. иранское правительство направило Англии официальный протест против ее решения конфисковывать германские грузы в открытом море [72, 29.XI.1939; 121, стр. 32]. Это дипломатическое представление, разумеется, успеха не имело, и страна продолжала переживать тяжелые экономические затруднения. Широкая общественность, а также заинтересованные деловые круги Ирана требовали заключения нового торгового договора с СССР.

Иранское правительство, хотя и продолжало переговоры в Москве, фактически и в новых условиях сохра-

няло одностороннее развитие экономических и политических отношений с Германией. В сентябре 1939 г. в Тегеран прибыла германская экономическая делегация для обсуждения путей ликвидации трудностей, возникших в торговле между двумя странами. В ходе переговоров глава иранской делегации министр финансов Бадер «признал справедливость германских претензий на Данциг и коридор и охарактеризовал позицию Англии и Франции в этом вопросе как нравственно не оправданную и непопулярную среди нейтралов» [34а, стр. 14] и выразил желание своего правительства сохранить торговлю с Германией, несмотря на войну, по крайней мере на уровне предыдущего года, а при наличии соответствующих возможностей даже увеличить ее. По предложению иранской делегации была достигнута договоренность о совместных действиях в Москве для урегулирования вопроса о транзите через территорию СССР [34а, стр. 356].

Позиция, занятая иранскими правящими кругами, облегчала успешное выполнение ближайшей задачи гитлеровцев в Иране — максимальное использование сырьевых и продовольственных ресурсов страны. В связи с этим германское правительство сразу же решило поддерживать проведение Ираном политики нейтралитета [34а, стр. 355; 264, стр. 167]. В ответ на соответствующее заявление иранского посланника в Берлине Надира Арасте министерству иностранных дел Германии ему было сказано, что политика нейтралитета является для Ирана «наилучшей, так как обе стороны будут добиваться благорасположения шахиншахского правительства» [377, 1346, стр. 172].

В начале октября 1939 г. на специальном заседании иранского кабинета под председательством Реза-шаха обсуждался вопрос о дальнейшем направлении иранской внешней торговли. Мнения министров разделились. Часть из них (премьер-министр Махмуд Джам, министр иностранных дел Мозаффар Аалям и министр торговли Вассиги) предлагала в связи с трудностями в ирано-германских торговых связях рассмотреть предложения Японии и Италии выполнить важнейшие германские обязательства перед Ираном по заключенным контрактам взамен поставок в эти страны стратегического сырья. Другая группа во главе с министром финансов Бадером,

напротив, требовала приложить все усилия для дальнейшего расширения торговли Ирана с Германией. При этом Бадер ссылался на возможность ответных мер со стороны германского правительства. В результате было решено придерживаться прежней политической и экономической политики в отношении Германии [34а, стр. 353—355].

8 октября 1939 г. был подписан секретный ирано-германский протокол, предусматривавший следующие годовые квоты иранских поставок в Германию: 22,5 тыс. т хлопка, 6 тыс. т шерсти, 20 тыс. т пшеницы, 10 тыс. т ячменя, 20 тыс. т риса, 3 тыс. т щетины, а также сухофруктов на сумму 25 млн. марок, кожи — на 3 млн. марок и шкур — на 1 млн. марок [34а, стр. 355].

Спустя несколько дней, 17 октября 1939 г., между Ираном и Японией также был подписан договор о дружбе, утвержденный 17 декабря того же года меджлисом и подписанный в январе 1940 г. Реза-шахом. Ратификации были обменены в Тегеране 27 мая 1941 г. [367, стр. 367; 347з, стр. 455—457]. В 1939/40 г. Япония укрепила свои позиции во внешней торговле Ирана, но тем не менее значительно уступала Германии.

Подписание секретного протокола давало возможность Германии в значительной мере восполнить потребности в стратегическом сырье и продовольствии. Как признавалось в меморандуме Внешнеполитического бюро Розенберга от 18 декабря 1939 г., Иран являлся для Германии в тот период единственным источником снабжения такими стратегическими материалами, как хлопок и шерсть [34а, стр. 551]. Кроме того, иранские компрადоры содействовали Германии в закупках остродефицитного стратегического сырья (каучук, олово и т. п.) на рынках Индии, Индокитая, Индонезии. Эти действия господствующих классов и правительства Ирана были глубоко чужды интересам иранского государства и народа.

В переговорах же с Советским Союзом иранское правительство проявляло чрезмерную и необоснованную подозрительность. Реза-шах лично вникал во все детали переговоров, инструкции иранской делегации составлялись при его личном участии [377, 1346, стр. 207]. Министр иностранных дел Ирана в беседе с американским поверенным мотивировал эту подозрительность

боязнию иранского правительства лишиться «экономической свободы» [40, 1940, т. III, стр. 622].

25 марта 1940 г. в Тегеране был подписан ирано-советский торговый договор, сохранивший основные условия договора 1935 г. Советское торговое представительство сохранило право закупать в Иране товары при соблюдении касающихся внешней торговли законов страны. Ввоз советских товаров в Иран производился в рамках ежегодно составляемых контингентов на сумму, не меньшую стоимости вывозимых из Ирана товаров. Предусматривалось упрощение лицензионных условий при оформлении ввоза и вывоза. Путем состоявшегося одновременно с подписанием договора обмена письмами между послом СССР в Тегеране и министром иностранных дел Ирана были уточнены условия мореходства на Каспии, охраны товарных знаков, железнодорожных перевозок и судебного разбора коммерческих дел [текст см.: 367, стр. 82—107; 29, стр. 133—155]. В начале апреля 1940 г. договор был единогласно ратифицирован межжлисом.

Правящие круги Ирана, однако, не собирались по настоящему развивать торговые отношения с СССР. Как было предусмотрено в ходе советско-иранских переговоров, Советское правительство направило в Тегеран торговую делегацию для детализации номенклатуры товарооборота между двумя странами, но правительство Ирана в течение длительного времени затягивало разрешение этого вопроса [346, стр. 380]. В то же время, пользуясь тем, что Советское правительство, неуклонно соблюдая свои обязательства по советско-иранскому договору 1921 г., предоставило Ирану право транзита через территорию СССР, иранское правительство стремилось использовать это право для расширения торговли с Германией²⁶. Однако СССР категорически запретил транзит вооружения, боеприпасов и вообще военных материалов, а также целой группы других товаров. Поэтому Иран в своей торговле с Германией по-прежнему был вынужден довольствоваться в основном транзитным путем через турецкую территорию [80, 1941, № 21, стр. 449].

Вместе с тем иранское правительство сделало попыт-

²⁶ Англичанин П. Эвери прямо пишет, что Иран пошел на заключение с СССР договора 1940 г. ради транзита [221, стр. 334].

ку укрепить отношения с Англией. Еще накануне войны английское правительство предложило Ирану кредит в 5 млн. ф. ст. для финансирования иранских закупок в Англии. В начале войны правительство Реза-шаха решило принять это предложение, при этом министр финансов Ирана заверил представителей Германии в том, что соглашение будет заключено исключительно на коммерческой основе, без всяких политических уступок со стороны Ирана. Одновременно было обещано заранее поставить в известность германского посланника об окончательном решении правительства. Поскольку иранское правительство предполагало закупить на эту сумму в основном вооружение, германское министерство иностранных дел отнеслось положительно к заключению кредитного соглашения [34а, стр. 14]²⁷.

Гораздо более крупными как по масштабу, так и по характеру были предпринятые с самого начала войны попытки правящих кругов Ирана расширить и углубить экономические отношения с Соединенными Штатами Америки. Усилия Реза-шаха в этом направлении дают основание предполагать о его намерении переориентироваться с Германии как «третьей силы» на США.

В качестве предварительного шага для расширения ирано-американских экономических отношений иранское правительство 4 сентября 1939 г. вручило Энгерту вербальную ноту, в которой обещало удовлетворить все требования американской миссии относительно оплаты блокированных (со времени введения в действие 1 марта 1936 г. нового иранского закона об обмене иностранной валюты) счетов американских кредиторов — поставщиков товаров в Иран. До этого иранское правительство оставляло без внимания многократные соответствующие представления американской дипломатической миссии [40, 1939, т. IV, стр. 543—544].

Уже 24 сентября 1939 г. иранский поверенный в США Дафтари посетил шефа ближневосточного отдела госдепартамента Муррэя и передал ему просьбу своего правительства о срочном предоставлении Ирану займа в

²⁷ В декабре 1939 г. Германия ввиду возражений ряда германских военных и гражданских ведомств и транзитных трудностей оказалась не в состоянии выполнить просьбу иранского правительства о поставке вооружения [34д, стр. 738].

15 млн. долл., объяснив ее возникшими в торговле с Германией трудностями. Несколько позже сумма требуемого займа была повышена до 50 млн. долл., причем половину этой суммы иранское правительство обязывалось израсходовать в США на покупку железнодорожных материалов и оборудования, самолетов и другого вооружения, гарантировать заем концессионными поступлениями от АИНК и погасить его в течение 10 лет. Однако госдепартамент уклонился от выполнения иранской просьбы [40, 1939, т. IV, стр. 538—543].

В связи с этим с начала 1940 г. иранское правительство одновременно с просьбами о предоставлении займа или кредита (теперь уже в сумме 70 млн. долл. сроком на три года) вновь выдвигает предложение о заключении торгового соглашения с США на основе «частного товарообмена или на компенсационной базе». Госдепартамент же по-прежнему настаивал на «многосторонней базе в соответствии с принципом безусловного наибольшего благоприятствования». 12 февраля 1940 г. новый иранский посланник в Вашингтоне, Шайесте, заявил в госдепартаменте, что его правительство имеет в виду «не временное усиление экономических связей между двумя странами на период войны, а рассчитанную на длительный период программу, которая будет действовать и после окончания войны». В связи с заключением ирано-советского торгового договора от 25 марта 1940 г. премьер-министр Ирана выразил Энгерту надежду, что США не будут рассматривать заключение Ираном этого соглашения «как ослабление интереса к торговым отношениям с Соединенными Штатами. Напротив, иранское правительство и он лично продолжают считать, что тесные и постоянно увеличивающиеся коммерческие связи с Соединенными Штатами являются наиболее желательными, и он будет прилагать все усилия, чтобы осуществить их» [40, 1940, т. III, стр. 672]. В июне — июле 1940 г. иранское правительство выразило согласие найти компромиссное решение вопроса, заявив, что переговоры «должны базироваться на принципе взаимного наибольшего благоприятствования в отношении всех форм торгового контроля, но с добавлением оговорки, ссылающейся на содержание определенных компенсационных соглашений, участником которых является Иран» [40, 1940, т. III, стр. 663—682]. Госдепар-

тамент США, однако, в течение нескольких месяцев задерживал ответ на предложение иранского правительства.

Усилия Ирана заключить с США торговое и займовое соглашения сопровождались параллельными попытками американской компании «Стандард Ойл оф Нью Джерси» получить нефтяную концессию в Иране. Однако домогательства прибывшего в конце декабря 1939 г. в Тегеран представителя компании Л. Андерсона оказались безуспешными, хотя в этот раз иранское правительство проявило гораздо большее желание предоставить концессию, чем в предыдущие годы (с целью связать ее с переговорами об упомянутых соглашениях). Премьер-министр Матин-Дафтари в начале 1940 г. заявил представителю компании, что правительство не может предоставить концессию «ввиду неопределенности международной обстановки». Однако это заявление было результатом не политической дальновидности, а ложных и надуманных страхов. В мае того же года, уже после отъезда Л. Андерсона из Тегерана, министр финансов Ирана Реза Голи Хосрови, сославшись на агрессивные действия Германии в отношении европейских государств, заявил Энгерту: «Не только европейские нейтралы находятся в опасности. Мы сами ежедневно служим тому доказательством. Наш северный сосед сейчас умышленно ищет предлоги для интервенции» [40, 1940, т. III, стр. 661]. Иранское правительство отклонило и новое предложение вновь прибывшего в декабре 1940 г. в Тегеран Л. Андерсона. После его отъезда исполняющий обязанности министра иностранных дел сказал Энгерту, что «иранское правительство боялось, что принятие его предложения могло вызвать недовольство в советских и осевых кругах» [40, 1940, т. III, стр. 659—663].

Одновременно иранское правительство в качестве средства давления на США использовало платежи, причитающиеся пресвитерианскому департаменту иностранных миссий за экспроприируемое имущество американских миссионерских школ. В течение пяти месяцев переговоров оно отказывалось удовлетворить требование представителей департамента о выкупе имущества по текущей рыночной стоимости в долларах, соглашаясь лишь оплатить его первоначальную стоимость в риалах, а в середине мая 1940 г., несмотря на дипломатические пред-

ставления США, заявило, что решило вообще не покупать имущество школ, сославшись на отсутствие иностранной валюты. В результате Иран добился снижения суммы платежей с 2 млн. долл. до 1,2 млн., хотя и согласился уплатить их в течение трех, а не шести лет, как предлагалось ранее. 15 августа был подписан соответствующий контракт [40, 1940, т. III, стр. 693—702].

В то же время в целях давления на США иранские власти в течение второй половины 1940 г. всячески ограничивали деятельность американских торговых фирм в Иране и даже отказывались выполнить свои обещания относительно оплаты блокированных счетов американских кредиторов. С середины ноября 1940 г. госдепартамент приступил в неофициальном порядке к обсуждению иранского проекта торгового соглашения, однако американцы считали его недостаточно обеспечивающим интересы США. В конце декабря 1940 г. на церемонии вручения новым американским посланником в Тегеране, Дрейфусом, верительных грамот Реза-шах подчеркнул свою заинтересованность в том, чтобы торговое соглашение с США было заключено как можно скорее [40, 1940, т. III, стр. 683—693].

Однако госдепартамент США и американская миссия в Тегеране в течение последующего периода основное внимание уделяли вопросу о выплате иранской задолженности американским фирмам. В то же время, ссылаясь на то, что торговые соглашения Ирана с Германией и Советским Союзом неизбежно будут ставить американскую торговлю в дискриминационное положение, они всячески затягивали представление американского контрпроекта [40, 1941, т. III, стр. 352—354, 366—373]. В результате соглашение между двумя странами так и не было подписано.

Правящие круги Ирана продолжали курс на одностороннюю торговлю с фашистской Германией. В сентябре 1940 г. в Берлин прибыла иранская торговая делегация; заключенное ею соглашение предусматривало новое резкое увеличение торговли между обеими странами. В апреле 1941 г. Иран посетила германская делегация во главе с министром торговли [80, 1941, № 21, стр. 449; 238, стр. 165; 221, стр. 310].

Рост ирано-германской торговли, на долю которой в 1940/41 г. пришлось 45,5% общего товарооборота Ира-

на, привел к почти полному вытеснению других стран с иранского рынка. Так, удельный вес Англии (без Индии) в общем иранском товарообороте уменьшился с 8,5% в 1939/40 г. до 4% в 1940/41 г., Японии — с 10,5 до 3%, Франции — с 3 до 0,5%, Бельгии — с 2,5 до 1%. Уменьшилась и доля Индии (с 8,5 до 7,5%). Незначительно увеличилась за эти же годы торговля Ирана с США (с 9,5 до 10,5% общего товарооборота), несколько больше — в связи с заключением торгового договора — с СССР (с 0,5 до 11%) [44, стр. 3]. При желании иранского правительства советско-иранская торговля могла бы, очевидно, увеличиться больше.

В результате недалековидной политики правящих кругов Ирана такая основная и решающая сфера экономической жизни страны, как внешняя торговля, по существу оказалась под контролем германских фашистов. Даже активный баланс в торговле с Германией не был для Ирана положительным явлением. При клиринговых расчетах он создавал лишь длительную зависимость от германского рынка и обеспечивал сбыт германских товаров. Только в 1939/40 г. Германия, пользуясь клиринговым соглашением, вывезла из Ирана на 393 млн. риалов товаров, а ввезла лишь на 160 млн., не заплатив ни одного риала. Таким образом, огромную сумму в 233 млн. риалов, составлявшую более 13% государственного бюджета страны, Иран не смог использовать по своему усмотрению. Иначе говоря, гитлеровцы добились того, что отсталая и полунищая страна стала кредитовать воюющую за мировое господство фашистскую Германию.

Пользуясь расширением экономических связей с Ираном, гитлеровцы смогли к 1941 г. занять руководящие посты в 50 иранских государственных учреждениях, в том числе в министерстве финансов, торговли и промышленности, а также на транспорте, что давало им возможность оказывать давление на внутреннюю и внешнюю политику Ирана. Надеясь при благоприятных условиях вовлечь Иран в войну на своей стороне, Германия особое внимание уделяла военным предприятиям страны. Используя в своих интересах стремление Реза-шаха к усилению военной мощи Ирана, гитлеровцам удалось ввести в иранскую армию большое количество своих военных инструкторов. В арсенале, расположенном близ

Тегерана, было занято 11 германских специалистов [261, стр. 132]. В общей сложности на военных предприятиях страны работало 56 германских подданных [20, стр. 155].

Английское правительство всячески стремилось сохранить на иранском авиасборочном заводе британских механиков. С этой целью оно продолжало снабжать завод материалами, хотя и опасалось, что собранные здесь самолеты могут быть использованы против британских интересов. В 1941 г. Англия обязалась поставить части для 12 самолетов новейшей системы [40, 1941, т. III, стр. 364]. Однако подобные темпы работы не удовлетворяли Реза-шаха.

С весны 1940 г. иранское правительство вело в Соединенных Штатах переговоры о замене английских технических специалистов авиасборочного завода американскими, о сооружении и оснащении американской техникой авиационного завода в Иране, о поставке 50 бомбардировщиков и 30 истребителей для иранской армии и самолетов для Тегеранского аэроклуба, а также другого вооружения, необходимого, по его словам, для защиты нейтралитета от возможного агрессора. Однако госдепартамент США, ссылаясь на американскую программу вооружений и перегруженность американской военной промышленности иностранными, особенно английскими, заказами, по существу отказывался удовлетворить просьбы Ирана. Хотя иранский посланник чуть ли не ежедневно осаждал госдепартамент, специальной иранской авиационной миссии, находившейся в США, удалось закупить и отправить в Иран в основном только около двух десятков небольших устаревшего типа самолетов для Тегеранского аэроклуба [40, 1940, т. III, стр. 641—659; 1941, т. III, стр. 356—360].

В июле 1941 г. английское посольство в Вашингтоне по инструкции Форин Оффиса обратилось к правительству США с просьбой не предоставлять больше экспортных лицензий для перевозки самолетов в Иран, сославшись на «хорошо известную традиционную антибританскую позицию иранцев». Госдепартамент США согласился с просьбой, однако, чтобы не вызывать и без того уже «сильную обиду иранцев» и «сохранить доброжелательность Ирана ввиду возможности ухудшения англо-иранских отношений в ближайшем будущем», решил не задерживать подготовленные к отправке в Иран запас-

ные части для уже закупленных и перевезенных самолетов [40, 1941, т. III, стр. 360—366].

Возможность ухудшения ирано-английских отношений была заложена уже в тех антибританских тенденциях, которые стали проявляться во внешнеполитической позиции правящих кругов Ирана с начала 1940 г., по мере военных успехов гитлеровской Германии. С ее помощью, в частности, было сорвано англо-иранское кредитное соглашение 1939 г.

В течение нескольких месяцев после заключения этого соглашения обусловленные им товары, и в частности вооружение, не были поставлены в Иран. Тогдашний премьер-министр Ирана А. Матин-Дафтари пишет, что причиной этого явился отказ Реза-шаха удовлетворить выдвинутое Англией требование о «сотрудничестве» английского военного атташе со штабом иранской армии «в совершенствовании вооружений Ирана». Таким путем англичане, по его словам, стремились подготовить «предпосылки для присоединения Ирана к союзникам» [377, 1346, стр. 30].

В середине марта 1940 г. иранское правительство обратилось к германскому посланнику в Тегеране Э. Эттелю с просьбой о поставках германского вооружения в Иран. При этом было подчеркнуто, что политика строгого нейтралитета, проводимая Ираном, является «препятствием желаемому Англией распространению войны на страны Среднего Востока». В течение апреля—июня того же года в Иран прибыло из Германии 3 тыс. пулеметов и пушек различных систем и большое количество боеприпасов [346, стр. 17—18]. В этих условиях необходимость в кредитном соглашении с Англией стала менее острой, и 17 июня 1940 г. министерство финансов Ирана объявило о его аннулировании [56, 20.VI.1940; 261, стр. 131].

В середине 1940 г. Реза-шах провел и ряд других мероприятий, ущемлявших позиции английского империализма в Иране. Р. Буллард считает, что эти мероприятия были «только манифестацией националистической политики, которой он (шах. — С. А.) последовательно придерживался», «только признаком его решимости не страдать от войны, которую он считал не касающейся его» [228, стр. 131]. Конечно, в других условиях эти мероприятия отвечали бы национальным

интересам страны, но проведение их в условиях войны и с помощью фашистской Германии сыграло на руку только гитлеровцам.

В январе 1940 г. иранское правительство объявило, что намерено в течение шести месяцев провести в жизнь принятое еще в августе 1939 г. решение о закрытии всех иностранных школ в стране [87, стр. 219]. К июню 1940 г. американские и английские школы перешли в ведение министерства просвещения Ирана [290, стр. 38]. Хотя иностранные учителя также были удалены из страны, иранское правительство сделало исключение для всего чрезмерно разбухшего немецкого штата бывших ирано-германских профессиональных технических училищ [223, стр. 97—98; 221, стр. 333—334].

Более того, в 1939—1940 гг. для преподавания в этих и других училищах в страну было привлечено еще более двух десятков германских преподавателей. Германские подданные заведовали кафедрами почти во всех высших учебных заведениях страны; кроме того, они возглавляли сельскохозяйственный и ветеринарный институты [238, стр. 166]. Удалив из страны англо-американских миссионеров, правительство Ирана одновременно отдало обучение подрастающего поколения в руки фашистских агентов, получивших благодаря этому возможность проповедовать бредовые гитлеровские идеи с кафедр иранских государственных учебных заведений.

Были ослаблены в некоторой мере и позиции АИНК в стране. Агрессивные действия Германии и ее союзников вне Ирана, вызвавшие катастрофическое сокращение экспорта иранской нефти, привели к резкому сокращению нефтедобычи в Иране и прибылей акционеров АИНК. Германская агентура в Иране прилагала энергичные усилия, чтобы по возможности затруднить использование Англией нефтяных ресурсов Ирана для нужд войны [см. 115, стр. 25—26; 357, стр. 118—119; 346, стр. 380].

В свою очередь англичане начали увеличивать численность своей агентуры в районе нефтепромыслов АИНК. В нарушение концессионного соглашения 1933 г. они резко увеличили число английских служащих компании. В районе промыслов появилось большое количество переодетых офицеров английской армии. По официальным данным иранского правительства, к середине

1941 г. в Иране находилось 2590 англичан [369, 8.VII. 1941; 377, 1347, стр. 338].

Мероприятия англичан и сокращение прибылей иранского правительства от АИНК дали Реза-шаху основание начать наступление на позиции Англо-иранской нефтяной компании. Министерство иностранных дел получило строгое предписание не выдавать новых виз английским служащим компании. Весь нефтяной район по существу был переведен на военное положение; командующему хузистанской дивизией генералу Шахбахти была дана инструкция «заставить компанию подчиняться всем правилам и законам страны» [242, стр. 187]. Несколько британских моряков были приговорены по обвинению в пьянстве и непристойном поведении к шести месяцам тюремного заключения. Однако спустя некоторое время Реза-шах, опасаясь, что вызванное арестом британских моряков недовольство среди экипажей английских нефтеналивных танкеров затруднит вывоз иранской нефти из Абадана, распорядился освободить арестованных [87, стр. 220—221].

В течение 1939 — первой половины 1940 г. иранское правительство неоднократно выражало Англо-иранской нефтяной компании недовольство нарушениями ею условий концессионного соглашения 1933 г. и уменьшением размеров отчислений Ирану. В тегеранской прессе периодически инспирировались кампании против АИНК. В конце 1939 г. по приказу шаха было снижено паритетное соотношение иранской валюты к фунту стерлингов с 90 риалов до 68 риалов, что весьма сильно затронуло интересы АИНК, являвшейся единственным продавцом фунта стерлингов в Иране [337, 1347, стр. 44].

В июле 1940 г. министр финансов Ирана направил Англо-иранской нефтяной компании ноту, в которой требовал выплатить дополнительно за 1938 и 1939 гг. по 1,2 млн. ф. ст., с тем чтобы поднять платежи за эти годы до уровня 1937 г., уплатить разницу в котировке валюты за эти годы в размере 1,5 млн. ф. ст. и гарантировать минимум платежей в 4 млн. ф. ст. за 1940 и 1941 гг. независимо от объема продукции или прибылей компании. В заключение ноты предупреждалось, что отказ компании удовлетворить требования Ирана может иметь результатом аннулирование концессии. Англичане были вынуждены принять все иранские требования. Между

правительством Ирана и АИНК было также достигнуто согласие заключить в 1941 г. новое соглашение о распределении нефтяных прибылей [261, стр. 131—132; 293, стр. 80; 238, стр. 159; 222, стр. 187]. «Вовлеченное в отчаянную борьбу за то, чтобы выжить, — пишет Д. Уильбер, — британское правительство было вынуждено уступить иранским требованиям, но выбор времени для этой акции вызвал вражду к Реза-шаху, которая способствовала его падению» [293, стр. 80].

Усиление германских позиций в Иране обуславливало и характер действий иранского правительства в отношении АИНК. Э. Эттель писал в министерство иностранных дел Германии, что премьер-министр Ирана Али Мансур неоднократно заявлял ему, «что иранское правительство намерено в подходящий момент освободиться от британской нефтяной концессии, чтобы взять в свои руки эти величайшие богатства страны. Это сделало бы возможным расширение германо-иранских экономических отношений» [34д, стр. 532].

Хотя Реза-шах не решился на этот шаг, тем не менее отношения между Ираном и Англией оставались настолько напряженными, что английское правительство постоянно опасалось срыва снабжения армии и флота иранской нефтью.

Беспокойство Англии усиливало и то обстоятельство, что с начала войны в порту Бендер-Шахпур, на берегу Персидского залива, «застряло» восемь германских и итальянских пароходов, имевших на борту взрывчатые вещества. Англичане опасались, что, совершив неожиданную ночную вылазку, командование этих судов затопит часть из них в узком канале, являющемся единственным входом в Шатт-эль-Араб, и тем самым преградит Англии доступ к Абадану. Англия не раз обращалась к иранскому правительству с просьбой снять экипаж с пароходов или же демонтировать часть судовых двигателей, однако иранские власти отклоняли эти просьбы, ссылаясь на то, что фашистские пароходы патрулируются двумя иранскими судами [87, стр. 226—227; 228, стр. 133; 352, стр. 87].

Оставались безрезультатными и дипломатические представления Англии. В июле 1940 г. премьер-министр Ирана Али Мансур сообщил германскому посланнику Эттелю, что английский посланник в Тегеране почти

ежедневно выражает ему недовольство антибританской позицией Ирана [34в, стр. 169]. По свидетельству Мохаммеда Реза-шаха, со второй половины 1940 г. англичане несколько раз требовали ограничения численности германских специалистов и советников в стране, но каждый раз наталкивались на отказ иранского правительства [352, стр. 87]. Этот отказ, по словам Булларда, мотивировался тем, что все немцы в стране зарегистрированы и находятся под наблюдением иранских властей [87, стр. 226].

В действительности гитлеровская агентура вела энергичную деятельность, направленную на превращение Ирана в плацдарм для шпионско-подрывной деятельности против СССР и дезорганизации важнейших районов советского тыла. Во многих городах Ирана, особенно в близких к границам СССР—Тебризе, Маранде, Маку, Хое, Миане, Мешхеде, Горгане, а также в портах Каспийского моря—Пехлеви, Ноушахре, Бендер-Шахе и других были созданы фашистские объединения. Здесь подготавливались диверсионные группы для засылки в район бакинских нефтепромыслов и Советский Туркменистан для совершения поджогов, взрывов и террористических актов на территории СССР. Политические и военные задания фашистского государства выполняли десятки германских торговых, промышленных, транспортных и других фирм. Представителями этих фирм, как правило, назначались старшие офицеры германской армии. Наряду с обычными товарами эти фирмы различными путями (главным образом через Турцию) переправляли в Иран оружие и боеприпасы для вооружения создаваемых фашистской агентурой диверсионных и террористических групп. Численность фашистской агентуры в Иране составляла около 3 тыс. человек; около 700 из них находилось на службе иранского правительства.

Подрывная деятельность гитлеровцев в Иране имела также целью подготовку условий для решительного удара по английским позициям. Созданный в Исфагане центр германского шпионажа и пропаганды развил активную деятельность по привлечению на сторону Германии вождей иранских кочевых племен, выступления которых рассчитывалось использовать не только в целях борьбы с англичанами, но и для давления на иранское

правительство. В подписанной Гитлером 23 мая 1941 г. директиве № 30 «Средний Восток» на германский пропагандистский аппарат возлагалась задача усиления в этом районе мира пропаганды под лозунгом «Победа держав оси несет странам Среднего Востока освобождение от английского ига» [39, стр. 218].

Используя демагогическую нацистскую пропаганду, а также антидемократические и антисоветские настроения среди господствующих классов Ирана, гитлеровцы завербовали значительное число иранских реакционеров. Дауд Амини в 1942 г. писал: «Агенты пятой колонны находились среди государственных чиновников, министров, депутатов меджлиса, генералов, среди купцов, торговцев, промышленников» [332, стр. 92]. С помощью взяток и подкупов гитлеровская агентура вербовала себе сторонников в иранских правящих кругах и даже при шахском дворе.

Правительственные меры по пресечению нарушителей нейтралитета были малоэффективны. В телеграмме от 28 июня 1941 г. американский посланник в Тегеране Дрейфус писал в госдепартамент: «Хотя иранская полиция полностью осведомлена о деятельности пятой колонны, установила надзор за агентами и ограничила передвижение, полицейские акции слишком несистематичны и слабы, чтобы помешать укреплению действенной организации, которая готова ударить в подходящий момент» [40, 1941, т. III, стр. 384]^{27а}. В связи с арестом в 1940 г. германского шпиона в Ширазе секретарь шаха инструктировал генерал-губернатора Фарса проявлять бдительность в отношении всяких попыток немцев или каких-либо иных иностранцев возбуждать население против Англии. «Очень важно, — сказал он, — чтобы должностные лица правительства оставались бдительными в это критическое время. Иран нейтрален, и все официальные лица должны быть беспристрастны и строги в своих словах и поступках» [242, стр. 192]. В следующем году в связи с распространением английским консульством в Ширазе подстрекательских прокламаций об антирелигиозной деятельности итальянских подданных в Иране

^{27а} К числу таких акций Дрейфус относит запрещение германскому клубу в Тегеране проводить военные учения [40, 1941, т. III, стр. 402].

генерал-губернатор Фарса заявил британскому консулу протест [360, стр. 399—405].

Реза-шах, по-свидетельству целого ряда наблюдателей, к этому времени в значительной мере утратил контроль над внутренним положением в стране, хотя искренне был уверен в противоположном. Замкнутый, подозрительный, отгородившийся от всяких непосредственных контактов с представителями иностранных государств, он получал информацию только через своих министров, которые обрисовывали события в угодном шаху духе. По свидетельству Булларда, он был дезинформирован не только о международной, но и о внутренней обстановке [228, стр. 133; 87, стр. 219]. Интересный пример дезинформации шаха приводит Фаррох. По его словам, неоднократные протесты Р. Булларда относительно фашистской деятельности в стране ответственные чины правительства интерпретировали шаху как следствие личной вражды и неприязни к Ирану. Поэтому они имели возможность ограничиться усилиями по скорейшей замене Р. Булларда более доброжелательным дипломатом [360, стр. 397—398, 411].

Эти обстоятельства в значительной мере облегчали подрывную деятельность германского фашизма в Иране, несмотря на старания иранского правительства оставаться на позиции нейтралитета²⁸. Об этом свидетельствуют события, связанные с антианглийским освободительным движением иракской армии весной 1941 г. Хотя Германия в этот период была занята активной подготовкой к нападению на СССР, Гитлер попытался все же воспользоваться этим движением, рассчитывая, что оно «перейдет границы Ирака и укрепит враждебные Англии силы на Ближнем Востоке» [39, стр. 218].

Иранское правительство, по некоторым сведениям, сразу информировало Рашида Гайлани и других иракских лидеров о своем несогласии с их действиями, поскольку преждевременное выступление иракской армии против Англии могло вызвать «значительные потрясения на всем Среднем Востоке» [75, 12.V.1941]. Отправка Англией войск в Ирак для подавления восстания сразу же вызвала беспокойство Реза-шаха. Министерство

²⁸ Английская пресса даже в августе 1941 г. писала, что «усилия Германии поколебать нейтралитет, с которым шах и его народ связали себя с начала войны, были безуспешны» [см. 66, 14.VIII.1941].

иностранных дел Ирана дало своим дипломатическим представителям за рубежом инструкцию заявить правительствам, при которых они аккредитованы, что Иран не только соблюдает политику нейтралитета, но и «в состоянии свой статус нейтралитета облечь в силу всеми имеющимися в его распоряжении средствами» [75, 15.V.1941]. Это решительное заявление по существу было рассчитано на правящие круги Англии. В то же время, опасаясь возможного вторжения английских войск на иранскую территорию, Реза-шах отдал приказ о концентрации иранских военных сил у Абадана и других пунктов на границе с Ираком. Это предотвратило и использование Англией иранских портов для переброски войск в Ирак [34д, стр. 728].

Вместе с тем иранское правительство стремилось избежать какого-либо содействия антианглийской деятельности германской агентуры в Ираке. Так, оно отказалось удовлетворить германскую просьбу о разрешении бывшему германскому посланнику в Багдаде Гроббе вернуться через Иран [377, 1346, стр. 179]. Точно так же иранское правительство отклонило совместные германо-иракские требования разрешить перевозку германского оружия в Ирак через Иран и поставить бензин для прибывших в Ирак германских авиадесантных частей [подробнее см.: 102, стр. 97—99].

При этом премьер-министр сделал следующее заявление германскому посланнику относительно внешнеполитической позиции Ирана: «Заранее известно, что Англия отнеслась бы к поставке бензина в Ирак иранским правительством как к враждебному акту и парировала бы это военными мерами. Вторжение на иранскую территорию английских войск имело бы своим непосредственным следствием вступление русских войск в Иран. Это означало бы конец Ирана. Позиция Турции имеет решающее значение для Ирана. Пока Турция открыто не примкнет к державам оси, Иран должен придерживаться строго нейтральной позиции по отношению к Англии и России» [34д, стр. 877—878].

Позиция иранского правительства вызвала резкое недовольство в Берлине, тем более что оно и раньше проявляло признаки несговорчивости. Так, в октябре 1940 г. Иран решительно протестовал по официальным каналам и через прессу против налетов итало-герман-

ской авиации на Бахрейн из опасения, что военные действия могут распространиться на другие нефтяные районы Персидского залива [377, 1346, стр. 179].

С весны 1941 г. гитлеровцы начали активно готовить в Иране фашистский переворот. Берлинское радио почти ежедневно вело передачи, в которых утверждало, что шах и его правительство — реакционеры, находящиеся под английским влиянием, и призывало к свержению монархии и установлению в Иране республики по образцу Третьего рейха [84а, стр. 272, 274]. 26 июля 1941 г. начальник германского генерального штаба Ф. Гальдер сделал следующую запись в дневнике: «Государственное руководство Ирана в основном в английских руках (золото)» [39, стр. 227]²⁹.

Деятельность гитлеровской агентуры в Иране вела к нарушению иранского нейтралитета. После подавления восстания в Ираке почти все иракские лидеры получили временное политическое убежище в Иране. В конце мая — начале июня в Тегеран прибыли король Ирака в сопровождении Рашида Гайлани и трех генералов, военный губернатор Багдада Юнус ас-Сабави и великий муфтий Иерусалима Мохаммед Амин аль-Хусейни [75, 3.VI.1941; 332, стр. 62—63; 365, стр. 114]. Они были размещены в тегеранском отеле «Фердоуси» под строгим надзором полицейского управления, однако им удалось установить тесную связь с германской дипломатической миссией [34д, стр. 959—960; 34е, стр. 344—345]. Позже иракские деятели были отправлены из Ирана в Германию, за исключением муфтия, которому турецкие власти отказались разрешить проезд через свою территорию. Спустя несколько дней германский посланник Э. Эттель устроил ему побег из отеля в японскую миссию, откуда через месяц он был тайно переправлен в Германию [360, стр. 440—442]. Эти действия германской агентуры воспринимались Англией как свидетельство отхода иранских властей от нейтралитета.

Считая неизбежным повторение в Иране иракских событий [см. 88, стр. 424; 66, 17.VII.1941; 276, стр. 124] и опасаясь за свои позиции в стране, правящие круги Великобритании с начала июня 1941 г., т. е. еще до вступ-

²⁹ Ранее, 5 сентября 1940 г., Ф. Гальдер сделал такую запись: «Иран отрицательно относится к Англии» [22, т. 2, стр. 128].

ления СССР в войну против гитлеровской Германии, приступили к разработке планов ввода английских войск в Иран. Хотя в это время английское правительство располагало агентурными данными о готовящемся нападении Германии на Советский Союз, которые воспринимало как спасательную стсрочку осуществления гитлеровских планов на Среднем Востоке, в целях защиты иранских и иракских нефтепромыслов от возможного германского вторжения с территории СССР в начале июля 1941 г. оно приняло окончательное решение о военной акции в отношении Ирана. Исходя из предпосылки о неизбежности военного поражения СССР и стремясь извлечь максимальную пользу из той передышки, которую им давало нападение Германии на Советский Союз, правящие круги Великобритании спешили использовать ее для укрепления в Иране своих позиций, особенно военных. При этом правительство Англии использовало в своих интересах опасную для СССР деятельность фашистской агентуры в Иране [подробнее см.: 102, стр. 100—113].

Нападение на Советский Союз усилило военно-стратегическое значение Ирана в планах гитлеровского командования. Второму отделу абвера, занимавшемуся организацией саботажа и диверсий, было поручено подготовить базу для действий против СССР с территории Ирана [22, т. 2, стр. 377]. Германская агентура в стране организовывала диверсионные и террористские группы для переброски на советскую территорию, устраивала склады оружия и взрывчатых веществ, производила в пограничных с СССР пунктах топографическую съемку местности и т. п. [подробнее см.: 96, стр. 7—55]. В Тегеран тайно прибыл начальник военной разведки фашистской Германии адмирал Канарис в сопровождении высшего офицера гестапо, в задачу которых входило руководство фашистским переворотом в Иране [281, стр. 272]. Не исключена была возможность вовлечения Ирана в войну против Советского Союза.

Таким образом, попустительство местных иранских властей деятельности гитлеровских шпионов и диверсантов фактически привело к нарушению иранского нейтралитета. Советское правительство в ноте от 26 июня 1941 г. сообщало шаху, что имеет сведения о готовящемся германскими фашистами в Иране государственном

перевороте [20, стр. 156]. Правительство Ирана, однако, не сделало должных выводов из этого предупреждения.

В тот же день, 26 июня 1941 г., иранский посол в Москве Мохаммед Саед в вербальной ноте сообщил Советскому правительству о том, что Иран будет соблюдать нейтралитет в войне между СССР и Германией [20, стр. 130; 76, № 8, 1941, стр. 422]. Однако это заявление имело формальный характер. В позиции правящих кругов Ирана под влиянием временных военных успехов гитлеровской Германии в войне с Советским Союзом наметился отход от нейтралитета. Иранские газеты в отличие от первых дней мировой войны сообщали о германских победах под крупными аншлагами [84а, стр. 272].

Определенное влияние на позиции иранского правительства оказывали и сообщения о намерениях Англии ввести в Иран войска. Приняв соответствующие оборонительные меры, правительство Ирана одновременно поручило своему посланнику в Лондоне Мохаммеду Али Мокаддаму заявить английскому правительству, что «в случае британского нападения иранское правительство обратится к Германии за помощью и вступит в войну на стороне Германии» [34е, стр. 103—104]³⁰.

Наиболее реакционные круги Ирана добивались немедленного присоединения к гитлеровскому блоку. По словам Фатуллы Бина, они хотели, чтобы иранские войска вступили на территорию Кавказа, и готовились к встрече «германской победоносной армии» как к величайшему празднику [344, стр. 87, 97]. Одна из таких группировок существовала в иранской армии, возглавлял ее подполковник Манучехри [28, стр. 95—96].

В этот ответственный исторический момент Советский Союз сыграл решающую роль в сохранении суверенитета и независимости Ирана. Приняв на себя всю

³⁰ Хотя одновременно было указано, что в случае германского нападения Иран может обратиться за помощью к Англии, по словам Эттеля, это обсуждалось «только теоретически» [34е, стр. 104].

15 июля 1941 г. Мокаддам опубликовал в лондонской газете «Таймс» письмо, в котором декларировал решимость правительства Ирана сохранять нейтралитет при любых обстоятельствах, не допускать никакого давления со стороны какой-либо иностранной державы и не разрешать ни одному иностранцу, независимо от национальности, нарушать действующие в стране законы и причинять ущерб безопасности и нейтралитету Ирана.

тяжесть удара германской военной машины, Советский Союз спас иранский народ, как и другие народы Азии, от разрушительного фашистского нашествия³¹. Более того, вступление СССР в войну против гитлеровской Германии вынудило английских империалистов отказаться от одностороннего ввода войск в Иран. Отныне Англия должна была координировать свои действия в этом вопросе с Советским Союзом, другом и защитником народов Востока. 12 июля 1941 г. было подписано советско-английское соглашение «О совместных действиях в войне против Германии», а 19 июля У. Черчилль и А. Иден передали Советскому правительству предложение осуществить совместный ввод войск в Иран [155, т. 2, стр. 195].

Достижение соглашения о совместных действиях между Советским Союзом и Англией нанесло удар по тем реакционным элементам в Иране, которые долгое время тешились надеждой на дипломатическую изоляцию СССР и его разгром фашистской Германией. По словам Дауда Амини, советско-английское сближение «доказало политическим деятелям плохого вкуса и не заботящимся об Иране, в какую опасную пропасть они двинули страну» [333, стр. 76].

Однако правящие круги Ирана в этих условиях начали делать ставку на антикоммунистические настроения английского правительства. Американский посланник Дрейфус, отмечая в телеграмме от 1 августа 1941 г., что «иранская политика строгого нейтралитета затруднена новой комбинацией Великобритании и России», в то же время обращал внимание госдепартамента на склонность иранского правительства «к более тесному сотрудничеству с англичанами» [40, 1941, т. III, стр. 386]. 16 августа Реза-шах высказал своим генералам сомнение в том, что «Англия позволит коммунизму завоевать Иран» [374, 6.X.1953]. Спустя пять дней иранский посланник в США Шайесте, повторив эту мысль главе ближневосточного отдела госдепартамента Муррэю, сказал, что в случае ввода советских войск Иран будет успешно сопротивляться [40, 1941, т. III, стр. 404].

³¹ Как известно, в этот период гитлеровцы ставили осуществление своих планов в отношении стран Востока в зависимость от успешного выполнения операции «Барбаросса».

Во второй половине июля — начале августа 1941 г. иранское правительство пыталось в конфиденциальном порядке найти с англичанами компромиссное решение вопроса о пребывании германских агентов в стране. В конце июля в ответ на требование английского правительства о высылке всех немцев из страны иранское правительство выразило согласие выслать 13 германских специалистов немедленно и 11 — на следующей неделе [40, 1941, т. III, стр. 386]³². Когда же в середине августа английское правительство поставило вопрос о высылке в течение месяца $\frac{4}{5}$ всех германских подданных, иранское правительство выдвинуло контрпредложение о высылке в указанный срок 100 человек, а затем — в ускоренном порядке — остальных [40, 1941, т. III, стр. 397, 400, 436].

В ходе этих переговоров иранскому правительству пришлось убедиться в том, что Англия не пойдет на компромиссное решение, тем более что действия англичан и их пропагандистская антииранская кампания и в самом деле имели целью спровоцировать правительство Ирана к отказу от выполнения союзных требований, что позволило бы англичанам ввести свои войска в Иран [подробнее см.: 102, стр. 110—115]³³. В телеграмме от 1 августа Дрейфус писал в госдепартамент, что «британские предупреждения Ирану являются частью войны нервов как прелюдии к продолжению более сильными мерами» [40, 1941, т. III, стр. 387]. Премьер-министр Ирана, министр иностранных дел, иранский посланник в США, посол в СССР и другие иранские официальные лица неоднократно высказывались в том духе, что ан-

³² Хотя 31 июля иранское официальное агентство новостей вновь опубликовало заявление, в котором опровергались сообщения иностранной прессы и радио о германской опасности Ирану и утверждалось, что все иностранцы находятся под наблюдением иранских властей, по словам Дрейфуса, это заявление было намного мягче и более примирительным, чем прежние решительные заявления [40, 1941, т. III, стр. 386].

³³ В этой связи интересно следующее сообщение генерала Х. Арфа: «Я всегда думал, что на вводе войск в Иран настаивал СССР, но в 1959 г. Рюштю Арас, бывший турецкий министр иностранных дел, который в 1941 г. был послом в Лондоне, сообщил мне, что... англичане, опасаясь возможного поражения в Египте, не хотели иметь почти 200-тысячную иранскую армию в своем тылу. Они настаивали на оккупации страны и установлении контроля над иранским правительством» [84а, стр. 277].

гличане ищут лишь предлога для оккупации Ирана [40, 1941, т. III, стр. 393—394, 405—406, 408, 412—413]. По свидетельству целого ряда иранских мемуаристов, Реза-шах, как и другие иранские руководители, был возмущен повелительным тоном англичан и их нежеланием предложить Ирану заключение союзного договора [см. 377, 1346, стр. 42—43, 175—178; 325, стр. 277—279; 352, стр. 91—93]³⁴.

Но даже в этих условиях иранское правительство не пожелало установить более тесные контакты с Советским правительством, которое, несмотря на реальность грозившей Советскому Союзу фашистской опасности из Ирана и на наличие советско-иранского договора 1921 г., предусматривавшего ввод советских войск в Иран в подобных случаях, проявило в эти дни мудрое спокойствие и величайшую выдержку. Правительство СССР стремилось мирным путем урегулировать вопрос о пребывании германской агентуры в Иране, оказывая тем самым сдерживающее влияние на Англию, уже подготовившуюся к военной акции [102, стр. 112, 114].

Иранское же правительство в официальных ответах от 29 июля и 21 августа на совместные дипломатические представления СССР и Англии от 19 июля и 16 августа 1941 г. попросту отрицало, что присутствие германских подданных в стране представляет опасность для союзников и пыталось уверить правительства союзных держав в том, что якобы все германские подданные в Иране находятся под наблюдением иранских властей. Отказ выслать германскую агентуру мотивировался тем, что подобное действие нарушит якобы иранский нейтралитет и повредит нормальным дипломатическим отношениям Ирана с Германией. А в последней из этих нот после декларации своей политики постепенного увольнения всех иностранцев иранское правительство заявило, что только оно вправе решать, каких именно иностранцев следует выслать из страны [40, 1941, т. III, стр. 408].

Дружественным контактам с Советским правительством правящие круги Ирана предпочитали обращения за помощью к США и фашистской Германии. В течение августа 1941 г. иранский посланник в Вашингтоне Мо-

³⁴ То же утверждает биограф Мохаммеда Реза-шаха Р. Сангвин [94а, стр. 56].

хаммед Шайесте по инструкции своего правительства неоднократно посещал госдепартамент и просил США вмешаться, чтобы «помешать угрозе английского вторжения». Госдепартамент США, хотя и отказался с целью усилить свое влияние в Иране присоединиться к совместным дипломатическим представлениям Советского и английского правительств, по существу занимал позицию поддержки Англии [40, 1941, т. III, стр. 394—395, 405—407; 91, стр. 1501]. После очередной беседы в госдепартаменте 22 августа 1941 г. иранский посланник заявил представителям прессы: «Иран окажет сопротивление всякой агрессии, даже если шансы будут один к десяти» [63, 24.VIII.1941].

Гораздо более успешными оказались иранские контакты с Германией. Правда, вначале руководители фашистского рейха грозили разрывом дипломатических отношений с Ираном в случае, если иранское правительство согласится на выполнение союзных требований [40, 1941, т. III, стр. 387; 87, стр. 227], и старались убедить его выдержать «твердую позицию» в течение всего нескольких недель, которые потребуются германским войскам, чтобы захватить Кавказ и вступить в Иран [77, 26 и 28.VIII.1941; 34е, стр. 337]. Однако обнаружившийся уже во второй половине августа провал гитлеровских планов «молниеносной войны» и замыслов немецкого командования прорваться в том же месяце на Кавказ заставил руководителей фашистского рейха изменить свою позицию.

Опасаясь решительных действий в Иране со стороны союзных держав, германское правительство решило эвакуировать часть своих подданных из страны. Чтобы не вызвать у иранского правительства подозрений, германский посланник в Тегеране Эттель в беседе с премьер-министром 19 августа следующим образом мотивировал этот шаг: «В связи с перерывом в поставках товаров и материалов из Германии некоторое число немецких слугащих и техников стало избыточным. Все эти специалисты крайне необходимы в Германии». Али Мансур просил не придавать отъезду германских подданных большую гласность, опасаясь, что это «вызовет у Англии и Советов впечатление, что их давление на иранское правительство оказалось успешным». Собеседники сошлись на том, что «добровольный отъезд части германских под-

данных будет способствовать выигрышу времени иранским правительством» [34е, стр. 337—338]³⁵.

Выигрыш времени правящие круги Ирана считали единственно приемлемым курсом политики в сложившейся обстановке. В донесении Риббентропу Эттель следующим образом излагал высказанные иранским премьер-министром в этой же беседе мысли: «Германские войска все еще далеко. Если бы Иран столкнулся с одним из своих двух традиционных врагов, положение было бы намного лучше „К несчастью, однако, Советский Союз все еще существует“. Иранское правительство с мрачным предчувствием заметило приближение неблагоприятного климатического сезона в Советском Союзе, который поставит дальнейшие большие препятствия на пути вермахта. В этих условиях иранское правительство должно стараться выиграть время... Каждая выигранная неделя, в течение которой германские войска будут победоносно продвигаться вперед, улучшает тяжелое положение Ирана. Он был поэтому особенно благодарен германской помощи в выигрывании времени. Премьер-министр добавил, что иранская дружба с Германией искренна и тверда. Иран никогда не присоединится к лагерю врагов Германии» [34е, стр. 336—338].

В эти дни Реза-шах провел ряд мероприятий по усилению военной готовности Ирана. К середине августа закончилась концентрация иранских войск в северных и южных районах. Шах лично инспектировал войска [40, 1941, т. III, стр. 398; ср. 360, стр. 408]. 19 августа приказом шаха был отменен очередной отпуск выпускникам Военной академии, которым повелевалось немедленно явиться в свои войсковые части. Обращаясь к ним с речью, шах сказал: «Необходимо, чтобы армия и ее офицеры с величайшим вниманием следили за нынешним положением и были готовы при данных условиях к любой жертве» [350, стр. 7—10; 63, 21.VIII.1941; 360, стр. 406]. Кроме того, было мобилизовано около 30 тыс. резервистов [84а, стр. 277].

³⁵ Бывший министр иранского правительства д-р Мохаммед Седжади пишет, что Германия выразила согласие даже на закрытие германской миссии в Тегеране, но шах отказался от этого шага [377, 1347, стр. 346]. Али Мансур утверждает, что инициатива в вопросе об отъезде из Ирана всех германских специалистов исходила от иранского правительства [377, 1346, стр. 175—176].

23 августа было издано распоряжение о высылке в течение двух недель 16 германских подданных. Вечером того же дня Реза-шах через министерство иностранных дел заверил английского посланника, что германские подданные будут ускоренным темпом высланы из Ирана. Одновременно в полуофициозной газете «Эттелаат» появилась редакционная статья, которая со ссылкой на речь шаха перед выпускниками Военной академии призвала народ к «действиям и жертвам ради спасения своей чести» [40, 1941, т. III, стр. 411].

Расхождения между делами и словами иранского правительства были выражением политики лавирования между двумя воюющими лагерями в целях выигрыша времени. Если устные заверения иранского правительства были призваны создать у Англии и СССР впечатление согласия выполнить их требования, то тон официальных нот и публичных выступлений Реза-шаха, уверенного в неизбежности победы Германии над СССР и скором появлении германской армии на иранской границе, — добиться благорасположения руководителей фашистского рейха, продолжавших провоцировать его на сопротивление союзникам [34е, стр. 358—359, 388].

Такой же политики шахское правительство придерживалось и после последовавшего 25 августа вступления советских и английских войск в Иран. Отдав приказ по армии об оказании сопротивления союзным войскам [350, стр. 27; 349, стр. 58], Реза-шах в тот же день вызвал к себе советского посла А. А. Смирнова и английского посланника Р. Булларда и заверил их, что все германские подданные будут высланы из страны в течение одной недели, за исключением самых необходимых техников, список которых обещал представить (ранее шах отказывался от этого). Вместе с этим он просил о выводе войск [40, 1941, т. III, стр. 417—418]. В ходе последовавших затем переговоров иранское правительство всячески стремилось добиться, чтобы подданным Германии и других государств фашистского блока был разрешен свободный выезд на родину [40, 1941, т. III, стр. 450—452]³⁶. 8 сентября 1941 г. Иран подписал сог-

³⁶ 1 сентября 1941 г. Э. Эгтель в резком тоне заявил министру иностранных дел Ирана Али Сохейли, что, если англичане интерпретируют немецкую колонию, «последствия для иранского правительства будут очень серьезными» [34е, стр. 419]. Чиня всяческие препятствия

лашение о дислокации советских и английских войск на иранской территории, высылке дипломатических миссий стран «оси», интернировании членов немецкой колонии и т. д., а 10 сентября газета «Эттелаат» опубликовала передовую, инспирированную шахским двором, в которой выражалось сожаление по поводу закрытия дипломатических миссий держав «оси» и сообщалось, что Иран будет поддерживать с этими государствами нормальные дипломатические отношения через свои миссии.

Однако попытки Реза-шаха добиться благорасположения Германии оказались безуспешными. Фашистская пропагандистская машина усилила антишахскую кампанию. Такую же пропагандистскую деятельность вели радиостанции Лондона и Дели. В то же время шах потерял поддержку внутри страны. Когда Форуги по его приказу предложил меджлису принять декларацию протеста против англо-индийских радиопередач, в которых шах назывался «диктатором», «деспотом» и т. д., группа депутатов отказалась подписать декларацию, заявив, что в передачах говорится только правда [84а, стр. 301]. В обстановке начавшегося подъема антифашистского демократического движения в Иране некоторые круги господствующих классов стали оказывать нажим на Реза-шаха с целью заставить его отречься от престола. 5 сентября Дрейфус сообщал в госдепартамент: «Престиж шаха упал настолько сильно и события так обернулись против него, что возможно его исчезновение со сцены» [40, 1941, т. III, стр. 426, 442, 452].

Впервые намерение отречься от престола шах высказал еще 26 августа 1941 г. на заседании кабинета министров [377, 1346, стр. 178; 325, стр. 281; 360, стр. 418—420], но спустя некоторое время сделал попытку договориться с англичанами через американского посланника. 6 сентября Реза-шах вызвал Дрейфуса и просил его передать Булларду, «что он не симпатизировал немцам, в отношениях с которыми имел серьезные трудности по различным вопросам, и что готов включиться в общие усилия по сопротивлению им» [40, 1941, т. III, стр. 454—455]. Однако 16 сентября 1941 г. Реза-

урегулированию положения, Э. Эттель даже прервал переговоры с иранским правительством о выезде германских подданных из страны, поставив условием их возобновления снятие иранской охраны со здания германской дипломатической миссии [360, стр. 439, 442].

шах отрекся от престола в пользу своего старшего сына Мохаммеда Реза Пехлеви. Р. Буллард утверждает, что непосредственным поводом для отречения явилось движение советских войск в Тегеран [228, стр. 135], принятое совместно с британскими войсками по инициативе английского правительства [26, т. I, стр. 389] с целью ускорить высылку дипломатических миссий и интернирование подданных держав «оси». В тот же день Мохаммед Али Форуги прочитал депутатам меджлиса акт об отречении.

Сам Реза-шах, прибыв в Бендер-Аббас, отправился на британском судне в Индию. В Бомбее английские власти не разрешили ему сойти на берег из боязни вызвать вспышку национальных чувств в «жемчужине британской короны». Шах направил телеграммы протеста вице-королю Индии и премьер-министру Великобритании, оставшиеся, разумеется, безрезультатными. Не было удовлетворено и его желание поселиться в Японии. Вместо этого англичане, как пишет сопровождавший шаха в этой поездке К. Скрайн, интернировали его на острове св. Маврикия. Весной 1942 г. Реза-шах, тяжело больной, переехал в Южную Африку, в Йоганнесбург, где и скончался 26 июля 1944 г. в возрасте 66 лет [подробнее см.: 98, стр. 83—87; 377, 1346, стр. 47—52]. Тело его было перевезено в Иран, а в 1949 г. меджлис присвоил ему титул «Великого».

* * *

Период 1934—1941 гг. в историческом развитии Ирана отличался от предшествующих почти полным отсутствием сколько-нибудь существенных достижений в области упрочения государственной независимости. Даже относительно бурное развитие национальной фабрично-заводской промышленности не способствовало освобождению экономики страны от иностранной зависимости, поскольку сопровождалось активизацией империалистической экспансии и усилением реакционных тенденций в политике господствующих классов.

Таким образом, добившись восстановления политической независимости страны и сделав ряд важных шагов на пути освобождения от экономической зависимости в 20-х — начале 30-х годов, иранское правительство в последующем оказалось на перепутье. Политическая

независимость, завоеванная страной на первом этапе общего кризиса капитализма, не привела к ликвидации ее экономической зависимости. А без этого основного условия обеспечения материальной базы политической независимости последняя сама оставалась неполной и подверженной угрозе подрыва со стороны мирового империализма. Сближение же под влиянием верхушки помещиков и буржуазии с наиболее агрессивным отрядом мирового империализма — германским фашизмом поставило под угрозу существование Ирана как независимого суверенного государства. Решающую роль в предотвращении этой угрозы сыграл Советский Союз.

Конечно, при анализе внешнеполитических достижений Ирана необходимо учитывать международную обстановку того времени, экономическую и политическую слабость самого Ирана и силу международного финансового капитала. «Финансовый капитал, — отмечал В. И. Ленин, — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью» [8, стр. 379]. Необходимо учитывать и то, что Советское государство оказывало политическую и моральную поддержку Ирану, но возможности экономической помощи были в то время сравнительно ограничены, хотя и тогда она укрепляла позиции Ирана в борьбе против колонизаторов.

Однако решающей причиной ограниченности внешнеполитических достижений Ирана, как и внешнеполитической концепции иранского правительства, являлась узкоклассовая социальная направленность политики правящих кругов страны, стоящих по существу на позициях «ограниченного, реформистского буржуазно-либерального национализма, склонного к соглашению с реакцией» [175, стр. 111]. Борьба за экономическую независимость велась путем ограничительных административно-организационных реформ при сохранении полуфеодалных отношений в деревне. Внешнеэкономическая политика правительства, которая в предшествующий период обладала чертами независимой государственной политики и позволила ослабить пагубные последствия мирового экономического кризиса и проникновение иностранного ка-

питала в экономику страну, оказалась подчиненной верхушечной прослойке помещичье-буржуазных кругов. Основной экономической функцией государства становится регулирование хозяйственной деятельности в интересах этой прослойки.

В области внешней политики эта социальная направленность нашла отражение в сохранении основных устоев английских колониальных позиций и проведении (вместо эффективного использования той экономической поддержки, которую мог тогда предоставить Ирану Советский Союз) политики ослабления «чрезмерной зависимости от России». В условиях происходивших на протяжении 30-х годов социально-экономических и политических изменений в иранском обществе внешнеполитическая концепция правящих кругов Ирана с еще большей очевидностью обнаружила свою порочность и несостоятельность с точки зрения национальных интересов. Во внешней политике еще больше усиливаются черты непоследовательности и пассивности, отступления от национальных интересов и в то же время уменьшаются элементы активности и самостоятельности. Характерные для методов иранской дипломатии игра на противоречиях между великими державами, использование всех форм давления на них становятся универсальным средством внешнеполитической деятельности Ирана. Интересы личного престижа Реза-шаха отождествлялись с национальными интересами страны.

Будучи неспособно противодействовать экономическим и политическим устремлениям помещиков и верхушки буржуазии, иранское правительство в последние годы рассматриваемого периода подменяло борьбу за подлинно самостоятельное развитие страны различными экстравагантными и эксцентричными внешнеполитическими акциями, которые, хотя и создали ему репутацию «резко националистического правительства», отнюдь не способствовали укреплению государственной независимости. Более того, внешняя политика иранского правительства незаметно для него самой оказалась под влиянием империализма, что проявилось на отношениях Ирана не только с СССР, но и с сопредельными странами Востока. Приверженность к «доктрине третьей силы» привела к тому, что та степень независимости, которую Иран достиг в отношениях с Великобританией, утрачива-

лась в отношениях с Германией. Место старого империалистического хищника — Англии шаг за шагом стал занимать казавшийся «нейтральным», но на деле еще более опасный хищник — гитлеровский фашизм.

Даже в условиях второй мировой войны, явившейся проверкой жизнеспособности внешнеполитической концепции Ирана, правительство Реза-шаха продолжало цепляться за обветшалые традиционные догмы. Единственное, что оно могло позволить себе, — это переориентироваться с Германии как «третьей силы» на США. Неудача этой попытки имела следствием то, что Германия, фактически превратившаяся в первую силу в Иране, продолжала котироваться как «третья». Результатом был крах политики нейтралитета.

Совмещение иранским правительством политики нейтралитета с односторонней ориентацией на фашистскую Германию с самого начала было чревато возможностью отступления от нейтралитета. Такая позиция широко использовалась иранскими властями для попустительства деятельности гитлеровских шпионов и диверсантов в стране. А это в свою очередь привело к нарушению иранского нейтралитета.

В это критическое для страны время, особенно после нападения Германии на Советский Союз, правительство Реза-шаха проявило во внешней политике максимальное отсутствие политической гибкости и способности трезво и реалистически оценить внутреннюю и международную обстановку в условиях антифашистской войны. Цепляясь за превратившийся в фикцию нейтралитет, шах искал выход из кризиса в проведении недалекой политики «выигрыша времени», строившейся на расчете скорой победы фашизма, не пожелав прислушаться серьезно к предложениям не только союзных держав, но и реалистически мыслящих государственных деятелей Ирана. Еще за месяц до вступления в страну союзных войск иранский посол в Москве Мохаммед Саед предлагал шаху выслать из страны всех подданных «оси», а делегация меджлиса уже после вступления войск — сотрудничать с союзниками [377, 1346, стр. 42; 98, стр. 82].

Позиция, занятая иранским правительством, сделала необходимым ввод союзных войск в Иран, который, однако, при всех своих позитивных моментах имел и

некоторые теневые стороны, обусловленные экспансионистскими планами в отношении Ирана, вынашиваемыми английскими империалистами и их союзником — США, которые в 1942 г. по договоренности с Англией также ввели в страну свои войска.

Британские войска в первую очередь заняли порты Персидского залива и те пункты Хузистана и Керменшаха, где были расположены предприятия и промыслы АИНК. В целях обеспечения интересов АИНК англичане сразу же добились увеличения курса фунта стерлингов по отношению к иранской валюте с 68 до 130 риалов [377, 1347, стр. 44]³⁷. Действиями английских морских сил в Персидском заливе был полностью уничтожен молодой иранский флот: часть судов была затоплена, часть — уведена в Индию [357, стр. 124—126].

Англия сразу же приступила к восстановлению своей агентурной сети в Иране. Х. Азам-е Годси пишет, что еще до отречения шаха «те, кто 20 лет назад из страха перед Реза-шахом прекратил дружеские отношения с иностранными дипломатическими миссиями и иностранными служащими, с трепетом и дрожью под покровом ночи стали посещать дипломатические миссии и восстанавливать дружеские отношения с иностранцами» [325, стр. 298]. Среди оппозиционеров Реза-шаху было немало реакционных элементов: племенных вождей, не без подстрекательства англичан ожививших свои сепаратистские устремления и начавших, опять-таки не без их помощи, вновь вооружаться, представителей духовенства, крупных земельных собственников [271, стр. 127—128], располагавших значительными позициями в меджлисе. Уже 19 сентября 1941 г. меджлис объявил, что предпринимает шаги по пересмотру законов о монополии внешней торговли [40, 1941, т. III, стр. 461].

В условиях антикоммунистических настроений господствующих классов и приверженности правящих кругов Ирана к «доктрине „третьей силы“» еще больше шансов на успех имели экспансионистские планы США. Бывший польский пресс-аташе в Иране Г. Ленчовский пишет, что события 1941 г. «внезапно оборвали немецкую деятельность в Иране; образовалась как бы пустота.

³⁷ Министр финансов Мошреф Нафиси в тайной комиссии в меджлисе заявил: «Вы должны утвердить этот проект, ибо я дал обещание английскому посланнику Булларду» [360, стр. 472—473].

В этих условиях было совершенно естественно, что иранцы начали подбирать нового партнера и защитника. Тогда выбор пал на США» [264, стр. 263].

В этих условиях США стали более благосклонны к желаниям правящих кругов Ирана. Рассмотрев 10 октября 1941 г. совместно с пресвитерианским департаментом иностранных миссий просьбу иранского правительства о направлении в Иран американской образовательной миссии, ближневосточный отдел госдепартамента США составил меморандум, в котором, между прочим, говорилось: «С исчезновением авторитарного режима Реза Пехлеви, который был чрезвычайно националистическим и имел сильный элемент ксенофобии, ожидается более либеральное отношение к иностранным институтам» [40, 1941, т. III, стр. 375]. Переговоры о торговом соглашении между Ираном и США, прерванные американской стороной накануне ввода союзных войск в Иран «в связи с неопределенностью и очевидной неустойчивостью обстановки», уже в начале ноября 1941 г., после прибытия в США иранской экономической миссии, были возобновлены «по причинам политической целесообразности и с целью обеспечить американские торговые интересы в Иране в послевоенный период». В меморандуме ближневосточного отдела госдепартамента США от 5 ноября 1941 г. утверждалось, что торговое соглашение будет использовано против «возможных в будущем попыток русских овладеть экономикой и внешней торговлей Ирана» и что иранцы поэтому примут такое соглашение, которое будет благоприятно для американских интересов. В середине декабря иранское правительство выразило согласие оплатить блокированные счета американских экспортеров, выделив для этой цели 50 тыс. долл. [40, 1941, т. III, стр. 355, 373—374].

С конца 1941 г. начался новый этап в борьбе иранского народа за независимое развитие, демократию и социальный прогресс. В этой борьбе прогрессивные силы Ирана имели возможность опираться на поддержку Советского государства и его армии, ввод которой в Иран не только избавил страну от угрозы превращения в вассала гитлеровской Германии и новый очаг войны, но и явился гарантией сохранения суверенитета и независимости иранского народа перед лицом колониалистских происков англо-американского империализма.

Труды классиков марксизма-ленинизма

1. Маркс К. *, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт, — т. 8.
2. Энгельс Ф., Внешняя политика русского царизма, — т. 22.
3. Энгельс Ф., Роль насилия в истории, — т. 21.
4. Ленин В. И., II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г., — т. 41.
5. Ленин В. И., Внешняя политика русской революции, — т. 32.
6. Ленин В. И., Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г., — т. 39.
7. Ленин В. И., Замечания на доклад А. Султан-Заде о перспективах социальной революции на Востоке, — т. 41.
8. Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, — т. 27.
9. Ленин В. И., О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», — т. 30.
10. Ленин В. И., О лозунге Соединенных Штатов Европы, — т. 26.
11. Ленин В. И., Речь при закрытии IX съезда РКП(б) 5 апреля 1920 г., — т. 40.
12. Ленин В. И., Тетради по империализму, — т. 28.

Материалы КПСС и Коммунистического
Интернационала

13. «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17--31 октября 1961 г.». Стенографический отчет, т. I—III, М., 1962.
14. «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I—III, М., 1954.
15. «Коммунистический Интернационал в документах (решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ), 1919—1932 гг.», М., 1933.
16. «Материалы XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза», М., 1966.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по изд. 2 Сочинений, а В. И. Ленина по Полному собранию сочинений.

- 16а. «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971.
17. «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961.
18. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, М., 1929.

**Сборники документов, официальные
публикации и другие источники**

19. «Большой восточный перелет», М.—Л., 1931.
20. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», т. I, М., 1946.
21. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. III (1925—1934), М., 1945.
22. Гальдер Ф., Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939—1942 гг., т. 1—2, М., 1968—1969.
23. «Документы внешней политики СССР», т. I—XVI, М., 1957—1970.
24. Литвинов М. М., Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927—1935, М., 1935.
25. «Международная политика в 1928 году. Договоры, декларации и дипломатическая переписка», М., 1929.
26. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I—II, М., 1958.
27. «Программа действий Иранской Коммунистической партии», — «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1929, № 8.
28. Рузбех Х., Сердце, врученное бурям. Перед военным трибуналом Ирана, М., 1962.
29. «Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях», М., 1946.
30. «Фальсификаторы истории (историческая справка)», М., 1948.
31. Чичерин Г. В., Статьи и речи по вопросам международной политики, М., 1961.
32. «Actes de la conférence pour le controle du commerce international des armes et munitions et des materiels de guerre», Genève, 1925.
33. «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939»:
 - a) Series I A, vol. I, London, 1966;
 - b) Series I A, vol. II, London, 1968;
 - в) Second Series, vol. VII, London, 1958;
 - г) Third Series, vol. IV, London, 1950;
 - д) Third Series, vol. V, London, 1952;
 - e) Third Series, vol. VI, London, 1957.
34. «Documents on German Foreign Policy. 1918—1945». Series D:
 - a) vol. VIII, London, 1954;
 - б) vol. IX, Washington, 1956;

- в) vol. X, London, 1957;
- г) vol. XI, Washington, 1960;
- д) vol. XII, Washington, 1962;
- е) vol. XIII, Washington, 1964.

35. «Documents on International Affairs, 1928—1937», London, 1929—1939.
36. «Documents on International Affairs. 1939—1946», vol. II, «Hitler's Europe», London, 1954.
37. «Facts Concernings the Iraqi-Iranian Frontier», Baghdad, 1960.
38. Hurewitz J. C., Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record, vol. II (1914—1956), Princeton, 1956.
39. Jacobsen H. A., 1939—1945, der Zweite Weltkrieg in Chronic und Documenten, Darmstadt, 1959.
40. «Papers Relating on the Foreign Relations of the United States», 1927—1941, Washington, 1942—1959.
41. «Political and Strategic Interests of the United Kingdom», London, 1940.
42. «Recueil des traités, conventions et accords conclus entre le gouvernement imperial de Perse et les puissances étrangers», première serie, Teheran, 1933.
43. «Special Report by His Majesty's Government in the United Kingdom of the Great Britain and Northern Ireland to the Council of the League of Nations on the Progress of Iraq during the period 1920—1931», London, 1931.
44. «Statistique annuelle du Commerce Exterieur de l'Iran en 1319 (1940—1941)», Teheran, 1941.
45. «Tableau General du Commerce avec les pays Etrangers pendant l'annee 1304—1309», Teheran, 1927—1931.
46. «The Parliamentary Debates. The House of Commons», London, 1925—1941.

Периодические издания

47. «Бакинский рабочий».
48. «Бюллетень прессы Среднего Востока».
49. «Внешняя торговля».
50. «Известия».
51. «Информационный бюллетень Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем».
52. «Материалы по национально-колониальным проблемам».
53. «Международная жизнь».
54. «Мировое хозяйство и мировая политика».
55. «Новый Восток».
56. «Правда».
57. «Революционный Восток».
- 57а. «Советская торговля».
- 57б. «Торговля СССР с Востоком».
58. «Berlin am Morgen».
59. «Berliner Tageblatt».
60. «Daily Express».

61. «Daily Herald».
62. «Daily Telegraph».
63. «Deutsche Allgemeine Zeitung».
64. «Evening Standart».
65. «Frankfurter Zeitung».
66. «Great Britain and the East».
67. «Jahrbuch für Auswärtige Politik».
68. «Journal of the Royal Central Asian Society».
69. «Kölnische Zeitung».
70. Mitteilungen des Instituts für Auslandsbeziehungen».
71. «Morning Post».
72. «Nachrichten für Aussenhandel».
73. «Near East and India».
74. «Neue Orient».
75. «Neue Zürcher Zeitung».
76. «Oriente Moderno».
77. «Times».
78. «Völkischer Beobachter».
79. «Vossische Zeitung».
80. «Wirtschaftsdienst».

Мемуары, биографии, записки

- 80а. Казаков М. И., Над картой былых сражений, М., 1965.
81. Майский И. М., Начало второй мировой войны (Из воспоминаний), — «Новая и новейшая история», 1964, № 1.
82. Пальгунов Н. Г., Тридцать лет (Воспоминания журналиста и дипломата), М., 1964.
83. Рузвельт Э., Его глазами, М., 1947.
84. Шервуд Р., Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца, т. 1—2, М., 1958.
- 84а. Arfa H., Under Five Shahs, New York, 1965.
85. Blücher W., Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen 1949.
86. Blunk R., Hugo Junkers. Der Mensch und das Werk, Berlin, 1942.
87. Bullard R., The Camels Must Go. An Autobiography, London, 1961.
88. Churchill W. S., The Second World War, vol. III, The Grand Alliance, London, 1950.
89. Edmonds C. J., Kurds, Turks and Arabs. Politics; Travels and Research in North-Eastern Iraq. 1919—1925, London, 1957.
90. Hamilton A. M., Road through Kurdistan, London, 1958.
91. Hull C., The Memoirs, vol. II, New York, 1948.
92. Jaroljmek Ed., Das andere Iran. Persien in den Augen eines Europäers, München, 1951.
93. Millspaugh A. C., The American Task in Persia, New York, 1925.

94. Millsbaugh A. C., *Americans in Persia*, Washington, 1946.
- 94a. Sanghvi R., *Aryamehr: The Shah of Iran. A Political Biography*, London, 1968.
95. Schacht H., *76 Jahre meines Lebens*, Bad Wörishofen, 1953.
96. Schulze-Holthus, *Daybreak in Iran. A Story of the German Intelligence Service*, London, 1954.
97. Sheean V., *The New Persia*, New York, 1927.
98. Skrine C., *World War in Iran*, London, 1962.
99. Slim W., *Unofficial History*, New York, 1962.
100. Templewood, Viscount (Samuel Hoare), *Empire of the Air. The Advent of the Air Age 1922—1929*, London, 1957.

Литература

101. Абдуллаев З. З., *Начало экспансии США в Иране*, М., 1963.
102. Агаев С. Л., *Германский империализм в Иране (Веймарская республика, Третий рейх)*, М., 1969.
103. Агаев С. Л., *Иран в период политического кризиса 1920—1925 гг. (вопросы внешней политики)*, М., 1970.
104. Агахи А. М., *Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране*, Баку, 1961.
105. Алексеев Л., *Советский Союз и Иран*, М., 1963.
106. Арабаджян А., *Социально-экономические корни монархии Реза-шаха и реакционная сущность ее экономической политики*, М., 1952 (автореф. канд. дисс.).
107. Асадулаев К., *Свержение династии Каджаров в Иране (1920—1925 гг.)*, Душанбе, 1966.
108. Асратян М. А., *Политика турецких правящих кругов по отношению к курдскому населению (1924—1939)*, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», вып. XXX, М., 1961.
109. Былова А., *Аграрное законодательство монархии Реза-шаха*, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1936, № 34.
110. Башкиров А. В., *Аграрное законодательство в Иране (1925—1941 гг.)*, — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. VIII, М., 1953.
111. Бодянский В. Л., *Бахрейн (К истории стран Персидского залива)*, М., 1962.
112. Брукс М., *Нефть и внешняя политика*, М., 1949.
113. Валиева Д. В., *Советско-иранские культурные связи (1921—1960 гг.)*, Ташкент, 1965.
114. Васильевич В., *В зарево восстаний*, — «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1929, № 2.
115. Володарский М. И., *Англо-иранская нефтяная компания в 1933—1941 гг.*, — «Ученые записки Кишиневского Гос. Университета», т. XLIV, 1959.
116. Востров, *Некоторые материалы о проникновении германского фашизма в Иран*, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1936, № 34.
117. Гельбрас Г., *Крах фашистской авантюры в Иране*. — «Исторический журнал», 1942, № 3—4.

118. Гельбрас Г., СССР и Иран (1917—1940 гг.), — «Историк-марксист», 1940, № 7.
119. Генин И., Экономическая экспансия германского фашизма в Иране», — «Внешняя торговля», 1938, № 6.
120. Глуходед В. С., Проблемы экономического развития Ирана (20-е — 30-е годы), М., 1968.
121. Г-ов Г., Внешняя торговля Ирана в период европейской войны, — «Внешняя торговля», 1940, № 2.
122. Гордонов Л., Воздушные пути зарубежных стран, М., 1961.
123. Гореликов С. Г., Иран. Экономико-географическая характеристика, М., 1961.
124. Губер А. А., Миллер А. Ф., Политические и экономические изменения в странах Азии и Африки в XX в., — «Народы Азии и Африки», 1965, № 6.
125. Гурко-Кряжин В. А., Переворот в Персии, — «Новый Восток», 1926, № 12.
126. Гурко-Кряжин В. А., Размышления о перевороте в Персии, — «Новый Восток», 1926, № 15.
127. Гусейн-заде М., Германское проникновение в Персию, — «Новый Восток», 1926, № 13—14.
128. Гусейнов Г., Внешняя торговля Ирана, — «Внешняя торговля», 1941, № 6.
129. Давыдов К., Персия и японская интервенция в Китае, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1932, № 3.
130. Данциг Б., Внешнеторговая экспансия Германии в странах Ближнего Востока, — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1937, № 4.
131. Дёмин А. И., Сельское хозяйство современного Ирана, М., 1967.
132. «Дипломатический словарь», т. I—III, М., 1960—1964.
133. Дорошенко Е. А., Система просвещения в Иране, М., 1959.
134. Дурденевский В., Лига Наций и международная торговля оружием, — «Международная жизнь», 1929, № 8.
135. Ерусалимский А. С., Иран, М., 1944.
136. Завриев Д. С., Внешняя торговля Персии за годы кризиса, Тифлис, 1934.
137. Завриев Д. С., Иран и мировой кризис, Тифлис, 1935.
138. Зонненштраль-Пискорский А. А., Международные торговые договоры Персии, М., 1931.
139. Зонненштраль-Пискорский А. А., Торгово-политические последствия ликвидации капитуляционного режима в Персии, — «Международная жизнь», 1928, № 8.
140. Ибрагимов Г. А., Иран, Сталинабад, 1942.
141. Иванов М. С., Новейшая история Ирана, М., 1965.
142. Иванов М. С., Очерк истории Ирана, М., 1952.
143. Иванова М. Н., Октябрьская революция и Иран, М., 1957.
144. Ильинский Г. И., Иран в период общего кризиса мировой капиталистической системы, М., 1953.
145. Иоффе А. Е., Внешняя политика Советского Союза (1928—1932 гг.), М., 1968.
146. «Иран, Афганистан, Синцзян (Западный Китай). Политико-экономические очерки», М., 1936.

147. Ирандуст, Заметки о смене режима в Персии, — «Новый Восток», 1926, № 15.
148. Ирандуст, Зигзаги английской политики на Ближнем Востоке, — «Международная жизнь», 1926, № 4.
149. Ирандуст, Классы и партии современной Персии, — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 2.
150. Ирандуст, Персия, М., 1928.
151. Ирандуст, Последний этап персидской политики, — «Международная жизнь», 1927, № 7.
152. Ирандуст, Смена режима в Персии, — «Международная жизнь», 1926, № 2.
153. Иранский С., Через военную диктатуру к национальному государству, — «Новый Восток», 1924, № 5.
154. Искендер, Трансперсидская железная дорога, — «Революционный Восток», 1927, № 2.
155. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 1—6, М., 1961—1965.
156. «История внешней политики СССР», ч. I (1917—1945 гг.), М., 1966.
157. «История дипломатии», изд. I, т. III, М., 1945.
158. «История дипломатии», изд. II, т. III, М., 1965.
159. Камаль М. А., Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане (1918—1932 гг.), Баку, 1967.
160. Карпов Н., Экономика современной Персии, Тифлис, 1928.
161. Ключников Ю., Лига Наций и разоружение, — «Международная жизнь», 1925, № 1.
162. Коробейников И. И., Иран. Экономика и внешняя торговля, М., 1954.
163. Корсун Н. Г., Арабский Восток. I. Иран, М., 1928.
164. Лазаревский Л., Иран, М., 1941.
165. Левин И., Ирак, М., 1937.
166. Луцкий В., Провал фашистских планов в Африке и на Ближнем Востоке, Ташкент, 1943.
167. Марков Г., От кабалы бездорожья к кабале дорог, — «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1931, № 12 (20).
168. Масленников В., Иран после заключения союзного договора с СССР и Великобританией, — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1942, № 7.
169. Меликов О. С., Установление диктатуры Реза-шаха в Иране, М., 1961.
170. Мельник А., Турция, М., 1929.
171. Миллер А. Ф., Очерки новейшей истории Турции, М.—Л., 1948.
172. Милов П., Иран во время и после второй мировой войны, М., 1949.
173. Минаев В., Подрывная деятельность германского фашизма на Ближнем Востоке, М., 1942.
174. Мирский Г. И., Ирак в смутное время. 1930—1941, М., 1960.
175. «Национально-освободительное движение в Азии и Африке», кн. II, «Пробуждение угнетенных», М., 1968.
176. Некрич А. М., Англо-германские противоречия по колониальному вопросу перед второй мировой войной, — «Вопросы истории», 1954, № 7.

177. Некрич А. М., Внешняя политика Англии в годы второй мировой войны. 1939—1941, М., 1965.
178. Никонова С. В., Антисоветская внешняя политика английских консерваторов. 1924—1927, М., 1963.
179. Новбари Р., В защиту «Пейкар», — «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1931, № 12.
180. «Новейшая история стран зарубежного Востока», т. I—III, М., 1954—1956.
181. «Новейшая история Турции», М., 1968.
182. Осетров В., Зигзаги английской политики в Персии, — «Международная жизнь», 1922, № 16 (134).
183. Осетров В., Очерки экономического строя Персии, — в кн. «Колониальный Восток», М., 1924.
184. Павлович М., Иранский С., Персия в борьбе за независимость, М., 1925.
185. Палюкайтис И. И., Экономическое развитие Ирана, М., 1965.
186. Петров Г., Влияние войны на экономическое положение Ирана, — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1940, № 4—5.
187. Попов М. В., Американский империализм в Иране в годы второй мировой войны, М., 1956.
188. Попов М. В., Крах гитлеровского плана нападения на СССР из Ирана, — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. 8, 1953.
189. «Проблемы современной Персии. Дискуссионный сборник», М., 1927.
190. Ренджбар, Англо-персидское нефтяное соглашение, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1933, № 6 (12).
191. Ренджбар и Остроглазов, Развитие национальной фабрично-заводской промышленности в Иране за последние годы, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1936, № 34.
192. Рудных С., Иран, М., 1940.
193. Свентицкий А. С., Пути сообщения Персии, — «Новый Восток», 1927, № 18.
194. Свентицкий А. С., Экономика современной Персии, — «Международная жизнь», 1926, № 1.
195. Сеидов Р. А., Аграрная политика монархии Реза-шаха, — «Ученые записки Института востоковедения АН АзербССР», 1959, № 2.
196. Сенджаби М., Борьба за железные дороги в Персии, — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1928, № 8—9.
197. Сенджаби М., Германия и Персия, — «Новый Восток», 1929, № 26—27.
198. Сенджаби М., Персия в кризисе, М., 1931.
199. «Страны Востока. Экономический справочник», М., 1929.
200. «Страны Востока. Экономический справочник», т. II, Средний Восток, М., 1936.
201. Струзов Н., К вопросу об усилении экономической экспансии Германии в Персии, — «Торговля СССР с Востоком», 1931, № 3—4.
202. Султан-заде А., Экономическое развитие Персии и английский империализм, М., 1930.

203. Тарасов П. К., Саадабадский пакт, — «Международные отношения в новейшее время». Сб. статей. «Ученые записки Уральского Гос. университета им. А. М. Горького», № 63 (серия историческая), вып. 6, Свердловск, 1968.
204. Трубецкой В. В., Бахтиары (Оседло-кочевые племена Ирана), М., 1966.
205. Трухановский В. Г., Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.), М., 1962.
206. Фрей Л. И., Валютные ограничения и клиринги, М., 1940.
207. Хайцман В. М., СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами), М., 1959.
- 207а. Хейфец А. Н., Ленинская внешняя политика и национально-освободительное движение, — «Народы Азии и Африки», 1970, № 2.
208. Хейфец А. Н., Советская дипломатия и народы Востока. 1921—1927, М., 1968.
209. Червоный А., Спорные вопросы современной Персии, — «Революционный Восток», 1927, № 1.
210. Шамиде А. И., Рабочее и профсоюзное движение в Иране после второй мировой войны. 1946—1953 гг., Баку, 1965.
211. Штейнберг Е., Англо-персидский спор о Бахрейнских островах, — «Международная жизнь», 1929, № 6.
212. Штейнберг Е., Персидский залив в системе британской восточной политики, — «Международная жизнь», 1930, № 11.
213. Элвелл-Саттон Л., Иранская нефть. К истории «политики силы», М., 1956.
214. Южный К., Англо-персидские трения в Персидском заливе, — «Международная жизнь», 1928, № 7.
215. Юрьев Р., Подготовка Англии и Франции к нападению на СССР с юга в 1939—1940 гг., — «Вопросы истории», 1949, № 2.
216. Adamiyat F., Bahrein Islands. A Legal and Diplomatic Study of the British-Iranian Controversy, New York, 1955.
217. Adli A., Aussenhandel und Aussenwirtschaftspolitik des Iran, Berlin, 1960.
218. Alavi B., Kämpfendes Iran, Berlin, 1955.
219. Al-Marayati A., A Diplomatic History of Modern Iraq, New York, 1961.
220. Ardalan H. G., Die Stellung Persiens in der Weltwirtschaft, Teheran, 1930.
221. Avery P., Modern Iran, London, 1965.
222. Baker R. L., Oil, Blood and Sand. Stakes and Strategy in the Middle East, New York, 1942.
223. Banani A., The Modernization of Iran, 1921—1941, Stanford, 1961.
224. Bassewitz H. J., Iran in Wirtschaftsleben des heutigen Orients, — «Neue Orient», 1936, II. 9/10.
225. Beloff M., The Foreign Policy of the Soviet Russia. 1929—1941, vol. II, London, 1952.
226. Binder L., Iran. Political Development in a Changing Society, Berkeley and Los Angeles, 1962.

227. Bleiber Fr., Westasien in Zweiten Kriegsjahr, — «Jahrbuch für Auswärtige Politik», Berlin, 1942.
228. Bullard R., Britain and the Middle East from the Earliest Times to 1963, London, 1964.
229. Burton M. E., The Assembly of the League of Nations, Chicago, 1941.
230. Coates W. P., and Z. K., A History of Anglo-Soviet Relations, London, 1944.
231. Conolly V., Soviet Economic Policy in the East, London, 1933.
232. Cottam R. W., Nationalism in Iran, Pittsburg, 1964.
233. Davies R. E. G., A History of the World's Airlines, London, 1964.
234. Dickson H. R. L., Kuwait and her Neighbours, London, 1956.
235. Doevel H., Persiens Auswärtige Wirtschaftsbeziehungen, Hamburg, 1933.
236. Dümke F., Die Balkan- und Orientländer als Rohstoffquelle für die deutsche Industrie, — «Neue Orient», 1936, H. 7/8.
237. Elwell-Sutton L. P., Iran and Modern World, — «Journal of the Royal Central Asian Society», 1942, vol. XXIX, pt. II.
238. Elwell-Sutton L. P., Modern Iran, London, 1942.
239. Essad-bey, Reza Schah. Feldherr, Kaiser, Reformator, Wien, 1936.
240. Esser Fr., Persien und Deutschland, — «Umschau» 1927, H. 29.
241. Fateh M. K., The Economic Position of Persia, London, 1926.
242. Fatemi N. S., Oil Diplomacy. Powderkeg in Iran, New York, 1954.
243. Fischer L., The Soviets in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. 1917—1929, vol. 2, Princeton, 1951.
244. Fitzsimons M. A., Empire by Treaty. Britain and the Middle East in the Twentieth Century, London, 1964.
245. Ford A. W., The Anglo-Iranian Oil Dispute of 1951—1952, Berkeley and Los Angeles, 1954.
246. Gavaan S. S., Kurdistan, Divided Nation of the Middle East, London, 1958.
247. Ceyer D., Die Sowjetunion und Iran. Eine Untersuchung zur Aussenpolitik der UdSSR im Nahen Osten, Tübingen, 1955.
248. Groseclose E., Introduction to Iran, New York, 1947.
249. Haas W. S., Iran, New York, 1946.
250. Hamilton Ch. W., Americans and Oil in the Middle East, Houston, 1962.
251. Hartner G., Währung und Notenbankwesen Persiens unter besonderer Berücksichtigung der neuesten Zeit, Leipzig, 1932.
252. Higham R., Britain's Imperial Air Routes 1918 to 1939. The Story of Britain's Overseas Airlines, London, 1961.
253. Hinz W., Iran. Politik und Kultur von Kyros bis Reza Schah, Leipzig, 1938.
254. Hüber R., Deutschland und der Wirtschaftsaufbau der Vorderen Orients, Stuttgart, 1938.
255. Ireland Ph. W., Iraq. A Study in Political Development, London, 1937.
256. Kapur H., Soviet Russia and Asia. 1917—1929. A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan, Genewa, 1966.
257. Khadduri M., Independent Iraq. 1932—1958, London, 1960.

258. Khadduri M., Iran's Claim to the Sovereignty of Bahrein, — «American Journal of International Law», vol. 45, 1951.
259. Kirchner I., Der Nahe Osten, Der Kampf um Vorderasien und Ägypten vom Mittelalter bis zur Gegenwart, Brünn, 1943.
260. Kirk G., A Short History of the Middle East from the Rise of Islam to Modern Times, London, 1957.
261. Kirk G., The Middle East in the War, London, 1953.
262. Kochwasser Fr., Iran und wir. Geschichte der deutsch-iranischen Handels- und Wirtschaftsbeziehungen, Stuttgart, 1961.
263. Lagueur W. Z., The Soviet Union and the Middle East, London, 1959.
264. Lenczowski G., Russia and the West in Iran, 1918—1948. A Study in Big-Power Rivalry, Ithaca, 1949.
265. Lenczowski G., The Middle East in World Affairs, Ithaca, 1953.
266. Longrigg St. H., Iraq, 1900 to 1950. A Political, Social and Economic History, London, 1953.
267. Longrigg St. H., Oil in the Middle East, New York, 1961.
268. Lord Kinross, Atatürk. The Rebirth of a Nation, London, 1965.
269. Main E., Iraq from Mandate to Independence, London, 1935.
270. Marlowe J., Iran. A Short Political Guide, London, 1963.
271. Marlowe J., The Persian Gulf in the Twentieth Century, London, 1962.
272. Matine Daftary A., La suppression des capitulations en Perse, Paris, 1930.
273. Melzig H., Resa Schah. Der Aufstieg Irans und die Grossmächte, Stuttgart, 1936.
274. Nollau G., Wiehe H., Rote Spuren im Orient. Persien. Türkei. Afghanistan, Köln, 1963.
275. Page A. R., Russia and her Neighbors, New York, 1927.
276. PalDh., Campaign in Western Asia, Calcutta, 1957.
277. Pirayech P., Persisch-russische Beziehungen zwischen den beiden Weltkriegen, München, 1964.
278. Pozzi J., La France et l'Iran, Paris, 1937.
279. Ramazani R. K., The Foreign Policy of Iran, 1500—1941. A Developing Nation in World Affairs, Charlottesville, 1966.
280. Robinson R. D., The First Turkish Republic, Cambridge, 1963.
281. Root W., The Secret History of the War, vol. I, New York, 1945.
282. Sahebjam F., L'Iran des Pahlavis, Paris, 1966.
283. Shwadran B., The Middle East, Oil and the Great Powers, New York, 1955.
284. Spector I., The Soviet Union and the Muslim World. 1917—1958, Washington, 1959.
285. «Survey of International Affairs. 1926», London, 1928;
 - a) 1928, London, 1929;
 - b) 1930, London, 1931;
 - b) 1932, London, 1933;
 - r) 1933, London, 1934;
 - d) 1934, London, 1935;
 - e) 1935, London, 1936;
 - ж) 1936, London, 1937;

з) 1937, London, 1938;

и) 1938, London, 1939.

286. Sykes Chr., Wassmuss «the German Lowrence». His Adventures in Persia during and after the War, London, 1936.
287. Sykes P., A History of Afghanistan, vol. II, London, 1940.
288. Sykes P., A History of Persia, vol. II, London, 1930.
289. «The World in March 1939», London, 1952.
290. Thompson B. W. I., Iran: 1939—1944, — «Journal of the Royal Central Asian Society», 1945, vol. XXXII, pt. I.
291. Upton J. M., The History of Modern Iran. An Interpretation, Cambridge, 1960.
292. Vernier B., La politique islamique de l'Allemagne, Paris, 1939.
293. Wilber D. N., Contemporary Iran, New York, 1963.
294. Wilber D., Iran: Past and Present, New York, 1948.
295. Wilson A. T., Persia, London, 1932.
296. Wilson A. T., The Persian Gulf, Oxford, 1928.
297. Woodward L., British Foreign Policy in the Second World War, London, 1962.
298. Yaganegi E. B., Recent Financial and Monetary History of Persia, New York, 1934.
299. Yakhontoff V. A., USSR Foreign Policy, New York, 1945.

Литература на турецком языке

300. Armaoğlu F. H., Siyasi tarih. 1789—1960, Ankara, 1964.
301. Esmer A. Ş., Siyasi tarih (1919—1939), Ankara, 1953.

Источники, литература и периодика на персидском языке

302. ابوالحسن احتشامی، بازیگران سیاست، تهران، ۱۳۲۸
303. ابوالحسن بزرگ امید، از ماست که بر ماست، تهران، ۱۳۳۶
304. ابوالفضل قاسمی، تاریخ سیاه یا حکومت خانواده‌ها در ایران، تهران، کتاب سوم
305. ابوالفضل اسنی، طلا سیاه یا بلای ایران، تهران، ۱۳۲۹
306. احتشام اولیا، کتاب ایران و رضاشاه کبیر، تهران، ۱۳۳۰
307. احمد رضوانی، ماجرای آذربایجان از شهریور ۱۳۲۰ تا آذر ۱۳۲۵، بخش یکم، اراک، (۱۳۲۰)
308. احمد علی توکلی، تاریخ روابط سیاسی ایران با دنیا. افغانستان. روابط سیاسی ایران و افغانستان، ۱۳۲۷
309. احمد علی سپهر، ایران در جنگ بزرگ ۱۹۱۸—۱۹۱۴، تهران، ۱۳۳۶

310. احمد علی کسروی، تاریخ هیجده ساله آذربایجان، چاپ سوم، تهران، ۱۳۴۰
311. احمد کسروی، تاریخ پانصد ساله خوزستان، تهران، ۱۳۳۹
312. احمد متین دفتری، کلید استقلال اقتصادی ایران، تهران، ۱۳۰۴
313. احمد نامدار، سلام جناب سفیر کبیر، تهران، ۱۳۴۳
314. امان الله جهانبانی، خاطراتی از دوران درخشان رضاشاه کبیر، تهران، ۱۳۴۶
315. آهن آ. یاد داشتهای زندان، تهران، ۱۹۴۵ (؟)
316. باستانی پاریزی، محیط سیاسی و زندگانی مشیرالدوله (حسین پیرنیا)، تهران، ۱۳۴۱
317. بیان حق اعلامیه فرقه جمهوری ایران، اروپا، ۱۳۰۶
318. بیانیة فرقه کمونیست ایران
319. بزرگ علوی، پنجاه و سه نفر، چاپ دوم، تهران، ۱۹۴۴
320. پرنس ارفع (ارفع الدوله)، ایران دیروز. خاطرات، تهران، ۱۳۴۵
321. تقی ارانی، بشر از نظر مادی، از مجله دنیا، چاپ چهارم، شماره ۵
322. جعفر شاهید، دودمان پهلوی، تهران، ۱۳۲۸
323. چراپیکار در المان توقیف شد، پاریس، نوامبر، ۱۹۳۱
324. حبیب الله مختاری، تاریخ بیداری ایران، تهران، ۱۳۲۹
325. حسن اعظام قدسی، کتاب خاطرات من یا روشن شدن تاریخ صد ساله، جلد دوم، تهران، ۱۳۴۲
326. حسن حلاج، تاریخ تحولات سیاسی ایران (در قرن معاصر)، تهران، ۱۳۷۷
327. حسین پیرنیا، ده سال کوشش در راه حفظ و بسط حقوق ایران در نفت ۱۳۲۱-۱۳۳۰، تهران، ۱۳۳۱
328. حسین مکی، انتقاد و جزوات بازیگران عصر طلازی مدرس، تهران، ۱۳۲۲
329. حسین مکی، تاریخ بیست ساله ایران، جلد ۳، تهران، ۱۳۲۵

330. حسین مکی، دکتر مصدق و نطقهای تاریخی او در دوره پنجم و ششم تقنینیه، تهران، ۱۳۲۴
331. حسین مکی، مختصری از زندگانی سیاسی سلطان احمد شاه قاجار، تهران، ۱۳۲۳
332. داود مؤید امینی، از سوم تا بیست و پنجم شهریور ماه ۱۳۲۰، تهران، ۱۳۲۱
333. داود مؤید امینی، ایران بعد از جنگ، تهران، ۱۳۲۳
334. ذیح الله قدیمی، تاریخ ۲۵ ساله ارتش شاهنشاهی ایران، تهران، ۱۳۲۶
335. رهبر، نهضت انقلابی ایرانیان مقیم اروپا، - «ستاره سبز»، ۱۹۲۹، شماره ۲-۱
336. سعید نفیسی، تاریخ شهریاری شاهنشاه رضاشاه پهلوی از ۳ اسفند ماه ۱۲۹۹ تا ۲۴ شهریور ماه ۱۳۳۰ تهران، ۱۳۴۴
337. عباس اسکندری، تاریخ مفصل مشروطیت ایران یا کتاب آرزو، تهران، ۱۳۲۲
338. عبدالله (امیرطهماسب)، تاریخ شاهنشاهی اعلیحضرت رضاشاه پهلوی، تهران، ۱۳۰۵
339. عبدالله رازی (همدانی)، تاریخ ایران از ازمئه باستانی تا سال ۱۳۱۶ شمسی هجری، تهران، ۱۳۱۷
340. عبدالله مستوفی، شرح زندگانی من یا تاریخ اجتماعی و اداری دوره قاجاریه، جلد دوم، تهران، ۱۳۲۵
341. ع. ص.، «پیکار» چگونه توقیف شد، - «دنیا»، ۱۳۴۳، شماره ۴
342. علی اصغر شمیم، ایران در دوره سلطنت قاجار، تهران، ۱۳۴۲
343. علی بصری، یاد داشتهای رضاشاه که بقلم خود نوشته، تهران، ۱۳۳۵
344. فتح الله بینا، اندیشههای رضاشاه کبیر، تهران، ۱۳۲۹
345. فتح الله نوری اسفندیاری، رشتاخیز ایران. مدارك مقالات و نگارشات خارجی، تهران، ۱۳۳۵
346. متن دفاعی دکتر تقی ارانی در محکمه جنائی، تهران، ۱۹۴۳

- مجموعه قوانین موضوعه و مصوبات ادوار سوم و چهارم قانون 347. گذاری، تهران، ۱۳۱۹
- a) پنجم قانون گذاری، تهران، ۱۳۲۵
- b) ششم قانون گذاری، تهران
- b) هفتم قانون گذاری، تهران، ۱۳۲۰، چاپ دوم
- г) هشتم قانون گذاری، تهران، ۱۳۲۶، چاپ دوم
- д) نهم قانون گذاری، تهران، ۱۳۳۰، چاپ دوم
- e) دهم قانون گذاری، تهران، ۱۳۱۷
- ж) یازدهم قانون گذاری، تهران، ۱۳۱۹
- 3) دوازدهم قانون گذاری، تهران
348. مجید یکتائی، تاریخ دارائی ایران، تهران، ۱۳۳۵
349. محمد خان ملک (یزدی)، ارزش مساعی ایران در جنگ، تهران، ۱۳۲۵
350. محمد رضا خلیلی، وقایع شهریور، تهران، ۱۳۲۱
351. محمد رضا خلیلی عراقی، حقایق شهریور، تهران، ۱۳۲۴
352. محمد رضاشاه، مأموریت برای وطنم، تهران، ۱۳۴۰
353. محمد زاده، سرمایه‌های خارجی در ایران، — «ستاره سرخ»، ۱۹۲۹ شماره ۶—۵
354. محمود فرهاد معتمد، تاریخ روابط سیاسی ایران و عثمانی، تهران، ۱۳۲۶
355. مردان خرد ساخته، زیر نظرخواجه نوری، تهران، ۱۳۳۵
356. مصطفی فاتح، پنجاه سال نفت ایران، تهران، ۱۳۳۵
357. مقتدر، کلید خلیج فارس، تهران، ۱۳۳۳
358. ملک الشعراء بهار، تاریخ مختصر احزاب سیاسی ایران، تهران، ۱۳۲۳
359. منصور بدخشانی، ایران در شهریور ۱۳۲۰، تهران، ۱۳۲۱
360. مهدی فرخ، خاطرات قیاسی فرخ «مصتعم السلطنه» شامل تاریخ پنجاه ساله معاصر، تهران [۱۹۶۸]
361. مهد یقلى هدایت‌مخبر السلطنه، خاطرات و خطابات، توسعه از تاریخ شش پادشاه و گوشه از دوره زندگی من تهران، ۱۳۲۹

362. مهدی گیانفر، سیاست امریکا در ایران، تهران، ۱۳۲۸
363. مهدی گ.، مسئله مستشاران در مملکت پهلوی، — «ستاره سرخ»، ۱۹۲۹، شماره ۶—۵
364. میر حسین یکرنگیان، گلگون کفنان. گوشه‌ای از تاریخ نظامی ایران، تهران، ۱۳۳۶
365. نصرالله شیفته، رجال بدون ماسک ایران، تهران، ۱۳۳۱، جلد دوم
366. نور زاده بوشهری، فلات‌قاره جزایر خلیج فارس. اسرار سیاسی نفت ایران، تهران، ۱۳۳۸
367. وحید مازندرانی، راهنمای عهد و عهدنامه‌های تاریخ ایران، تهران، ۱۳۴۱
368. یحیی دولت‌آبادی، تاریخ عصر حاضر یا حیات‌یحیی، جلد چهارم، تهران، ۱۳۳۱
369. اطلاعات
370. اقدام
371. ایران
372. پیکار
373. تجدد
374. تهران مصور
375. دنیا (مجله)
376. سالنامه پارس
377. سالنامه دنیا
378. ستاره ایران
379. شفق سرخ
380. طوفان
381. کاوه
382. کوشش
383. گلشن
384. مجله اطاق تجارت
385. مردم (مجله)

Предисловие	3
Введение	7
Глава I. Достижение политической независимости (1925—1928)	19
Экономические и политические преобразования в Иране	19
Внешняя политика Ирана накануне отмены капитуляционного режима	47
Иранская дипломатия в Лиге наций	47
Развитие ирано-советских отношений	53
Отношения Ирана с сопредельными странами Востока	70
Проблемы англо-иранских отношений	88
Иранская дипломатия в борьбе за ликвидацию капитуляционного режима	112
Глава II. На путях экономической независимости (1929—1933)	135
Иран и мировой экономический кризис	135
Деятельность иранской дипломатии по осуществлению протекционистских мероприятий	156
Ирано-советские торгово-экономические отношения	156
Иран и западные державы: нефть и антикоммунизм	166
Укрепление международного положения Ирана	197
Иранская дипломатия на международных конференциях	197
Борьба за Персидский залив	207
Ирано-советские политические отношения	217
Укрепление отношений с сопредельными странами Востока	236
Глава III. На перепутье (1934—1941)	236
Внутреннее и международное положение Ирана	250
Внешняя политика Ирана накануне второй мировой войны	250
Иранская дипломатия на международной арене. Борьба за расширение юрисдикции Ирана в Персидском заливе	250
Иран и великие державы. Отход от принципов национальной политики	260
Иран и Саадабадский пакт	286
Иранская дипломатия в начале второй мировой войны	304
Библиография	344

Семен Львович Агаев

**ИРАН: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ
1925—1941 гг.**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения Академии наук СССР*

Редактор С. В. Полтавская
Технический редактор М. А. Полуян
Корректоры В. В. Воловик и Н. Б. Осягина

Сдано в набор 5/VII 1971 г. Подписано к печати 5/X 1971 г.
А-08480. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 11,25. Усл. печ. л. 18,9
Уч.-изд. л. 20,09. Тираж 2900 экз. Изд. № 2672. Зак. № 742. Цена 1 р. 32 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

1 p. 32 k.